

Федорович Василий Сергеевич

Белые шнурки

Содержание

От автора	3
Глава 1. Узник совести или Мое первое уголовное дело.....	4
Глава 2. Еврей посмертно.....	9
Глава 3. Кто они.....	16
Глава 4. Стрелка	24
Глава 5. День из жизни	31
Глава 6. Гук–общаги	40
Глава 7. Прирожденные.....	47
Глава 8. Предел.....	55
Глава 9. Уровни преступности.....	63
Глава 10. Старое–доброе ультранасилие	72
Глава 11. Фольксштурм. Цветы зла.....	81
Глава 12. Прямое действие. Наука побеждать	89
Глава 13. Прямое действие. Боевое ремесло	99
Глава 14. Добрыня Израилевич Штрайхер.....	114
Глава 15. РНЕбс.....	124
Глава 16. Околополитика	133
Глава 17. Плохой алкоголь и плохая жизнь	143
Глава 18. Ренегат	152
Глава 19. Хорошая новогодняя история	161
Глава 20. Злая новогодняя история	168
Глава 21. Для белой и гордой.....	175
Глава 22. Тот, кто носит медный щит	184
Глава 23. Тайна Железного Гомосека	192
Глава 24. Миф XXI века	201
Глава 25. Белые шнурки	208
Глава 26. Про арбузы и Копилку	216
Глава 27. Лекарство от любви.....	223
Глава 28. Без правил.....	235
Глава 29. Вершители судеб	250

От автора

Люди, знающие меня давно, неоднократно говорили мне, что многое из того, что я люблю рассказывать в хорошей компании, должно быть записано. Сложно сказать что побудило меня начать публиковать многое из практики – наверное то, что мир изменился.

В этой рубрике будет много историй – смешных, страшных, нелепых и разных. Произошло это все в самом начале 2000-х годов, с разными людьми, с кем меня сталкивала судьба. Что-то из этого я слышал, что-то видел, в чем-то принимал участие лично. Написать могу наверное процентах так о тридцати от того что мог бы, но есть причины многое не доверять публичной печати, хотя время наступит и для этого материала.

Для читателей мелочных и вредных поясню сразу, что во-первых нельзя ставить знак равенства между автором и лирическим героем. Когда я пишу именно про себя, я пишу от первого лица, все остальное может являться чем угодно. Во-вторых, я умышленно изменяю некоторые детали повествования, и могу очень вольно обходиться с героями моих сюжетов. Любое вмешательство в реализм повествования не случайно: если так написано то значит так надо. Лицам еще более мелочным, склонным лично меня обвинять в тех или иных злодеяниях, экстремизме и фашизме, напомню, что я всегда был маленьким, слабым и интеллигентным, и никак не хотел и не мог принять участие в описанных событиях. Косвенно в пользу этого же говорит тот факт, что времени прошло с тех пор гораздо меньше, чем за такое положено сидеть.

Не менее несостоятельными будут и обвинения меня в очернительстве Светлой Правой Идеи и уж тем более русофобии – я националист что написано в дисклеймере, а антифашизм считаю явлением, рядоположенным с прогибиционизмом и педерастией.

Так уж вышло, что на определенном этапе через мою практику прошла масса дел с участием представителей праворадикальной общественности, и накопилась масса любопытных наблюдений за данной средой, ее представителями и проявлениями.

Этим объясняется несколько отстраненный тон повествования, а равно отсутствие националистического пафоса и характерной для многих авторов «оттуда» предвзятости. Взгляд на жизнь у меня довольно глумливый, и там где кто-то увидит героизм и идею, я вижу то что вижу.

Не знаю, насколько моим читателям понравится приступ графомании, но дневник пишется в первую очередь для себя, так что пусть будет. Кому сей жанр кажется неинтересным и унылым, под кат может просто не ходить и эти записи пропускать.

Глава 1. Узник совести или Мое первое уголовное дело

Говорят, что судьба никогда не допускает случайностей, и если что-то происходит, то значит у этого есть свое предназначение. Если бы кто-то сказал мне, что скука и безделье, приведшие меня в тот день в центр города Екатеринбурга, определяют мою жизнь совершенно не в том ключе, какой я ее себе видел (а видел я себя тогда юристом-корпоративщиком), на многие годы – я бы сильно удивился.

Погожим летним днем, я, на тот момент студент третьего кажется курса Института Права и Предпринимательства УрГЮА, лениво шлялся по центру города, когда меня окликнул возле подземного перехода смутно знакомый по спортзалу паренек парой лет младше меня. Обернувшись, я увидел группу характерного вида молодых людей явно праворадикального вида, не обремененных ни интеллектом, ни красотой, ни жизненным опытом. К тому моменту о такого рода жизненных явлениях было полное представление, и в силу личных достижений и специфического околоспортивно-околофутбольного круга общения имелись достаточные основания полагать себя персоной, заслуживающей в глазах этой публики всяческого уважения.

– Василий!!! Юрист!!! – окрик со стороны окончательно заставил меня убедиться, что обращались именно ко мне.

В глубине подземного перехода перед моими глазами предстали пять или шесть юношей в легком весе и две очень страшные девочки, даже для тех диких и прекрасных времен покрытых невообразимым количеством палева. В дешевые отечественных берцы двоих мальчиков были вдеты грязные когда-то белые шнурки, на рукавах сомнительного вида бомберов красовались разнообразные наклейки, нашивки и значки. В целом вид каждого из них выглядел так, как если бы какой-то либеральный правозащитник для целей наглядной агитации изготовил поставил на видное место чучело скинхеда, пару лет его там продержал, потом за обветшанием выкинул на помойку, а ужасная креатура оттуда вылезла и зажила собственной жизнью. Если быть кратким, то похожи они были на карикатурную помесь панка, говнаря и скинхеда, и я воздал хвалу всем богам что лично у меня хватало ума не выглядеть так никогда, как и миловали меня боги от такой юности.

– ...Юрист!!!! Приветствую! – Мой знакомый из спортзала подтолкнул ко мне двоих колоритных граждан. – Тут проблемы у ребят, видимо по твоей части.

– Ну привет! Ты кто такой будешь? – Присмотревшись, я увидел что моему собеседнику лет очень, очень мало. На меня грустно смотрели большие глаза, прыщи и огромные, с розовыми прожилками оттопыренные уши, а носитель их явно не только ходил в среднюю школу, но и явно был далек от ее окончания.

– Бля, тут это... еб твою мать! Короче тут проблемы у нас с мусорами! – Надтреснутый голос П., как звали моего собеседника, поведал мне печальную историю.

Лет ему было 15, и в Движении скинхедов П. состоял две недели, но карлотой с его слов уже не являлся. Более того, со своим другом чуть постарше по кличке Чека они основали собственную бригаду, которую я и имел счастье наблюдать. Промышляли они двумя видами промысла: ловлей и грабежом неформально одетых школьников, и вандализмом, выраженным в порче общественного имущества разными надписями и рисунками. Чувство прекрасного П. и Чеки никак не позволяло пройти им мимо чистой стенки, целой автобусной остановки или чего угодно, что можно быстро испачкать, испортить или сломать. Белые шнурки, на которые я обратил внимание, были со слов обоих заработаны ими в цыганском поселке, причем единственным свидетелем акции П. был Чека и наоборот. Я сразу попробовал себе представить щщи своего тогдашнего спарринг-партнера Г., который из тех шнурков мог связать себе занавесочку или шарфик, но не стал, дабы не расстраивать моих собеседников и не портить Г.. развлечение, когда бы он их повстречал и стал задавать вопросы.

Проблемы же с мусорами сводились к страшному: на Чеку лежало заявление у участкового по поводу хулиганства и мелкого вандализма в подъезде. Кроме того, П. и Чека были задержаны сотрудниками милиции прямо на улице. Оценив масштабы катастрофы, помнится я велел помыть подоконник от проявлений пробуждающегося в душах Чеки и П. национального самосознания, а участковому унести коньяк и две пачки бумаги, ну и впредь не гадить. Окончился тот наш разговор тем, что я предусмотрительно оставил обоим свой номер телефона, сделав вывод что юридические услуги им скоро понадобятся. Еще меня позвали вступить к ним в бригаду, но от столь щедрого предложения я трусливо отказался.

У читателя может возникнуть вопрос: а какого черта я вообще вступил в переговоры с подобными существами, да еще и телефон свой оставил? Тут стоит пояснить, что работать по специальности я начал пытаться одновременно с поступлением в Юридическую академию, одновременно постигая академическую науку с проявлениями ее на практике. Так как работы для «специалиста» первого, а также второго курса по специальности в общем мало, то тогда я брался вообще за все: начиная от бесплатной работы помощником юриста и курьером и заканчивая абсолютно дикими и случайными приработками, без зазрения совести представляясь студентом 4 курса. Разницы никто не замечал, ибо сказано мудрыми: «Окончив ВУЗ и поступив на работу, забудь все, чему тебя учили!». Эта практика сказалась благотворно и учебе: в отличие от прочих студентов на специальных предметах было доподлинно известно, что нужно учить и зачем.

С эпической встречи прошла неделя ровно, и у меня раздался телефонный звонок. Звонил какой-то мужик, и больших усилий стоило мне разобраться откуда он взялся.

Это оказался отец П., и рассказал он мне вот что. Двумя днями ранее его сын «с друзьями» гуляли по городу в компании двух скин-проблядей регионального масштаба Кис Белой и Черной, о которых я еще как-нибудь расскажу. В процессе прогулки им встретился атлетичного вида парень в широких штанах и на велосипеде с рюкзаком. Одна из Кис порвала у него на шее бусы, спровоцировав конфликт, после чего все остальные быстро оставили его без материальных ценностей: плеера, велосипеда, и еще какой-то дряни, сопроводив изъятие средним количеством пиздюлей. Позднее я видел терпилу, и при встрече дал ему добрый совет: враг не имеет пола и возраста! Если бы он не вступил в сепаратные переговоры с говном, то простой подачей Кисе в голову легко мог бы переломить ситуацию в свою пользу. Но вышло как вышло; и очень скоро нагруженные награбленным защитники белой цивилизации отступили практически через весь город, в парк «Зеленая роща». Где случилось странное явление: внезапно из кустов выехала машина ППС и приняла всю компанию в главе с П. которому подлая Киса вручила рюкзак, похищенный у терпилы. Действия П. и компании квалифицировали как разбой, и поехал П. на централ на малолетку отбывать меру пресечения в виде заключения под стражей. Отец П. нашел у него мой телефон, и, не представляя сколько мне лет, слезно умолял спасти кровиночку.

Над его предложением размышлял я секунды три, и согласился. Размышления носили примерно следующий характер: если справлюсь, то буду молодец и сработаю на репутацию, а П. сядет все равно, рано или поздно. А если нет, то это человека жалко, а П. – ни капельки. В конце концов тренируются же будущие врачи на кошках и собаках, а П. чем хуже? П. был даже лучше, потому что кошек и собак я люблю, а мудаков нет. Из ресурсов были у меня на тот момент лишь следующие:

- многолетний опыт общения с работниками прокуратуры и знание того как работает эта система из наблюдений за отцовской работой;
- собственная голова
- учебник уголовного права и зверская выучка судьи Г.Ю. Грозных, которая до такой степени вбивала в студентов Общую часть уголовного права, что по сию пору могу расписать состав любого преступления, не заглядывая в теорию вообще, строго доктринальным методом.

Денег у отца П. не было, а адвокат в деле участвовал только законный, запомнившейся мне предложением отцу П. заплатить 250 000 рублей, ему если П. получит срок, чуть больший чем предусмотрен квалификацией.

С такой вводной я решил сыграть в свою любимую игру «эксцесс исполнителя». Собрав всех наших участников драмы на пустыре и прихва-

тив для наглядности в качестве переводчика с юридического языка на понятный авторитетного скинхеда Г., коего знал по спортзалу, при помощи большого количества мата и пиздюлей из показаний участников на свет родилось следующее. Так как никто ни о чем не договаривался, то подлая Киса по своей инициативе разбила терпиле ебло, тот бросил вещи, а мой П. их подобрал. Разделив применение насилия (а опознать терпила не смог никого) с хищением имущества, из группового разбоя я сделал чистый грабеж, в придачу совершенный П. единолично, по поводу чего тот написал чистосердечное признание и раскаялся. Тем временем отец П. примирился с терпилой, и после суда, который был осенью, наш герой вышел на свободу с условкой, причем очень мелкой.

Но вернемся назад, к событиям того лета, которое П. провел на централье. Пока мы с Г. дрессировали чудесную «бригаду», меня стали терзать смутные сомнения. Природа их была такова, что по всему выходило, что милицию вызвал кто-то из «бригады». В деталях представляя себе работу ППС, я иначе не мог объяснить феномен внезапного появления машины строго по их душу. Материалов для подозрений добавил Чека, у которого я как-то спросил, при каких обстоятельствах их первый раз приняли. То, что я услышал, было настолько прекрасно, что этот рассказ я запомнил дословно: «Иду я значит по улице. Вдруг вижу – мусора едут! Меня видят, сажают внутрь. Еду я на ППС по району, а там П. идет! Ну они почему-то остановились и его тоже приняли!». От услышанного охуели все, и очень скоро смутные сомнения терзали не только меня, так как выяснилось, что перед принятием П. Чека отходил в кусты с целью позвонить. На этом я общение и свое участие в судьбе Чеки завершил, а вот дальнейшие события до сих пор вызывают у меня мурашки по коже.

Пару дней спустя за Цирком стала собираться характерного вида молодежь. Были все: представители «основы», крупная местная бригада, просто отдельные представители разных объединений. Тем у сходняка было две:

- мелкая междоусобица между двумя бригадами, завершившаяся дракой и примирением
- замусоренность Чеки, обвиненного в стукачестве бытовом обыкновенном.

Заслушав доводы сторон, общественность пришла к выводу, что клянувшийся мамой, А. Гитлером и пацанскими понятиями Чека должен продемонстрировать свою невиновность, а для этого – лично найти суку и сдать ее общественности.

Будучи человеком предприимчивым, Чека обвинил в стукачестве своего же соратника, коему был должен денег. Для изобличения вины было произведено дознание: 17-тилетнего соратника увели на заброшенное кладбище и били до тех пор, пока он не сознался. После успешного завершения расследования обвиняемый был забит до полусмерти, кое-как вы-

полз с кладбища, был доставлен в больницу и умер, не приходя в сознание. В убийстве приняло участие 6 человек, среди которых отметилась и девушка П., Оля. Преступление было раскрыто где-то через неделю после того, как П. вышел из СИЗО, и через две недели ее забрали прямо при нем – и отправили в СИЗО и далее по этапу, вот за это и еще одно убийство, про которое я обязательно как-нибудь расскажу. Из всех героев этой истории жаль мне пожалуй именно ее и ее родителей: она была виновата только в том что дура. Та самая судьба, с разговора о которой я начал этот рассказ, распорядилась так, что шестнадцатилетняя дура стала спать не с тем. Ее три пинка ничего не решили ни в одном из убийств, но пошла она вместе со всеми – организованной группой, и получила что-то около 7 лет лишения свободы. Примечательно, что если остальные члены ее группы начали сдавать друг друга еще в патрульной машине, то Олю не смог расколоть весь УБОП с их методами, включающими очень интенсивное дознание. Она так и осталась в отказе, не признав свою вину. Уже не помню, то ли она освободилась, то ли должна освободиться, но в целом похоже что те две недели с ее П. стали для этой девочки самыми яркими романтическими воспоминаниями на все последующие годы. Вот такая любовь... На П., несмотря на всю примитивность его душевной организации, ситуация, когда забрали Олю произвела сильное впечатление. Узнав о ее приговоре он сломался, стал пить, прекратил посещать комиссию по УДО, совершил еще какое-то преступление, и выбитую для него великими усилиями условку отправился сидеть реально. Таким образом лично мою работу он похерил чуть менее чем полностью.

Участь Чеки была, пожалуй, поучительной. Сей трусливо-ссученный субъект попал в СИЗО уже совершеннолетним, в отличие от всех остальных, и до такой степени преуспел в деле сотрудничества со следствием, что радостно принял на себя максимум возможного, существенно утяжелив сроки остальным. Организованную группу изобличили именно с его показаний. Сам Чека порадовал всех следующим подвигом.

Больше всего на свете он боялся кары за «ссученность», из-за которой он и пошел на убийство. Этот страх терзал его изо дня в день, из-за чего любой взгляд сокамерников превращал его жизнь в пытку. Хилый, неопрятный и с крысиной мордочкой, Чека жил чуханом, пока в один прекрасный день неведомый кавказский мужчина не отправился к параше справлять малую нужду. В этот момент демоны трусости окончательно победили в нем разум, и он цепко ухватил за хуй ссущего сокамерника с криком «Не надо меня ебать!». На тюрьме как известно за косяки хуем не наказывают, но тут был случай самодеятельного объявления педерастом, старательным и добровольным. Так и сгинул Чека в петушином углу, и не был бы достоин дальнейшего упоминания если бы не последний штрих: так как сотрудничество с администрацией он продолжил, а умнее не стал, то при неизвестных мне обстоятельствах ему отрезали язык.

Глава 2. Еврей посмертно

Эта история началась примерно тогда же, когда развивалась прошлая – как раз когда мой первый клиент П. украшал своей персоной следственный изолятор. Однажды мне позвонил друг С., и это был первый телефонный звонок в моей жизни такого содержания.

– Вась, у меня беда. Друга убили.

Несколько охуев, через несколько секунд разговора я понял что речь шла о нашем общем знакомом, продавце дисков в музыкальном магазине по имени Андрей. Я знал его так себе, а вот С. с ним вполне дружил. С. было по-настоящему плохо, и как-то удивительным образом в тот момент и мне показалось, что и для меня Андрей был чем-то дорог, хотя по совести говоря знакомство с покойным у меня было крайне поверхностное.

Пожалуй тут следует сказать несколько слов о С., который примет самое непосредственное участие в нашей истории. С. был около-правым субъектом моих лет, выше 190 росту и астенического телосложения. Со стороны казалось, что видом С. напоминает жердь, но сделан он был из одних сухожилий, так как уже на тот момент был КМС (а вскоре стал и МС) по альпинизму и несколько раз подтягивался на пальцах любой из рук. Дрались мы с ним неоднократно, и могу с чистой совестью сказать что противником С. был сложным и неприятным. Проблема заключалась не в длине рук и физической форме, а исключительно в полной отморозенности и похуизму С. к своей и чужой жизни, которыми он успешно компенсировал как недостатки техники так и массы. При этом в берсерка он не превращался никогда, и дрался очень сосредоточенно и хладнокровно. По-знакомились мы с ним в широко известном в узких кругах месте на втором этаже гастронома на Ленина–Толмачева, не помню как обменялись контактами, а когда я позвонил С. через неделю с целью позвать на какое-то спортивное мероприятие, то трубку взяла его мама. Которая рассказала мне что С. находится в реанимации, куда попал из электички, когда в компании своего друга и девушки зацепился языками с компанией деревенских дембелей. Никто не понял как так вышло, но в итоге он первый прыгнул на весь коллектив, и с поезда поехал в реанимацию, причем со стороны оппонентов туда поехали двое, одному из которых С. помимо прочего что-то прокусил. Таких историй с участием С. и его друзей я слышал великое множество, а кое-что и наблюдал. При этом человек он очень надежный и один из немногих действительно приличных людей, с кем познакомился за этот период вокруг правых тем. Несмотря на явное сочувствие правым темам, С. всегда был где-то чуть в стороне, не принимая участия в «бригадах» и уж тем более политике, ограничив свое участие разнообразными проявлениями насилия и жестокости.

И вот теперь возникла ситуация, при которой гибнет Андрей – его друг. Слушая С. я мысленно прокручивал варианты развития ситуации,

начиная с жалоб на бездействие следствия и заканчивая возможной работой с потерпевшими. Однако в голове у моего друга были совсем другие планы, которые начинались с собственного расследования обстоятельств гибели Андрея, чем мы с ним и занялись. Это тоже стало для меня хорошим уроком.

Подняв связи, выяснить удалось примерно следующее. Примерно три месяца назад в городе объявился некий господин, взявший себе звучное прозвище «Адольф». Вообще редчайшее исключение, когда сколько-нибудь громкая кличка принадлежала человеку достойному, а так это практически железный принцип: как встретишь Гитлера, Карателя СС-88 и прочих страшных личностей – 88% что окажется пидор и уебан. Господин Адольф успел до описанных событий посидеть на малолетке, кажется за наркотики; и до карьеры скинхеда успешно приторговывал анашой у себя на районе. Сложно сказать что именно заставило его себя почувствовать честью и славой расы и нации, но однажды он решил что отныне он есть Адольф, великий скинхед и лидер бритоголовых. Порывшись в памяти я даже вспомнил что как-то видел его, едва ли не в компании соратников П.: камуфляж, 185 росту, довольно увесистый такой парень с характерной бритой рожей.

Никогда бы не подумал, что окажется таким дегенератом: по сравнению с прочими вид он имел в принципе нормальный. Собрав вокруг себя некоторое количество малолеток, Адольф занялся привычными делами: грабежом малолеток, избиением прохожих и разбойными нападениями. С последним форматом акций Адольфу принадлежало своеобразное ноу-хау: если вечером прилично одетый прохожий был с темными волосами, то он объявлялся хачом. Если же внешность на хача не годилась, то значит бригада спасала Россию от жида, поскольку русский человек поздно вечером мимо Адольфа не ходит и ценных вещей при себе не имеет. Логика, по которой Адольф стал лидером, примерно соответствует тому, как у крыс самый здоровый и жестокий самец становится «крысиным королем»: никаких прочих предпосылок для этого у него не было. Из этого следовали проблемы: даже абсолютно близкая Адольфу по духу бригада, названная в честь одного из этажей панельной высотки его не уважала, не говоря уже о серьезных людях. Сложно сказать насколько это беспокоило его, но одно известно точно: активность его люди проявляли чрезмерную даже, стараясь количеством «акций» компенсировать их уебищность и общее качество исполнения.

Тут-то и попался ему Андрей. То, что с ним случилось, пожалуй соединяет самые худшие стороны пацанских «понятий» с характерным кровавым почерком скинхедов. Однажды к нему в музыкальный магазин явился Адольф со свитой, которые сообщили, что отныне Андрей должен Адольфу денег, так как якобы тот плохо отозвался о девушке Адольфа. Для разбора ситуации была забита «стрелка» у музыкального магазина,

куда Андрей пришел один. Убедившись, что денег он не принес, Адольф и компания увели его опять—таки на заброшенное кладбище, где толпой забили насмерть.

Удары наносили все, а в финале Адольф и еще один тип содрали с одной из могил металлический крест, и несколько раз воткнули его в убитого, практически отделив голову от туловища. Я видел тело Андрея — нижняя челюсть у него отсутствовала, будучи практически размозженной вместе с нижней частью черепа и горлом. Зачем Адольф это сделал я не знаю: напрашивается только вывод о некой акции устрашения, видимо должной способствовать укреплению авторитета и личного веса Адольфа в этой тусовке.

Наступил день похорон Андрея. Мы с С. отправились туда с разными целями: С. почтить память друга, а я — осторожно допросить мать покойного и понаблюдать за ситуацией. Когда мы явились на место скорбной церемонии, меня совершенно поразил контингент там собравшийся: это была какая-то чудовищная выставка сатанистов, говнарей, неформалов и прочего отребья, которое язык не поворачивается назвать иначе, как «неуподоблюсь», следуя терминологии, введенной в обиход признанными знатоками оных «грибными эльфами». Ни одного человеческого лица не предстало перед нашими глазами, а было видно исключительно уродливые рожи, хари, ебальники и еблища, хранившие печать веществ, деградации и вырождения, в придачу одетые не на похороны, а как на концерт. В открытом гробу лежал покойный, а на том месте где бы положено было быть нижней челюсти, красовалась кокетливо повязанная ленточка с какими-то православными надписями. Даже в таком виде Андрей выглядел куда лучше, чем коллектив, явившийся провожать его в последний путь. Довершала картину мать убитого и знакомый всему сектору унылый УБОПовец с видеокамерой с МВД—ТВ.

Добравшись до храма, где было отпевание, выяснилось, что большая часть этого сброда в церковь заходить не собирается по идеологическим причинам. Так мне и запомнились эти похороны: мы с С., погожим осенним днем повсеместно таскающие гроб и закапывающие могилу.

Рассказ о похоронах не заслуживал бы места в этой истории, если бы похороны не получили очень неожиданное развитие. Проанализировав события, мудрые сотрудники милиции решили, что убийцами Андрея являемся... мы с С. Так в довольно юном возрасте мне довелось погулять под весьма доставляющей 105-й. Чем думали сотрудники милиции мне неизвестно: не иначе как пересмотрели фильмов про итальянскую мафию. Не даром сказано о них мудрыми: «Тот, кто носит медный щит, тот имеет медный лоб».

Ситуация сложилась замечательная: с одной стороны, погиб человек которому мы симпатизировали, а с другой нас же в его убийстве пытаются обвинить. Сюрреализм происходящего был таков, что с подобным я не

сталкивался больше нигде. Причем самое любопытное, что шансы быть назначенным виноватым за чужое преступление были достаточно приличные, что, в общем, произошло с фигурантом небезызвестного «дела Макарова» в 2009 году. Максимальную пользу извлек бы из этого естественно Адольф, который после описанных событий даже приобрел определенного рода известность в правых кругах.

Правда по поводу события ему стали задавать вопросы: а что же идейно ценного было в убийстве Андрея со звучной украинской фамилией и совершенно славянской физиономией? Тут Адольф воспользовался собственной методикой, описанной выше: посмертно объявил Андрея евреем. Позднее это решение имело неожиданный и сильный эффект.

Думаю читатель уже догадался, что на данной стадии дела речь шла о том, кто успеет первым: либо Адольфа и компанию найдет милиция, или его найдет С. Первой успела милиция.

Признательные показания они стали давать сразу же. Все, кроме девушки моего клиента П. Оли: та тоже приняла участие в убийстве Андрея, но расколоть ее так и не удалось. Как она там оказалась? От скуки. Пока П. сидел в тюрьме, то от нечего делать и потусоваться она гуляла, и развлечения ради приняла участие в прогулки со знакомыми ребятами до Михайловского кладбища.

Это был первый действительно массовый процесс с участием скинхедов в регионе, и усилиями Чеки, который как раз успел сесть за свой эпизод, и активно давал показания, в деле было около 15 фигурантов возрастом от 12 до 20 лет. Сроки эта публика получила весьма серьезные: по группе Адольфа самый тяжелый приговор был по-моему 17 лет, а сам он получил 10 полностью раскаявшись и признав вину, то есть сидит он все еще, как и большинство его соратников. Величина сроков объясняется тем, что за группой тянулся длинейший хвост уличных преступлений.

Но возник вопрос: как из деятельности Адольфа сделать именно политическое преступление? Грабили они бессистемно, да и убили по сути случайно. Камуфляж и бритую голову к делу не пришьешь, и заинтересованные лица воспользовались адольфовской же методикой: объявили Андрея евреем. Одновременно с этим у матери покойного появились какие-то мутные личности из еврейской общины, также видимо заинтересованной в резонансном проявлении антисемитизма. По-моему они ей предложили какие-то деньги, и так, при мне отпетый в православном храме и похороненный под православным крестом Андрей с украинской фамилией и очень верующей православной мамой посмертно стал евреем, причем как следовало из некоторых публикаций, евреем верующим. Один из заголовков так и гласил: «Звезда Давида, принеся смерть».

С. по этому поводу ругался матерно, но, обсудив ситуацию под коньяк, мы пришли к выводу, что осуждать мать покойного все-таки не будем.

Преступление попало во всевозможные списки и календари экстремистской преступности, но у меня большие сомнения в том, что Адольф и его друзья вообще пригодны для помещения их в список экстремистов.

Откуда вообще берутся такие как Адольф, Чека и отчасти П.? Как правило начинается их история с того, что некий гопник обнаруживает, что никто его не уважает, девочки не дают а сверстники смеются. В такой ситуации для изначально агрессивного и примитивного создания неуловимые правые банды, овеванные легендами и обильным кровавым следом, становятся отличным примером для подражания. Даже откровенно гопнические в те годы «Зибеншток» по сравнению с Адольфом являли зрелище весьма благообразное, а бойцы и лидеры таких формаций в молодежной среде были всегда успешны. Их не особенно любили, но всегда боялись. Сейчас той же бедой страдает околофутбол, когда множатся по окраинам «молодые фирмы без названия» на паленом китайском Лакосте и белых тапках.

Преступность Адольфа, Чеки и некоторых прочих граждан носила явно подражательный характер. Из лексикона моего отца хорошо помню термин «собачьи бригады», которыми он называл идущих к успеху в 90-е реальных пацанов, строившим свою жизнь с успешных бандитов. Им принадлежали масса бессмысленных и жестоких действий, а финалом становилась пуля или камера. Так вот, как нормальные ОПГ никогда не признавали беспредельщиков, так и праворадикальная среда скорее отторгала таких как Адольф, потому что на моей памяти из этой публики никто в итоге не поднялся. Если в принципе правая среда является очень неплохой школой жизни, то существование таких формаций как у Адольфа точно являлось путем в один конец. Даже случайно оказавшиеся рядом с ними люди имели все шансы получить длинный срок.

Из личного общения с подобной публикой, а его хватало, вынес для себя два простых правила. Во-первых чтобы не разделить судьбу Андрея нужно было ставить себя так, чтобы боялись сильнее тебя, а не их. Для этого нужно иметь возможность и при малейшей необходимости применять окрик, силу, нож и помнить, что то, что ты юрист, никак не может тебе помочь в случае конфликта. А во-вторых, лучше всего при общении с подобными работает принцип «бей своих чтоб чужие боялись», то есть идеальным вариантом является например превентивно применение пиздюлей к данному контингенту. Не могу сказать что тюремно-армейский стиль общения с аудиторией сильно способствует профессиональному росту, но выученные тогда приемы и средства коммуникации сильно выручают меня в конфликтных переговорах и по сей день, когда собеседники включают режим «по понятиям».

Чтобы попрощаться с большинством героев этих сюжетов, расскажу еще одну короткую историю про моего первого клиента П.

Той осенью, когда активно взялся за специфическую уголовно–правовую практику, моя будущая супруга подрабатывала в рекламном агентстве промоутером, поскольку ее Институт прокуратуры иные формы трудовой деятельности не позволял по времени. Рекламные агентства в принципе отличаются отношением к сотрудникам как к рабам, пользуясь текучкой кадров, что я оценил когда подрабатывал в таком супервайзером на своей машине (что–то вроде надсмотрщика или капо над промоутерами). Промоутера можно выгнать и заплатить сколько не жалко, а не сколько заслужил; не заплатить совсем а иной раз еще и оставить должником, если правильно поставить вопрос об ответственности за промоматериалы. Любочка среди промоутеров была «белой костью», поскольку занималась тогда водкой, на которой делались в принципе неплохие деньги.

И вот однажды ее постигла традиционная для промоутеров участь: ей отказались платить. Сумма была не большая, но и не маленькая, несколько тысяч рублей. Агентство было то самое, где я когда–то пробовал работать супервайзером. Заведовала им отвратительного вида свинообразная девушка лет 25, со страшностью которой могла конкурировать только ее жадность. Сказать по правде мысль идти с ней ругаться мне не нравилась совершенно.

Я как раз грустно обдумывал свои коллекторские действия, когда ко мне во двор зашел П. – что–то обсудить по поводу своей Оли, которая отмечала месяц в женском СИЗО на Елизавете. После того, как П. вышел из тюрьмы, изменился он сильно. Чуть раздался в плечах, покрылся немислимым количеством наколок на видимых частях тела, причем преобладали свастики и символика СС. Лицо его утратило всяческие намеки на детство, и приобрело устойчивую печать мест не столь отдаленных. Речь, и ранее состоявшая из мата, после полугода с малолетками в камере стала очень яркой и образной, а бугристый лысый череп приобрел несколько заметных шрамов. Одеваться он стал гораздо лучше чем раньше, и теперь камуфлю и нашивкам предпочитал черный бомбер, когда–то голубые джинсы и не первой молодости тяжелые ботинки. С рук не сходили шрамы на костяшках, а движения приобрели характерную резкость. Тюрьма удивительным образом в целом пошла на пользу П., сделав из него именно того, кем он хотел быть – скинхеда–пехотинца.

Обсудив с П. положение дел с Олей, я вдруг понял, для чего мне сегодня пригодится П. И отправились мы с ним в рекламное агентство, выручать Любочкины деньги.

...Под дверью в большом офисном здании была длинная очередь из подростков, желавших трудоустроиться. Девочки страшно хотели понра-

виться, мальчики – казаться старше, чтобы их взяли, а П., угрюмо окинув взглядом сборище, метко плюнул в плакат с рекламой, и неторопливо продолжил рассказываемую им историю: «Ну, и вот, бля. Откинулся я в октябре, и со справкой к директору школы – возьмите в 11 класс, бляди!!! А она мне сучка – иди, типа, откуда пришел. Спалю этот ебанный гадюшник а ей брюхо вспорю, и похуй что сяду – в доме тоже люди живут...». Вокруг нас народу стало сразу гораздо меньше, и как-то так вышло что в очереди мы сразу стали первые.

Когда мы зашли вместе, директор агентства даже не стала на нас смотреть, автоматически приняв нас за очередных соискателей до промоутерства. Но тут я напомнил ей про долг, и как загорелись ее пороссячи глазки! Мгновенно преобразившись из мирной свиньи в дикую, она буквально поперла на меня с многочисленными обоснованиями того, как она не будет платить, когда я сделал ей предложение от которого она не смогла отказаться.

– Или будут деньги, или я уйду, а ОН – останется.

П. в эту секунду понял свою значимость, и так как справедливо считал что он мне обязан, как умел вступил в диалог на моей стороне.

– Значит так, сука бля! Я сначала тебя вскрою, потом говно твое в окно вышвырну (а из угла печально смотрела оргтехника и промоматериал), потом тебя, а потом, сука, за это сяду, и мне похуй, бля, потому что девочка моя на тюрьме надолго еще!!! Вызывай мусоров, сука!!! Вызывай, блядина!!! – Последние слова П. буквально орал, распаяя себя классическим образом, каковой блатные называют «попер буром».

Чуть осадив П., я ласково сказал директорше, ставшей светло-серого цвета и уменьшавшейся в размерах ровно в четыре раза, несколько слов. Женский коллектив рекламного агентства и три с половиной пидороватых юноши и вовсе растеклись по стенам.

– Ну и вот. Денежки, или я отсюда уйду. – К сожалению, на имиджбордах еще не была сказана фраза «я просто оставлю это здесь», но именно она наилучшим образом характеризовала содеянное.

Деньги нашлись сразу же. Директоршу несколько не смутило ни то, что у меня другая фамилия, чем у Любочки, ни то, что я нигде за них не расписался – нашла и отдала сию же секунду. Самое интересное, что после этого к Любочке прониклись величайшим почтением, и еще очень долго, даже когда Любочка уже работала в прокуратуре Железнодорожного района, ей звонили из того агентства, и очень, очень ласково просили ее принять участие в очередной акции на самых выгодных условиях.

П. в итоге так ничего хорошего и не добился. Ведя себя подобным образом очень скоро он сел на свои два года, когда вышел активно занялся

скиновской деятельностью и сел еще раз. Из-за времени, проведенного за решеткой, он не заметил как мир изменился – за те два года что он сидел УБОП по сути покончил с теми скинхедами, к которым П. себя причислял. Которые собирались открыто, «на прикиде», с нашивками и выбритой головой. То, что стало для бригад новой формации – замаскированных и смертоносных, нормой – неброская одежда, спорт, оружие и способность исчезать и появляться в новом месте, координируясь по Интернету; для П. было признаком слабости, так как они скрывали свои взгляды и не демонстрировали их публично. Так со временем П. стал реликтовым скинхедом, выглядящим как с картинки, известному всему району и всем сотрудникам милиции. Разумеется это исключало любую возможность для осуществления профильной деятельности, а для новой формации П. уже больше был похож на городского сумасшедшего, чем на «основу», к которой татуированный «узник совести» П. любил себя причислять. Для П. скинхеды были больше субкультурой, а для новой формации – формой организованной преступности. Из-за ярко выраженного «палева» многие стали видеть в нем и провокатора, хотя насколько я могу судить скорее всего это не соответствовало действительности. Не сложилось у него и с образованием, и с работой. Так и пропал он куда-то, а последнее что я о нем слышал, были жалобы его отца, который мне периодически звонил по старой памяти и просил «повлиять на сына».

Глава 3. Кто они

Так и представляю тебя, читатель, в некотором замешательстве после того, как были прочитаны первые две истории. Действительно, нормальному человеку странно понять то, что было описано: жестокость без конца, начала, всяческой логики и смысла. «Неужели они все... такие? А есть ли что-то другое в этом?».

Я специально начал повествование не с рассуждений и оценок, как бы давая возможность самостоятельно сделать выводы и задать себе некоторые вопросы. Теперь же самое время написать то, что должно было стать вступлением или первым очерком. То есть то, о чем и о ком эта книга. Написанное ниже значительно скучнее веселых историй и баек, но совершенно необходимо для понимания некоторых вещей и закономерностей в нашем повествовании.

В наших краях все началось примерно в конце 80-х годов в Свердловске, когда первые «красно-коричневые» обозначили свое присутствие в информационном пространстве. «Память» и то, что пришло ей на смену в 90-е годы, примерно на 10 лет определили

предпосылки для того, о чем идет речь. Из самых ярких городских легенд, описывавшей мнение обывателей той поры, конечно же заслуживает упоминания легенда о рабочих Уралмаша. Согласно преданию, когда появились первые панки со свастиками\фашисты\РНЕшники, рабочие собрались после смены, и так вломили тем, которые были со свастиками, что они на всю жизнь забыли о том, что это такое и полностью исправились.

Где-то в вариативном пространстве такое и могло произойти. А вот в реальности Уралмаш являлся лучшей кузницей кадров как для одной из крупнейших славянских ОПГ в России – «уралмашевских», ныне ОПС «Уралмаш»; так и для РНЕ первого созыва и примерно в это же время – для зарождающегося уральского околофутбола, название первой «фирмы» которого «Steel Monsters» писалось не через «s», а через «зиг». Фашистами при этом мало кто себя считал, но уралмашевский кодекс представлений о чести и справедливости был абсолютно точно направлен в эту самую сторону. Более того, за фашизм и правда могли побить, да и побиили бы – в честь памяти дедов, что не мешало на деле выступать в совершенно здоровом консервативном русле. Типичным представителем этого типа мышления является уроженец этих самых мест Евгений Ройзман, который фашистом по очевидным причинам являться не может никак, но его позиция по поводу цыган, таджиков, иммигрантов и наркотиков делает его весьма уважаемым человеком среди националистов, и не только среди них. Собственно говоря фашистов у нас в городе практически никогда и не было – тому что было в действительности есть гораздо более точные названия.

Я бы назвал это «здоровым консерватизмом», и именно он стал той питательной средой, из которой выросло то что выросло. Не было никогда на Урале ни толерантности, ни фашизма – а была и есть здоровая реакция нормального общества на известные раздражители. Причем отвечая на вопрос «почему?» любой трезвомыслящий человек найдет для здорового национализма множество рациональных объяснений. И так мыслят подавляющее большинство русских, как бы не навязывалась толерастия и идеология терпильства. При этом веками нет и не было никакой ненависти и неприязни к людям другой национальности только за это, равно и сейчас шовинизм слабо характеризует большинство нормальных людей. Просто всем надоели некоторые вещи, и все прекрасно знают какие, желания десять раз повторять очевидные вещи у меня нет. Какая же причина того, что на улицах стали убивать за другую национальность? Есть у меня гипотеза, несколько аллегоричная, но, по-моему, верная. Когда здоровый организм атакует зараза, он повышает температуру тела – выжигая заразу ценой собственного самочувствия и экстремального состояния. Иногда это повышение температуры может убить не хуже чем болезнь. Так и в нашем примере экстремизм – реакция сильного общества на раздражитель извне, болезненная и опасная, но являющаяся показателем работы иммунитета. Пока раздражитель был слаб, крупная и сильная организация например РНЕ за-

нималась по сути охранной и военно–патриотической деятельностью. Но время изменилось, и температура резко повысилась.

Не будем касаться сейчас истории распада первого уральского РНЕ в архаическую эпоху, и перешагнем в 1999 примерно год. Тогда впервые вступила в свои права одна безобидная довольно молодежная субкультура.

Никто не помнит, кто первый принес в город моду на стиль британского пролетариата. Одно можно сказать точно: скинхеды Екатеринбурга с самого начала же имели самое прямое отношение к культуре, эстетике и идеям Третьего рейха, гербовый орел которого был набит от лопатки до лопатки на всю спину одного из признанных представителей «основы». Что бы не говорили педерасты и антифашисты, которые очень любят присваивать себе пальму первенства в скин–движении, в нашем городе, да и в России, генезис НС–скинхедов скорее был от сочетания остатков политизированной тусовки, металлистов и иных неформальных сочувствующих с бойцами городских окраин.

Всерьез о скинах в городе заговорили тогда, когда первая крупная бригада избрала своим местом дислокации памятник основателям города на Плотинке, изгнав оттуда всех остальных.

Это были дикие и прекрасные времена. Я не любитель рассуждений о том что раньше трава была зеленее, и тем не менее качество человеческого материала среди тех людей было гораздо выше, чем у последующих поколений скинхедов. Случайных людей там не было, а личный состав отличался редкой вещью: реальным интересом и идейным содержанием своих действий. Это было время поисков истины, диспутов о национализме и таки той самой идеи, которая и составляла цель всего движения. Насколько субкультурными были эти ребята, настолько и беззубым было начало «прямого действия», выраженное в драках с неформальной молодежью и редких вылазках на одинокого приезжего. Вызывает улыбку то, что когда в городе реально нагло разгуливали бритые граждане на камуфляже и красивых нашивках, с преступлениями экстремистского характера дела обстояли достаточно спокойно. Неофиты шли туда не убивать, а ради общения, куража, пьянки, драки – как в любую неформальную молодежную тусовку. Но, подобно тлеющей в подлесе сигарете, способной в самый неожиданный момент полыхнуть стремительным лесным пожаром, уже росли представители нового поколения. «Воля к победе и воля к власти – слушай крови священный зов; бойтесь, враги, оскаленной пасти – нового племени белых волков!» – скажет об этом поэт, но он на то и поэт. А мы рассмотрим некоторые причины того, как именно это получилось и собственно то, каков был результат.

Кризис, который поразил РНЕ, кроме собственно политических причин, имел ярко выраженный идеологический характер. Это стало ясно еще до распада, когда лично А.П. Баркашов сошел с ума, а после раскола на три независимых РНЕ (баркашова, без баркашова и братьев Лалочкиных) и ухода чуть ранее Демушкина наступила терминальная стадия. Когда люди нормальные из РНЕ ушли в бандиты или отошли от дел, оставшаяся часть никуда не пригодных деятелей начали активно создавать новую идеологию. Сложившуюся ситуацию лучше всего характеризует мудрость «Безделье плодит ересь». Оказавшись на помойке, выходцы из данной организации стали продуцировать именно ее, ересь, которая со временем приняла чудовищные масштабы.

Лучше всего это характеризует один яркий пример, который я слышал лично, когда имел возможность наблюдать одного из заместителей Баркашова. Посмотреть на него я сходил специально, и ни разу об этом не пожалел. Плотный дядя в возрасте поведал личному составу, к чему надо быть готовым во имя Идеи и с кого следует делать жизнь. А именно к тому, как его три раза выгоняли с работы, два раза от него уходили жены, также он потерял бизнес, недвижимостью, придерживается воздержания и питается крупой с макаронами. Одет он был в грязный ЧОПовский пуховик квазивоенного образца, и пованивал бомжиком. Больше всего меня умилил белый шарфик: связанный явно самостоятельно и явно кривыми руками, а скорее всего и не руками вовсе. На торцы оно было пришиты две черные кривые свастики, вырезанные из чего-то типа брезента. Закончил свою речь он тем, что всех спасет Серафим Саровский, которого с его слов торжественно приняли в РНЕ и теперь это «наш святой». Серафим Саровский намеревался восстать из гроба во плоти, и повести РНЕшников в бой, когда наступит Национальная Революция. Я не удержался и спросил, когда же это случится, на что получил отличный ответ: когда кости облекутся плотью, и он таки восстанет из гроба телесно. Причем якобы процесс пошел, и он лично наблюдал положительную динамику отрацивания мощей святого. Не знаю, встречал ли кто-то из читателей ересь более наглою и отвратительную. Лично мне не доводилось.

Подобно тому, как в фильме «The Cell» мозг маньяка создал вокруг себя ужаснейшую реальность, идеологи-ересиархи продуцировали на редкость мерзкую альтернативную действительность. Тайное мировое правительство, ZOG, жида, масоны, непобедимые диаспоры и иноверцы были врагами неодолимыми и непобедимыми для конкретного фашиста, кушающего макароны с крупой на заплеванной кухне в хрущевке. Личное поражение в жизни каждый старался объяснить мировыми и неодолимыми врагами, что привело к худшей форме рака, поражающего национализм: идеологии терпилы. Причем терпильство является главной парадигмой: любая форма активности, действий и уж тем более насилие не приемлемы в этой системе ценностей как явление, носящее характер провокации. Со-

здав себе образ непобедимого врага, они начали бояться всего на свете; и прежде всего – реакции этого врага, осуждая любую иную позицию. Самую яростную критику конечно же вызывали скинхеды, предпочитающие «прямое действие», а околофутбол вообще предавался анафеме. Все вместе есть не что иное как жизненная позиция «премудрого пескаря» из М.Е. Салтыкова–Щедрина, а сокращенно – премудка. Премудок всегда осуждает всех остальных и поучает как им быть, так как только ему известна Истина. Баркашов вообще решил не мелочиться и своим личным врагом и врагом РНЕ на полном серьезе объявил Сатану и Антихриста. Естественно мыслящие таким образом личности в самом скором времени пополнили ряды пещерных антисемитов, радикальных монархистов, городских сумасшедших и катакомбных сектантов, которых около этой темы со времен кончины «Памяти» ошивается великое множество. Символом этого направления в нашем городе без сомнения является господин Минаков и его барабан. Минаков по всем возможным поводам выходит в казачьей форме неустановленного образца с барабаном и плакатиком на видное место, и, отбивая дикарские ритмы, олицетворяет борьбу с жидами, сионистским оккупационным режимом и зловещей Системой. Народная молва гласит что барабан при этом символизирует то, что Минаков после этого делает в органах внутренних дел.

Лучше всего про них сказал Нестеров в своей статье «Глас премудрых пескарей»: «Так что для тех «премудков», которых волнует вопрос, как бы эдак извернуться, чтобы Система не изволила гневаться – место ваше на помойке. Место тем, кто, будучи никем, кроме как компьютерным онанистом, смеет не только критиковать и поучать, но и оскорблять людей, делающих реальные дела – на помойке. Да и вообще ваше место на помойке. По жизни. А будущее принадлежит нам. Даже Диме Копцеву принадлежит будущее, потому что он своим поступком отвоевал себе место в истории. По праву. А вы по праву можете находиться только на помойке». Сейчас (декабрь 2010 года), после событий на Манежной площади, эти слова имеют особую актуальность.

Премудков всегда можно опознать по характерным признакам: неопрятная борода, плохая физическая форма (есть и исключения, как правило карикатурно–раскачанного под русского богатыря вида), потрепанность жизнью, значки, надписи «за веру Царя и отечество» в сочетании с произвольной правой символикой, горы сомнительной макулатуры и любовь к разглагольствованиям. В Интернете премудка всегда выдает позиция терпилы, воняющая говном и снулой рыбой даже через монитор. Если где увидишь их, читатель – беги! Некоторые формы сумасшествия заразны.

Что касается оценки, данной тут РНЕ, то обращаю внимание, что речь про эпоху упадка данной организации. А в свое время именно РНЕ содержало наибольшее количество адекватных людей, многие из которых пришли к успеху. Общее правило тут таково, что как правило бывшими они стали уже к моменту раскола, или некоторое время спустя. Были попытки и возрождения организации уже на новых принципах, и я может быть расскажу об этом.

Перечитал я написанное, и даже мне тошно стало от премудков и их учения. А уж как тошно было тем, кто в это время интересовался правыми идеями и с ними столкнулся! Второй, и главной причиной появления «бригад» стало то, что государственная политика сделавшая национализм маргинальным, поставила перед выбором: или в премудки, или на улицы. Так на улицы хлынул поток наиболее активных и пассионарных людей, которые за неимением иных, легальных и политических возможностей в корне изменили ситуацию в националистической среде. Уделом же так называемого «легального национализма» на долгие годы стало вторичное и жалкое существование где-то в парашном углу и политики, и уличной борьбы.

Идеологии терпильства была противопоставлена идеология насилия. Какой смысл читать «Протоколы сионских мудрецов», когда можно сжечь палатку с ненавистными хачами? Разве это не прекрасно, когда огонь пожирает ветхие строения с нелегалами? А как приятно ощутить лицом ледяной ветер, когда позади тебя все в крови, а впереди несется пустая улица, и нет ни законов, ни пределов, а есть только ночь и абсолютная свобода. Есть ли что-то прекраснее чувства охотника, когда кровь стучит в висках ищущих жертву, слившихся в едином порыве созданий, которые буквально вот-вот были студентами, а стали стаей, дикой и первобытной? Тот, кто вбивал голову жертвы в грязь и всаживал в нее нож знает отчаянную радость этого, а ощутивший порыв ветра из разбитого стекла «белого вагона», откуда на ходу поезда выкинули забитую жертву, говорят познал дзен. Для этого не нужны ни деньги, ни какие-либо особые усилия: это вот тут, рядом, и надо всего лишь перешагнуть за черту, и возможным становится абсолютно все. Чтобы насладиться великим Вагнером, нужно иметь определенный уровень культуры и мышления, чтобы читать Данте нужно чувствовать красоту слова. А чтобы окунуться в симфонию насилия, хаоса и разрушения, нужно всего лишь желание, а остальное сделают инстинкты, которые достались нам от предков. Кровь жертв, крики о пощаде, огонь, боль и разрушение – те самые краски, которыми были написана новая реальность. И она очень быстро вступила в свои права, дав начало явлению, которое смогло породить сначала страх, а потом и ужас. На улицы городов вернулись тени героев прошлого в их истинном, историческом значении –

безжалостных и отмороженных; призраки политического террора XIX века а вскоре и реинкарнация моджахедов и повстанцев. Пока премудки создавали себе образ врага метафизического, новое поколение нашло себе врага реального, и в этот образ всадило кулак, тяжелый ботинок, нож, а спустя некоторое время и пулю.

Для этого насилия не нужен ни повод, ни вина, ни личные особенности жертвы – оно имеет самостоятельную ценность. Так и представляю сейчас негодующие комментарии читателей: какой же автор негодяй, что смеет описывать это в столь восторженном тоне! Между тем, если быть честным с самим собой, то придется признать что для всех нас привлекательно насилие. Если подумать, есть очень мало произведений культуры и искусства, в которых все жили долго и счастливо. Как правило книги, фильмы, картины в очень большом количестве рисуют нам картины войн, убийств, насилия и жестокости, и каждый из читателей рано или поздно сочувствовал героям подобных произведений. Такова уж природа человека, изначально видящего красоту в смерти и средствах для ее причинения. А значит описанное выше способно проникнуть в душу не какого-то злодея и извращенца, а совершенно нормального человека. Который может оказаться соседом, другом, братом, сыном – кем угодно. Именно так и становятся скинхедами обыкновенные подростки, а их сверстники в исламском обществе идут под зеленое знамя Пророка. Самый лучший фильм о скинхедах не «Ромпер Стомпер», а «Заводной апельсин» Стэнли Кубрика потому что как раз там показана сердцевина того, что толкает на преступления, риск смерти и дикую жестокость: идеология насилия ради насилия. Как показывает практика идея по своему содержанию тут важна, но вторична: так братом по разуму для бойца правой бригады является не номинально правый «премудок», а скорее чеченский боевик, ушедший в горы с намерением резать и взрывать русских. Можно оклеить дома все стены портретами Гитлера а в красном углу поставить «Майн Кампф», но даже полностью покрытый свастиками премудок останется премудком, пока в нем не будет духа, который я описал. Именно тут и пролегает водораздел между всеми и всяческими субкультурами хоть трижды националистическими и собственно «прямым действием». Это выражено настолько четко, что ряды «бригад» с радостью пополнялись людьми явно нерусского происхождения, которые тем не менее разделяли самое главное в этом деле: готовность к действиям. И никого не смущали корейцы, евреи, татары, наполовину кавказцы и даже один легендарный негр в составе банд. На фоне реальной деятельности теряли актуальность все шовинистские завихрения, что еще раз подчеркивает вторичность так называемого «фашизма» в описанном явлении. Справедливости ради, в 30–е годы в Германии было все то же

самое, что неоднократно описывалось исследователями при анализе национального происхождения многих видных фигур Рейха.

Как несложно заметить на многочисленных примерах, путь это достаточно деструктивный, и если вовремя не остановиться, то ведущий в один конец. Мне доводилось знать тех, кто прошел его до конца. Вместе с тем те, кто пройдя это и выйдя обратно, на другой уровень сознания, приобрели нечеловеческую живучесть и стержень из нержавеющей стали. Горнило «бригад», как показали некоторые, правда немногочисленные примеры, для тех кто его прошел и там не остался, стало великолепной школой жизни, по сравнению с которой например обычная среднестатистическая срочная служба в армии отдыхает. Можно провести параллели с «горячими точками». Для большей части прошедших через них «горячие точки» стали местом, откуда шли на тот свет, в госпитали, получали инвалидность, алкоголизм и разные синдромы. А для кого-то они стали школой жизни, откуда народ поднялся в авторитеты в разнообразных «афганских» и «чеченских» ОПГ, а также в специфическом бизнесе. Таков естественный отбор в самом ярком его проявлении. Именно поэтому только у сильных личностей от Движения наблюдались успехи в жизни, а у всех остальных карьера очень часто развивалась так, как это было описано в первых двух главах нашего повествования.

Если спросить у случайного пользователя Интернета «кто они?» – экстремисты, «скинхеды», «фанаты с Манежной площади», у совсем дремучего обывателя – «фашисты», мы услышим десятки мотивированных мнений. «Ублюдки и дегенераты» – скажут одни: «фанатики и отморозки» – другие; «молодцы, побольше бы таких» – третьи; «преступники и грабители» – четвертые. Мне доводилось наблюдать их достаточно, чтобы сделать вывод о том, что все изложенные полярные точки зрения в общем корректны. Среди представителей этого общественного вектора есть все: и садисты, и убийцы для развлечения, и идиоты, и фанатики, и люди со складом ума Макиавелли, и хорошие простодушные и честные ребята, и патриоты, и просто коньюктурная сволочь. Самое забавное что этот абзац будет в общем верным, если заменить слово «экстремисты» например на «сотрудники милиции» – обыватель скажет все то же самое и опять-таки будет прав. Там тоже срез общества со схожими характеристиками.

Пишу я это все к тому, чтобы при прочтении дальнейших зарисовок читатель не делал обобщений и скоропалительных выводов, особенно делая их за автора. Жизнь штука очень многообразная, чем и интересна. А будучи знаком с фигурантами как с живыми людьми, никаких универсальных оценок автор дать не может. Всякое видел – от самых низменных до достаточно возвышенных проявлений человеческой природы. Поэтому жанр

зарисовок тоже будет различаться от глумливого и стебного эссе до некоторой аналитики а порой и серьезных размышлений.

Глава 4. Стрелка

Говорят мало мест в России где погода и климат хуже чем на Урале – мол знал царь куда ссылать. Однако в этот апрельский день наступила настоящая весна: яркое теплое солнце, зеленая рябь еще не распустившихся на ветках листьев. Люди тоже как будто расцвели – вокруг были красивые девочки, улыбки, и какое-то очень светлое настроение. Посреди этого праздника жизни девятнадцатилетний Виктор С. ехал на ответственное и важное мероприятие: массовую драку на говне, сиречь с применением оружия какого бог пошлет, преимущественно холодного. Одет он был в спортивные штаны марки «адидас» на три полосы, кроссовки и облегченный бомбер без синтепона. Если бы не некоторая тень интеллекта на его лице, случайный прохожий определил бы его как простого парнишку с рабочей окраины, в просторечии гопника.

Верным это было на пятьдесят процентов: Виктор несомненно имел склонность к уличному насилию, но проявлял ее вращаясь около праворадикальных кругов. Он всегда был где-то рядом с ними, но никогда внутри, и не вопреки, а благодаря этому преуспел в профильной деятельности: прямом действии. Довольно ясный, хоть и примитивно-прямолинейный аналитический ум и упорство, граничащее с бараньим, быстро привели его на путь систематических тренировок и убили все стремления к субкультурности и идеологии. Виктору было наплевать на судьбу России и русских когда он делал то что считал нужным, и поэтому он чисто технически и последовательно решал прямо поставленную перед ним и его друзьями задачу: драка, разгром заведения, разбойное нападение... что угодно. Он замечал ничего кроме узкой цели перед собой, в ее достижении достигал немалых успехов, и слава за ним закрепилась довольно жуткая даже среди скинхедов. Тактические разработки Виктора работали всегда, с неотвратимостью и простотой удара кувалдой. Столь же неотвратимыми были и последствия ошибок и расхождений с его планом – практически всегда наступала жопа. Так как по вине исполнителей наступала она часто, то работать со скинхедами в принципе Виктор не любил, предпочитая пьяно-разгильдяйной публике узкий круг проверенных людей, с которым провалов не было практически никогда.

...Трамвай не спеша шел по весенней улице, в открытые окна залетал теплый ветерок. А молодой здоровый парень нервничал, так как опаздывал туда, где люди будут бить друг друга битами, лопат-

ками, цепями, резать ножами и добивать упавших. Забавно, не правда ли? Торопиться на собственную смерть и переживать по этому поводу достаточно необычно, а все основания предвидеть оную Виктор имел.

«Иногда предвкушение волнует больше чем успех», было сказано в какой-то идиотской рекламе. Эта фраза лучше всего описывает то, что чувствует человек перед массовой дракой. Самое страшное не бой и больница (что чувствуют те, кого убили, известно только им) – процесс кончен, и имеет определенный результат. Пугает неопределенность, и страшно бывает до дрожи. Во время спонтанного конфликта или вольной охоты на «акции» не те ощущения, потому что ты не знаешь точного времени когда тебя начнут убивать. В таких раскладах нет ни рыцарских доспехов, ни строя щитов как у ОМОНа, ни сыгранных действий околофутбольной фирмы, ни даже хотя бы оцепления милиции и карет скорой помощи, как при уличных беспорядках. Есть только ты, твоя тушка, что-то в руках... и лес острых и тяжелых предметов, назначение которых – ломать твои кости, пробивать голову и наносить разнообразные увечья. Читателю невдомек эти прекрасные ощущения, так вот бледная тень оных – сцена первой драки в «Бандах Нью-Йорка» Скорцезе, где на редкость убедительно показаны боль и страх двуногих, рвущих друг друга заживо. Очень часто не имеет значения какой боец лично ты: достаточно тем, кто с твоей стороны, побежать и провалить мораль, как тебя снесут и на этом все. Это даже не древние военные действия – с тобой не подразделение или хотя бы место в организованном строю с офицерами, а самый худший вид случайного ополчения, спонтанного и практически неуправляемого, не знающего что такое «приказ» и «надо». Виктор не имел ни одной иллюзии по поводу своей стороны в предстоящем мероприятии, и мрачно гадал – то ли больше участников не придут совсем, то ли побегут в процессе.

Противник же по данным разведки был представлен «хачами» – сиречь традиционным составом старше, тяжелее и злее, не имеющим никаких предубеждений против холодного оружия. Глядя на парня впереди себя, как двигалась при дыхании его грудная клетка, Виктор словно со стороны смотрел на себя, получившего несколько ударов ножом в область легких и уже словно чувствовал больна вдохе. Закрывать на секунду глаза... успокоиться. В такие моменты как никогда инстинкт самосохранения ищет пути для спасения: срочное дело... у родных беда... да хоть понос прихватил. Есть только один способ не дать себе проявить слабость: сделать предстоящее дело для себя единственным выходом, уничтожив внутри себя само право на выбор. Иначе не будет сосредоточения на том как выжить, а нет ничего хуже рефлексии в самый ответственный момент, когда надо не думать а делать. Если дать себе «перегореть» заранее – можно практически быть уверенным в том, что там и останешься. Никто не знает, сколько из погибших и покалеченных похоронили и оплакали себя заранее, а цена ошибки именно такова. Виктор отлично знал все эти вещи, так

как за последние два года это было шестое подобное мероприятие с его участием. От мыслей про вечное его отвлекла красивая девочка с букетом: уцепившись за конкретную задачу он будто приказал себе этот вечер провести со своей девушкой. Для этого нужно провести мероприятие. Для этого задачу надо решить. Все посторонние мысли разом куда-то растворились.

На свою остановку Виктор С. выпрыгнул легко и будто радостно – «раньше сядешь раньше выйдешь». Преодолев триста метров, в парке среди весенней толпы он увидел тех, кто сегодня идет вместе с ним. Группы по пять–шесть человек... негусто. Взгляд цеплял детали, от которых Виктор скривился: нашивки, ботинки с белыми шнурками, цыплячьи шейки, полторашки пива в руках. Землистого цвета мордочки с печатью раннего алкоголизма перемежались с румяными детскими физиономиями школьников–старшекласников. Знакомых было мало, и из этого следовали плохая подготовка и низкая мораль состава.

Впереди и чуть в отдалении стояло полтора десятка совершенно других личностей. Непримечательная одежда по погоде, небольшие сумки на поясе, короткие стрижки и жесткие взгляды. По своеобразной моде олимпийки были подвернуты до локтей: среди типичных жертв много плохих борцов и любителей хватать за руки. На руках двоих уже были одеты строительные перчатки с пупырышками, главное орудие производства. Не сказать что эти люди как-то сильно отличались видом и возрастом от остальной массы... чуть спортивнее если только. Но было в них что-то такое, от чего становилось не по себе. Разгадка была проста: от группы молодых людей буквально несло смертью. Это был основной состав широко известной в узких кругах бригады, имя которой не надо поминать всуе. Знамениты они были тем, что регулярно и систематически акционируя и за несколько лет деятельности имея за плечами десятки убийств и тяжких эпизодов «основа» оставалась на свободе. Вокруг них, а всего вокруг бригады вертелось от сорока до восьмидесяти человек – садились. Этим же будто сам черт берег для каких-то своих важных бесовских дел.

Виктор подошел к их кругу и «вена в вену» поздоровался с лидером – А. Лидеру тогда было всего восемнадцать, и коренастый белобрысый парень легко управлялся с бойцами существенно старше себя. А. был прирожденным командиром, в гораздо большей степени одаренным чем Виктор. Владелец чудовищной силы воли и совершенно звериного чутья, А. за несколько лет не только выжил, но и провел бригаду мимо физической расправы и правоохранительных органов через сотни эпизодов.

– Привет, фашисты. – Виктор встал в круг
– Значит чо. Чурки уже на месте, говорят будет их довольно много.
– Повод–то какой вообще?
– А хер его знает! Меня в это вообще левый знакомый вписал – тот, из–за кого вся канитель, там щас, в машине, с братом. Он их вычислить может.
– Чо по говну?
– У нас – все плохо. Есть немного арматуры, ножи, газ.
– Палок может наломаем? – раздался голос кого–то со стороны. Виктор присмотрелся и увидел юное лопухое создание в камуфляже с имперским флагом
– В жопу тебе палок напихать!!! – А. резко набычился. Его насторожило не предложение, а то, что его посмели перебить, а это корень будущего неповиновения. Кары юное создание избежало лишь потому, что А. увидел в его глазах страх, переходящий в ужас. Правильно – его должны бояться сильнее чем хачей.

– ...Короче есть мысль организовать камнепад. Каждый в руки берет стекло, камень – с пяти шагов по команде, потом прыгаем. Перед прыжком сбились в кучу, мы сзади будем. Кто выпрыгнет из строя ногу сломаю. Кто побежит – зарежу нахуй.

Виктор со стороны наблюдал финальный инструктаж. Указания А. были просты и понятны... впрочем, содержание оных они накануне обсуждали, и не один раз. Подтягивались опоздавшие, одним из последних Виктор с большой радостью увидел массивную фигуру своего друга, околофутбольного деятеля М. М. отличался двумя добродетелями – тяжелым весом и чемпионской степенью уровня России по одному из контактных единоборств. Вид у него был довольно помятый и похмельный, но все равно один М. стоил целого коллектива юных арийских воинов.

– А., тут скаут явился!

Скаут это разведчик. Один из тех кто смотрел все это время на позицию противника. Новости были удручающие: на месте стояла «девятка» с багажником полным бейсбольных бит и арматуры, также среди бит были спалены топор, ну и лопатка и «оса» у водителя в салоне.

– Время!!! Двигаемся!!!

Мелкими группами народ начал покидать парк. Спустя десять минут за углом от предполагаемого места на диком футбольном поле сконцентрировался моб. Тридцать семь человек дошли до места из примерно пятидесяти, бывших в парке. У остальных нашлись неотложные дела. Виктор усмехнулся, и вместе с А. и М. начал выстраивать боевые порядки.

Традиционный строй имеет «фёстлайн», первую линию бойцов–тяжеловесов с наилучшим личным уровнем. Их задача – провалить строй противника и смять их ряды, что дает возможность более легким бойцам второго–третьего ряда реализовать свое преимущество. Сзади же как правило нужно только давить плечами на спины, придавая напору первой линии совокупную массу всего строя. Виктор не питал никаких иллюзий что будет при повторении этого построения на запланированном мероприятии: первый ряд ляжет под удары бит и арматуры, а дети сзади убегут. После чего можно будет дорезать тех кто упал. Панические настроения были написаны на лицах, и черт возьми за этот страх сложно было упрекнуть. Плохо было всем, кроме троих: Виктора, переборовшего мандраж, отморозка А. и М., который отличался редкими толстокожестью и фатализмом. Эти свойства и непреодолимый болевой порог М. сделали его чемпионом России и звездой таких мероприятий, несмотря на очень среднюю технику, изобилие жира и любовь к водке. Никто не знал сколько раз он дрался в жизни – у всех было такое впечатление, что это бесконечный циклический процесс.

И тут наступил неожиданный момент. Все центральные фигуры заняли третий и четвертый ряды, сбив впереди себя трясущихся малолеток, то есть страшных скинхедов с нашивками и белыми шнурками. «Кто побежит – лично почку проткну!!!» – шипел сзади А., потрясая ржавым китайским ножом с подозрительного вида пятнами. Его бригада сзади расположилась полукольцом, изображая заградотряд. Это и была идея Виктора, который ничего не знал об устройстве римского легиона, но интуитивно повторил то же самое. Впереди шел живой щит, которому суждено было лечь под ноги нападающим, под биты и железо, давая возможность смертельной косе сзади резать из–за этих спин. План Виктора заключался в том, чтобы причинив максимальный ущерб, дорезая чужие драки, и пожертвовав страшными скинхедами (чьими–то детьми, большинству из которых было пятнадцать–шестнадцать лет) рассыпаться и исчезнуть. А. рассчитывал за счет «камнепада» и резкой безжалостной атаки погнать оппонентов... но он всегда переоценивал свою бригаду.

Желудок подкатил к горлу... моб свернул за поворот... когда же уже наконец???

Перед ними стоял довольно редкий строй оппонентов сопоставимой численности, но постарше – двадцати–двадцати пяти лет. Вооружены были все. Виктор накиннул и затянул на запястье шнурок, мертвой петлей крепившийся к рукоятке ножа. Если потерять оружие в свалке, поднять его не дадут; а еще со шнурком можно выпустить нож из руки чтобы схватиться за товарищей и удержаться на

ногах – если упасть под ноги, встать тоже не дадут. Ножом Виктор только колол, поэтому выбрал довольно длинный и довольно узкий образец китайской ножевой промышленности, обмотав ручку матерчатой изоляцией. Некрасиво, но надежно и ухватисто. Встать за широкой спиной М за его правое плечо, оставив место чтобы колоть справа... тоже живой щит, только собственный, и с устойчивостью осадной башни. Так уже было, и не раз. Бросать и бросать правую руку на выдохе, как можно чаще и наваливаясь вперед. От спины М. резко несло потом.

Сорок метров... тридцать метров... пятнадцать... перейти на бег
Что такое???

Почему встали???

По строю прокатился гул – среди оппонентов было ровно два кавказца. Никаких «хачей» не наблюдалось, напротив стояли обычные ребята, от страха вцепившиеся в биты.

Тактическая часть мозга Виктора взвыла от восторга: они выиграют этот бой! Противники не готовы убивать, по виду явные спортсмены, да и с обеих сторон стали перекрикиваться знакомые, узнавая друг друга. Если кто-то и пробьет голову битой, испугается сам, да и остальные к этому не готовы совершенно. А значит станут жертвами отмороженной бригады с их десятками убийств – тем наплевать кого резать. Несколько секунд и оппоненты побегут, после первых же упавших.

«Стой, мудака!!!» – что-то вспыхнуло в голове. «Ты что делать собрался, кретин???

Тебя вписали в непонятное, и сейчас ты с радостью барана собрался устроить бойню с такими же как ты сам?»

Те же мысли синхронно посетили и А. и над полем пронеслось:
– ЧИСТЫЕ РУКИ!!!!!!!

Строй поднял вверх пустые руки. То же сделали и оппоненты, с явным облегчением. На землю посыпались аргументы.

Моб стоял на месте, утратив тот порыв, который был в начале. И на них ломанулась стена людей напротив. Из-за плеча М. Виктор увидел бегущих оппонентов, и тут же развалился и побежал их собственный левый фланг.

– СТОЯТЬ!!! СТОЯТЬ, БЛЯДИ!!! – М. ревел, мощными оплеухами пытаясь собрать разбегающихся школьников. Бесполезно. Виктор тоже стоял, так как давно запретил себе бегать в такой ситуации. Кроме того, его переполняла злость по поводу всей этой затеи, на глазах из кровавого эпоса превращающейся в совершенно безблагодатный фарс.

Тут как раз подоспели оппоненты... и побежали вместе с остатками их состава, в том же самом направлении. Никто никого не бил, а расстановка сил напомнила творчество Владимира Семеновича Высоцкого: «Красота – среди бегущих, первых нет и отстающих...». Причина через мгновение стала очевидна, так как пробегающий мимо противник рывнул

«Мусора!» и ускорился. И правда, сзади строя оппонентов по парковой дорожке ехали две машины ППС.

...На Виктора накатила дикая усталость в сочетании с безразличием и ленью. Зачем все это? Что он тут делает? М. стоял рядом и ржал.

– Побежали! Хахаха! Не упадите, бля! Ой не могу!

Картина вокруг отдавала авангардным искусством: по пустому импровизированному футбольному полю неспешным шагом брели две фигуры, одна повыше и постройнее в спортивных штанах, вторая помассивнее и в паленом Лонсдейле. Вокруг лежали десятки бит, ножей, цепей, палок, арматурин, топоров, обломков кирпича и бутылок. «О поле, кто тебя усеял разным аргументом?» – спросил бы в этой ситуации герой Пушкина. Периодически наши герои пинком отбрасывали с дороги мешающие пройти ништяки.

Сзади подъехала машина ППС и остановилась

– Здорово мужики! – М. зычно крикнул экипажу. – Огоньку не найдется?

Несколько ошалевший сержант автоматически протянул к сигарете зажигалку:

– Вы чо тут творите? Охуели совсем?

– Да мы ваще не при делах, сами ж видите! Иду с другом, тут какие-то драться собрались.

– А это все чье?

– Ну не мое точно! Они воон туда побежали!

Проверив документы, которые оказались только у Виктора, экипажи поехали преследовать правонарушителей. М. ржал практически непрерывно. Через два квартала друзья увидели знакомые экипажи, деловито паковавшие часть бегунов на длинные дистанции и приветливо помахали им руками. Примерно там же им встретилась довольно многочисленная группа неудавшихся оппонентов.

– Ну вы бля даете! Почему не побежали-то?

– А мы ни от кого не бегаем. Никогда.

– Как звать-то?

– М. и С.

Позднее эта история стала широко известной в узких кругах. Так укреплялся авторитет.

– Ну вы даете – От рассказа Виктора я остался в изрядном удивлении. – А ничего если бы там правда кавказцы были? Имеешь представление что бы произошло? Ни оружия нормального, ни подготовки. Пиздец же.

– Не, нормально все. Смотри сам: вот прибили бы несколько юных дебилов. Дураки не дефицитны, так хоть польза от них. Эффект от того, что хачи ебнули бы парочку детей был бы превосходен – кондопоги тогда еще не было, но что-то типа того могло бы быть. Мощный резонанс точно. А скорее всего кавказцы бы в первый момент не стали бить серьезно – недооценили бы противника. Тут-то и понеслось бы веселье. Опять же с концами нас там поубивать мусора бы не дали. Да и расклад был бы сложный для чурок: А. и компания не подарок совершенно.

– Замечательно. Тебе-то это нахрена? Кондопоги, резонанс. Ты ж не идейный.

– Мне? А для развлечения. Сзади не особо опасно было... Идейные у нас как раз согнанные в первый ряд были. Я-то не идейный, нахуя мне подыхать? У меня была задача, которую надо решить, и последствия в нее входили. Единственный вариант обратить расклад в свою пользу практически при любом результате. Кстати из тех двух чурок которые там были одному кто-то нож в суматохе присунул, уже когда удрали все. Но круче всего опиздюлился тот, кто эту стрелку забил, гыгыгы. Так-то стрелки с чурками идиотизм полный, сам понимаешь. Только вычислять и накрывать, без предупреждения. Ты эту кухню лучше меня знаешь, что бывает из-за такого.

– Да уж, естественно. – В глазах Виктора я видел огоньки и в них появилось тоскливое и мечтательное выражение. Будто воспоминания об ушедшей молодости, прекрасной но потерянной.

Шел 2010 год, с весны 2004 года, когда не пролилась кровь, прошли шесть лет. А в декабре 2010-го Москву всколыхнула реакция на убийство славянского парня в случайной драке.

Глава 5. День из жизни

Виктор хандрил. Сказывались погода – серый уральский февраль, когда темнота на улицах соседствует с холодом и исключительно грязным серым снегом, и обычная для этого времени года простуда. Третий день он сидел с книжкой и наушниками, спасаясь от сухого кашля глинтвейном и коньяком. Военные мемуары перемежались Буниным и Набоковым, Вивальди в наушниках сменяли Landser и TNF, а настроение становилось хуже и хуже. Стоило закрыть глаза, и мозг рисовал картины кровавого насилия, поджогов, разбоев и расправ. Сколько же ему было лет тогда? Восемнадцать, кажется. Многое из того, о чем тогда только мечталось, будет осуществлено в ближайшие годы... а пока личные наклонности только начинали проявляться.

После обеда раздался телефонный звонок. Звонил хороший знакомый Виктора, и один короткий звонок вернул его в нормальное состояние. В другое время предложенная идея бы не вызвала особого энтузиазма:

речь шла о накрытии концерта группы «Многоточие». Лично Виктор к поклонникам негритянской музыки относился нейтрально, относя этот пласт культуры куда-то туда же, куда и шансон. Однако рэпперы были легкой и желанной целью, сравнительно безопасной и забавной. И под настроение на фоне хандры сгодился и такой вариант. Подобно жидкому бульончику в больнице для выздоравливающего, забавные подростки для разгона пинками должны были снять последствия болезни и дурного настроения, подготовив почву для великих свершений.

Спортивная куртка... удобные джинсы... капа, перчатки, упаковка бинта, легкие берцы. Нож в карман куртки, отвертка за голенище берца, газовый баллончик под правую руку.

Ах это волшебное ощущение, когда выходишь из дома на охоту! Меняются краски, словно на мир надели какой-то светофильтр. Резче очертания домов, людей, ярче краски, лучше чувствуешь свое тело и как-то по-особому – запахи. Где-то есть и страх, но далеко. Гораздо сильнее азарт и предвкушение от предстоящей охоты. Острота впрочем была чуть приглушенной: Виктор понимал малую опасность и несерьезность предстоящего предприятия. Впрочем, после сидения с гриппом дома и это делало жизнь прекрасной.

Первый сюрприз ожидал на месте встречи. Вместо обещанного коллектива на месте встречи стоял один-единственный З., приятель Виктора. Некоторое время З. входил на правах янгстера в уважаемую основную бригаду, имел опыт «белых вагонов» и нескольких десятков акций. Практически во всех он проявлял нетерпеливость и бестолковость, что вкупе с разгильдяйством делало его больше комичным, чем героическим персонажем. Сам З. себя таковым естественно не считал, и на полном серьезе причислял себя к «основе». Несмотря на это, для Виктора З. был чрезвычайно полезен. Разгадка крылась в исключительной коммуникабельности З., которого буквально знала каждая собака. Через вписки на сомнительных квартирах, пьянки, уличные знакомства и случайные встречи он имел широчайший круг знакомств, который пополнялся бесконечно.

Сейчас друзья ждали очередных знакомых З. – некую окраинную молодую бригаду, мутившую на вечер открытие концерта. День шел к вечеру, и стоя на крыльце крупного уральского университета Виктор начал замерзать. Кашель опять дал о себе знать, а скинхедов все не было. Не то чтобы ослаб боевой дух... но куда привлекательнее драки представлялась большая кружка глинтвейна и горячая ванна.

– Ссука, бля!– З. швырнул телефон о снег. Привыкший к такому обращению «сони–эриксон» жалобно пискнул, но выдержал очередной полет о твердую поверхность.

– Что там?

– Да проебались они! Вдвоем видимо поедем. Там многие обещались быть.

– Ну как обычно... а это кто такие? Не твои? – Виктор показал на три фигуры в пяти шагах от них. Фигуры были одеты в тяжелые ботинки, бомберы с «розами» Уралмаша, громы и знающему человеку сразу было ясно кто это такие.

– Неа... но щас узнаем. – З. сделал шаг вперед и красиво отсалютовал.

– Восемь восемь!

Троица замедлила шаг, и Виктор рассмотрел их поближе. Все одинаковые: плотные, коренастые и тяжелые, ниже среднего роста. Самый здоровый пожалуй тяжеловес, очень легко двигается. Под натовским бомбером редкая и авторитетная роза «Steel Monsters». Двое в «громах», все в табельных тяжелых ботинках.

– И тебе привет! Кто такие будете?

...Трое парней оказались непричастны к идее разгона рэпперского концерта. Это были участники несколько нетипичной бригады «Викинг» во главе с командиром с непримечательной кличкой Прапор. От традиционного формата бригаду отличало то, что кроме бесчинств и насилия у них были организованы тренировки и даже культурно–просветительская работа с личным составом. Помимо занятий по боевому самбо, АРБ и РБ «Динамо» у бойцов были заведены еженедельные доклады по истории Древней Руси и разумеется Второй мировой. Дружили «Викинги» и с РНЕ второго созыва, правда не во всем поддерживая данную организацию. Беседа текла неторопливо; зацепившись языками новые знакомые сыпали именами, кличками и фактами, устанавливая общих знакомых и точки соприкосновения. Так Виктор с удивлением узнал что на одной стороне с «Викингами» он принимал участие в двух массовых драках.

Тем временем голос подал самый тяжелый боец в редкой «розе».

– Да вы заебали уже! Пошли лучше кого–нить ебнем – одни пидорасы кругом!

– М., ты это... поскромнее, – нерешительно начал Прапор. Они стояли посреди большой толпы студентов, у которых только что закончились занятия.

– Ты чо–то против моих слов имеешь? Говорю пидоры, значит пидоры, а вот например пидор пиздоглазый! – М. обличительно ткнул пальцем в крепкого молодого человека кавказско–азиатской наружности, с интересом наблюдавшего националистическое собрание около главного входа в университет.

Трижды названный пидором кавказско–азиатский господин был в замешательстве. Посреди людной толпы какие–то уебки на глазах его одноклассников нарывались на конфликт! «Да я вас щас...». Он схватил за грудки ближайшего, коим оказался З. Сейчас он покажет своим... никто так с ним не смеет и все его боятся!

Виктор сморщился. Он жил буквально в двух шагах от университета, и как правило старался не гадить в ближайших окрестностях от дома.

...Кавказец схватил за воротник З. Как всегда, в такие моменты он был очень рад зрителям: наказание наглых русских входило в ряд приятнейших удовольствий наравне с девочками и веществами. Он любил чужой страх, и привык молниеносно давить любое сопротивление. Так повелось еще с армии, где он отслужил перед поступлением в университет, в отличие от трусливых маменькиных сынков вокруг.

В этот момент наступила темнота – от столкновения головы кавказско–азиатского юноши и ботинка с железным стаканом. Неожиданно для всех присутствующих шарообразный М. рубанул его мавашкой в ухо в уровень гораздо выше собственной головы. Все было прекрасно в этой мавашке: сила, резкость и выхлест, с мощным разворотом тяжеловесной жопы и прилетом в голову снизу вверх. Знатоки боевых искусств из Интернета впрочем осудили бы М: он как раз сделал то, чего сделать по мнению знатоков нельзя в принципе – зимой, на улице и в тяжелой обуви провел удар в голову ногой, да еще противнику выше себя ростом. Вопреки мнению знатоков из Интернета, кавказская голова от такой сытной и неожиданной вещи хрустнула, а ее обладатель полетел в стену ларька в тяжелом нокауте, увлекая за собой З., за которого он пытался рефлекторно удержаться. З. придал дополнительное ускорение летящему телу, и через мгновение друзья впятером зверски избивали упавшего ногами.

Бил ли ты, читатель, людей ногами? В этом есть особенная статья и особенное мастерство, не изучаемое в боевых искусствах. Что мы видим в обычных драках? Футбольные пинки по упавшему, который вертится и пытается встать? Это никуда не годится! Познавший мудрость будет бить лежачего строго сверху вниз, втапывая и вбивая в землю. Наивысшую благодать имеют прыжки на голове и тушке оппонента. «Чтоб асфальт прогрыз, зараза, чтоб вообще не встал с земли! Вот еще совет вам дельный: можно станцевать на брюхе, чтоб во рту его плескались его свинские кишки!» – говорит об этом деле народное творчество. Много можно сказать о человеке, по тому, как именно он бьет лежачего ногами, и новые знакомые с первого взгляда понравились Виктору. Прапор сноровисто прыгнул сверху двумя ногами на кисть руки поверженного врага, чтобы оско-

лочный перелом исключил его боеспособность если оживет от пиздюлей. В это время двое оставшихся окучивали тело: один сажал топчущие удары в тушку, старательно избегая ударов в голову, а М. вгонял в цель страшные маэ под сорок пять градусов к земной поверхности. З. и Виктор на несколько секунд оказались не у дел, словно очарованные прекрасной картиной. Подключившись к процедуре они отметили согласованность действия троицы: все движения были строго синхронны и по времени различались на один такт. Раз–два–три! Раз–два–три! Удары следовали со всех сторон без пауз, так как пока один замахивался другой бил, и через считанные секунды раздалась команда «Отступаем!». Прозвучала она практически в тишине, поскольку опиздюлеваемый в процессе молчал, пребывая в нокауте, а зрители вокруг вели себя тише воды ниже травы.

Стоявшие вокруг места экзекуции студенты всех национальностей словно утратили зрение и слух во время ее осуществления. Виктор всегда поражался, насколько насилие способно разорвать шаблон у большинства людей. Они словно не верили в реальность происходящего – как в толпе народу происходит деловитое превращение кавказского студента в мешок с костями. Много раз подобное Виктор наблюдал в электричках во время «белых вагонов», когда пассажиры находили массу более интересных и неотложных дел, чем происходящий рядом кровавый кошмар. После первого же «белого вагона» Виктор сделал для себя однозначный вывод – нет смысла звать на помощь и кричат «убивают». Услышав про это, аудитория обрадуется что убивают не их, и поспешит покинуть зал. Любопытно еще, что жертва до последнего надеется – «нет!! Не со мной!!! Такого не может быть! Вокруг же люди!». Может, сука, может. Еще как может. Именно вот так это и происходит – здесь, с тобой, сейчас. И только почувствовав хруст собственных костей, до жертвы доходит – убивают же! Натурально! В этот момент происходит осознание бренности бытия: кто–то кидается в самоубийственную атаку, когда уже поздно, кого–то не могут оторвать от вагонной скамейки а то и от одного из нападающих, в кого жертва вцепляется как в собственную жизнь. А кто–то просто начинает орать, безнадежно и страшно. И тогда у бьющих возникает одно желание – заткнуть орущее существо и поскорее сделать так чтобы этот леденящий душу вой прекратился. Встречаются впрочем и эстеты: Виктор знал двоих арийских воинов, которые задержались в движении лишь потому, что очень любили слушать как визжат китайцы. А орут они действительно знатно – как–то не по–человечески даже, с тонким пронзительным звуком, переходящим в почти неслышимый диапазон.

Кавказскому студенту в принципе повезло. Били сильно, но аккуратно – повреждения исключали летальный исход, а драка... что драка. Это труп есть ЧП, а когда кто–то получил пиздюлей у универа – дело житейское. Другой вопрос что такие вещи реально заставляют бояться. Тот же З. как–то раз по пьяни сформулировал, что лучше не убивать, а калечить.

«Похоронили, погоревали, плюнули да новых пидорасов с родины выписали. А вот инвалид перекошенный под себя гадящий много лет напоминать будет, кто мы такие и что бывает». Тут никого и не покалечили, но эффект был. Даже не столько в факте, сколько в слухах и приукрашенных очевидцами рассказах, в которых отряд двухметровых фашистов практически зачистил окрестности университета. Кто-то будет ненавидеть, кто-то бояться, кто-то радоваться, а некоторые и пожелают повторить. Мир это скука, когда тебе нет двадцати. Плотью и кровью наших героев была война, и чтобы разжечь эту войну не было недостатка в средствах. Порой Виктор думал, насколько им необходимы все эти «хачи», «кавказцы» и прочие – без них жизнь бы потеряла остроту.

– Отступаем!!! – Прапор рывкнул так, что ноги сами понесли оттуда. Виктор жил неподалеку, и сразу рванул в сторону крупной улицы. «В полукилометре – РУВД. Дорогу они не знают... надо рискнуть!». Группа растворилась в толпе, бегали ребята тоже грамотно. Между бойцов,двигающихся после короткого спринта быстрым шагом, постоянно находились несколько прохожих, за счет чего по улице шли не пятеро, а пять человек по одному. В голове Виктора тикал невидимый хронометр – он как будто ощущал время, которое машина ППС едет два квартала. Двигались они точно в сторону РУВД, как он и рассчитывал. Через 150 метров Виктор первый нырнул в огромный книжный магазин и не задерживаясь проскочил в сторону альбомов с репродукциями художников наискосок от входа. Следующим показался Прапор, которому Виктор одними глазами показал в сторону полка с детektивами. Спустя десять минут друзья усердно изучали различную литературу, причем З. флиртовал с девочкой-консультантом, а М. углубился в литературу о беременности и родах.

Так прошло не менее получаса, и Виктор выскользнул наружу. Все спокойно... набрать З.

– Дуйте поодиночке во двор за кинотеатром!

Отлично. Теперь можно не спеша дойти до остановки и сесть в любимый вид транспорта Виктора – трамвай. Где-то минут за пять З. объяснит, где они встречаются, ну и еще минут двадцать им туда добираться. Значит можно расслабиться.

«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» – мог бы об этом ощущении сказать доктор Фауст. Хандра совершенно покинула нашего героя, простуда тоже отошла на второй план, а в душе играли первые такты Первого концерта Чайковского. Чувство победы и ра-

дости было превосходно, а особенно то, что теперь они находились в безопасности. А вечер только начинался.

На оговоренном месте к тому моменту как трамвай доехал уже собрались наши знакомые.

– Ну что? Погнали к клубу? – З. явно никак не мог оставить идею разгона концерта.

– Прогуляемся... – Прапор особого интереса не проявил, но и без развлечения оставаться не хотел.

Минут через 15 друзья увидели через дорогу сомнительного вида процессию,двигающуюся во встречном направлении. Порядка 15 щей явно карланского облика и с ними три девицы разной степени страшности: светлая с выбитыми зубами, темноволосая жирная с пирсингом и странная девушка в очках и пуховике. Так Виктор впервые увидел легендарных Кис – Белую и Черную, а также их подругу, чье имя не сохранила история. Чтобы никто не перепутал их с обычными блядьми, каждая сверкала характерными аксессуарами: спущенные подтяжки цветов российского триколора, говнодавы и бритые виски дополняли вид девушек. Жизнеописание Кис достойно отдельной главы, а пока что предоставим им роль второстепенных героинь нашего повествования.

Раздались сомнительные заряды, и составы смешались. Настроение было у всех какое-то дерганое, кураж и трусость боролись друг с другом. Побеждало то одно, то другое – вон хилый мальчик бросает бутылку в окно машины с черномазой рожей за рулем. Машина оттормаживается, и состав бросается врасыпную во главе с метателем стеклотары. М., З. Прапор и Виктор идут прямо, не меняя курса, и за ними еще четверо. Машина с треснутым лобовым стеклом уезжает, состав начинает сбиваться обратно. М. ржет. Виктору скучно и противно, но пока еще есть надежда на веселье. Снова донимает простуда.

По пути встречаются несколько нерусских граждан. Трое убегают сразу, один попадает под карлоту. Начинается суетливое избиение: двое виснут на воротах, и падают вместе с чурбаном, остальные, включая девиц, начинают пинать. Жертва отбивается и орет с земли; кто-то лезет шарить по карманам, остальные наносят бестолковые пинки. Наконец жертва вырывается и убегает, в крови, но в добром здравии, хоть и дурном расположении духа.

– СЛАВА РОССИИИ!!! – раздается заряд одного из юных арийских воинов. В руках он победно держит кошелек и дешевый мобильник.

– Выкинь палево! – Виктор закашлялся

– Трофей! – Юный скинхед обиженно оскалился, с видом ребенка, у которого отнимают игрушку.

БАБАХ!

М. неслышно скользнул сбоку и залепил любителю мобильных телефонов затрещину.

– Выкинь, блядь, тебе старшие сказали!

Телефон отправляется в сугроб, кошелек туда же, а деньги превращаются в пак пива «Балтика тройка» в ближайшем ларьке.

– Народ!!! А погнажи днюху Кота отмечать!

Виктору становится понятно, что никакого разгона концерта не будет.

– А водка будет? – М. непостижимым образом досасывал уже третью «Балтику»

– Да у Кота все ровно! Он из основы!

– Не знаю такого...

Спустя полчаса поредевший состав собрался в подъезде старого «сталинского» дома на улице Воеводина. Уехал на тренировку прапор и третий боец из «Викинга»; с кем-то созвонился и отбыл к концерту упорный З. Виктор не составил ему компанию, так как дико замерз и мечтал о любом тепле, хоть бы и от батареи в парадной.

Кот оказался тощим субъектом лет двадцати с хвостиком на вид, доложившим что он «шесть лет в Движении». Одет он был в деловые брюки с кожаной курткой, и видом напоминал вокзального барыгу.

Рекой лилась «Балтика» и дешевая водка, и развязались языки.

– ...а верхом на нем Сема сидит! И отвертку в спину вдоль позвоночника задумчиво так втыкает! Тыц, тыц, тыц...

– ...когда жила у Гриба, каждый день упарывался, скотина. Ольге грудь и между ног везде сигаретой изтыкал, места живого не было. Меня убить грозил. Хорошо Киса Дизеля знала – они Гриба впинали у него же на хате.

– Гриб сдох же?

– Ага, тогда после пиздюлей блевотиной захлебнулся!

Девочка в очках рассказывала интригующую историю своей неформальной юности у панков и обстоятельств, как попала к скинхедам. До Виктора доходили слухи о той истории – про варщика дезоморфина и извращенца Гриба, которого вычислили и накрыли отдаленные знакомые Виктора. Он слышал, что Дизель пробовал пытать наркомана перед смертью на предмет того, где деньги. Ничего не добился, правда – тот просаживал все что попадало в руки. Как к Грибу могла попасть обычная девочка? Лет пятнадцать от силы... симпатичная, пожалуй. Приличная одежда... очки. Наверное родители есть, и наверное любят дочку. Жила у него? Что могло привести ее туда? На эти вопросы у Виктора ответа не было... и наверное подонку и отморожку Дизелю на том свете зачтется, что хоть ее оттуда вы-

ташил. Даже этот подъезд был несомненно лучше дезоморфиновой клоаки. Такие истории вызывали в Викторе приступы черной злобы и жестокости – сколь бы сильно не были перемешаны в его душе представления о добре и зле, но такое следовало давить без жалости и сомнений.

Вокруг пили, общались, дрались, а Виктор так и сидел в обнимку с теплой батареей. По лестнице на свою незадачу спускался парнишка с гитарой, и на свое несчастье подвернулся под руку уже изрядно пьяному М.

– Сссслышь... стой, дай на гитаре поиграю!

Ни жив ни мертв от страха, явный учащийся музыкальной школы отдал гитару тяжеловесной фигуре с на редкость отталкивающим бритым еблом.

М. бережно взял в руки гитару, освободил от чехла, и заиграл, перебирая струны короткими толстыми пальцами:

...Над миром рассвет
Занимается новый
И вот огнем
Полыхает заря
Народ на борьбу
Поднимается снова
Пусть будет свободна
Наша земля...

Пел хоть и неумело, но душевно. Стихли разговоры, кто-то пробовал подтягивать. За мусоропроводом метал харчи недавний метатель бутылок в автомобили. Пролетом выше раздавалась какая-то возня. Присмотревшись, Виктор обнаружил тощую задницу именинника Кота, ебущего девочку в очках, прислоненную к перилам. «Шесть лет в движении, да».

...Никогда не погаснет пламя
Священного огня
Мы будем бороться за твою свободу
Живи Россия моя
Мы будем подниматься снова и снова
Пусть мир будет против меня
И мы умрем за тебя Россия
Живи Россия моя!

М. вернул гитару владельцу и смахнул слезу пьяного умиления от чуда рождения музыки. Обнял за плечи парня с гитарой и проводил его на выход из подъезда, чтобы тот миновал сборище. Мало кто знал, что с гитарой у М. были связаны воспоминания о любимой бабушке, по чьей иници-

ативе он несколько лет, страшно мучаясь, отходил в музыкальную школу. Бабушка очень радовалась успехам внука, и долгие годы потом М. испытывал самые почтительные чувства к представителям музыкального ремесла. Многие удивились бы в принципе наличию у него каких-то чувств, отличных от чувства голода. Народная молва считала его совершенно безжалостной и безнадежной свиньей без каких-либо проявлений человека.

А через час Виктор уже был дома. Как всегда в такие дни хвативший адреналина организм долго не мог заснуть. В полусне-полуяви перед внутренним взором проходил калейдоскоп мыслей, событий, лиц. Прыжки на голове... бег... девочка Аня в очках... «Шесть лет в Движении»... что-то еще.

После этого дня Виктор не менее полугода ежедневно встречал по пути домой опиздюленного ими у университета кавказца, изо дня в день наблюдая заживающие пиздюли. Они явно узнавали друг друга, и смотрел опиздюленный очень зло, но никаких последствий эти встречи не имели. А вон концерт никто тогда и не разогнал.

Шел 2002 год.

Глава 6. Гук-общаги

Каждый город, кроме всем известных достопримечательностей, отмеченных на картах и известных туристам, имеет странные и загадочные места со своей собственной аурой. Такие места также известны как «места Силы» – где сами камни хранят дух насилия, жестокости, разнообразных пиздюлей и отпечаток воспоминаний участников и жертв.

Про такое место и расскажу читателю – о широко известном в узких кругах месте, которое, пожалуй, достойно собственной главы нашего повествования.

Между улицами Куйбышева и Малышева есть участок набережной реки Исеть, которая только недавно стала цивилизованной. Раньше там были с одной стороны реки стройки, а с другой – Дендрарий, причем его довольно дикая часть. Берега соединены пешеходным мостиком, который соединяет Дендрарий со стороны Радищева и улицу Карла Маркса. В районе улиц Горького и Карла Маркса и стоят они – гук-общаги, то есть здания по адресу Горького, 20 и Горького 28 «а».

На вид это два обшарпанных исторических здания постройки начала XX века, в которых в начале века XXI путями неисповедимыми поселились гуки. «Кто такие гуки» – спросит непросвещенный читатель? «Гуками» американцы во время войны (а слово появилось еще со времен войны на Филиппинах) во Вьетнаме называли азиатов,

ну а в обиход специфических кругов оно несомненно попало из культового фильма «Ромпер Стомпер». Заряд «kill Gooks!!!!» оказался узнаваем, и так излюбленная дичь получила родовое прозвище, а место силы получило свое подлинное имя – гук–общаги.

Никто не знает, откуда и когда там появились азиаты. Почему догадаться нетрудно: это самый центр Екатеринбурга, который в те годы бурно отстраивался в местах ветхого частного сектора, где сейчас находятся масса дорогих новостроек. Кто–то это все должен был делать, и видимо изначально планировалось использовать ветхие здания для жилья рабочих, но вышло из этого нечто совершенно иное. Как–то не помнит там история тихих гастарбайтеров, а помнит то, что обе общаги стали центром розничной торговли наркотиками и местом паломничества наркоманов и разнообразного приезжего сброда. Как следует из названия, преимущественное население общаг составляли азиаты, но в целом присутствовало дерьмо всех национальностей: вонючие киргизы, таджики, даже единичные цыгане и прочий сброд. Жутковатое было место: кругом стройки, через речку парк, освещения мало, и только случайные прохожие шарахаются то от приезжих, то от наркоманов. В развалинах рядом было только на моей памяти два убийства, сопряженных с изнасилованием проходивших мимо девушек. Все там было прекрасно: атмосфера, люди, география, местоположение – как будто кто–то специально выстраивал декорации для того, чтобы гук–общаги стали Меккой для молодых людей специфических убеждений.

Первопроходцы атак на гук–общаги рассказывали об этих временах с той же тоской, с какой старый рыбак рассказывает, как в ранешние времена река состояла исключительно из рыбы с редкими вкраплениями воды. «Да как – идешь, бывало, мимо просто – гук идет! Втроем, вчетвером хуярили прямо там, и в кусты. Три минуты и шнурки новые!». Одну из ранних акций в этих краях запечатлел один из самых известных роликов Формата–18, для беспалевности слитый на формат как «Новгородские акции». Это где у речки плохо организованный моб прыгает на одинокого азиата, преследует, а после камера прерывается и видна атака со спины довольно увесистого гука с прической в стиле «афро». Эти кадры реально прославились, так как показываются по телевизору в каждой передаче про скинхедов, и даже были показаны на CNN. Всего роликов там было снято великое множество, включая два длинных видео–дайджеста «Прогулки у гук–общаг» ч. 1 и ч. 2. авторства знаменитого «Фольксштурма».

Очень скоро изобилие дичи привело к тому, что охотники стали на постоянной основе собираться через речку – в Дендрарии, и противостояние приняло затяжной, позиционный характер.

Попробуем перенестись в это время, читатель. Темный летний поздний вечер, тлеет костерок. У костра – темные фигуры; в стороне сидит знакомый читателям А. со своим ближним кругом «основы». Крепкие парни в светлых джинсах и темных олимпийках с подвернутыми рукавами

осматривают молодежь у костра. Горят глаза тех, кто впервые выйдет на охоту на живого человека – это дикий мандраж, страх и какое-то древнее чувство фатума. За рекой стоят, как две цитадели темных сил, общаги. Алкоголь и адреналин стирают реальность происходящего и какие-то условности, и в вечерней мгле уже не Исеть и гук-общаги рисуются вчерашним школьникам, а былинная река Смородина, отделяющая мир людей от мира нежити и цитадели темных сил за рекой. Впрочем, количество нефтяных отходов в Исети думаю сделало бы вполне реальным поджог оной, чтобы совсем соответствовать народной традиции, представлявшей данную речку кипящей и огненной. Вот кто-то затаптывает костер, и происходит волшебное преобразование: уже не дети и подростки выходят на темную асфальтовую дорожку, а что-то дикое, хищное и очень злое. Полчаса, час группа рыскает в окрестностях: пусто. И вот радостным холодком по спине – идут! Сколько их там? Двое? Погнали!

...Кто-то с криком налетает на первую жертву, вцепляется в ворот. Скрутка, и вот уже неведомый киргиз или китаец страшно кричит, проклиная тот момент, когда он здесь оказался. Второй вырывается и убегает – А. презрительно смотрит со стороны. Сегодня не день основы, сегодня проверяется молодежь. Десяток тощих малолеток в смешных больших ботинках выглядят жалко и совершенно не пафосно: сбившись в кучу, они долго и судорожно избивают жертву нелепыми пинками, болезненными, но не приносящими результата. Гук орет; орет страшно и переходя на ультразвук – бесполезно, удары усиливаются. Поймав общий ритм дети пятнадцати-шестнадцати лет не могут остановиться: продолжать бить будут исключительно от страха, что избиваемый встанет и сделает что-то страшное. Так будет продолжаться до тех пор, пока матерящийся А. за шкирки не начнет оттащить карлоту, превращающую в фарш уже то, что не может быть человеком.

Быстрый бег вдоль реки, и вот через полчаса все сидят у нового костра – возле моста на улице Декабристов. Детей трясет, между ними ходит бутылка водки. Половина больше не появится там, и постарается все забыть. Половина превратится в мелких и трусливых, но опасных уличных хищников. И только один, а может двое – тот, кто поймал за ворот и бросил тайской «скруткой», и тот, который сосредоточенно выцеливал затылок для эффективных ударов; изменятся. В их глазах навсегда останется отблеск того костра, а внутри научится сжиматься мощная пружина, кидающая на биты, ножи и арматуру. Когда-нибудь они встанут рядом с легендарным А.. М., Виктором, а возможно и займут их место в новых эпохах.

Никто не знает, сколько молодежи «бригады» воспитали у гук-общаг. Со слов одних моих знакомых, посещали они их регулярно с периодичностью два раза в неделю составом в 5 щцей в течение полутора лет, с немногочисленными перерывами. Не всегда охотничья удача была на их стороне, но чаще были результативные мероприятия.

Еще давно я задумался: как же так? Многие годы в самом центре Екатеринбурга происходил пиздец, а последствий чаще всего не было никаких, по крайней мере со стороны закона. Кого-то там принимали, кого-то сажали – но это не имело ничего общего с масштабами творящегося беспредела. Подойдя к вопросу с научной точки зрения, причин для этого я нашел три.

Во-первых, в обеих общагах проживали несколько сотен жильцов на очень ограниченной площади, и большая часть из них были нелегалами. Избитых туда же и тащили, ну пускай кто-то добирался до больницы. Большую часть инцидентов составили латентные преступления, как я выяснил позднее уже из источников в правоохранительных органах. Куда девалидохлых гуков живые мне неизвестно, но судя по отвратительной вони у общаг делались предположения, что мясо там не пропадало, а кости отправлялись в суп. В общем и целом эти два анклава существовали много лет как бы автономно от правового поля Российской Федерации – подобно тому, как у нас живут некоторые микрорайоны на Сортировке, где торгуют собачатиной из фургонов, а все ценники и надписи на китайском. Только так можно объяснить то, что даже десятки роликов оттуда в Интернете так никогда и не превратились в уголовные дела. Нет потерпевших.

Во-вторых, тому же способствовало исключительное географическое положение общаг. Из четырех направлений для бегства только с двух в принципе проезжала машина, а в еще двух были и есть развалины и пешеходный мост с парком за ним. Спустя 200 метров – оживленные улицы и все виды транспорта, где затеряться можно в любое время суток.

В-третьих именно гук-общаги стали полигоном для испытания множества инновационных идей, которые обеспечили безопасность «акций» для нескольких поколений группировок. Так знакомый читателям Виктор стал основоположником метода хронометража при проведении акций. Суть его сводилась к тому, что на месте будущих боевых действий заранее и в разное время суток производился контрольный вызов милиции. Броском ли кирпича в окно, звонком ли – неважно. Отслеживались как направления, так и время прибытия экипажа, ну и просчитывались заранее пути отхода. Со временем некоторые добились такого совершенства, что в излюбленных угодьях были известны длиннейшие «коридоры» для отступления по дворам, непроходимым для патрульной машины, с препятствиями и выходами в транспортные узлы типа трамвайного кольца, где

след терялся моментально. Испытательным полигоном для всего этого сомнительного ремесла и были общаги, где как будто высшими силами были созданы идеальные для этого условия.

Впрочем, совсем лафа быстро закончилась. В скором времени потерпевшая сторона неплохо организовалась, и редко можно было встретить дичь иначе, чем группами по четыре–пять штук, а например на легендарную помойку гуки ходили только с палками. Неоднократно в окрестностях проигрывался сценарий классического кино – когда прыгнув на группу гуков и ее погнав, задерживались на избивании одного двух, а из–за ворот общаги вылетала огромная стая азиатов с палками и камнями. Тогда следовало поспешное отступление по мостику в Дендрарий, ну а кого–то гуки безусловно отлавливали и били.

Так общаги заняли осадное положение, и наступила эпоха штурмовых атак. Провозвестником данной эпохи стало внедрение А. института санитарных мер: так как проживали известно кто в условиях страшной антисанитарии, то во имя чистоты и дезинфекции с ней стали бороться очищающим пламенем. Первые несколько поджогов были довольно успешны: геенна огненная пожирала большие площади, и всем было весело. Потом стало сложнее: во–первых то, что легко загоралось снаружи, уже сгорело, а во–вторых места доставки вовнутрь живительного напалма стали укрепляться. Стало меньше окон, больше рам, потом их стали закладывать кирпичом; разобрали и балконы. Примерно в это же время в Дендрарии проходил конкурс на лучший рецепт зажигательной смеси, ну а излюбленным развлечением стало спортивное метание разнообразных предметов в окна гук–общаг. Например в случае с двойными рамами хорошо себя зарекомендовало метание в окошко молота, который иногда обматывался войлоком и поджигался. Пока жильцы изыскивали в комнате дымящийся подарок судьбы, через проломленные молотком рамы следом доставлялись гостинцы: газовые баллончики с приделанной скобой, зажимающей кнопку, а также бутылки с горючим содержимым. От неудачного метания бутылок с напалмом стены общаг покрылись черными пятнами, которые придают этому месту специфический колорит и по сей день, особенно там, где бутылки разбивались вокруг окон.

Особой смелостью отличались те, кто ухитрились штурмовать общаги через окна. Эти очень громкие и наглые авантюры сопровождались звоном стекла, посуды и криками, так как внутри ставилась задача как можно больше всего испортить и сломать перед актом аутодафе. Страдала от этого общага номер два, так как первая обнесена бетонным забором. У второй сильнее всего прославился бастивон, спускающийся собственно говоря к речке. Там не осталось ни

одного целого окна, проемы заложены кирпичом; разобран балкон, а на два окна сверху натянуты панцирные сетки от кроватей – это единственный вид защиты, спасающий окна от любых летящих предметов.

Трудно сказать, как жилось там постояльцам в те годы. Поскольку режим посещения общаг сформировался по принципу анекдота «мимо тещино дома я без шуток не хожу», не могу не проникнуться своеобразным уважением к тем, кто там жил во времена описываемого непотребства. Если некоторым участникам нашего повествования подошел бы знак «участнику штурмовых атак», то азиатам полагаю пошли бы юбилейные – типа «два года в гук–общаге».

Впрочем, как я недавно узнал, наши гук–общаги далеко не уникальны: в одном сибирском городе есть суровый обычай подгонять грузовик к оной, отрывать дверь грузовиком, зачищать население ручками от колунов, и увозить все ценное на том же грузовике.

Есть в них правда и определенная героическая статья: сейчас, в 2011 году, они так и стоят непокоренными, и там живут гуки.

Много всего случилось у гук–общаг. Страницы памяти разных людей хранят множество дивных историй, которые увя зачастую интересны только непосредственным исполнителям и участникам событий, потому что одинаковые. Но были и уникальные.

Была история, которая очень сильно всем запомнилась как пример того, что кавказцы всегда и везде стоят друг за друга. Один молодой состав, где никому не было и двадцати, чисто проходя мимо поймал у колонки возле гук–общаги редкий трофей: трех лиц кавказской национальности, лет по тридцать, крепких и довольно увесистых, на кожаных куртках и спортштанах. Скорее всего трофеи имели отношение к наркотрафику в общагах; ну да не в том суть. Молодой состав насчитывал пятеро ребят, неопытных, но спортивных. И на чистом кураже они прыгнули на противников, имея в активе один–единственный «удар» и кажется залитую пряху. Первой же атакой одному из них удалось скруткой запустить противника на землю, а второму из того самого удара два раза выстрелить в ебало. Двое оставшихся пафосных кавказцев оттуда припустили с низкого старта, и отбежали метров примерно на тридцать. Откуда они не только наблюдали за воспитательными процедурами и прыжками на голове, но и что–то кричали на родном языке, комментируя события. Мнения разделились: то ли это были советы составу, куда лучше бить, то ли земляку – как ловчее опиздюлиться. Молодые и дерзкие пацаны остались в некотором изумлении от этого события, как трое здоровенных мужиков зассали пять легко-весных юношей.

Один раз сильно порадовал неизвестный последователь Конфуция, судя по виду китаец. Будучи загнанным в декабре месяце к реке (которая, к слову, в этом месте не замерзает даже в самые лютые морозы), перед лицом неминуемых пиздюлей сохранив каменное выражение лица он степенно вошел в одежду в речку, и против сильного течения в одежде ухитрился переплыть ледяную воду, вылез на берег и растворился во тьме. Данный поступок даже у преследователей вызвал большое уважение – так, абсолютно хладнокровно и молча, мог поступить только обладатель сильнейшей воли. Если он не нашел смерть от воспаления легких и переохлаждения, то этот представитель достоин занесения в самый почетный список героев этой необъявленной войны, как пример абсолютной беспощадности по отношению к себе. Впрочем, эта идея получила творческое переосмысление и у его оппонентов: многократно избитых гуков выкидывали в речку с моста, особенно в холодное время года. Дзен этого зрелища, пожалуй, превосходит только улетающий в ночь через разбитое стекло на ходу поезда потерпевший «белого вагона».

Наконец последняя из уникальных историй оттуда случилась через много лет после описываемых событий. Один из участников «штурмовых атак», повзрослевший и поумневший, прилично одетый прогуливался по местам боевой славы и ностальгировал. Когда повстречал несколько штук гуков, с одним из которых они узнали друг друга – первое знакомство было сопряжено с несколькими ударами арматурным прутком по щцам визави, удравшего тогда под кровать. Испустив истошный крик, азиат нелепо ударил ногой нашего героя, тот от неожиданности бросил его подсечкой, и достал травматический пистолет. Подобно известной сцене из фильма Гая Ричи «Lock, Stock and Two Smoking Barrels» стороны сохранили лицо: герой не знал, не опиздюлится ли, а гуки не знали, что пистолет не настоящий. Погожим весенним днем прохожие наблюдали странную картину: как с моста несется со всех ног представительного вида молодой господин в дымчатых очках, брюках, туфлях и кашемировом пальто. В одной руке он держал пистолет, а во второй – кожаный портфель с документами. Его никто не преследовал, но по старой привычке он все равно ушел по классической схеме: до моста на Куйбышева, где лихо перелез через забор и был таков.

Много лет прошло с тех пор, а так они и стоят, памятником ушедшей эпохи. Появились в общагах и относительно целые окна, и даже сетка от кровати на одном из окон висит полуоторванной. Набережная покрылась бетоном, через реку построили пафосный

дворец–резиденцию полпреда. Бывшие стройки сияют тонированным стеклом офисов и банков. Но порой, время словно возвращается назад, и появляются в дендрарии, где нет уж той беседки, молодые люди на белых кроссовках с липучками и специфической одежде, и круг истории замыкается. Наверное, где–то там же в дендрарии живы тени и духи прошлого, нашептывающие по вечерам злые истории посетителям парка. Да и как знать – не бродят ли на том мосту призраки убитых. А еще порой там гуляют молодые мужики с тоской в глазах, в которых читается грусть и ностальгия об ушедшей молодости.

Да, а в конце набережной, как раз вдоль одного из пути отступления, расположился гениальный памятник. Глыба гранита, украшенная надписью: «Культура объединит человечество. Н. Рерих».

Глава 7. Прирожденные

В музыке хорошо известен феномен вундеркинда, или «маленького Моцарта», когда иной раз ребенок видит впервые в жизни пианино в гости у родственников, и, стоя на цыпочках, внезапно начинает подбирать по слуху любимую песенку, не зная ни нот ни грамоты вообще. Через пару лет таких детей показывают по телевизору; приглашают на концерты, где маленький мальчик в белой рубашечке или девочка в трогательном платьице, едва видные из–за рояля, на высоком стульчике играют так, что залы встают. Это талант, что сложно объяснить каким–то рациональным образом. Талантом природа наделяет человека совершенно вслепую: так сволочь и подлец может иметь нереальную скорость реакции и стать спортивным чемпионом, а тупой как баран сын сантехника и технички получить оперный голос и покорить Ла Скала и Метрополитен Опера.

Уже известный читателям А. вырос в простой пролетарской семье, и всю жизнь нес на себе клеймо троечника, как и его родители. Посредственность была выражена во всем: посредственный район города, серый и унылый, такая же школа посреди панельных пятиэтажек, грязная квартира с ремонтом тридцатилетней давности. С детских лет А. знал совершенно точно, что есть два мира: тот, где происходит что–то интересное, красивое и красочное, и мир реальный, грязно–серого цвета, украшенный помойкой во дворе и сломанными качелями. Да и сам А. вне всякого сомнения принадлежал ко второму миру: невысокий, с оттопыренными ушами и курносый носом, невразумительной речью и клеймом троечника по жизни. По сравнению с ним тот же Виктор всегда выглядел настоящим аристократом, на чей отдающий бесовщиной взгляд всегда слетались девочки, которые не менее постоянно проходили мимо А.

В человеческом мире его звали Андрей. Нет, Андрей никак не относился к озлобленным пролетариям, столь любимыми СМИ для описания образа скинхеда. В их семье была иномарка, а летом в обязательном по-

рядке следовала поездка в Сочи или в Турцию, с жиреющим папой–служащим и толстой дебелией мамашей с обесцвеченными волосами. Более того, исходя из своих личных потребностей Андрей был всецело доволен жизнью где–то до четырнадцати лет. А потом начались странные вещи – хотелось непонятного. Где–то во тьме сознания Андрея зрели странные картины: как он, Андрей, решает проблемы, его слово имеет вес, а за ним стоят шеренги людей, готовых повиноваться каждому слову.

«Воля к победе и воля к власти...». Возможно, более впечатлительная натура чем А. увлеклась бы книгами, например о войнах древности, и сбежала бы от серой реальности в мир занавесок и деревянных мечей. Но книги Андрей презирал, как–то опасаясь печатного слова, из фильмов котировал в основном порнуху, а культурные потребности до некоторого времени реализовывал автомобильными журналами и просмотром спортивных телепередач.

Интуитивно Андрей стал тянуться к тем, кто мог бы с его точки зрения воплотить странные желания. И вот настал тот день, когда пересеклись небесные сферы, и А. с какой–то отвратительной карлотой прыгнул на неформальную молодежь. Это и стало тем моментом, когда ребенок впервые подошедший к пианино, на слух играет знакомую мелодию.

Водоворот насилия, захлестнувшего А., оказался по–настоящему прекрасен. Мозг его к этому моменту не был отягощен никакими знаниями, и новый опыт ложился буквально на чистый лист. А. запоминал и анализировал тысячи мелких деталей, которые не отображали остальные: скорость сбора и атаки людей, нюансы позиции жертвы, ошибки и паузы в столкновении, моменты, когда ситуация теряла контроль лидеров и превращалась в хаос. Очень скоро именно поданные им команды, принимаемые спонтанно решения и действия стали сигналом для всех остальных: в любой драке с А. было безопаснее всего, и люди рядом с ним чувствовали себя заговоренными как от пиздюлей, так и от милиции. Ему не было и 16 когда он почувствовал на себе взгляды людей, ждущих от него команды. Это было то самое, что он интуитивно хотел всегда: реальная и очень осязаемая власть. Впервые в жизни он почувствовал себя не троечником в массе посредственностей, а реально лучшим, причем первым среди равных.

Очень сильно изменился Андрей и внешне. За эти два года он набрал не менее десяти килограммов, и из низкорослого подростка гоповатого типажа вырос в коренастого и довольно квадратного парня, выглядящего гораздо старше своих лет. Раздавшаяся в ширину шея и руки заполнили ворот и рукава поло, разбитые кулаки и сплюснутый нос в сочетании с абсолютно пустым взглядом завер-

шили его истинный, природный образ. Изменились также жесты, походка, манера речи и стиль одежды. Его перестали узнавать старые знакомые. Забылось и его человеческое имя – его заменило хлесткое погоняло А., похожее на собачью кличку.

Естественно, в очень скором времени наш герой оказался около гук-общаг. Именно там и сложился основной состав широко известной в узкой кругах бригады, в которую А. сначала вошел как боец, а потом и возглавил. Шестнадцатилетний А. сам по себе наверное вызвал бы улыбку у многих – ребенок же... но о людях говорят их дела.

Цыганский поселок в городе Екатеринбурге известен достаточно широко: построенные на деньги от героина особняки, стайки характерного вида цыганят, наркоманы, ну и собственно цыгане и прочие приезжие. Вот идет монументального вида матрона: шаль, юбки, тапки на толстые шерстяные носки, под центнер живого веса. В руке – плотно набитая сумка. Рядом усатый мужик, выглядящий куда моложе спутницы, но на самом деле старше. Они идут из одного дома в другой, когда видят одиноко стоящего темноволосого пацана в олимпийке «каппа» и голубых джинсах. На руках – строительные перчатки. Дальше события, изложенные в виде текста, куда более растянуты чем то, что было в реальности – времени они заняли примерно столько же, сколько времени займет прочтение этого предложения вслух.

...Струя газа ударила цыганку в лицо и краем задела ее спутника. Тот сунул руку в карман, на согнутой в локте руке кто-то повис. Одновременно кольнуло что-то в боку и стало очень тяжело двигаться. Резанул по ушам визг цыганки и перешел в утробный вой. Мир потерял резкость, и наступила темнота.

А. всегда чувствовал свою бригаду не как спутников, а как части собственного тела. Это он, А., имел восемь рук и ног, которыми действовал не менее слаженно чем двумя. Две пары атаковали цель, и спустя секунды все было кончено. Струя газа с полуметра, два удара ножом в бок, и А. добил жертву ударом молотка в затылок. Цыганке повезло еще меньше – получила нож в ягодицу от четвертого бойца, и на нее посыпались удары всех четверых. Два ножа и молоток за несколько мгновений прекратили сопротивление – жертву вытягивали на удары друг друга. Присоединяется пятая фигура – наносит несколько ударов, и ловко обшаривает жертву. Как всегда, над юбками под одеждой в складках жира прячется самодельный пояс из ткани. Там деньги.

– А., смотри чо тут!

Темноволосый парень держит в руках газовый «Вальтро», снятый с цыгана.

– Выкинь нахуй!

– Валим! – резкий выкрик худенькой девочки, и смазанные те-ни рванули спринтом вдоль забора. Девочка бежит с трофейной сум-кой. Пока вокруг вражеская территория все держатся вместе, но вот пустырь, и А. оказался рядом с девочкой у кустов. Остальные кида-ют рядом с ними перчатки, ножи и исчезают. А. быстро вытряхивает сумку. Грязный пакет, какие-то тряпки, женская сережка... пузырек какой-то дряни, смятая карта города с пометками, телефонная книж-ка... на землю все, к черту! Вот оно!

Толстая пачка купюр переправляется в маленькую сумочку че-рез плечо, какие носили А. и его бойцы, молоток – в рюкзачок де-вочки, где уже лежат окровавленные перчатки и два ножа.

– Что взять успела?

– Вот...

На узкой женской ладони – порванная цепь, два перстня, мя-тый ворох разномастных купюр. Узкая рука девочки выглядит кра-сиво и даже изящно: как-то беззащитно и нежно кажется она на пу-стыре. Девочка очень по-детски сдувает растрепавшуюся на бегу прядь светлых волос. В серо-голубых глазах радость и счастье. А. сгребает трофеи, и они выходят во двор. Движения неспешны и не-торопливы; А. привлекает ее к себе и целует, после чего они зани-мают скамейку во дворе. Она у него на коленях, и пара выглядит столь увлеченной собой, что даже бабки во дворе улыбаются от та-кой картины.

А. смотрит в ее глаза и видит сквозь поволоку безумия отраже-ние солнца в них... день и правда чудесный. Они хорошо смотрятся: физически развитый парень в белоснежных кроссовках, белых джин-сах и темной спортивной олимпийке, и миниатюрная блондинка с телосложением гимнастки: в красной курточке, синих джинсах со школьным рюкзачком. На молнии – смешной полосатый плюшевый котенок с умильной мордочкой.

Улыбаясь друг другу, они идут вдоль улицы. А. покупает ей цветы. Мимо едет машина «Скорой помощи», а им нет до этого дела. Есть только он, она, окровавленные инструменты, и около восьмиде-сяти тысяч рублей разными купюрами у нее в рюкзаке вперемешку с золотыми украшениями.

В голове А. словно невидимый секундомер: с момента акции прошло около получаса. Если все нормально, то остальные уже должны быть где-то в центре. Каждый знает примерный маршрут и свой вид транспорта, а значит гулять им еще около часа. Потом А. заберет деньги и отправится в дендрарий, а девочка – на маршрутке домой, к папе и маме. Железки будут отмыты и брошены под кро-вать, а перчатки – выкинуты на помойку во дворе.

А. и остальные ничем не интересны милиции – трезвые парни с документами без какого-либо оружия в аккуратной летней одежде без малейшего подозрительного пятнышка.

Иногда А. вспоминал свой разговор с Виктором, состоявшийся после оживленного вечера на снимаемой им квартире. Уже больше года А. не жил дома и избегал там появляться, предпочитая менять место жительства где-то раз в два месяца. Он проявлял редкое равнодушие к дорогой одежде, алкоголю, развлечениям, а на то к чему он привык денег хватало всегда. Одежда с вещевого рынка, кроме нескольких статусных шмоток правильных брендов, пельменная у Дендрария, простое пиво и обыкновенная водка на вечеринках на съемной квартире. Простые девочки там же – для них он был легендой. Эта жизнь нравилась и была как-то удивительно целостна: всего хватает и ничего лишнего. Можно все бросить в любой момент, и с первой же удачной акции купить чистые джинсы, китайский нож и снять квартиру.

Да, тот разговор... Тогда Виктор, с понтом пивший сухое вино в компании, предпочитавшей пиво и водку, спросил:

- Слушай, а вот зачем тебе оно все?
- Чего?
- Да вообще все. Движ, акции, чурки, гуки.
- Ну... так надо. Они же охуели! Твари...
- Ах, да, и что же я спрашиваю?

На тонких губах Виктора заиграла издевательская улыбка. Он перегнулся через перила бетонной лоджии и гаркнул на весь двор:

– ВОСЕМЬ ВОСЕМЬ НАШ ПАРОЛЬ, МЫ ВАЙТ ПАУУУЭР СКИНХЕЕЕДЗ!!!

С крыльца взлетела стайка голубей, бабки внизу неодобрительно подняли головы. А. тогда промолчал, но почувствовал издевку.

И правда – а зачем это все? А. не раз задавал себе этот вопрос. Ощущение ответа на него было где-то рядом, но формулировка пришла только сейчас. «Чтобы делать то что я хочу, и чувствовать что это – правильно!». Да, именно так. Нереальная власть и нереальная свобода – нет ни закона, ни рамок, ни пределов. Делай что хочешь, если ты это можешь – и одной стороны деньги, девочки, адреналин, а с другой – железобетонной стеной подпирает уверенность в своей правоте. Что ты убиваешь врагов нации и паразитов, а не просто прохожих. Что деньги не есть единственная цель – важно сочетание.

А. воспринимал идеологическую основу как-то очень естественно, больше на чувственном уровне, чем разумном. Именно идеология дала те рамки, в которых нашел себя А. и те, кто последовали за ним. Но не идео-

логия была причиной того что они делали – причины у каждого были свои собственные.

Вечерело. А. привычно окинул взглядом окрестности беседки в Дендрарии. Кто-то пьет, вон двое дерутся – по торсу, но в тяжелых ботинках. Бой статусный, дружеский, но оба уже в крови. Рядом та стройная блондинка – внимательно следит за дракой. Она испытывала сильнейшее сексуальное возбуждение от любых проявлений насилия – щечки зарумянились, глаза горят. Никто не знал что случилось у нее в жизни и от чего она стала патологической садисткой. Но что-то произошло совершенно точно: жертв она ненавидела по-настоящему, черной ненавистью на грани помешательства.

Чуть в стороне Виктор лениво гоняет двух арийских воинов линейкой, символизирующей нож. Оба в красных полосах, но сделать ничего не могут. А. смотрит с интересом – он никогда не доверял Виктору до конца, но не мог не признать за ним личных заслуг. Во время акций Виктор всегда делал одно и то же: дождавшись прыжка на жертву делал два шага назад, и ждал несколько секунд пока жертва потеряет скорость. После этого как правило следовал короткий рывок сбоку к цели... и несколько быстрых колющих ударов. В работе Виктор использовал либо очень тонкую и довольно узкую ГДРовскую финку с полугардой, либо бывший складной стилет с ручкой, залитой свинцом, оба довольно тупые. Ножом он практически никогда не резал, а только колол. Фирменным почерком Виктора были несколько быстрых уколов практически в одно и то же место – близко расположенные раны давали хороший эффект. Обычно он бил в область почек или солнечное сплетение, и одного соприкосновения с жертвой хватало для фатального результата, после чего изредка Виктор добивал жертву скоростной серией колющих ударов, наносимых обратным хватом в область загривка, ключиц, спины. Ему же принадлежало ноу-хау, как не дать жертве убежать – сильный укол под основание ягодицы. Чаще всего Виктор брезгливо отстранялся от добивания, предоставляя запинывание остальным. Он смотрел на жертв с брезгливым интересом, как на довольно отвратных, но любопытных насекомых. Во время акций он был убежденным солистом, без какой-либо способности работать в команде. Еще он никогда не брал ничего с жертв, хотя с радостью участвовал в прогуливании трофеев с остальными.

Любовь Виктора к стилетам и колющим ударом имела те же корни что строительные перчатки и подвернутые до локтей олимпийки у остальных: узкие тонкие лезвия практически не выпускали

кровь наружу, которая могла попасть на одежду и оставить заметные следы. Минимум следов при достойном результате делали колющий арсенал оптимальным для работы. Ножи свои он всегда уносил с собой, для очистки воткнув несколько раз в землю или снег.

Будучи выдающимся практиком в применении ножа, и технический арсенал, и личные предпочтения Виктор имел в корне отличные от тех, которые мы привыкли видеть в арсенале современного ножевого боя. Хотя однажды он осуществил что-то из привычной темы современного ножа: как-то раз ему нахамил один наглый арийский воин, обвинив в трусости и замусоренности одновременно. Любимой финкой Виктор разрезал ему лицо крест-накрест, навсегда избавив себя от любых публичных проявлений непочтительности.

...Драка подошла к концу. Виктор подошел к светловолосой девочке и обнял сзади за плечи, потеревшись щекой о волосы. Та прогнула спинку, а вокруг них образовалось почтительное пустое пространство. Они были давними любовниками, что не было секретом ни для кого.

А. перехватил только один тяжелый взгляд: смуглого парня в желтой клетчатой рубашке и темно-синем «лонсдейле». «Семен злится», – отметил про себя А. Семен входил в тот самый основной и легендарный состав бригады – сын русского и чеченки, с детства он вырос ненавидимый и русскими, и кавказцами. Чтобы не быть похожим на врага, он всегда брился строго под ноль, а стиль одежды предпочитал околофутбольный. Злобой и жестокостью он выбил себе место в основе, и был одним из тех, на кого А. надеялся как на себя. Слабым местом Семена были только девушки: от южных народов он унаследовал любвеобильность в сочетании с ревнивостью. Сильной же чертой была фанатичная вера в лидера и преданность тому, что для себя он считал своим. Тем, чем для чеченцев являлись единоверцы и соплеменники, для Семена стала бригада.

Читатель наверное ждет по законам жанра завершения этой главы в традиционно-поучительном духе: как все описанные выше персонажи спились, погибли или хотя бы оказались за решеткой.

Из основного состава бригады серьезно не спалился вообще никто. В разные годы двое получили судимости за мелкие преступления, причем условные – а серьезно А. и его люди в принципе не попали под пресс правоохранительных структур. Окружение и молодежка успели обновиться несколько раз, в 2005 году посадки носили вообще массовый характер, а вокруг А. и его людей словно был очерчен заговоренный круг.

Я не раз задумывался на тему того, как так вышло.

Во-первых, они полностью отошли от субкультурного формата акций, когда насилие носило спонтанный и случайный характер наспех со-

бранным составом. Все их действия были продуманы заранее, и ходили они на акции как на работу – строго отделяя их от пьянок и прочего непотребства. Акционировали хаотично, по разным районам города. Очень часто акции сопровождалась глубокой разведкой – жила бригада именно с изъятого у цыган и розничных торговцев. Материальная составляющая еще и прикрывала идеологическую: разбои и грабежи в рамках акций терялись среди массы общеуголовных преступлений.

Во-вторых нечеловеческая интуиция А. в наибольшей степени проявлялась в перфекционизме и внимании к мелочам. Если тот же Виктор порой генерировал полезные идеи и был хорошим тактиком, то А. – прирожденным командиром, который продумывал и видел буквально все. Начиная от внешнего вида бойцов и заканчивая методикой беспалевного ухода с места со специальным человеком, выносящим с места оружие. Это же внимание к мелочам проявило себя и в кадровом вопросе: из основы так никто никого и не сдал, не проболтался и не спалился в посторонней ситуации. Про них ходили легенды, но... многочисленные осведомители милиции не могли связать их с конкретными преступлениями: среди тех, кто владел конкретикой, информация оставалась строго в узком кругу. Еще нужно сказать о том, насколько технически совершенными были их действия: идеально сработанная группа оставляла жертвам, порой даже вооруженным, минимум шансов. Трезво оценивая например себя – со всем арсеналом и навыками самое лучшее, на что бы мог рассчитывать против таких – хоть кого-то с собой на тот свет прихватить. Отбиться от скоординированных действий группы практически нереально, если нападение уже началось. То, что практически не было осечек, значило, что не было и потери контроля над ситуацией и форс-мажоров. Бригада действовала с четкостью и неотвратимостью хорошей мясорубки: то, что в нее попадало, практически гарантировано превращалось в фарш.

В-третьих, и прекратил их деятельность А. своевременно. Когда кольцо стало сжиматься, они просто пропали – кто в армию, кто просто отошел от дел. При этом связи внутри бригады сохранились по сей день – несмотря на то, что все выросли и давно не совершают преступления, во всех жизненных сложностях по-прежнему работает взаимовыручка.

Мне всегда казались забавными рассуждения о выживании во время наступления Большого Пиздеца, но думается мне что шансы выжить в этом раскладе у наших героев в разы больше, чем у любителей заготовки тушенки и макарон.

Что же касается роли этой бригады в генезисе правых банд – они стали первенцами той формации, на которой спустя несколько

лет расцветет кровавый цветок «Фольксштурма». История этих людей провела жирную черту между молодежной субкультурой и организованной преступностью – именно с них началось то, что со временем получит черты террористических формирований.

По некоторым прикидкам, за несколько лет их деятельности результатом стали несколько десятков убийств, без счета – тяжких телесных, грабежей и разбоев. Большая часть совершенных преступлений осталась латентной, остальное либо стало висяками, либо было вменено в заслуги кому-то из тех, кому не повезло и они прилипли. Сложно сказать, можно ли такой итог назвать хэппи-эндом, но совершенно точно это пример совершенно эталонной безнаказанности.

Как нетрудно догадаться, безнаказанность породила еще больший беспредел. Но об этом обязательно расскажу в другой раз.

Глава 8. Предел

Если бы кто-то спросил, с каким местом связан образ Екатеринбурга – многие, не сомневаясь, сказали бы: «Уралмаш». То, к чему мы привыкли и что сделало дух этого города таким какой он есть, это совсем не гламурный центр, похожий на любой другой мегаполис. Пятиэтажные сталинки центральных улиц рабочих окраин, панельная застройка вокруг огромных промзон, дальше – бараки, вот что такое город Свердловск, ставший Екатеринбургом. Уралмаш, Эльмаш, Химмаш... Промышленные районы стали символом города; и футбольная команда навсегда останется ФК «Уралмаш», несмотря на официальное название «Урал», и топовая околофутбольная фирма носит гордое имя ICF – Industrial City Firm. Тут же зародилась в девяностые и одиозная «уралмашевская группировка». Мрачные рабочие окраины воспитали определенную жесткую породу людей, словно сделанных на этих заводах из легированной стали.

М. родился и вырос в сердце Уралмаша в нормальной семье из этих мест: отец из ОПС «Уралмаш», мать служащая, квартира в престижном заводском доме на улице Машиностроителей, когда-то полученная бабушкой и дедушкой на заводе. Рос М. невысоким полным мальчиком, самым обыкновенным для своего района. Драки во дворе, прогулы, приводы в милицию. От сверстников он отличался только большим упорством – так попав в юном возрасте в секцию карате он не бросил единоборства как большинство детей, а так и ходил с семи лет до призыва в армию. В подростковом возрасте М. страшно раздался в ширину, и к шестнадцати годам имел вес порядка девяноста пяти килограммов при росте менее метра семидесяти. Видом он более всего напоминал свинью, вставшую на задние лапки, и в шестнадцать выглядел лет на двадцать пять. Полное отсутствие шеи и глубоко посаженные глаза дополняли портрет парня, к 11 классу ставшему призером России по одному из видов контактных единоборств.

Характеру М. были свойственны две черты: любовь к разгульным пьяным безобразиям в сочетании с изрядным житейским прагматизмом. Первая характеристика постоянно обеспечивала ему культурный досуг в виде бесконечных драк, а вторая уберегала его от посядки и серьезных пиздюлей. Пиздюли несерьезные М. получал регулярно, как правило по пьяни, и относил их к неприятностям типа комариных укусов. Хорошо помню время, как с периодичностью раз в две недели ровно мне звонил тогда еще несовершеннолетний М. и радовал тем, что опять пробил Кировское РУВД – по территориальной принадлежности широко известного в узких кругах праворадикального кабака. В Кировском меня как правило ждала знакомая картина: крохотный кабинет инспекторов ПДН, ровно половину которого занимала похмельная туша. Как правило к этому моменту М. имел довольно приветливый и общительный вид, шутил и общался с инспекторами. Те были чрезвычайно рады расставанию с тяжеловесной деточкой, которая впрочем скоро от культурного досуга в ПДН перешла на новый уровень – к ночным пьянкам с операми Кировского.

Также меня всегда поражало отношение М. к Любочке – он стал первым человеком, который повсеместно рекомендовал Любочку как мою жену во времена, когда я о браке как-то вообще не задумывался. В их с подругой, а потом и в нашей, съемной малосемейке на Уралмаше же о нем несомненно осталась добрая память: в духе М. было собрать до семидесяти человек фанатов, гопников и скинов, дикое количество алкоголя, и со всем этим явиться под окна, где раздавались радостные крики:

– Люююбочкааа!!! Зиг хаааайль!!! СЛАВА РОССИИ!!!

От этой компании все дворовые обитатели проникались к Любочке большим почтением, и даже приезжающие туда экипажи ППСМ испытывали определенное уважение ко всем этим прекрасным людям. Моя машина всегда стояла там просто во дворе, неприкосновенная для соискателей наживы, а я в любое время суток посещал окрестные магазины, спокойно проходя сквозь ночные собрания местных жителей. Меня там в общем тоже знали, но думаю именно М. больше всего сделал для правильного понимания пацанами на районе истинных ценностей и положения дел.

Любопытным моментом было отношение М. ко мне и к Любочке: мне он был многим обязан, а она стала для него неким светлым идеалом арийской женщины, совершенно не имеющей какой-либо личной сексуальной составляющей. Сам М. половую жизнь вел слабо упорядоченную, и предпочтения в выборе имел самые приземленные – чтобы было с кем и было где. Любочка же для него стала

тем самым романтическим идеалом Прекрасной Дамы, ради которой рыцари совершали свои подвиги.

Как и когда он стал скином? Сложно вообще отнести его к данной субкультуре: в нем переплетались черты алкофаната, скина, классного бойца и реального пацана. И все это было сплавлено духом своего района: и нелюбовь к чужакам, и верность цветам команды, и стойкость в бою произрастали из Уралмаша – глубинного, жесткого, кондового. Это свой дом, свой район, своя команда, эти камни и эти люди помнят поколения предков. Родина и нация для М. были ничем иным, как двором на улице Машиностроителей и всем тем, что он помнил и любил с момента своего рождения.

Учиться и куда-то поступать он даже не пытался, трезво рассудив что лучше всего в жизни умеет драться, и больше ничего ему и не надо. Движ дал ему множество интересных противников и широчайшее применение навыков смешанных единоборств; и вместе с тем – идеально вписался в личную систему ценностей.

Именно М. принадлежит совершенно гениальная система разговора «по понятиям», которую я наблюдал многократно. Словесная эквилибристика в «разведении на базаре» позволяет себя уверенно чувствовать наглому и говорливому. М. же многословием не отличался, говорил мало, но по делу:

– Ссслышь, бля, да ты чорт, бля, да я щас распишу тебе за...

М. делал очень внимательное лицо, и некоторое время слушал с крайне задумчивым видом всю тираду. После его лицо озарялось счастливой детской улыбкой, и он объявлял:

– Щас будешь опиздюливаться!

Тут у его собеседника была чуточку времени для принятия единственно верного решения, ну а те, кто не успевал, были уже оповещены о своей участи. С М. я дрался многократно, и занятие это так себе – он с большой любовью и умением сажал высокие удары ногами добавляя к этому сытные боксерские серии. Бороду он держал закрытой, а на удары например по голове сверху внимания не обращал вообще. Принимая лбом серии ударов, лениво стряхивал кровь из рассечений... и продолжал долбить с неотвратимостью поршневого механизма. Толщина шеи, а точнее ее отсутствие, делали нокаут штукой очень редкой для М.

Как-то раз мне позвонили с известием что пьяного М. сбила машина, и прибыв на место я обнаружил страшно раскуроченную шестерку, и пьяного в дикую свинью М. со ссадиной на лбу, который матерился и шатался. Сбили его на скорости около 50 кмч, когда М. ломанулся к киоску с пивом через широкую улицу. Рефлексы кинули тушу на капот, он перекатился по нему, разнес лобовое стекло и как ни в чем ни бывало укатился на землю, откуда встал в хорошем настроении как ни чем не бывало. М. не верил в факт того что его сбили: ругался и вопрошал владельца кто ж это

его машину так. Лишь Любочке он доверил диктовать что писать в протоколе... Кое-как сопроводив его до метро, мы с трудом предотвратили отбирание гитары у прохожего, ну а оказался он к утру опять же в Кировском РУВД, без каких-либо заметных последствий от аварии. Машину с места ДТП увезли на эвакуаторе.

Свой последний звонок он помнится отметил тем, что на моих глазах засадил ногой с развороту в метро в дверь из оргстекла. От уширы гриндерсом дверь из оргстекла рассыпалась, а сотрудники милиции так охуели, что никаких последствий М. с ленточкой выпускника через грудь за этот подвиг не имел.

Эта история будет как раз про уже знакомых читателям героев, а место действия и логика событий – тот самый Уралмаш, с разговора о котором началась эта глава.

Кажется, это был день одного из первых футбольных матчей сезона. Весна была поздняя, и заваленный снегом уралмашевский стадион был полупустым. Около фанатского сектора было чуть оживленнее: несколько десятков характерных личностей довольно бодро заряжали «флаг оранжево-черный...». Это были те годы, когда на секторе совершенно точно было больше бомберов, «громов» и тяжелой обуви, чем патчей и венков.

– БУДЕТ СЛАВЕН КОЛОВРАТ!!!! УНИЧТОООЖИМ СТРАНЫ НАААТО!!!

Заряды на секторе странная штука. То, что извне кажется шумом, удивительно захватывает участников процесса изнутри. Свой голос не слышен даже в акустическом прессе из сотни таких же; тысячи же дают эффект части огромного, страшного и агрессивного организма, в котором растворяешься и теряешь свою индивидуальность в ревущей массе.

Виктор и М. сидели на ограждении чуть в стороне от движухи. Виктор к футболу относился равнодушно, и был рад предложению М. что-то обсудить – как-то действие на поле не вдохновляло, а немногочисленная шиза на секторе утомила к концу первого тайма.

– Слышь, дело есть. – М. подтолкнул вперед хилого юношу в бомбере весом около пятидесяти килограмм. – Давай, не тяни. Рассказывай.

Затравленно глядя на Виктора, о котором юный скинхед слышал только разные ужасы, он поведал любопытную историю.

Из рассказа юного скинхеда Сени следовало, что в общаге неподалеку от стадиона поселился коллектив исключительно наглых азербайджанцев средних лет, имевших сомнительное прошлое и ка-

кие–то отношения с бандитами. Когда Сеня и его друзья немножко побили там стекла и написали на стенке гадость, буквально тотчас были вычислены у себя на районе славянскими бандитами, получили что положено и подробный счет за стекла, в довесок к наказу никогда и ни за что не трогать этих азеров. М. эта история возмутила до глубины души: сама мысль о неприкосновенных чурбанах на районе вызывала те же эмоции, какие бы вызвала например у мусульман неприкосновенная свинья в мечети. М. долго пытался собрать состав на стадионе, но идея мутить на криминальных азеров не вызвала энтузиазма: гораздо большее воодушевление арийских воинов нашла идея погрома овощной палатки после футбола составом не менее тридцати человек.

– ...Бляди ссыкливые. Да мне похуй, не пойдут так пойду один. – М. сплюнул. Виктор ощерился: оно конечно было неприятно ввязываться в масштабный блудняк... но по спине побежал характерный холодок адреналина. «Смогу ли?».

После футбола на месте сбора встретились четверо: М. за ручку с Сеней, Виктор и еще один знакомый Виктора, хилый физически но не желавший отступить. Вопрос почему он это сделал был дискуссионный: очень может быть что отказать Виктору он боялся сильнее, чем каких–то там азербайджанских бандитов.

Виктору в глубине души не нравились ни идея, ни состав. Тактическая часть его мозга анализировала ситуацию, и многое вызывало напряжение. Во–первых смущало отсутствие ножа – на футбол Виктор брал исключительно заточенную отвертку, которая все–таки не была любимым инструментом. Во–вторых не радовала вторая половина состава: крепость цепи определяется крепостью самого слабого ее звена. Ну а в позитиве был формат акции: неожиданная атака малой группой имела шансы на успех именно за счет своей наглости.

...Тяжелые ботинки привычно месили снежную кашу. Окрестности обшаги были изучены вдоль и поперек, и даже М. уже утомился искать дичь. Кто только не попался друзьям, но цели – не было! Виктор уже был близок к прыжку на первого попавшегося чурбана просто для того чтобы согреться. Холод вообще один из самых первых врагов практикующего скина, а начало апреля выдалось промозглое на редкость.

И тут появился он, и все замерли в предвкушении. Так охотник ловит удары своего сердца, поймав силуэт дичи в окуляре своего прицела. Азер, вышедший из–за угла, был огромен и величествен. Впереди туши весом гораздо больше центнера шествовало гигантское пузо, на котором покоилась монументальная золотая цепь. Над всем этим, подобно лермонтовскому утесу, возвышался огромный волосатый нос причудливой формы, растущий на отвратном надменном ебале. Расстегнутая на пузе дубленка и сияющие лаковые туфли дополняли портрет дичи. Если опять же провести

параллель с охотой, то азер несомненно был трофейным, и заслуживал наивысшей оценки.

...М. пропустил впереди себя жертву, и, тяжело вздохнув, неуклюжей трусцой побежал ему вслед. Догнав, на бегу М. всадил страшный лоукик под оба колена, от которого азер сделал «березку», взметнув лаковые штиблеты к небесам и финишировал затылком об асфальт. Скинхед Сеня остался в отдалении, а бойцы с трех сторон атаковали дичь. Виктор бил сзади со стороны спины, всаживая стаканы тяжелых ботинок в почки и яйца; его знакомый суетливо попинывал азера по бокам и под зад смешным коленцами. М. же к делу подошел обстоятельно: отойдя на шаг назад, он как бы разбежался, и всаживал в голову жертвы страшный топчущий удар. Стояли хруст и хлюпанье от ударов, перемежаемые гортанными воплями жертвы, которая очень хотела жить. «Когда! Же! Ты! Сука! Сдохнешь! Когда! Же! Ты! Сука! Сдохнешь!!!» – пульсировала в голове Виктора единственная мысль в такт ударам. Казалось, экзекуция продолжалась бесконечно долго. Расправа захватила участников полностью, опьяняя и отсекая от реальности.

Через какое-то время М. почувствовал, как вернулся из прекрасных краев ультранасилия в реальный мир – Виктор рванул его за рукав. То, что открылось перед глазами М., его совершенно не порадовало.

Во-первых, и Сеня и знакомый Виктора уже удрали оттуда метров на триста, причем особо М. возмутился утерей Сеней доверенной ему полторашки пива.

А во-вторых, уже буквально в двух шагах от них были соплеменники опиздюленного, количеством шесть штук, увесистые и очень злые.

– Ойбляяаядь!!! – М. пнул азера на дорожку и припустил оттуда с максимально возможной скоростью. Неубиваемый азер нашел в себе силы подскочить и с воем запустить в них ледышкой.

...Вопреки расхожему мнению, акции в основном состоят не из драк и насилия, а из многочасовых поисков жертвы и как раз таки прикладного бега, к которому и прибегли наши друзья. «Мне-пиз-дец! Мне-пиз-дец...» – пульсировало в висках у Виктора на каждом шаге. Снежная каша под ногами в сочетании с тяжелыми ботинками плохо сказывались на скорости бега. Но главная проблема была не в этом, а в М. Из-за избыточной массы и специфической антропометрии на своих коротких ножках бегать он не мог совершенно, ни с точки зрения скорости, ни стайерской выносливости. Если на татами его выручали повадки слаггера, загоняющего противника пешком с редкими ускорениями, тот тут нужно было именно бежать – долго, быстро и по пересеченной местности. Лично Виктор бы возможно и

удрал, а вот М. бы без вариантов пришел пиздец. Выход был вполне очевиден...но бросить его мешали лютая злоба и то самое состояние, когда он оосознанно лишил себя этого выбора.

М. слабо соображал что-либо в процессе бега. Легкие чуть не лопа-лись, перед глазами начинало темнеть. Появилось чувство отстраненности – все будто происходило не с ним. Надо сказать что к своей участи он все-гда относился с отстраненным любопытством, с редкостным фатализмом.

Мимо неслись гаражи, машины, люди, каждый шаг был тяжелее предыдущего. Виктор остро жалел об отсутствии ножа: был бы нож он бы рванул навстречу преследователям и прошел сквозь них. С заточенной от-верткой против здоровенных мужиков шансов было мало; кроме того двое преследователей не стесняясь бежали с ножами сами.

«Мне–пиз–дец!!!»

Уже приближалась общага, где проживал скинхед Сеня. Сеня и их удравший спутник уже стояли у входа туда, и смотрели как разворачивает-ся погоня. Оставалось бежать метров пятьсот, когда М. встал, согнувшись вдвое и оперевшись в колени руками за припаркованной «Газелью». Вик-тор пробовал набрать цифры домофона, тыкая случайные комбинации – в надежде попасть в подъезд. В узком месте был вариант сдержать чурок от-верткой, прикрывшись М. как щитом – драться тот был не состоянии. Набираемые цифры к домофону не подходили, а каждая секунда прибли-жала преследователей.

– Щас будем опиздюливаться, – изрек М. между спазмами судорож-ного дыхания.

– Последний рывок бя!!! Соберись!!!

Из-за «Газели» они стартовали уже вопя на бегу от старания. Рассто-яние до азеров было метров пять, и этот забег оба участника запомнили навсегда. Шкура уже чувствовала острые ножи преследователей, а общага Сени была отделена примерно половиной двора.

И в этот момент из-за угла дома выехала милицейская машина ГНР. Тогда Виктор мог бы поклясться, что не видел зрелища прекраснее – даже явление восьмикрылого Серафима или лично Адольфа Гитлера не принес-ло бы ему такой радости, какую ему принесло созерцание машины родной милиции. Патрульный автомобиль был прекрасен и лучезарен, окружен нимбом и от исходящей от него благодати хотелось пасть ниц. Если бы например у него бы оказалась открыта задняя дверь отделения для задер-жанных, Виктор и М. бы с радостью туда нырнули сами, и еще бы дверь закрыли за собой. ГНРка затормозила, стала сдавать задом... и остано-вилась точно между нашими героями и составом азеров. Через считанные се-кунды М. и Виктор скрылись в общаге Сени. Милиция приняла азеров.

Спустя десять минут четверо участников гениальной акции стояли в комнате с заброшенной мебелью около общажного чердака. Виктор настоял на том, чтобы все сидели тихо там максимально укрывшись – имелись основания полагать, что их искать тоже будут. На М. было страшно смотреть: лицо его было цвета спелой сливы, а дыхание восстановить он не мог очень долго. Виктор уже начал задумываться о медике, когда понял что М. выживет: сигналом выздоровления стало то, что М., еще не восстановив дар речи, со всей дури дал Сене по морде. Сразу после Сени та же процедура ждала их четвертого спутника. Виктор раза четыре останавливал экзекуцию, чтобы не шуметь, но М. упорствовал, настаивая на каре. Еще через полчаса Виктор и М. на ледяном чердаке пили холодное пиво, которое где-то замутил Сеня взамен утерянного при позорном бегстве. Ни жары, ни холода Виктор не чувствовал...

В общаге их так и не нашли. Когда стемнело, по одному все благополучно добрались до дома. Азера пропали с того адреса буквально через два дня, сразу после того, как в их дворе был пропален микроавтобус с черной полосой вдоль борта – избитый не выжил. Скинхед Сеня по этому случаю присвоил себе белые шнурки, за участие в расправе над врагом. Носил он их ровно до того момента, пока не попался лично М. за рассказом об обстоятельствах их получения. Участие Сени стали ужаснейшие пиздюли, после которых он скинхедом быть перестал совсем.

Виктор после этого момента потерял любое подобие страха. Опасность стала восприниматься безразлично–холодно, через призму осторожности и злобы. Все, что было после, было другим – для себя он уже погиб там, во дворе неподалеку от «Газели», прочувствовав и осознав собственную смерть. И сделал этот выбор осознанно – начиная от вписки за М. и заканчивая тем, что не уподобился скинхеду Сене и их приятелю. Каждый последующий день его жизни для него был взятым у смерти в долг.

Я знал его достаточно хорошо, и охарактеризовал бы Виктора как человека крайне эгоистичного и аморального, способного плюнуть на кого угодно и что угодно если это нужно ему лично. Никаких базовых ценностей, кроме собственных желаний, для него не существовало и не существует. Как и почему произошло то что тогда было я не понимаю, и не уверен что это понимал сам Виктор.

Знавшие обоих героев люди поражались – что у Виктора и М. могло найтись общего? Я сам удивлялся, поскольку они принадлежали к разным мирам. М. – реальный пацан до мозга костей, воспитанный в традиции уличных понятий, дебошир и алкаш. Виктор –

сноб и настоящий интеллигент, с тонким художественным вкусом и довольно развитым чувством прекрасного. Мне было просто общаться с обоими: с М. было множество общих тем в спорте, с Виктором – темы, с насильем не связанные в принципе. Как они находили общий язык странно и удивительно – эта история многое объясняет, но далеко не все. Для меня эти двое, как и еще некоторые уникальные герои нашей саги, всегда были живейшей иллюстрацией на тему того, насколько разных людей объединяло Движение. Мотивы и мысли его участников порой кажутся мне куда более интересными, чем хроники пробитых черепов и сломанных костей. Краски этого полотна изобиловали и страхом, и жестокостью, и героизмом, и порой возвышенными поступками, а равно подлостью и грязью. Живость героев этой эпохи и того, что тогда было, и заставляет память возвращаться к этим событиям.

Что до того самого предела, о котором речь... большинство просто не знает о его существовании. Сам я начал понимать это лишь после того, как преодолел свой собственный. Как начал понимать и написанное у Ницше – известную притчу о канатоходце.

Тем увлекательнее все эти довольно сложные и мрачные вещи наблюдать в явлениях, весьма далеких от проблем философии и познания мира.

Глава 9. Уровни преступности

Когда с некоторых событий проходят года, то многое кажется странным и невероятным: с дистанции то, что было когда-то, будто теряет очертания повседневности, оставляя в памяти лишь наиболее яркое и запоминающееся. Но порой встречается и другое – вещи повседневные словно случаются в иной реальности, и где-то подобно двери в сказку рядом с обыденным существует война, опасность, смерть, адреналин, вкус победы и сильнейшие эмоции того предела, о котором говорил ранее. Самое интересное здесь то, как в принципе появляются подобные вещи. Происхождение банд и то, как туда попадали совершенно обычные люди являются одной из наиболее любопытных загадок человеческой породы.

Как правило начало всех историй было одинаковым. Кто-то где-то или слышал о легендарных подвигах, или же напрямую знал кого-то из представителей Движения. Абсолютное большинство неопитов не вступали в банду, а приобщались к молодежной субкультуре, что в принципе часто бывает с подростками. Бритая голова, пара кассет со специфической музыкой, подвернутые штаны – и вот уже сыночек ведет маму на рынок, покупать куртку на резинках, а порой и переливающиеся разными цветами тяжелые ботинки. Этот этап характерен большим вниманием ко внешнему виду: нашивки, ботинки, шнурочки и атрибутика. По сути такой скинхед ничем не отличается от сверстников рэперов и металлистов кроме шмотья

и внешности. С горящими глазами подросток ищет себе подобных, и очень часто находит. Выглядели они всегда одинаково: смешные большие ботинки, мешковато висящий на хилом тельце бомбер не по размеру или «гром» в холодное время года, отсвечивающая синевой лысина и куча всевозможного палева.

При большой удаче такие попадают в окружение нормальной бригады с определенным опытом, и рядом с ним неофит резко умнеет. Бригада А. например воспитала несколько составов дублей и молодежек, многие из которых пошли достаточно далеко. Спустя пару первых акций происходит четкое понимание: или человек пропадает оттуда, или начинает свою карьеру уже собственно в движе, а не в субкультуре. При соблюдении принципа деления составов хотя бы по возрасту, ну и на основе и окружение существование пятнадцатилетнего ребенка среди опытных скинов сравнительно безопасно, поскольку никто там ему особо не доверяет, на него не рассчитывает, а пример он берет с тех кто хотя бы выжили и не сели. Чем занимается молодежь? В первую очередь это селекционная работа в виде драк с себе подобными, также известными как «зарницы». Опыт этой культурно–массовой работы очень многих загнал в нормальные залы, так как личностный рост невозможен без успеха в драках. Главным полем боя для таких были мутки на себе подобных субкультурных детей: драки с неформалами, рэперами и прочими. Это не были акции в нормальном понимании – это была по сути начальная школа прямого действия. После того, как будут отсечены труссы, следуют проверки молодых составов на простых акциях, у тех же гук–общаг. А. всегда внимательно следил за селекцией: даже окружение окружения его бригады должно было что–то уметь. При передаче бесценного опыта в столь юном возрасте у воспитуемых формируется определенный склад ума и характера, сильно повышающих пассионарность и шансы на выживание. Забавно наблюдать, как человек изменяется внешне: бывало, что за каких–то полгода от взгляда вчерашнего школьника, много повидавшего, плохо делалось ветеранам военных конфликтов. Дух вольницы и адреналин, помноженный на юношеский максимализм и отсутствие чувства меры очень сильно изменяли людей. Так как представители среды продолжали существовать в молодежном социуме, то естественно такие на голову превосходили сверстников в личностном росте. Таким давали девочки, их не то что не смели обижать, а наоборот щемились в ужасе самые наглые хулиганы. Готовность подраться за статус в коллективе и конкретный опыт реальных убийств – вещи очень разные, и для многих движ стал средством занятия высокого положения в разных иерархиях за его пределами. При успешной карьере в скором времени молодежь быстро взрослеет, субкультурность уходит сначала из

внешнего облика, а потом и покидает голову. Место нашивок и шнурков занимают специфические бренды, а порой в отсутствие денег на компасы и венки бойцы просто не выделяются особыми приметам из толпы. Было очень смешно наблюдать, как в такой ситуации милиция уже во второй половине прошлого десятилетия с упорством, достойным лучшего применения, выискивала среди задержанных людей с белыми шнурками и лысыми. По этой же причине многие уверены, что с представителями движа не встречались никогда – человек не в теме просто не вычислит в толпе специфические черты. Дорогие бренды и пафосные детали гардероба в России стали признаком не только околофутбола, но и большого количества именно правой публики, которая с футбольной тематикой не была связана вообще. Так из подростка в смешных ботинках порой вырастал мрачный и агрессивный тип, дорого одетый, умеющий драться, с атрофированным чувством страха и вызывающий достаточно сильный страх у остальных. Пройдут годы, и у лучших представителей будет все: девочки, деньги, хорошие машины; а пока было лишь то, что от среднего представителя мужского пола на посторонний взгляд, особенно женский, наши герои отличались в заметно лучшую сторону. Если конечно не брать во внимание содеянное...

Стать таким как они – вот что было одной из главных мотиваций для неофитов. «Стань опасным – слабому имя «ноль», жизнь – трофеем, что берут в борьбе», как сказала об этом поэтесса. Это же самое собирало в движ людей другого рода: озлобленных и ослабленных. Получив пиздюлей, многие представители нормальных молодежных субкультур от них умнели и желали найти себя в окружении тех, кто их раздает, а не получает. Примечательно, что некоторое количество поумневших перед просветлением огребали собственно от скинов, что и служило поводом к исцелению и смене знамен, музыкальных и культурных предпочтений. Тому способствовал тусовочный характер движа: как и в любую иную субкультуру было достаточно легко попасть со стороны, просто посетив место сбора и проявив определенную настойчивость. Имевшиеся исключения установленного порядка бывали когда человек попадал со стороны уже непосредственно в банду, минуя окружение и дубли. Такое редко, но встречалось. Исключения касались как правило талантливых бойцов, например попавших в правую тему через селекцию околофутбола. Борцы, боксеры, каратисты иной раз солидного возраста приближались к бригадам кто за чем: от адреналина до осознанного идеологически мотивированного выбора. Со всем редкими исключениями было появление в теме людей из обычного криминала, но пару примеров тоже знаю.

Весь этот котел из представителей агрессивной и отмороженной публики смесь представлял весьма взрывоопасную, и результат получался очень разный, и чаще плохой, чем хороший. Если про бригаду А. и еще некоторые формации я говорил, что рядом с ними было безопасно акциони-

ровать, то с большинством бригад было по–настоящему опасно даже не акционировать, а просто быть знакомым и находиться рядом.

Самая губительная вещь для развития движа была никак не связь с организованной преступностью в виде квалифицированных банд, а как раз отсутствие такой связи. Нарушение механизмов селекции состава, принципа разделения основы и окружения давал последствия столь дикие и чудовищные, что порой удивлялись старые и опытные экстремисты.

Что же это такое? «Основа» – основной состав банды, состоящий из лидера или лидеров и проверенных опытных бойцов. Замкнутость основы – ключевое для выживания бригады, так как для по–настоящему тесных коллективов не были опасны традиционные методы работы милиции, которые состоят из сбора информации с осведомителей. Если осведомители милиции, а их всегда было множество, не попадают дальше окружения – банда выживет и сохранит свою сердцевину. «Окружение» – все те люди, с которым основа общается и которые стремятся в основной состав. Как правило окружение позиционирует себя как полноценных членов бригады, да в общем ими и являются. Наличие недреманного ока старших товарищей и примера для подражания гарантирует развитие в нужном направлении и то, что слабохарактерный боец или неконтролируемый беспредельщик будет своевременно выявлен и изгнан, до того как он успеет нагадить. Отсутствие столь любимых милицией «лидеров» внутри окружения позволяет элементарно отсечь спалившихся и попавшихся бойцов, сохраняя банду. По сути постановка вопроса из традиционных учебников по криминологии «установить и изолировать лидеров» не работает в правой среде, потому что лидером там является скорее коллегиальный орган в виде основы, чем какие–то персоналии. Топ окружения органично становится основой тогда, когда от нее отходят старшие – кто обзаведясь семьей, кто в армию, кто еще куда. Примечательно что такие люди практически никогда не обрывают связей с движем, и спустя годы помогают кто связями, кто полезными услугами, кто деньгами, давно расставшись с прямым действием.

«Дубли» появляются тогда, когда при сильно замкнутой основе и росте численности окружения внутри оно начинают самоорганизовываться локальные банды с собственными лидерами. Опытный бригадир это как правило не преследует, а поощряет, поскольку именно в дублях проходят селекцию претенденты на участие в совместных акциях с основой. Тут стоит заметить, что данная система представляет собой отличную коллективную безопасность: шансы на то, что экипаж ППС примет верхом на очередном азере или гуже испугавшихся детей в больших ботинках и людей в федеральном ро-

зыске, стремится к нолю. Детские мутки на детей в широких штанах часто заканчиваются милицией, и ничего ценного ни от самих задержанных, ни от их будущего стукачества, милиция не получает, а о делах серьезных ничего не знает. Много лет от таких слушали они про А. и его людей, и никогда задержанный не мог дать конкретику – кто, где, когда кого валил. Чтобы заслужить право на страшные и стремительные акции с основой, нужно пройти многолетний отбор и в этом вырасти, а стукачу это не грозило никогда. По сути опасность для основы представляли только случайности, грубые ошибки и форс–мажоры – именно так например попался «Фольксштурм». Если бы не досадная случайность и беспрецедентная наглость оных, ловили бы их все еще.

Кроме существования пристойной организации, хватало рядом с серьезными коллективами людей с опытом контрразведывательной деятельности. Вычисление стукачей, слив дезинформации, откровенные провокации органов – все это было, и в ряде случаев чуточку подросшие гении оперативно–розыскной работы в органы работать и уходили. Хватало всегда и студентов юридических ВУЗов и «вышки» МВД: когда начинал свою практику, наткался на хвосты достаточно влиятельных прокурорских и милицейских кланов. Тот же «Фольксштурм» украшал своей персоной любимый сыночек действительно крупного местного чиновника, Все это обеспечивало утечку информации не только из правой среды в милицию, но и обратный поток любопытных данных. Мне как юристу по данной тематике это всегда было очень полезно и интересно, так вот порой банды по информированности опережали милицию на два–три хода. Результатом стало то, что конечный продукт был для милиции истинной *terra incognita* – без понимания структуры среды все способы противодействия были обречены на провал. Не работали ни методы противодействия молодежной общеуголовной преступности, ни методы борьбы с ОПГ. Промежуточное положение праворадикальной среды создало новый, уникальный формат организованной преступности.

Прочитав про структуру среды и уровни преступности, у многих читателей возникнет вопрос – да что ж автор врет–то? Видали мы скинов – алкаши, гопники и дегенераты. Какая там селекция, когда нажрались да пошли дворников толпой пинать?

Именно так все и происходило, когда ситуация теряла контроль представителей праворадикальной элиты. Начало всех этих историй было примерно одинаковое: некоторый коллектив, выросший или из элементарной гопоты, или же из субкультурных юношей, самоопределялся в новую бригаду. Дальнейшая участь такой бригады была незавидной – науку уличных нападений приходилось постигать самостоятельно, одновременно

с этим зарабатывая авторитет. Тут сущность бригады полностью определялась персоналиями ее участников: кто-то так и не вырос из детских штанишек битья неформалов и хулиганства с вандализмом, кто-то пускался во все тяжкие и почти сразу же попадался на первом или втором убийстве, иные вставали на путь грабежей и наживы под праворадикальными знаменами.

Порочность практики начиналась с самого формата молодежной тусовки. Читатель уже знает как выглядели акции у профессионалов этого ремесла, а что было гораздо чаще? Правильно – совместная пьянка с походом по улицам в поисках случайной жертвы. Если даже рядом и оказывались люди опытные, то они не попадались, а попадались как раз наиболее бестолковые участники мероприятия. Каждое попадание в милицию увеличивало шансы на то, что задержанный начнет стучать, порой в обмен на сущую фигню – типа не говорить родителям и не сообщать в университет. С этого момента на бригаде можно ставить крест, поскольку там все между собой знакомы и все связи отслеживаются элементарно. Через одно слабое звено весь коллектив не только устанавливается и садится, но и раскручивается на большое число эпизодов. Такая работа сразу же очень понравилась УБОПу, и один только 2005 год стал на редкость урожайным по посадкам правой публики.

Иногда сам факт знакомства с такими был опасен – тому пример эпичное «дело Макарова», когда несовершеннолетний мальчик, единственная вина которого была в том что он знал несколько диких скинхедов и его номер был в их мобильниках, сел на восемь с половиной лет за преступление, в момент совершения которого осужденный находился у себя дома. Ссученный и пропаленный коллектив скинов элементарно дал отработать все свои контакты, и послушно написал под диктовку показания в отношении того, на кого показал следователь. На фоне полной безнаказанности некоторых легендарных личностей посадка невиновных, назначенных по рандомному принципу, вызывает ощущение какого-то дикого сюрреализма. Те, кто годами акционировали с А., не сядут за это никогда, а тот, кто постоял рядом с дурной молодежью и перекинулся с ними парой слов, рискует огромным сроком и торжественно его получает.

Кроме угрозы посадки, была и вторая проблема – формат преступного ремесла. Если в кругах, близких к авторитетным людям, сходняки основной публики решали вопросы того, что такое хорошо а что такое плохо, то в диких бригадах встречалось все что угодно. Кто-то понимал рост авторитета через беспредельную жестокость без смысла и границ, некоторые – через отсутствие каких-то собственных правил и ограничений. Процветала междоусобица, отсутствие признанных авторитетов порождало беспредел внутри таких

банд. Крысятничество, грызня друг с другом, расколы и расхождения – вся самая темная сторона молодежной преступности была там представлена как-то еще более отвратно чем обычно, за вычетом наверное только наркомании. Селекция там носила прямо противоположный характер: те, кто посообразительнее, бежали оттуда в нормальные банды и околофутбол, а карьеру среди отбросов делали прошедшие через целенаправленный отбор худших. Историю про Адольфа читатель уже знает, расскажу для примера еще одну – про коллекционного ублюдка по прозвищу Медведь.

После 2005 года и посадки нескольких слабых составов, за пределами банд оказалась некоторая критическая масса молодежи. Не имевшие ни средств, ни особого опыта, тем не менее многие из них прошли через опыт коллективных акций, и сочетали глупость с отморозенностью. Подобное тянется к подобному, и очень скоро из этой публики сложился достаточно массовый коллектив, название которого у меня вылетело из головы – то ли «мэд питбульз», то ли «вайт питбульз». Как в натуральной собачьей стае, лидером среди таких становится самый здоровый и самый злой, каковым и оказался этот самый Медведь. Руководствуясь принципом «бей своих чтоб чужие боялись» он достаточно скоро оброс тесным кругом приближенных, и начались бесчинства. Имея намерения превзойти того же А., он в кратчайшие сроки отметился большим количеством очень грязных и массовых преступлений, которым сопутствовали грабежи собственного окружения и беспочвенная агрессия. Когда к «питбулям» начала приходиться субкультурная молодежь, очень многие из них вместо приобщения с светлой белой идее оказывались ограблены и избиты старшими соратниками. Кульминация деятельности Медведя просто шокировала общественность. Как-то раз один из юных скинхедов купил себе на последние мамины деньги тяжелые ботинки, и допустил страшный косяк – забыл проставить выпивки Медведю и его приближенным. За это он был забит насмерть в подвале, а уже умирающему Медведь забил в задний проход пустую бутылку.

Хорошо помню всеобщее изумление по этому поводу на разных сходках, включая на той, которая была на проводах М. в армию. Представителей этой среды сложно удивить какой-либо жестокостью, но тут случай был совершенно прекрасен. Медведю людьми был торжественно вынесен смертный приговор, но с отсрочкой исполнения: в это время он уже сидел в СИЗО. В это время стали известны новые интригующие подробности его личности – оказалось, что он несколько лет старательно и плодотворно сотрудничал с милицией, на тюрьме нагло просился в оперчасть и всем своим видом показывал, что на самом деле он свой, красный. Через него в разное время под правоохранительные структуры попали многие люди, причастные к его деятельности. Звучала и совсем жуткая гипотеза: не было ли создание его бригады косвенно организовано правоохранительными органами? Если так, то это очень удобно – сначала создать себе экстремистов, а потом их же и посадить. Данная инновационная техноло-

гия постоянно применялась в околополитическом экстремизме, но применять ее для формата «бригады» – смелое и неординарное решение.

Иной раз анархия в рядах диких скинхедов приводила к очень смешным инцидентам. Так однажды какой-то довольно отвратный состав решил совершить прыжок на концерт музыки в стиле ска, который сочли проявлением негритянской культуры, чуждой белому человеку. Глупым скинхедам было невдомек, что на том концерте отдыхала основа серьезного околофутбола и лучшие люди города, в числе которых было большое количество ветеранов и топовых людей движа в солидном возрасте и приличных весовых категориях. Когда первый же удар арматурой получил топ-бой уважаемой околофутбольной фирмы, известный всем и каждому, возникла классическая немая сцена – трудно сказать кто охуел сильнее. Результатом стал эпичный прогон диких скинхедов и ужасные кары тем, кто мучил это безобразие.

Как нетрудно заметить, нормальное функционирование что серьезных бригад, что околофутбола возможно только в большом городе. Далекое не массовым образом представлены среди молодежи потенциальные бойцы, и даже среди желающих нужна селекция для отбора лучших представителей. Когда такой возможности нет, например в маленьком городке, бригады создаваемые на периферии имеют свои законы и характерные черты. Во-первых, по духу и стилистике они ближе всего к сельской гопоте, поскольку эволюционируют от дворовых, деревенских и прочих компаний. Во-вторых, очень часто имеют склонность к общеуголовной, а не специфической преступности. А в-третьих, мода из больших городов до периферии доходит с опозданием в несколько лет, и прямо сейчас, в 2011 году в глубинке происходит то, что в Москве закончилось году к 2003, а у нас – в 2008.

Несмотря на некоторую отсталость окраин и поселков, праворадикальную тематику они пополнили несколькими интересными моментами. Так совершенным сюрпризом для многих стали гастролирующие бригады из пригородов и городков в доступности одной-двух электричек: гастрольные туры часто пролегли кровавой чертой через город в течение пары дней, после чего исполнители пропадали. Отсутствие вообще любой связи с представителями городских кругов делало возможным очень наглое и жестокое поведение при наличии минимальной квалификации. К традиционным экстремистским мотивам в данном случае примешивалась еще острая социальная не-

приязнь к городским: отчасти повторялась деятельность московских любителей, но с праворадикальным уклоном. Жертвами становились не только и не столько чурки и гуки, но и те кто оскорбляли взор сельских гастролеров специфическим внешним видом. С городскими правыми кругами отношения у таких складывались по-разному: от совместных например с молодежкой бригады А. «белых вагонов» до кровопролитных конфликтов с основой.

У себя на исторической родине такие срашивались с криминалом порой очень причудливым образом. Самая лучшая история на эту тему была про двух очень идейных и политизированных скинхедов родом из маленького городка. «Два скинхеда, два брата, два солдата расовой войны...» – как пелось о таких «Коловратом». Широкие массы знали их по нацистской риторике, совместным муткам с казачеством и патриотическому воспитанию молодежи, а узкий круг – по очень любопытному заработку. Эти герои крышевали деятельность двух несовершеннолетних проституток-клофелинщиц, многожды судимых за кражи. Их они подкладывали под дальнюю и тех же чурок, обеспечивая силовое прикрытие в случае конфликтов. Как-то раз удача отвернулась от девочек, и клиент-узбек спалил их с клофелином, что предъявил нашим скинхедам. Однако вместо разбора по понятиям узбек столкнулся с солдатами расовой войны – за честь и славу расы и нации был ограблен, до полусмерти избит и остался без машины, а пацаны уехали на его «нексии». Узбек попался живучий, и как-то добрался до больницы, где дал первые показания и пропал: сам он был после свежей отсидки за убийство, и милиции не доверял. Клофелинщиц установили и опознали, и наших героев они сдали. Ребята начали грамотно бегать, проявляя незаурядный талант: один умудрялся бегать полгода проживая в одном доме с начальником милиции общественной безопасности этого городка. Второй все-таки попался – его подставил его же адвокат, на встрече с которым их и приняли. Букет рисовался отменный, и второй начал суетиться. Ситуация была почти безвыходной, поскольку один сидел в СИЗО и под прессом давал показания на обоих. Тем не менее, один толковый юрист дал нашему герою нетрадиционный, но действенный совет: из дела пропал потерпевший. Совсем. О нем не осталось никаких установочных данных. Пропал криминальный узбек и физически – с концом. Второго фигуранта тоже вскоре приняли и закрыли в СИЗО... а толку. Помуржив там около полугода, с разваленным делом им прикрепили какой-то левый грабеж и дали условное обоим. Следы их в правой теме в результате потерялись, но не удивлюсь если они все-таки пришли к успеху в жизни – пацаны очень хваткие и толковые.

Что ждало тех, кто по каким-то причинам попадал в движ? Спектр возможностей был богатый: от могилы и тюрьмы до значительного продвижения в жизни. В жизни существует много наносного, зависящего от денег, статуса, каких-то атрибутов; так вот именно в таких явлениях как праворадикальная среда абсолютно все зависело от истинной сути человека. Труса видно на первой же акции; склонный к предательству ссучится, хвостун провалится в первой же серьезной драке, а равно не удастся утаить и тягу к крысятничеству или иные сомнительные наклонности.

Путь к успеху в этой среде был сродни оному в криминале, но все-таки движ выгодно отличался отсутствием меркантильной составляющей как основной, а это приближало бригадиров скорее к полевым командирам, а не к авторитетам преступного мира. Поднимались наиболее жестокие, циничные, хитрые и подготовленные. Поднимались во многом и за счет всех остальных – убитых, покалеченных, попавших на зоны.

Где именно ты окажешься не знал никто, и тут работали фундаментальные законы естественного отбора. Выработывая из человеческой породы шлак, в процессе эволюции и ковались характеры и типажи, словно сделанные из чистой стали. Сама среда также эволюционировала, и это обязательно будет отражено далее.

Кроме опыта, собственно полученного в акциях, участники получали и опыт выживания в агрессивной и опасной среде в том числе и среди совершенно редкой мрази и самых удивительных уебанов, каких может нарисовать только очень прихотливое воображение.

Весь этот замечательный мир существовал и существует где-то рядом с обычными людьми, но мало кто о нем знает. Это его не делает ни менее интересным, ни менее реальным. По серьезному эта тема только ждет своего исследователя, поскольку написанное претендует лишь на роль заметок и зарисовок.

Глава 10. Старое-доброе ультранасилие

«Заводной апельсин» является поистине величайшим произведением о сути и природе одной из сторон человеческой натуры. Редкий случай, когда именно гениальный фильм Стенли Кубрика дал пожалуй даже больше, чем книга-первоисточник. Подобно волшебной замочной скважине фильм дает возможность кому угодно взглянуть на то, что как правило сокрыто от взора посторонних. То, что опять-таки насколько реально и естественно для одних, настолько странно и страшно для всех остальных.

Эта часть повествования написана очень яркими и веселыми красками – происходящее имело место в солнечный майский вечер,

когда прекрасная погода и предвкушение лета словно наполняли сердца людей какой-то очень искренней радостью. Везде были улыбки, девочки в легкой одежде у Главпочтамта встречались с парнями с букетами цветов. Кипела жизнь; и резкий аромат отцветающей черемухи кружил над парками и скверами города. Еще не заработали фонтаны, а вечером становилось прохладно, но даже ближе к ночи на теплых камнях былолюдно.

М. с довольной и счастливой улыбкой двигался по центру города. Для него, жителя Уралмаша, центр был таким специальным местом чтобы гулять и отдыхать – именно с этой целью туда и ездили люди с окраин. Выглядел он достаточно скромно: грязно-голубые, местами вытертые до белизны джинсы с застиранными бурыми пятнами, тяжелые ботинки с железными стаканами, сбитыми до белизны, клетчатая рубашка с воротом на пуговицах навывпуск и клетчатая же кепка в поддельную клетку Burberry. Взгляд фокусировался на девочках, машинах, просто прохожих, пока не уперся в две подтянутые фигуры у входа в известный дешевый праворадикальный кабаk. Там его ждали Виктор и С., тот самый, который герой истории из «Еврей посмертно». Друзья как раз намеревались отметить два события: его день рождения и выход С. из больницы, куда его отправил коллектив деревенских дембелей во время драки в электричке. Виктор выглядел достаточно неброско: голубые джинсы, темно-синяя джинсовая куртка до пояса, под которой было темное поло. На нехорошие мысли наводили только тяжелые ботинки, чуть менее разбитые чем у М. С. был в сплавовском бомбере и берцах с джинсами навывпуск, с неизменным рюкзаком, в котором жили две пары перчаток, цепь и обрезок арматуры.

– Восемь восемь!!! С. прыгнул вперед, делая вид что атакует М. – мелькнули боксерская двойка и неразвившийся удар коленом вперед. М. со смехом поднырнул, и подсечкой бросил С. на газон, где несколько секунд продолжалась возня в партере. Прохожие смотрели неодобрительно, но драка прекратилась так и не начавшись. Порой среди друзей такие стычки переходили во вполне серьезные побоища, но для этого нужен был алкоголь или внимание публики – это спорт для зрителей.

Очень скоро они стояли в том самом кабаке, который заслуживает отдельного упоминания. В самом центре города, возле Главпочтамта, есть старый гастроном на углу улиц Ленина и Толмачева. Там-то и существует много лет удивительное заведение редкого в наши дни формата, не столь известное как культовый «Пресс-бар», но не менее колоритное. На втором этаже сохранился уголок настоящего советского общепита – с водкой по двадцать рублей на розлив, дешевым пивом, гранеными стаканами, алюминевыми вилками и жирными тетками в засаленных халатах и колпаках, небрежно протирающими заплеваннные столы. Все предметы мебели были покрыты многолетней художественной резьбой, оставленной посетителями: от ДМБ-19... до «МОРДОВЛАГ» и тому подобным. Контингент посетителей состоял из зэков, пролетариата, ЧОПовцев, просто алкоголиков ну

и конечно же агрессивной молодежи – от скинов до окраинной гопоты. Туда вела широкая лестница на второй этаж, и многие слабые духом посетители спускались по ней в ускоренном режиме, а то и над ней пролетая. Колорита добавляло соседство с Кировским РУВД: когда заведение переставало работать с закрытием гастронома, публика перемещалась в стоячий круглосуточный гаштет в этом же доме, ну а самые стойкие заканчивали праздник именно в Кировском.

В довольно дорогом и пафосном центре города это было уникальное место – именно своей атмосферой, которая будто годами впитывала мысли и чувства специфических посетителей. Именно там многие поколения наших героев глотали перед выходом на акции обжигающий горячий чай и принесенную с собой холодную водку после. М. чувствовал там себя как дома, С. и Виктор этому месту были обязаны своим знакомством: они встретились там когда кто-то отмечал свежие белые шнурки.

...К концу подходили первые пару литров пива. Викторпил мажорный по местным понятиям портер «Балтика», остальные – что бог послал. Остальные участники истории не заставили долго себя ждать: в кабак явились З., знакомый читателю по опиздюливанию чуркогука возле крупного университета, и юноша, с которым М. и Виктор валили трофейного азера на Уралмаше. З. был одет по последней околофутбольной моде сезона: светло-голубая бейсболка Tommy Hilfiger, темно-синяя ветровка Aquascutum и едва вошедшие в тренд белые кроссовки на липучках. В ворота ветровки была видна породистая клетка Ben Sherman, а лицо хранило следы не менее породистых околофутбольных пиздюлей. С ними же были две девушки, вниманием которых сразу же завладели обходительный З. и Виктор.

Рекой текли рассказы о великих делах прошлого и современности, и в сизом от сигарет воздухе причудливо смешивались явь и странные образы, в которых кровь и смерть перемежались очарованием беззаботной юности. Все они были очень молоды – никому не было двадцати. Тогда казалось, что впереди это будет вечно – азарт, предвкушение победы, драйв, адреналин, бег, весна и алкоголь, красивые девочки и море свободы. С., которому в этот день исполнилось восемнадцать, вообще видел этот мир полем боя: со скалами, дикой природой, хачами и гуками, собственным страхом, а смыслом жизни видел адреналин – прелесть ей придавало только непрерывное чувство опасности. Пройдут годы, и в разной степени это поймут все: однажды попробовав, ты уже не можешь без этого. «Все, все, что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслаждения...».

А пока наступил вечер, и сказанное, еще витавшее в воздухе, словно подталкивало героев к действию. Девочки были отправлены домой, и в роскошный майский вечер на улицы города вышел кошмар, лишь недавно являвшийся стайкой молодежи.

Сетевые теоретики самообороны очень любят рассуждать по поводу боя против группы и вопросов численного превосходства. Почему—то ужас им внушают большие цифры: десять, двадцать человек... Любой практик знает, что для того чтобы сделать десять—двадцать человек по—настоящему единым целым, требуется масса труда и специфические тренировки, с обязательным определением звеньевых, разбивкой по рядам и отработкой командных действий. Знают это все — от участников бугуртов до околофутбола. Со стороны это практически не видно: очень многими знатоками тактики например от истфехта тот же околофутбол воспринимается как неорганизованная толпа, несмотря на порой точнейшие тактические построения формаций. Также взгляду неопытному со стороны не видны нюансы действий группы в процессе акции: разница между идеально сработанным составом и толпой видна не сразу и не всем.

Пятеро — много это или мало? Для любого понимающего человека ясно, что это — оптимальный состав для автономного акционирования. Меньше четверых — можно огрести от двух жертв, окажись одна способна противостать один на один; больше пятерых — уже сложно даже просто пройти по улице, не привлекая к себе внимания. Сложно потеряться в толпе и в транспорте, а в процессе акции скорее всего бойцы будут толпиться, мешая бить друг другу. Пятеро же сработанных людей способны как результативно накрыть одного—двух, так и погнать состав втрое больше: если в неупорядоченном сборище из десяти человек драться с противником одновременно будут двое или трое, то тесно сбитый состав из пятерых, грамотно маневрируя или встав в узком месте, может встретить врага как единый организм с двумя десятками конечностей. Многое лежит здесь на уровне ощущений: чувство локтя и спины товарища, а также качество, веками считавшееся главной доблестью солдата: стойкость. Для группового боя поражением грозит даже не то, кто хуже дрался, а то, кто первым побежал. Нет страшнее греха перед товарищами, чем побежать первому, и нет высшей доблести чем стоять до конца. Великий закон группового боя гласит — «количество говна не влияет на его качество», и это истинная мудрость.

М., Виктор и остальные как раз были замечательным составом, сработанным пускай не столь хорошо, как бригада А., но все равно стоящим на голову выше традиционных скинхедов. Высокий спортивный и личный уровень ряда участников обеспечивал высокие шансы на положительный результат, а остальное решили их верные друзья — весна, алкоголь и адре-

налин. В тот вечер все это не было призвано служить какой-то цели или некоему результату, а лишь позволило нашим героям следовать своим желаниям и творить все, что они хотели.

Виктор уверенно вел состав по знакомому с детства маршруту. Кругом были старые исторические дома, а впереди – общага одного высшего учебного заведения и окрестности ночного клуба. Количество выпитого им алкоголя было незначительным и скорее обостряло чувства, а вот М. и З. были уже слегка пьяноваты. М. безусловно рассчитывал на чурок у общаги, и как-то даже расслабился, когда З. сделал классическую стойку:

– Опа...

Навстречу шел юный дорого одетый кавказский юноша с большим пакетом с едой и какими-то бутылками. Виктор скрипнул зубами: место для акции не годилось совершенно. В этот момент З. рванул ему наперез: э

– Стой! Стой, бля! Предъявите документы!

З. показал красную корку студенческого билета.

– Вы кто такие, а? Нету документов!

– Дружинники! Ну-ка пошли в отделение!

Тонкие губы Виктора озарились издевательской улыбкой: путь в отделение по версии З. пролегал через очень пустынный двор. Однако через несколько метров конвоирования всю затею испортил М., издевательским писклявым голосом пропевший:

– Шнууурочки!!!

Услыхав про «шнууурочки», житель южных республик стремительно бросил пакет, и рванул в бега. З. пробил убегающему слабосильный маэ в спину, не доведя импульс удара, С. смазано ударил рукой, М. до него не дотянулся, а к успеху пришел один Виктор, поймавший жертву за капюшон ветровки и всадивший результативный лоук в коленный сгиб сзади. Однако велико было желание жить у чурки: оставив в руке Виктора капюшон куртки, практически на одной ноге, он хромя рванул через дорогу под колеса машины, которая еще и поддала ему крылом. Оценив то, что из затормозившей с визгом машины с помятым крылом с матюками выскочили двое, погоню наши герои сочли неуместной. Чурбан ухромал восвосяси, смешно подвывая, а пакет с продуктами и одной уцелевшей бутылкой коньяка достался в качестве трофея. Вечер начался.

...М. шел по улице, грызя на ходу трофейную палку копченой колбасы. Навстречу нашим друзьям двигалась процессия гастарбайтеров числом около десятка с ближайшей стройки. Виктор всегда

считал таковых слишком недостойной дичью, а у М. возникла интересная идея.

– ПОГНАААЛИ!!! – взревел М., и с колбасой наперевес ринулся на гастарбайтеров. Остальные разразились столь же громогласными зарядами, и враг был погнан – из всех повреждений гастарбайтеры получили меткий бросок трофейной подгнившей грушей в исполнении З., растекшейся по ебалу одного из них, и отличную подачу М. колбасой по щцам самому здоровому. Бежали гастарбайтеры весело и задорно, натурально теряя тапки на бегу – оставив пару штук на тротуаре. Тут Виктор все-таки скомандовал отступление, и правильно: через квартал им встретилась машина ППСМ. Ее появление было сопровождено издевательским маршем в ногу со строевой выправкой в исполнении именинника С, М. и З.

Оттуда они отправились во двор к старому знакомому С., отошедшему от праворадикальных дел. Там был допит трофейный коньяк и догрызена боевая колбаса. Дальше друзья продолжили веселую прогулку. М. заявил о желании сыграть на гитаре песню «Живи, Россия моя!», и с этой целью все пошли по направлению к так называемой Трубе – подземному переходу, традиционно служившему сборищем неформалов и самых маргинальных городских говнарей. Именно там был отработан велосипед и рюкзак с вещами у экстремала моим первым клиентом П.

О приближении к Трубе можно было догадаться по двум характерным вещам: завываниям пьяных певцов под гитару и острому, резкому запаху мочи. Исследователи этого вопроса разделились во мнениях: часть считают что данный аромат проистекает вследствие обоссывания говнарями всех окрестностей, а другие полагают данный аромат их собственным, приобретенным с той же целью что у скунса – чтобы было противно трогать руками.

Возле Трубы по случаю хорошей погоды было очень людно – на глаз толпа насчитывала не менее пятидесяти человек, из которых минимум три четверти составляли существа мужского пола. Тут М. пришла в голову гениальная идея.

Сбив состав поплотнее и встав в двадцати метрах, друзья заорали:

– Слава России! Слава России! СЛАВА РОССИИ!!!

...после чего пятеро побежали на толпу, а несколько десятков неформалов – от них, врассыпную, с исполненным ужаса завыванием «скиныыыыыы». М. от смеха начал икать, а Виктор чуть не выронил оба ножа из вертикальных внутренних карманов джинсовки. Проследив направление бегства неформалов, было решено проследовать ко второму подземному переходу в некотором отдалении: был шанс встретить там самых морально стойких говнарей и все-таки отобрать у них гитару.

Во втором подземном переходе очень вяло и неуверенно жались друг к дружке около десятка говнарей, среди которых горделиво сидели две фигуры в нарочито скиновском прикиде: знаменитые Кисы, Белая и Черная.

Нашлась там и гитара, и пока М. со слезами умиления исполнял песню «Живи, Россия моя!», Кисы поведали нашим героям как так вышло. Кисы очень любили посещать Трубу с целью мелкой наживы: говнарей они использовали как благодарную аудиторию для рассказов о своей славе и источнике личной наживы: любые намеки на деньги Кисы отбирали безжалостно, под угрозой кровавой расправы. В рассказах Кис меркли подвиги А. и его банды: в их повествованиях выходило, что чурбанов они мочили где-то раз в два дня. Виктор имел основания полагать, что средством расовой борьбы Кисы избрали биологическое оружие: ходили упорные слухи, подтвердившиеся в последствие, о ВИЧ-инфицированности одной из них. Таким образом белые шнурки вполне могли быть заслуженными: по твердому убеждению большинства переспать с Кисой мог только вырожденец и подлинный враг расы и нации. Так вот, и эти говнари бы удрали – если бы не личное поручительство Кис что их не будут бить. Впрочем узнав что неформалов и правда не будут бить, Кисы ненадолго расстроились. Очень быстро в переходе стало весело.

Тем временем в переход спустилось три пьяно-агрессивных тела – двое русских в компании достаточно увесистого чурбана. Кто-то из них зацепил одного из говнарей, и началось веселье. Ножи змеисто скользнули в руки Виктора, а он сам – навстречу обоим представителям интеллектуального большинства, упустив из виду участь чурбана. После первого же поцарапанного предплечья оппоненты удрали, а Виктор развернулся назад, и слегка охуел от апокалиптической картины.

...Пока Виктор был занят, З. неумело но красиво провел удар в ногу голову чурбану. В отличие от таранных ударов М. это не привело к успеху: кроссовок шоркнул по щеке, и не миновать бы З. пиздюлей, если бы не несколько сильных попаданий в чурбана со стороны С., нанесенных с тыла. По причине малой массы он не мог свалить здорового мужика сразу, но смог главное – связать его и лишиться маневра. В эти секунды М. провел каноничную набегающую серию – маэ, мавашка в средний уровень, и тройку руками – прямой, боковой, апперкот; все в голову. Исход боя был предрешен, и тут Виктор увидел уникальное зрелище.

Где-то в переходе З. нашел метлу – самую обыкновенную метлу, которой этот переход подметался. И когда чурбан был переведен в горизонтальное положение, подобно средневековому копыеносцу с разбегу воткнул метлу ему в ебало. И стал методично бить своим копыем, смешивая грязь с метлы, обломки веток с кровью, так как пучок острых веток превратил лицо жертвы в совершенно чудовищную кашу. З. осатанел; как всегда в таких случаях насилие захватывает разум, мешая остановиться, и в мозгу колоколом бьет одно – бить,

бить, бить. Для классического сюжета «Георгий Победоносец, поражающий змея», не хватало только коня. Присутствовавшего говнаря, чья была гитара, выворачивало наизнанку, а лицо его выражало беспредельный ужас.

Оттащив З., все отступили. Кисы свалили вместе с ними.

Прошло наверное около часа, и уже почти стемнело. Именинник С. со всеми попрощался и отбыл до дому, а остальные продолжили прогулку. После перехода все окончательно протрезвели, а Виктора уже начало морозить – промокшее от пота поло и джинсовка особенно не грели. Он в компании еще одного их товарища сидел на каменном парапете и слушал байки Кис, которые в его системе ценностей представляли собой интерес наподобие забавных насекомых. М. и З. отчислились до парка облегчить мочевой пузырь, и веселье вроде как подходило к концу. В этот момент Виктор увидел какое-то движение в отдалении: там явно шла драка. Присмотревшись он увидел знакомые лица и моментально понял что случилось: М. и З. прыгнули на двух чурок. Тот, которого бил З., удрал, а тому, которого изловил М., не повезло, и Виктор наблюдал синий «акваскатум» и голубую кепочку З., характерно летающие над чурбаном в процессе прыжков на голове. За их добычу можно было уже не беспокоиться. Отступили М. и З. после этого, естественно, обратно в парк.

Внимание Виктора привлек беглый чурбан – тот удрал как раз в его направлении, и даже пробежал чуть дальше. Тут была замечательная возможность поглумиться.

Оставив Кис на парапете, Виктор и еще один их спутник двинулись к унылой фигуре через дорогу, зажимавшей разбитый нос.

– Эй! С тобой там чего? Кто тебя так? Ох ни хуяя...

– Ааа... Оооой... дааа! Шли с братом, да, ударили–напали, ничо не видель убежал!

– Пиздец какой. С ровного места человека бить? Фашисты!!! Кошмар... не повезло ж тебе!

– Ыыыы... да, плохо–то как!

– А ты почему не дрался? Ваш же двое было?

– Страшно, побежал!

– Ничо, не ссы! Нас еще двое – погнажи в парк! Надо догнать тех, двоих – они точно туда удрали! Давай с нами туда!

– Не могу драться, нос больно, страшно...

– А с братом чо? Пошли хоть посмотрим!

– Ааа, не знаю, куда не пойду, позвоню пусть миня заберут...

После еще пары минут уговоров выяснилось, что драться собеседник ни с кем не хочет, в парк он не пойдет, а на брата ему наплевать.

– Ах ты трусливый пидорас... – грустно сказал Виктор.

...Пиздюлей чурбан получил под жизнеутверждающие заряды «Трусливое говно!» и «Вот тебе за брата, сука!». Заодно и повод нашелся.

На этом вечер перестал быть томным, и наши герои отчислились по домам. Виктор шел в сторону дома, подставив лицо последним лучам майского солнышка. Вернулись привычные звуки – была слышна музыка из кафе, навстречу шли парочки с цветами. В город приходила теплая, уже почти летняя, чудесная майская ночь. Слегка саднила правая рука и ныло в спине. Уже приближались родные места, когда чуть близорукий Виктор увидел в отдалении какое-то смазанное пятно, движущееся навстречу и остановившееся. По мере приближения пятно стало хромать, а еще через несколько секунд Виктор идентифицировал хромого чурбана, удравшего от них и оставившего пакет с коньяком и закуской. Стороны узнали друг друга с первого взгляда, но моральных сил на сопротивление у чурбана не осталось совершенно, и он смирился с судьбой. Он был утащен в живописный уголок между скамейкой, киоском и стенкой детской поликлиники, где был бит с непередаваемой жестокостью. Виктор решил что если так распорядилась судьба, то эту жертву требуют суровые северные боги, а слова М. про "шнурочки" были пророчеством. Он практически размазал ебло жертвы об угол детской поликлиники, а то что осталось в очень испорченном виде впинал под лавку. Крови в процессе экзекуции натекло как на бойне, а еще Виктор сильно разбил правую руку об зубы, и к утру ее разнесло вдвое.

З. ту ночь провел дома, явившись как положено примерному сыну и хорошему студенту около одиннадцати. Его встретили любящие родители, накормили ужином, и перед сном они с папой пили дорогое пиво и смотрели фильм на огромной пафосной плазменной панели – З. был из очень состоятельной семьи и жил в почти трехсотметровых апартаментах. Когда его папа и мама ложились спать, в тот вечер они порадовались, какой у них хороший сын.

М. переночевал в Кировском РУВД, куда попал после какой-то отвратительной драки в стоячем гаштете рядом. Из застенков был освобожден мною на следующий день, и долго рассказывал мне события прошедшего дня, похмеляясь пивом.

С. добрался до дома, переоделся, и отправился дальше отмечать совершеннолетие – домой явился под утро, без денег, очень довольный и с разбитыми костяшками. Болел после этого он еще сутки, мучаясь от похмелья. Так С. вступил во взрослую жизнь.

Четвертый их спутник как всегда оказался в общаге. С кем-то выпил, почитал учебники и лег спать. В общаге его считали тихим, замкнутым и неуверенным в себе. Все бы несказанно удивились, узнав о действительном положении вещей.

Виктор домой после последней встречи соваться не рискнул, и провел ночь у одной из своих девочек. Покачиваясь на третьем размере очень хорошей и примерной девочки-отличницы, на каждом возвратно-поступательном движении мозг выдавал картинку из мозаики прошедшего дня: портер... лоукик... коньяк... шаг переходит на бег... метла в крови... изломанное тело, вбитое под скамейку... взгляд девочки, когда он взял ее... да вот же она, тут. Так он провалился в сон, где продолжилось все то же самое. Родители девочки очень положительно относились к Виктору: им нравился серьезный и неглупый парень.

И снова возвращаясь к вопросу о сущности и природе насилия. Очень многие читатели, познакомившись с событиями того дня, будут в ужасе – это пугает. Вместе с тем, тот же Алекс из Clockwork Orange парень довольно-таки симпатичный зрителю: не дурак, неплохой вкус, сообразительный опять же. Так и наши герои людьми в повседневном общении были вполне приятными, хорошо социализированными и довольно-таки успешными.

Где та грань, которая отделяет норму от патологии, мне неизвестно. Видимо те законы социума, которые нарушались ими, носили характер больше синтетических норм общества, а не естественных принципов существования людей. В любом случае выходит, что данный тип социализации личности оказался достаточно эффективен эволюционно.

Собственно говоря описанное в этой главе насилие было обычным развлечением скуки ради – не содержало ни какой-то высокой цели, и не было продиктовано иными соображениями, кроме как развлечь себя.

Как к этому относиться – личное дело каждого. У меня данное явление вызывает определенный научный интерес, как немного побочный, но явно связанный с основными свойствами эффект развития праворадикальной среды. Все-таки Энтони Берджесс был гением.

Глава 11. Фольксштурм. Цветы зла

Эта история является непосредственным продолжением того, что было описано в главе «Прирожденные». Кровавой кометой пронеслись они через историю движа, быстро, но ярко. Имя «Фольксштурм» не столь известно как одиозные «Mad crowd» или «Спас» Николы Королева, но по уровню они стоят где-то рядом, и безусловно заслуживают быть занесен-

ными в нашу летопись. Эта глава содержит подлинные факты – скрываться этим героям уже не от чего. Именно «Фольксштурм» поставил жирную точку в развитии скинхедов на Урале – история движения до и после них отличается принципиально.

Все началось примерно тогда, когда разворачивались события главы «Прирожденные» – в 2006 году. Бригада А. была на пике своей славы и силы – казалось, что им можно все и они неуязвимы. Дендрарий по вечерам собирал до нескольких десятков специфических личностей. Окружение варилось в своем собственном соку: дрались, акционировали, пили – мало кому были интересны малолетки. Когда А. и его люди входили в круг подростков, то смолкали разговоры. Они были живой легендой – молодые, красивые, жестокие, неуязвимые. Слава основы была столь велика, что не одно поколение юных скинов тиражировали легенды об этой бригаде.

Спустя очень короткое время легенды и правда стали таковыми – основной состав просто исчез. А. ушел в армию, остальные отошли от дел – кто подался в околоспорт, кто просто оказался на глубоком шифре. Сгорела даже знаменитая беседка в дендрарии, а в движении словно наступила осень. 2005 год обернулся массовыми посадками; активизировался УБОП, кто-то сели, а многие просто отошли. Быть скинхедом стало опасно, и несколько дублей одиозной бригады А. оказались попросту брошенными, чувствуя себя солдатами в «котле». Именно тогда с улиц практически пропали характерные личности на палеве – 2006 стал годом окончания движения скинхедов как массовой субкультуры.

Оставленные на произвол судьбы, молодые составы подались кто куда. Примерно в это время началась уже известная читателю история с «питбулями», закончившаяся убийством своего соратника и бутылкой в жопе, было много и не столь ярких – наступила смута. Сложившийся формат «бригад» себя начал изживать, и уже например в Москве, где все эти процессы произошли гораздо раньше, начинала набирать силу новая формация уже террористического толка – «автономы», а также разнообразные боевые группы.

Что-то должно было произойти и у нас, чтобы процесс сошел с мертвой точки. И так сложились звезды, что одним из представителей молодняка оказался некто Русич. Было ему около шестнадцати лет, и он, с составом друзей, прошел школу возле гук-общаг в составе окружения бригады А. Высокий парень выражено славянской внешности, худой, достаточно привлекательной наружности – Русич не вызывал при постороннем взгляде то чувство опасности и дис-

комфорта, какое например оставалось от А. Разговаривал с людьми он тихо, культурно и вежливо, производя впечатление вполне милого и интеллигентного юноши. Такие обычно очень нравятся мамам и папам, да и на посторонний взгляд парнем он был вполне позитивным.

В тихом омуте как известно водятся черти; и никто не знал, что при этом творится у него в голове. А мысли там бродили достаточно забавные.

В криминалистике есть классический пример того, как мышление, лишенное шаблонов, дает неожиданный и ясный результат – «логика непрофессионала». Порой свежий взгляд на вещи решает задачи, которые до того решали долго и безрезультатно.

Бригада А. родила чудовищную в своем совершенстве технику и тактику прямого действия. Схемы и методы были столь совершенны, что не требовали никакой коррекции. Однако гениально решив вопрос «как?» А. так до конца и не разобрался с вопросом «зачем?». По сути, множество успешных нападений были столь хороши, что даже в милицейскую статистику не попадали, не говоря уже о заметном эффекте в обществе. Про них знали единицы, что и было секретом их выживаемости. Идеологическая основа при этом как-то обесценивалась: если отморозками натуральным, например Виктору, эта тема нравилась сама по себе, то у идейных бойцов за расу и нацию оставалось смутное чувство неудовлетворенности. Нападения были прекрасны... а вот борьбы за национальную революцию видно не было.

За этим всем внимательно наблюдал юный Русич, который это слабое место увидел, и решил исправить.

«А что если взять эту же методику, но сделать из этого медиа-продукт?» – подумал Русич. В его голове зрел проект... нет, даже не резонансных убийств – такие у нас были, типа убийства армян в Пышме. А чего-то наподобие кровавого реалити-шоу, где зритель в Интернете мог бы наблюдать за привычным форматом акций. Это тоже не было новостью: существовал Формат-18, где таких видео было множество. Секрет был в том, что серийность и повторяемость видео, объединенные по сути едиными героями, должны были взорвать информационную бомбу. Русичу не нужны были десятки идеально скрытых акций, а наоборот – резонанс и общественное напряжение, и внимание сотен тысяч людей, привязанных к очередной серии кровавого проекта, получившего название «Закрытое Акционерное Общество Фольксштурм».

Тут нужно остановиться и подумать над тем, в какую сторону вел этот путь. С одной стороны он страшно бил по диаспорам, поскольку создавал атмосферу коллективного страха и ужаса. Компактно и серийно происходящие убийства по замыслу нашего героя должны были держать в страхе целые гетто подобно тому, как бригада А. держала в ужасе население гук-общаг. С другой – они делали все, чтобы преступность стала подражательной. Страшное имя «фольксштурм» должно было вдохнуть жизнь

в «народное ополчение» – показав загнивающим бригадам путь к победе. «Убивать чурок весело и модно!» – дословно это декларировали видеоматериалы. Этот концепт по сути представлял собой синтез методов терроризма с довольно изощренной селекционной работой. Из этих цветов должны были получиться обильные плоды, которые должны были дать обильные всходы ненависти.

Феномен «Фольксштурма» был в том, что родившись из традиционного формата бригады он как бы образовал связующий мостик между известными формами праворадикального экстремизма и собственно террористических формирований, идея которых в это время ковалась в Москве покойным Максимом Базылевым. Этот путь не в меньшей мере чем терроризм вел к самоуничтожению, и пацан, которому тогда было всего шестнадцать, начал безжалостный эксперимент.

«Тот кто хочет, ищет возможности, кто не хочет – оправдания», сказано мудрыми. Весь экстремистский Интернет был о необходимости прямого действия и террора. «Да вот если бы мы... да вот если бы нам...». Всегда чего-то не хватало: то гор оружия, то батальонов соратников со спецподготовкой, то еще чего. Между тем Русич подошел к делу, имея в своем активе только и исключительно малолеток, подобных себе, а во-вторых – рациональный склад ума. Оставим пока за скобками вопрос, насколько эта деятельность разумна сама по себе – но в пределах поставленной задачи мозги у него работали изумительно.

Бригада начала свой путь с такой же ерунды, которой занимались все остальные. Одним из первых эпизодов «Фольксштурму» вменяют вообще какой-то ларек, то ли разгромленный, то ли разгромленный и разграбленный. Видимо на первых акциях обкатывался состав – собирались те, кому были предначертаны великие дела, и отсекались все остальные. Примерно в этот же период бойцы дружно, всей бригадой стали заниматься рукопашным боем, а именно – кудо. Линии жизни складываются порой причудливо, потому что довольно продолжительное время я тренировался с ними в одном клубе, правда в более спортивной и возрастной группе. Но и с ними пересекался – знать не зная кто это такие. Бойцами «народные ополченцы» были средние: большинство легковесы, без спортивного прошлого – но как все контактики в хорошем зале быстро прогрессирующие. Сам Русич был примерно моих габаритов, чуть полегче наверное, и достаточно годно шел к разрядному уровню. В позднейшие времена при просмотре видеоматериалов этой бригады было за-

бавно узнавать характерные связки и траектории ударов, поставленные в спортзале.

Достаточно скоро пришли они и к холодному оружию, правда с очень примитивной техникой. Добивания сериями уколов стало максимум их заслуг на этом поприще... но это давало стабильно высокий результат. Было и примитивное огнестрельное оружие под мелкашку, и пневматика.

Если вспомнить предыдущие главы, то можно заметить: бригада А. и фольксштурм ровно до этого момента шли параллельным курсом. Но то, что у А. стало оконченной формацией, у Русича лишь было подготовкой к главному.

...Окрестности какой-то стройки. В кадре – четверо, из них двое держат жертву, кажется какого-то киргиза. Двое растягивают его за руки, один методично втыкает в спину отвертку. Киргиз вертится, но вырваться не может: его методично крутят вокруг своей оси, сопровождая скруткой при попытках движения. Четвертый – Русич, не менее методично бьет маэ в голову. Раз, два, три. Три удара отверткой в шею под основание черепа – жертва оседает на землю. Короткое добивание – два прыжка на голове, а на землю выплывает выбитый глаз.

– Сними, сними быстрее! Глаз выткнули!

Камера наезжает ближе. Один из бойцов достает из кармана «сигнал охотника», переделанный под мелкашку. Сухой щелчок, и сразу – выстрел в затылок. Спокойный голос командира:

– Пойдем отсюда.

От начала акции до ее завершения – тридцать одна секунда. Никому из бойцов нет 18 лет.

Говорят, при первых просмотрах этих кадров было плохо даже сотрудникам милиции, которые многое повидали на своем веку. Ну а мы посмотрим дальше:

...Следующее видео – смонтировано и сделано гораздо лучше. Первые кадры: имперский флаг, надпись «VOLKSTURM». Обычная улица; камера снимает со спины. Идет жертва, руки в карманах. Вперед вырываются два парня, и с разбегу один в прыжке бьет рукой между позвоночником и затылком. Жертва падает – подламываются колени. Два удара ногами в голову – в лицо, и топчущий прыжок на голове. Из кармана жертвы выпадает мобильник, который один из нападающих забирает себе. Видео предлагает: «Еще разочек?». То же самое – с замедленной съемкой; хайлайт – в момент удара в голову рукой надпись «Смотри!». Время всей акции – четыре секунды, время атаки – около полутора. На видео наложена бодрящая музыка. Нанесенный удар рукой и стал смертельным – порвался спинной мозг. «Иккен хиссацу» – «одним ударом наповал». Адзума Такеши, основатель кудо, мог бы гордиться...

Дальше несколько записей с нововведениями. На видео с забиванием увесистого чурки смонтированы «линии здоровья» как из компьютерной игры. На каждом ударе по чурбану линия здоровья уменьшается и раздается характерный звук, пока не заканчивается совсем. На другом, со смертью азиата в спортивном костюме – шикарный лозунг: «Убивай чурбанов! Это весело! Это модно! Это спортивно!».

Все эти видео попали в материалы уголовного дела. Вышеприведенные описания являются строго документальными свидетельствами реальных преступлений – а сколько их всего было совершено не знает никто.

Той зимой правоохранительные органы реально стояли на ушах. Ситуация с повторяющимися убийствами была поставлена на всяческий контроль, вплоть до министра МВД... а что толку. Словно черт кружил сотрудников милиции по городу, не давая возможности зацепиться за след. Не помогали ни стукачи, ни облавы, ни тотальные опросы всех известных личностей движа – идеальное боевое ремесло, созданное бригадой А. и иными выдающимися практиками, не давало сбоев.

В диаспорах началась натуральная паника. На совещании в ГУВД представители непобедимых в сознании обывателей кавказцев буквально выли, находясь в ужасе от происходящего. Охота, дикая охота на людей – вот что захлестнуло сознание и заставляло содрогнуться, так как в безопасности не мог чувствовать себя никто.

Ветераны движа щерились злорадными ухмылками – на стебле правого движа, выращенном из неприметного семечка, распустился действительно прекрасный кровавый цветок. Словно болезненная фантазия лучших людей движа оживала и обретала плоть.

Примерно когда напряжение достигло пика, у меня раздался телефонный звонок. Отдаленный знакомый сказал, что какие-то ребята нуждаются в юридических услугах. Не о чем не думая, я спокойно назначил на один из вечеров встречу в «Гринвиче».

...Многие мои клиенты в то время не сразу появлялись на оговоренном месте встречи. Но тут я был удивлен: аккуратно и с разных сторон меня плавно окружили несколько поджарых фигур. Хорошо помню как узнал Русича – виделась в спортзале. Смутно знакомыми оказались еще пара человек.

Кто это такие, и с кем я разговариваю, стало понятно минут примерно через пять. Удивить меня к этому времени было сложно, но у парней это почти получилось. Впрочем, после обмена любезно-

стями и рекомендациями разговор перешел в дружеское русло. Рассказали они мне примерно следующую историю.

Один из участников бригады случайно попался, случайно порезав кого-то на улице, сильно. Ситуация в которой это произошло, сильно походила на сакраментальную «самооборону». У читателей может возникнуть вопрос: как же так? Матерый убийца стал жертвой гопников! Тут напомним, что было нашим героям от 16 до 18 лет, и выглядели они совершенно не героически.

Случайно попавшись, спалившийся то ли сам, то ли не сам явил сотрудникам милиции... компьютер с оригиналами видеозаписей с «акций». И тем вечером стоял вопрос – что делать и как быть, при условии что милиция уже работала по адресам.

...Смотреть в глаза Русича и его бригады было страшновато. Мимходом и очень легко в процессе беседы был вынесен смертный приговор тому, кто спалился первым – и у меня возникло нехорошее ощущение, что как бы не отправится следом, чисто за компанию. Взяв себя в руки, объяснил им некоторые вещи. После чего мы расстались – на пяточке возле Дендрария они буквально растворились в толпе. Шли их последние часы на свободе.

«Фольксштурм» в результате сел практически полным составом в феврале 2008 года. Практически – это важно, поскольку двое участников этой банды на свободе по-прежнему, и след их потерялся видимо окончательно. Даже при условии того, что произошло – им удалось уйти от ответственности.

Сильная сторона позиции остальных заключается в двух аспектах. Во-первых, как и в случае с бригадой А., большая часть преступлений осталась латентной – по большинству видео так и не удалось установить потерпевших. А во-вторых – всем, кроме бригадира, на момент совершения преступления было менее 18 лет, что обеспечивает законодательный потолок в 10 лет лишения свободы вне зависимости от количества совершенных преступлений и содеянного в принципе. Когда они делали все это, по сути были уверены – выйдут в 28, еще молодыми. Исключение только бригадир – насколько я понял, несколько преступлений было совершено им после наступления совершеннолетия. Чем это грозит и в каких пределах покажет приговор.

По социальному статусу «фольксштурм» были очень разнородны. Разного социального статуса – от сына очень крупного высокопоставленного чиновника до выходцев из пролетарского сословия. Их всех объединил замысел бригадира.

Какие же выводы можно сделать из деятельности «Фольксштурма»?

Именно на этой бригаде заканчивается история собственно говоря «бригад» уральского региона. Они стали переходной формой – от «бригад» к террористическим формированиям новой формации.

В 2008 году Русич сильно опережал свое время. Много из сделанного и задуманного им не могло быть осуществлено должным образом тогда – например не было столь развитой блогосферы. В нынешние времена его медиа–продукт, сопровождаемый соответствующей информационной поддержкой, всколыхнул бы не регион, а всю страну. Вместе с тем, до полноценной автономной группы «народное ополчение» не дотягивало: все–таки по почерку и рисунку преступной деятельности они оставались обычной подростковой бригадой, хоть и чрезвычайно умелой и тренированной. Ножи, молотки, газ и примитивное оружие заметно не дотягивали до передовых концепций, которые как раз формировались в эти годы. Наверное потому, что по совести говоря это были практически дети, хоть и очень злые, жестокие и умелые дети.

Я часто думаю о том, кем бы стал Русич и его люди, если бы тот член бригады не совершил фатальную ошибку и не попался случайно. Повторил бы он путь А., который вышел сам и вывел свою бригаду из всего этого без потерь?

Мне кажется, что вряд ли. Слишком сильны были в Русиче те чувства, которые ведут к саморазрушению, и прежде всего глубокое, до фанатизма, следование Идее. Скорее всего, из него бы вырос серьезный террорист, по–настоящему талантливый.

Только то, что они действительно рано начали, привело к тому, что «Фольксштурм» стал уникальной переходной формой от одной эволюционной стадии развития праворадикальной среды – «бригады», к чему–то совершенно новому. После них словно блеклой тенью накрыло оставшиеся бригады – их развитие остановилось. Где–то есть они и сейчас, и молодые парни идут в атаку на жертв, думая об участниках наших историй как о героях. Нападения не прекращаются и не прекратятся... но очень сильно изменился мир, и как раз «Фольксштурм» стали одними из тех, кто его изменили.

Не знаю, понимают ли это сотрудники правоохранительных органов, но именно после февраля 2008 года ситуация в движе изменилась в корне. Остатки диких бригад дожали УБОП и управление «Э», и в праворадикальной среде наступило затишье. До самого лета 2010 года...

Колесо истории повернулось, и скинхеды, которых только что научились распознавать и с ними бороться – остались в прошлом. Так уже было один раз – когда призрак РНЕ дал жизнь совершенно новой форме правого радикализма.

Заканчивая главу про «Фольксштурм», расскажу еще один короткий эпизод. Когда начало развиваться дело профессора Белоглазова, и мы вышли на самый гребень информационной волны, в компании с уполномоченным по правам человека по региону Татьяной Мерзляковой и потерпевшим я попал на встречу за закрытыми дверями к генерал-лейтенанту Никитину, начальнику ГУВД Свердловской области. И когда он нам рассказывал о реальных проблемах, которые решает милиция, и упомянул экстремизм, я всего лишь вспомнил про них, сказав пару слов про этих людей.

И имя «Фольксштурм» прозвучало в генеральском кабинете еще раз. Надо было видеть, как его натурально перекосило.

...Если бы мне кто рассказал до того, как несколько подростков 16–18 лет, смогут внушать такой страх, я бы, наверное, не поверил. Но жизнь бывает причудливее самых замысловатых представлений о ней.

Глава 12. Прямое действие. Наука побеждать

В разговоре об истории и основных вехах развития правого движа Урала нельзя не рассказать про те глобальные механизмы, которые определяли суть происходящих событий. Сейчас особенно много развелось разнообразных критиков «акций» и деятельности скинхедов, и каждый лучше всех знает как и что нужно делать или нужно было делать бойцам «бригад».

«Нужно убивать наркоторговцев и кавказских преступных авторитетов» – говорят одни; «Нет смысла в акциях вообще! На каждого убитого трое новых придут!» – вторят им другие. Третьи вообще считают что любое прямое действие это зло, так как акции лишь раздражают государственные органы и кавказцев, ну а любое противодействие им возможно только лишь после наступления Национальной Революции. Критики такого рода очень много, и совершенно любая деятельность находит десяток комментаторов, которым известно как сделать лучше.

Тут мы оставим за скобками премудрые мотивы «критиков», когда слышны голоса тех, кто из зависти ругает более сильных. Равно не будем говорить о личных причинах участников – от идеологии до тяги к ультранасилию. Попробуем рассказать о причинах, целях и последствиях функционирования праворадикальной среды с объективной стороны.

В жизни почти каждого думающего человека существует период, когда среди проблем повседневных и бытовых на первый план выходят проблемы устройства жизни, мира и общества. Кому-то оказывается ближе религия, кто-то ищет себя в политике, кто-то – в субкультуре. В процессе социализации это, наверное, нормально. Для большинства этот период начинается с собственной относительной самостоятельностью и заканчи-

вается к тому моменту, когда человек социализируется окончательно, то есть себя содержит и продолжает свой род.

Практически все наши герои попали в праворадикальную среду еще школьниками, редко кому в это время было восемнадцать.

Как человек попадает в молодежную субкультуру? Кого-то приводят друзья, кого-то случайность, например в виде пиздюлей от тех же скинов, иногда посмотренный фильм или прочитанная книга. Сейчас на первом месте безусловно находится Интернет. Именно правая тусовка в этом смысле достаточно привлекательна: тут и нарушение закона, и адреналин, и достаточно продуманная эстетика вкупе с соответствующей идеологией. Как правило подростки обладают только самыми скудными знаниями про историю и политику, и на благодатную почву ложатся странные и страшные слова и книги про жидов, ZOG, черную оккупацию и угрозу расе и нации. Большая часть этого естественно благополучно проходит мимо ушей, и в голове остаются ошметки идеологии, тексты песен группы «Коловрат», и конечно же две священные цифры – 14 и 88. К этому добавляется реальное понимание врага – чужаков. Пускай они слабо связаны с идеологией, но кому это интересно? Межнациональная обстановка действительно отвратительная, и реальные проблемы общества с нацменьшинствами, соединяясь с идеологическими мотивами, создают идеальный образ врага. Одновременно с этим возникает желание что-то изменить своими руками... но как? Тебе 16–17 лет, живешь ты с мамой и папой, ходишь в школу, хил физически и не отягощен умственно – а в роли противников взрослые мужики с Кавказа, многочисленные азиаты, ну и неодолимое Сионистской Оккупационное Правительство в виде совершенно неиллюзорной милиции. Именно в этот момент в душах сеется то, что толкает молодняк на первые смешные акции и приводит в «бригады». Это и есть переломный момент: или человек так и останется на уровне книжек про жидов и найдет себя среди окружения премудков, либо окажется готов сделать шаг вперед и окунуться в деятельность банд.

Теперь оставим в покое наших школьников, и посмотрим на мир глазами молодого бригадира. Такому лет обычно побольше, за плечами – либо опыт участия в бандах, или же иной раз в бригадиры выбивается тот, кто пришел в эту тему вообще без идеологических оснований. Например подающий надежды кикбоксер, которому нравится бить людей и хорошо получается это делать. И вот где-нибудь в дендрарии он видит стайку детей в тяжелых ботинках, которые пьют дешевое пиво и рассуждают про судьбы расы и нации. Атмо-

сфера накаляется, и участники идут к гук-общагам где успешно кого-то бьют, после чего меняются контактами, еще раз пьют, и принимают важное решение. Отныне они не просто абы кто, а страшная бригада Вервольф-88 во главе с не менее устрашающим бригадиром.

И вот стоят значит школьники, и думают – то ли им начинать ликвидировать верхушку кавказских ОПГ, то ли власть в России захватывать. Между тем, драться умеет один бригадир, на уровне третьего юношеского по боксу, на всех два китайских складных ножа из ларька и мощная финансовая база в виде денег, даваемых родителями на карманные расходы. Похоже на начало примитивной компьютерной игры жанра РПГ, когда партия героев начинает игру ничего не умея и без гроша в кармане. Только все происходит в реальности, ну а мы попробуем проследить развитие наших героев во времени с учетом того, как выиграть в этой игре.

Первым делом смотрит бригадир на свою бригаду и думает – ну и задроты! Хилые тонкие шеи поддерживают бритые головы с синюшностью советских мороженных куриц. Таких может погнать любой крепкий гук... а к увесистым кавказцам вообще лучше не соваться, потому что плохо, когда жертва находится в одной весовой категории со всей бригадой в их совокупной массе. Выход из этого достаточно очевиден, и бригада отправляется в спортзал, качаться и заниматься единоборствами. Опытный руководитель сразу видит приоритеты: первые навыки поставленных ударов куда ценнее для борьбы, чем эстетика накачанных бицепсов. Так бригада окунается в волшебный мир спортивных единоборств. Дела там в начале движутся очень плохо, поскольку юных арийских воинов пиздят абсолютно все. Но вот проходит где-то полгода... и уже каждый в общем может постоять за себя в драке, свернуть челюсть хаму в школе и эффективно пробить живой мешок во время очередной акции. Удары и броски в зале обретают дополнительную эффективность, когда их опробуют в подворотне на случайной жертве.

Что на данном этапе могут реально сделать эти дети? Если бригада действует автономно, то, скорее всего, – сесть. «Основа» будет беречь таких от действительно опасных нападений – даже просто двое гуков или кавказцев для молодняка уже может оказаться фатально. Из сотен нюансов прямого действия они знают единицы, а их драки еще не стали «акциями» в полном смысле этого слова. Сейчас время тупого отрабатывания действий в команде – думать головой за них должны старшие, если они есть. Если же думать некому, то единственно верное средство – держаться подалеке от любых сложных ситуаций, будь то несколько целей, опасная цель или серьезная акция со «шнурками» и резонансным или материальным результатом. Именно где-то в первые полгода субкультурные дети и становятся бригадой, оттачивая навыки на одиноких гастарбайтерах и разгонах собственных сверстников недружественных субкультур.

Каждое нападение – достаточно сложная симфония насилия, требующая опытного дирижера и сыгранного оркестра. Именно на простых жертвах пропадает суэта, уходят лишние движения, приходит понимание чувства локтя и работа в коллективе с распределением ролей. Тяжелые виснут на жертве, более легкие – пробивают по очереди, вытягивая на удары друг друга, все осваивают результативные добивания. Выстраиваются в логичные связки два критических момента: начала и завершения нападения. Известно, когда и кто бьет первым. Кто окружает и перекрывает отход, кто – имеет право командовать отступление, в каком порядке разбиваются при отступлении и кто ведет мелкие группы к точкам отхода. Как правильно убегают на улице – используя дворы, местность, разные виды транспорта. Этому не учат ни в одной секции единоборств, хотя по мне это единственная вещь именно «прикладного», а не спортивного свойства, которой не научат контактные единоборства. Если бригада не усвоит основу и методику успешных нападений, то не будет и будущего. Смысл всего столь часто критикуемого со стороны «битья дворников» только в этом – разработка и совершенствование методики преступной деятельности.

Этот этап является очень простым в освоении и привлекательным для участников. Вся прелесть и дух ультранасилия сконцентрированы на данной стадии. Но перед бригадиром всегда стоит не одна, а две задачи: кроме собственно осуществления прямого действия нужно обеспечить выживание бригады в обществе. Следующая контрольная точка – именно разработка собственной безопасности. Бригады, которые до нее не доросли, в городе Екатеринбурге превратили свое существование в 2005 году, став очень легкой жертвой УБОПа.

Бригада, как и любое сообщество, имеет свое внутреннее устройство и типичные черты мужского коллектива и одновременно – управленческой единицы. Вот проходят полгода, и наши школьники заметно подросли, окрепли, успели подружиться и через многое пройти. И тут перед бригадиром стоит непростая задача: как разделить группу по ролям, отсекая при этом слабые звенья? Кто-то хорош в разведке, беге и знании местности, кто-то – в драке, но теряется при отступлении. Одному нужно только дать возможность напасть, и потом только оттаскивай, а кто-то склонен к мандражу и панике. Тут и проявляет себя талант командира: каждый должен исполнять в банде ту роль, к которой он склонен и которую выполняет хорошо. Можно конечно выгнать склонного к панике парнишку совсем, оставив вокруг себя одних берсерков... а можно – поручить ему разведку будущих мест акции. Кто как не чрезмерно осторожный пессимист увидит лучше всех возможные источники опасности на месте будущего нападения? Точно также физически хилый, но

быстрый пацан может и не принесет победу в бою, но сможет вывести за собой двух крепких соратников по заранее проверенному пути отхода. А может быть бригаде будут нужны его мозги для анализа и сбора информации как о жертвах, так и например о моральном климате бригады и сообщений внутренней безопасности? Совсем случайные пассажиры в такие темы попадают редко, и затем и нужен опытный командир, чтобы найти для каждого подходящее место и вписать в коллектив на положенную роль. Если же кто-то не подходит совсем – то вовремя вычленив и отсеять слабое звено, пока он не совершил фатальную ошибку и не сдал соратников.

Вопрос выхода на следующий этап развития банды – не в количестве убийств и не в величине бицепсов у ее членов, а лишь в том, сможет ли она стать единым целым в принципе, а не только в драке. Именно в этом секрет неуязвимости от «стукачей» и в возможности наконец-то начать делать то, о чем мечталось в самом начале – действительно воплощать в жизнь идеологию, которая собрала многих из них. Спорным является такой фактор, как дружба в рядах бригады. Личное хорошее отношение безусловно способствует моральному климату внутри банды, но одновременно с тем лишает бригадира беспристрастного отношения к друзьям. «Боевое братство», очень необходимое в дальнейшем, возможно только при строжайшем контроле каждого за каждым и отсутствии любого прощения слабости. При этом недопустимо и возвышение бригадира – увы многие перспективные коллективы пострадали от «синдрома фюрера» у их лидеров, и ничем хорошим это не заканчивалось. Анализируя успешные примеры видно, что отношения там строились по известному принципу «первый среди равных».

Первым признаком выхода бригады на третий уровень является формирование реального общака и понимание источников его пополнения. Сразу оговорюсь, что в принципе создание стабильной финансовой поддержки за пределами пропивания награбленного возможно только там, где бригада прошла период структурирования и распределения ролей. Без этого невозможно организовать целевой расход денег – их просто присвоят или пропьют.

Одновременно с пониманием необходимости в общаке меняется и формат акций: кроме традиционных нападений со спонтанными грабежами, возникает необходимость в целевом пополнении финансовых запасов. Так появляются разработки по цыганам, рыночным торговцам, а иной раз – просто нападения на заведомо дорого одетых и сильных кавказцев, среди которых запросто могут оказаться те самые участники кавказских ОПГ, о которых грезят критики и премудки. Выглядит банда опять же совершенно без привязки к субкультуре – вся внешняя атрибутика давно осталась в прошлом. Там же, в прошлом, остаются и гастарбайтеры со строек и неформальная молодежь.

По основной специализации бригад – акциям, по мере накопления ресурсов и опыта меняется характер нападений. Встречаются и накрытия равных составов, и выраженная работа на результат, и – главное, оружие начинает использоваться систематически. В это время от начальной вводной не остается ничего: это уже никакая не субкультурная единица движения скинхедов, а классическая банда, описанная статьей 209 Уголовного Кодекса «бандитизм» только что с экстремистской специализацией. Именно так выглядела знакомая читателям бригада А., как замечательный пример данного явления. По сути, так выглядят бывшие шестнадцатилетние скинхеды... но уже пришедшие к исполнению своей мечты. Теперь есть все необходимые умения, средства, ресурсы для ведения расовой войны, причем такие, что против организованной преступности зачастую годами пасуют правоохранительные органы. И тут снова встает классический вопрос – а зачем это все? Что дальше?

Бывает так, что со временем начисто уходит из памяти то, с чего начинали и во что верили. Идеология, идея вообще – и из этого вырастают. Где-то глубоко остается общая «система координат», в которой ты правый, а например не антифа – но в жизни превалируют совершенно другие интересы. Деньги, девочки, потом – семья и дети. При таком положении дел банда превращается из экстремистской в обыкновенную, криминальную. Кто поумнее из криминальных денег делают бизнес, кто-то за это время получает образование и отходит в сторону, по праздникам и на концерты вспоминая то, кем он был все эти годы. С годами воспоминания о правой юности занимают тот же место в мыслях обывателя, какими у большинства являются воспоминания о службе в армии.

Но бывает и такое, когда на первый план снова, как и в шестнадцать лет, выходит идея и собственные убеждения. Но уже не отрывочные знания по этой тематике, а глубокие, зрелые убеждения, основанные на доскональном знании идеологии и не всегда связанные с иррациональным фанатизмом. Тогда снова встает вопрос о том – каким оно должно быть, прямое действие во славу расы и нации? За плечами сотни преступлений, годы тренировок, соратников стало гораздо меньше, но – сохранилась та самая бригада, ее костяк, проверенный временем. Таким сравнительно немного лет – 20–25, но к этому возрасту прошли они не меньше чем иные ветераны боевых действий, только со своей спецификой. Многие из них кстати и в армии отслужили. Встречаются люди с опытом «бригад» в сочетании с непростой военной службой с приобретением соответствующих знаний и навыков...

Так заканчивается история «прямого действия» бригады и начинается новая страница эволюции преступности экстремистского характера.

Говорят, первым теорию «автономных групп» разработал ныне покойный Максим Базылев, чьи концепции легли в основу деятельности таковых сразу же и надолго. Не знаю так ли это, но одно можно сказать точно: концентрация в одном месте опытных преступников, оружия и политической цели дает практически всегда один и тот же результат: политический терроризм.

Если вернуться к самому началу этой главы, и посмотреть – какие же реальные формы прямого действия решают именно идеологически ориентированные задачи, то рациональный ответ один – терроризм. Первые формы онога бригады проходят где-то между вторым и третьим этапом своего существования, когда систематическое «акционирование» дает эффект мощного морального прессинга национальных меньшинств. Несопоставимыми кажутся ресурсы стайки подростков с ножами и могущественных «диаспор»... но умирают все одинаково, и скинхеды за каких-то полтора десятка лет своего существования реально заставили себя бояться целое государство. Беспорядочные убийства и нападения на нерусских создают инструмент коллективной ответственности нацменьшинств: за реальные проблемы с диаспорами отвечает любой из них, кому не повезло. Эта форма терроризма спонтанна, но за ней следует вторая: резонансные убийства.

Технически та же самая акция в виде коллективного убийства на улице – но ориентированная не на механический результат, а на общественный резонанс и освещение данного события. Методику резонансных убийств использовала например группа Воеводина–Боровикова и почти до совершенства довел «Фольксштурм».

Ну а дальше в прямом смысле – дело техники. Очень скоро приходит понимание того, что пуля, граната, взрывное устройство куда эффективнее чем кулаки и ножи. Да и если толковые бригады немногочисленны, то «автономщиков» и вовсе единицы в масштабах страны – а цели и задачи у них глобальные. Тут-то и начинают работать те перфекционистские замыслы, о которых говорили в начале нашего разговора – так например лидеры движения антифашистов бодро отстреливаются в затылок по классической методике киллеров 90-х, адресно и неотвратно. В противостоянии оппонентов этого уровня антифа обречены на поражение – подобно классическим героям из анекдота, явившимися с ножами на перестрелку.

Тем не менее, вопреки мнению правоохранительных структур, не взрывчатка и огнестрельное оружие есть определяющий маркер экстреми-

стов данного типа. Толовая шашка и ствол могут оказаться и у юных скинхедов, да и бывало такое.

Существенное – в четком разделении на нелегальное крыло «автономщиков», по сути состоящем из людей, наплевательски относящихся к своей и чужой жизни, и вне Движения поставивших на себе крест; и огромное легальное крыло. Они не существуют в вакууме, а вполне себе находят поддержку и финансовую, и, что важнее и неподконтрольнее – информационную многих тысяч ветеранов Движения и участников оногo с более низких эволюционных ступеней развития. Опираясь на националистическую блогосферу и контролируемые ресурсы; на финансирование поддержки «узников совести», правозащитные и адвокатские центры – «автономщики», совершающие резонансные преступления, по сути являются клинком в руке всего Движения в целом. Именно это, а не битые дворников тяжелыми ботинками, и есть эволюционный результат «прямого действия». При этом не существует никаких единых центров и форм иерархического управления: легальное сопровождение и «автономы» существуют сами по себе, и поддержка будет предоставлена любым таким единицам и преступникам по умолчанию. Существенную роль в этом играет и по сути легальный российский околофутбол, исторически и неразрывно связанный с правым движением. Именно в эти темы отошли очень многие толковые бригады – и поменяв бомбер на патч SI или «сербский стиль» по сути сохранили себя как банды, но при этом получили полулегальную или легальную форму существования в качестве околофутбольной «фирмы». В Москве и Питере возле таких крутятся и серьезные деньги и политические интересы – вплоть до интересов администрации Президента.

Взрыв на Черкизовском рынке, акции, ответственность за которые на себя взял БОРН, застреленные антифа и «черные ястребы» – те первые вехи новой реальности, в которой скинхеды – отмирающий рудимент. Тюрьма и пожизненное заключение тоже служат целям изменившегося Движения – «узники совести» стали цементирующим фундаментом, объединившим все идеологические площадки, а их личности – объектом мифотворчества и своеобразного культа героев. Лидеры в том числе и из мест отбывания пожизненного заключения ведут активную переписку с волей – и активно участвуют в общих процессах, происходящих в движе, передавая свою волю. Внутри тюрем активно формируется и поддерживается с воли «белая масть» – по сути аналогичная «арийскому братству» тюрем США.

Идеалистически настроенный читатель на этом месте должен спросить: а где же тотальная война с кавказскими ОПГ? Где летучие отряды, несущие добро и справедливость для трусливых обывателей, обижаемых кавказцами?

Тут следует пояснить, что «чурки» в принципе являются для экстремистской среды этого уровня врагом мелким и факультативным. Главная цель – государство, то есть Система. И следующий шаг – убийства сотрудников полиции, судей, чиновников – то есть политический террор, такой, каким он был в России в XIX веке. Именно так действовали «партизаны Приморья», представляющие собой еще один интересный тренд – исламофашизм, и объединение с исламскими экстремистами на почве наличия общего врага – государства Россия и в мировом масштабе – евреев и США. Подобно тому, как когда-то забылись тяжелые ботинки со шнурками, для многих забывается и собственная относимость к государству – летом 2010 года в Приморье функционировали первые собственные моджахеды. Конец этого же года показал, что Движение выросло и до открытых форм противостояния государству – новой вехой стала Манежная площадь, после событий на которой за стол переговоров с лидерами банд сел Путин. Сложно сказать, к чему это приведет в итоге, но одно очевидно: пока что делается все, чтобы движение становилось все сильнее и сильнее.

В этой главе мы постарались дать ответы на некоторые типичные вопросы и обывательские представления о ситуации в правой среде и постараться понять – что же стоит за «акциями?»

«Прямое действие» как концепция безусловно является вещью высокоэффективной. В этой главе мы рассмотрели, как не имея совершенно ничего на старте возможен рост от идеалистически настроенных детей до террористов – минуя несколько не менее доставляющих стадий. Именно «акции», а не митинги и книжки заставили сначала бояться, а потом и считаться с набирающей силы праворадикальной средой государство, и без них Движение никогда бы не пошло дальше маргинальной политической ямы, в которой сидят например те же монархисты.

В нашем регионе пока что вершиной эволюции пока что (2011 год) стал «Фольксштурм», совершенно точно переросший формат банды, и представляющий собой промежуточное звено между отличной «бригадой» и довольно серьезными террористами. До высот этого ремесла не дошли только потому, что начали рано и физически не успели вырасти и окончательно прийти к успеху.

При этом цели, задачи и методы этого дела бывают очень разные, и отличаются порой до полной противоположности.

Что до оценки данной деятельности... Общество и нация на текущий момент – однозначно на стороне правых радикалов. Раздражение к иноподобным крепнет с каждым годом, и экстремистская среда хоть и пропала с улиц в виде бомберов и нашивок, но получила мощный социальный фундамент и общественную поддержку для куда более эпичных явлений.

«Бригады» в молодежной среде выполняли важную функцию «санитаров леса», как сейчас например московский околофутбол вполне способен организованно противостоять тем же диаспорам. Это формы самоорганизации и саморегулирования нации, свидетельствующие о том, что вымирать нам пока еще рано. Кто бы мог подумать, что в постсоветском обществе, где «фашист» было оскорблением, вырастет целое поколение людей, для кого фашист тот, кто дерется за свою нацию. Историческая ирония судьбы еще обязательно проявит себя в будущем, когда несмотря на насаждаемый «культ Победы» эта тенденция будет лишь делаться сильнее.

С другой стороны, эволюция правой среды ведет не только к защите прав коренного населения, но и к четко прослеживаемому пути к общественной нестабильности, гражданской войне и терактам, причем очень может быть что обыкновенным, а не адресного свойства.

Самое забавное в этом то, что такую форму Движение приняло по одной–единственной причине: государственной «борьбе с экстремизмом» всюду и повсеместно. По сложившейся ситуации в обществе политическая партия националистов была бы размерами побольше коммунистической... но это никому не надо.

«Отсутствие выбора предельно упрощает выбор» – в этой ситуации дальнейшее развитие тематики «прямого действия» будет как в сказке – чем дальше тем страшнее. Исламофашисты уже довольно милые ребята, любопытно что же будет еще.

Забавно читать радость некоторых, когда где–то поймали банду скинхедов. Страшно не тогда, когда скинхеды есть – все–таки это обычная подростковая преступность. Страшно тогда, когда их нету – а вместо радикальных сообществ существуют террористы с серьезной социальной опорой и значительной поддержкой и одобрением со стороны общества.

Надежды на то, что кто–то сделает из этого вывода нет – политический экстремизм в России представляет собой грабли, наступаая на которые государство будет постоянно получать по лбу до того момента, пока на конце оных не окажется топор.

Глава 13. Прямое действие. Боевое ремесло

«Если видите азера
В слишком дорогой дубленке
Налетайте всей бригадой
Боец лучший первым бьет.
Череп пряхой разможжите,
И коленом в пах с разбегу
Повалите суку наземь
Ухвативши за шкирман.
Бейте справа, бейте слева
По паскудной черной харе!
Чтоб асфальт прогрыз, зараза
Чтоб вообще не встал с земли!
Вот еще совет вам дельный:
Можно станцевать на брюхе!
Чтоб во рту его плескались
Его свинские кишки.
Не мешайте бить друг другу!
Не толпитесь возле чурки!
Целься в голову «стаканом»
В торс ногами добивай
Но с ублюдком расправляясь
Будь, соратник, аккуратней!
Чтоб в крови не изгвоздались
Твои белые шнурки...

© народное творчество по мотивам «Вредных советов»

Вся история человечества представляет из себя историю войн и насилия, но наверное только прошедшее столетие стало веком новой мифологии – о боевых искусствах. Почему–то именно с ростом цивилизации и выходом войны на такой уровень, где совершенно теряется актуальность личного применения физической силы, в общественном сознании стал тиражироваться миф о «боевых искусствах», которые секретные, действительно боевые, прикладные и смертельные. Данное явление противопоставляется спорту, причем именно по мотивам различия прикладного и спортивного начал.

В этой главе мы как раз поговорим про самую что ни на есть прикладную область применения физической силы и холодного оружия, и этим знаниям действительно не учат ни в одном спортзале. Чтобы окончательно разобраться с понятиями, замечу, что термин «искусство» применительно к данному предмету не всегда уместен. Искусство это все–таки нечто созидательное, а тут речь идет о совершенно утилитарных знаниях и навыках. Азиатское «гунфу» – «мастерство», точнее определяет это явление, ну а мне больше по душе термин, введенный в обиход Вадимом Кондратьевым – «боевое ремесло». Именно ремесленное начало лежит в осно-

ве всех технических и тактических решений, определяющих облик «прямого действия» и во многом – формат большинства акций.

Начнем мы опять с нашей любимой вводной. Несколько детей, с пробудившейся в душе Русью, принимают решение отстаивать интересы расы и нации. Сколько их таких было... никто не знает. Взгляд цепляется за детали: испуганные глаза, долговязые нелепые фигуры в нелепых ботинках. Каждый из них дома, перед зеркалом, кажется себе очень страшным, и прилипает к лицам оскал, пугающий родителей. Но достаточно выйти на улицу, и перед первым своим боем детские лица теряют решительность. «Мама, заведи меня отсюда» – читается на лицах, все смотрят друг на друга и каждый боится показать другим, что он испугался. Не важно сколько их там, на улице. Это не банда, и не бригада, и даже не несколько противников – они слабее, чем каждый из них по отдельности. Причина в том, что каждый надеется на другого... и никто не имеет настоящей воли. Из этого предстоит воспитать бойцов... или бригадиру, или собственно говоря самой жизни.

«Скинхеды могут тока дворника толпой запинать! По одиночке они трусы!» – разносится в обывательских суждениях. Стоп! Дворника, говорите? Можно и дворника.

А теперь, читатель, вспомни себя в 16 лет. Себя и пару–тройку своих приятелей. И подумай о том, как это лучше сделать–то – толпой избить увесистого гастарбайтера? Натурально, прыгнуть и накрыть? Где его взять для начала, как не огрести от него самим, не дать удрать, и как эффективно отработать, с учетом собственной массы каждого бойца менее 60 кг, неумения драться, а также того, что жертвы как правило гораздо здоровее, взрослее, и совершенно не хотят на тот свет.

...Первые акции всегда происходят очень похоже. Толпа догоняет одинокого прохожего, окрик «стой» – и немая сцена. Тот самый «дворник» недобро смотрит на акционеров... и разжимаются кулаки, а у того кто окрикивал, начинает дрожать голос. Это не так просто – взять и ударить, серьезно ударить человека, который тебе ничего не сделал. Все стоят и смотрят, и вот кто–то трусливо пинает жертву, и тут же убегает, испугавшись содеянного, а за ним врассыпную остальные. Пнутый гастарбайтер часто еще и в погоню пускается, рассказывая потом с гордостью о погнанных скинхедах. Большая удача, что когда эти темы были распространены, редкостью было травматическое оружие. Кроме прочего, палятся на подходе к жертве такие «акционеры» совершенно чудовищно, и можно не то что при-

менять пистолет оборонительно, но и не спеша достав и зарядив расстрелять их как в тире. Спустя пару эпизодов количество участвующих в них лиц уменьшается вдвое. Половина не может выдержать даже просто нервное напряжение, которое испытывает человек, из уютного дома выходящий на вольную охоту.

Те, кто остаются, начинают заметно уметь.

Первая мысль которая приходит в голову каждому – как же быть с бардаком с началом «акции»? Тут есть два пути. Первый, интуитивно осваиваемый – описанный в нашем эпиграфе. Из состава эмпирически выделяется самый тяжелый и здоровый боец, ну или с наилучшим ударом, который каждый раз прыгает первый. Минус этого в том, что успех акции напрямую зависит от этой первой атаки: в случае если ведущий будет отбит, остальные разбегутся следом. Таким образом, весь прочий коллектив ассистирует «солисту», и никто ничему не учится. Если речь идет о стабильном составе, иногда это и неплохо: так в банде формируются специализации участников в драке. Если же составы собираются спонтанно, то оставшиеся без форварда все остальные оказываются бесполезны.

Второй путь основан на подходе, похожим на логику позиционной борьбы: работать от позиции, а не от техники. Момент первого удара обуславливается тем, когда жертва оказывается в пределах поражаемой зоны двух бойцов одновременно. Легко можно проверить в спортзале: когда тебя бьют двое не по очереди, а именно синхронно – кто-то все равно попадет. Даже если бойцы хилы физически, одновременная атака дает достаточно время всем остальным, а нужно буквально секунду. Таким образом, для начала акции требуется всего-навсего занять правильную позицию. Иногда окружив, когда кто-то забегает впереди, а остальные догоняют. Иногда с разбегу – тогда нужна одновременная атака с тыла. Иногда перекрыв дорогу, в таком случае бить следует с фронта и с фланга, лучше всего со стороны слабой руки. Тут и начинается одна из главных закономерностей группового нападения: рулит не индивидуальная сила, а синхронизация действий. Чтобы начало акции стало успешным, на весь состав молодежи достаточно одного человека, который понимает что делать – который дождетя первого удара, и вторым номером сработает в нужный момент. В групповых раскладах именно двойки и тройки являются основным тактическим звеном, причем при выраженном лидере данного построения, который работает первым номером. Разумеется, неукоснительное соблюдение этого принципа минимизирует любые случайности при начале «акции», ну и обеспечивает независимость от какого-то одного участника со специализацией «разжигающего».

Лично я, будучи достаточно легким, если доведется попасть в массовую драку с вообще незнакомым составом участников, постараюсь пристроиться к господину потяжелее и помассивнее, синхронизируя его действия со своими. Буду бить и добивать тех, с кем он сцепился, держать

сторону его слабой руки, и не давать пролезть в тыл. Меньше шансов огрести обоим, причем драться буду больше я, а пиздюлей получит больше он. Если же есть возможность тренироваться, то при таком понимании вопроса как раз единовременное начало драки, когда второй или второй и третий номера – дополнительные пары конечностей первого номера, залог ее успеха. Как при этом дерутся участники сами по себе – вопрос второстепенный, так например легендарный А. как рукопашник ничего особенного из себя не представлял. Оставшись на своем разрядном уровне, он просто не видел мотивацию расти дальше: при таких же напарниках лишняя пара рук решала гораздо больше проблем в драке и была куда эффективнее, чем особо отточенный навык удара или броска КМСа или мастера спорта.

Вторая проблема, сразу же следующая после первой – как не дать жертве удрать? Если первый удар наносили деятели типа известного читателю М., то эта проблема имела факультативный характер. Обычный лоукик, попавший по месту, начисто лишал жертву способности к бегу. Но большинство молодых коллективов на начальном этапе своей карьеры не имели в своем составе ни одного человека с поставленным ударом, и нужно было что-то с этим делать. Правильный ответ один: вязать жертву захватом и грузить своим весом. Причем делать это не в статике, потому что здоровый мужик повисших на нем подростков и раскидать может, а в динамике – растаскивая и закручивая. Тут раскрывается вторая специализация после начинающих конфликт – мастера задержки на месте с явным борцовским уклоном. Самое грамотное завернуть противника раком, заставив нагнуться. Сделать это можно повиснув на любой из рук, а равно завернуть рывком за одежду или волосы. После этого сразу открываются две замечательные цели: лицо снизу, куда можно хорошо пробить с ноги, и главное – затылок! Если добиться красивого «спортивного» нокаута на улице, с перегруженным адреналином противником с мотивацией выжить как у загнанной в угол крысы бывает сложно, то поражение затылка ведет к потере координации всегда. В практике «фольксштурма» в классическом эпизоде именно удар туда стал единственным и фатальным на всю акцию, но это уже мастерство. А так даже несколько неуверенных ударов руками по затылку в сочетании с прилетевшим в щщи тяжелым ботинком ставили точку в этой части акции, переводя ее сразу в финальную стадию. Ну и все известные мудрости – не толпиться, не лезть под удары товарищей, особенно аргументом, вытягивать на удары друг друга, держать ритм и бить поочередно, ну или один держит второй бьет.

Финал всегда один: добивание. Для добивания дезориентированную жертву переводят в партер, когда рывком, когда как. Из

спортивного арсенала лучше всего себя зарекомендовали задняя подножка, подхват, отхват, ну и редко что-то еще из борьбы. А еще чаще – тайская «скрутка», идеологически близкая к тому, что происходит во время акции, так как делается она из клинча. Именно до грязных и корявых вариаций «скрутки» додумывались почти все активные акционеры, ну а лучшие делали ее легко и красиво, изучая данную технику там, где положено – в спортзале. После перевода в горизонтальное положение следовало очевидное добивание ногами – как правило всей толпой. Читатели уже знают, что для этого нужны топчущий удары ногами в голову и уязвимые части тела – кисти рук, локти, колени, и пробитие почек и хребта. А юные дарования как правило начинали с корявых футбольных пинков пыром ботинка – что увеличивало время на добивание втрое от нормального. Венцом же грамотных действий являются прыжки на голове. Кроме того что прыгать на голове весело и прикольно, эта техника компенсирует малый вес исполнителя, так как сила земного притяжения обеспечивает достаточно хорошую сытность данной процедуре.

По мере роста мастерства исполнителей происходит оптимизация всего процесса. Среднее время акции у начинающих скинов не превышало двух минут, у опытных – тридцати секунд. Как только вместо того, что я описал в начале, действие начинает быть рациональным, теряет значимость масса и подготовка жертвы. Это вначале сакраментальный дворник действительно опасен для «акционеров», а по мере роста мастерства бойцов и спортсменов высокого уровня имеет мало шансов, если упустил момент для контратаки в самом начале. Потом завязнет, уже навсегда. Оптимизируется и количество: так при слаженности действий становится возможным атака без явного численного превосходства: если в начале шестеро могли огрести от одного, то по мере роста профессионализма оптимальное число бойцов 4–5+1, зачем «плюс один» рассмотрим ниже. Сработанная же пара и тройка вполне может мутить на равный состав. Такой бой все равно не будет честным, так как в случае атаки пары например двоих прохожих каждая из жертв будет драться с двоими, а не двое на двое. Так что это тоже показатель профессионализма, а не какой-то честности, которой нет и не может быть при работе на результат.

Чем же объяснить успешные эпизоды того, как от скинов отбивались? Для раскрытия этого феномена, упомяну золотое правило прямого действия. Врагов у расы и нации несчетное множество, а ты у себя один. Поэтому в случае возникновения любой сложности и неожиданности по ходу событий акцию нужно прекращать, и немедленно отступать. Несоблюдение этого правила чревато множеством форс-мажоров, от тяжелого ранения кого-то из своих до принятия и последующей посадки. Тот, кто отступил не вовремя, иногда может быть и трус, а вот тот, кто вовремя не отступил – всегда мудака.

В предыдущей главе было сказано, что для успеха бригаде нужно было уметь быть единым целым не только в драке, но и за ее пределами. Больше половины успеха акции – в грамотном поведении «до» и тактически верных действиях «после».

Суровое праворадикальное ремесло гораздо больше чем из коротких секунд экшна состояло из долгих и унылых часов кружения на своих двоих в поиске достойного объекта. Первыми и главными врагами бригады являются не столько оппоненты и милиция, сколько холод и усталость. Как найти в городе подходящую жертву? Где это можно сделать таким образом, чтобы оттуда потом уйти? Ответ на эти вопросы был один – поиск, чаще всего – путем многочасового патрулирования. Были и исключения, наподобие всем известных охотничьих угодий и заповедников типа гук-общаг, но все же основную массу нападений делало патрулирование.

Большую часть года погода на Урале не располагает к долгим прогулкам, и облик местных скинов претерпел существенные перемены по сравнению классическим. Тяжелые ботинки больше служили не для форсу, а месить грязь; место бомберов большую часть сезона занимали теплые куртки для охранных предприятий со множеством карманов и капюшонами, под которыми были вязаные шапки. Футбольные «розы» а иной раз и просто длинные шарфы заматывали низ лица не столько вместо маски, сколько от ветра. Ошибки в снаряжении вещь достаточно неприятная – драться заочневшими руками идея сомнительная, равно как и бегать в тулупе. Поскольку нашивки и прочее палево быстро отошли в историю, со стороны эти мобы выглядели забавно: светлый низ, обычно джинсы, тяжелые ботинки, черная форменная куртка и шарф. Человеку в теме видно таких было издалека, но это не мешало производительности труда, да и опознать кого-то одного из них было проблематично. Насколько такие выделялись компактной группой, настолько же и терялись в толпе. Летом место «громов» занимали клетчатые рубашки и поло, в сочетании с олимпийками или продукцией местного магазина «фан-спорт», где из одинаковых турецких фуфаяк базовых расцветок – черной, серой и синей, шились на выбор все паленые бренды – «лонсдейлы», «питбули», «фред перри». Если зимой бригады смахивали на какое-то охранное подразделение, то летом коротко стриженные господа в одинаковых фуфайках, из-под которых виднелись аккуратные клетчатые воротнички, походили на воспитанников казенного учреждения типа детского дома или приюта. Примечательно, что по мере развития торговли через Сеть и распространения подлинных и правильных шмоток, отвратительный фейк производства фан-спорта продолжает котироваться – уже как признак олдовости, так как фан-спорт по-чил в бозе.

Отдельных слов заслуживает описание такого культового предмета, как тяжелые ботинки. Прочие элементы стаффа носили все же вспомогательный характер, хоть и без сомнения полезный, например с целью не замерзнуть и помешать опознанию со стороны, при узнавании своими, а у ботинок особая роль и место в движе. Во многом это даже не столько обувь, сколько орудие производства. Вообще с тяжелой обувью связано немало мифов и легенд, и первая из них – «два кастета на ногах». Наличие стальной вставки в носке считалось залогом сокрушительных ударов и особой помощью в драке. Правдой это было лишь отчасти: добавив эффективности некоторым действиям, наподобие футбольного пинка в голень, наступания на кисть руки, удара в подъем стопы, они сильно ограничивали бьющего в маневренности. По сути эта вещь идеальна для запинывания, а не для драки. Так сакраментальная реклама «Камелот – зубы на твоих ногах!» отчасти не лгала: были свидетели у извлечения человеческих зубов из твердой резины этих замечательных ботинок после пинка в открытую пасть. Опять же коммерческие модели этих изделий грешат избытком резины толстой подошвы, в то время как рулят вещи с минимально массой при жестком стекле. Главная же беда этого предмета снаряжения – в том, что бегать в таких достаточно сложно, хотя и можно. Ну а по мере освоения техники ударов ногами и прыжков на голове, многочисленные гриндерсы и камелоты вытеснили из прикладного раздела практичные легкие кроссовки, оставив классику приверженцам специфического стиля. Легенды о том, что в бомбере и гадах как-то особенно хорошо драться не более чем легенды, как и то что за бомбер невозможно ухватить. Драться можно совершенно в чем угодно, так что успех снаряжения «акционеро» был в сочетании трех вещей: как особо не выделяться из толпы, как быть одетым тепло и удобно, и как при этом иметь возможность опознать своих. Сейчас эта тенденция вообще привела к спортивным штанам, кроссовкам и курткам, когда только очень мелкие детали могут отличить специфического персонажа от обыкновенного гопника.

Снаряжение имело важную роль для успеха предприятия... но для патрулирования нужны были и цели. Тут опять же преступная среда породила несколько успешных сценариев нападений. Самыми первыми осваивались методики случайного промысла – жертвами становились прохожие, отвечающие специфическим требованиям. Такие акции часто происходили вообще сами собой, без какой-то организации. Потом следовал этап освоения «охотничьих угодий», ну а завершали развитие адресные акции, которым предшествовала достаточно неплохая разведка. Немножко наособицу стоят наверное только «белые вагоны» – одна из самых жестоких и кровавых акций.

Для «белого вагона» нужны электричка, длинный перегон, и жертва – которой некуда бежать. Сначала жертва забивается прилюдно до полусмерти, а потом – выкидывается на ходу поезда, после чего бригада исчезает на следующей станции. Высокохудожественное описание этого действия есть в книге Дмитрия Нестерова «Скины: Русь пробуждается», и я не буду смаковать подробности этого мероприятия. Тема акций в транспорте вообще достаточно интересна, так как в менее брутальном виде «белые вагоны» повторялись от маршруток до троллейбусов и метро. Единственное, чем интересны они по тактике – ни разу никто из пассажиров не вмешивался в происходящее хоть сколько–нибудь эффективно.

Активные «акционеры» со временем делали большие успехи в экспресс–анализе этнической принадлежности прохожих. У многих представителей складывалось понимание этого вопроса на уровне «жопой чую» – хотя случались и накладки. Говоря же о криминологической составляющей, при анализе успешности прямого действия можно сделать вывод о том, что ей способствовала рандомность жертв. Вычисление жертв накладывало отпечаток и на преступный почерк: объект следовало хотя бы рассмотреть. Кто–то использовал схему классических гопников, что грозило спугнуть, со всеми вариантами «стой пацан дай позвонить», а умные люди посылали скаута, вслед за которым жертва сопровождалась до удобного места экзекуции.

Если вернуться к процедуре избияния, то мы не обсудили только второй критический момент: как его прекратить? Вообще говоря, все активные действия по ходу «акции» сопряжены со стрессом, и на адреналине одинаково вероятны обе ошибки: что преждевременно отступить, оставив у себя в тылу озверевшую жертву в состоянии берсерка, что чрезмерно увлечься и не заметить критическое изменение обстановки в виде пришедшего подкрепления к избиваемому или экипажа ППС. Тут–то и нужен тот самый «плюс один» человек к составу, который будет отслеживать все эти вещи. Если делать по уму, то команду к отступлению только он и может подавать, а не кто попало от страха в произвольный момент времени. Один из наших персонажей, З., долго всех радовал тем, что атаковал врага с заблаговременным зарядом «отступааааееем!!!!» еще до начала драки – это было забавно, но вообще такого быть не должно. Роль разведчика–«скаута» очень часто перекликается с ролью следящего за обстановкой, и обычно ее выполняет тот кто хуже всего дерется. В легендарной бригаде А. этим вообще занималась девочка – что тоже классика определенного рода акций, когда милая девочка заманивает на «живца» свою цель под состав сородников.

Как правило, окончание нападения происходит в момент нанесения фатальных и явно тяжелых телесных повреждений, а иногда и при доказанной смерти – особенно если зарабатываются «шнурки». Молодые бригады грешили преждевременным бегством – «шнурки» себе порой присваивали

за просто хорошо побитый трофей, причем искренне веруя в это, так как у страха глаза велики. В случае необходимости в разбойном нападении, насилие применялось скорее достаточное чем избыточное – ровно для успешного изъятия ценностей.

И вот после отступления начинается последняя, но не менее важная фаза – прикладной бег с места преступления. Прикладной бег отличается от бега спортивного примерно так же, как «акция» отличается от турнира по миксфайту. База может быть и общая, но много нюансов. Во-первых, нужно элементарно уметь бегать, причем результативно и быстро. Как-то раз тот же З. явился в свой университет с дикого похмелья, и сразу попал на урок физкультуры, на котором сдавали стометровку. Кое-как и очень уныло он проплелся на старт, в джинсах и тяжелых ботинках, слабо понимая кто он, где он, и зачем. В этот момент, одновременно со свистком, добрые соратники З. на три голоса завопили: «Слава!!! Мусорааа!!!! Отступаем!!!!». Мигом протрезвевший, З. показал отличный результат, обогнал сборника по легкой атлетике, и до самого своего отчисления скрывался от преподавателя, пытавшегося привлечь З. к соревнованиям за честь альма-матер. В процессе сдачи стометровки З. успевал оглядываться, а после финиша дал внушительный полукруг еще не полсотни метров, когда сообразил что с ним происходит.

Кроме собственно бега нужно владеть спортивным ориентированием на местности, используя сложности городского рельефа и проходных дворов, сочетая спринтерские рывки с вальяжным пересечением улиц, дабы не привлекать внимания. Если повезло и никто не гонится, то можно через пару кварталов спокойно сесть на общественный транспорт, а если не повезло то нужно как-то скрываться. В практике отлично зарекомендовал себя рывок за пределы видимости преследователей со впиской в закрытый подъезд, куда попадали как правило по коду «здравствуйте, почта, откройте пожалуйста!». Далее бригада отправлялась на последний этаж, откуда выписывалась по-одному, используя разные хитрости. Кто-то вызывал себе туда такси, кто-то – покупал букет цветов или габаритную сумку с продуктами чтобы не привлекать внимания в толпе. Самый наглый способ без сомнения применял Виктор: после некоторых сложных жизненных ситуаций он без зазрения совести вписывался к незнакомой девушке под зонтик, а то и просто брал под руку, отвлекая разговором. Таким образом достигалось сочетание полезного с приятным – кроме прямой цели пару раз этот герой обеспечивал себе еще и приятный досуг. Так город сам по себе создавал достаточно неплохие условия для маскировки.

Общее для прикладного бега во всем его многообразии – организованный характер отступления. К успеху приходили лишь те, для

кого это было прямым продолжением нападения, с сохранением группового взаимодействия – а не заканчивалось хаотичным разбеганием по кустам от накрытого тела.

Из всех искусств между тем важнейшим для бригад было искусство применения аргументов – именно того, от чего отказался околофутбол. Как мы помним, личный состав даже успешных коллективов часто состоял из очень посредственных бойцов, а требования к «акциям» с некоторых пор предъявлялись довольно серьезные. Легковесная молодежь сталкивалась и с ножами для шаурмы, и с просто крупными и здоровыми объектами, у которых иной раз встречались и стволы – от газовых до боевых.

Такая ситуация требовала тактического превосходства – которое достигалось во-первых организационно, а во-вторых за счет применения надлежащих средств.

Для современной публики, воспитанной на доктрине оружия для целей «самообороны», нижеследующие рассуждения покажутся достаточно странными и непонятными – поскольку самооборонные доктрины и наше «боевое ремесло» находятся по разные стороны баррикад.

В основе «самооборонного» подхода к применению оружия лежит мысль как остановить посягательство на твою персону, и ключевую роль имеет именно останавливающее действие. Также важно то, что оружие дает возможность отбиться там, где без него это сделать невозможно. Поэтому актуальны быстрые системы ношения, мощные патроны, ножи с эффективной геометрией.

Для «бригады» же смысл оружия не в этом. Требуемого результата – покалечить или убить, можно добиться и без него, так как если человека долго-долго бить толпой, то от этого он испортится, рано или поздно. Тактическое преимущество у организованной бригады и так колоссальное... так зачем же оружие?

Применение средств давало преступникам самый главный ресурс – время. Считанные секунды занимала обработка одной жертвы, а это открывало новые горизонты – например делала возможным зачистку минирынков, или нападение на нескольких потерпевших силами компактного состава. Никогда или практически никогда оружие не использовалось в симметричном конфликте – партизанская тактика была основана на всяческом уклонении от него. Поскольку финишем всегда было бегство, это накладывало ряд требований на арсенал для охоты на людей. Во-первых средства должны были быть дешевыми и доступными, во-вторых – тихими, а в-третьих – компактными. Ножи, молотки, отвертки, заточки, компактные дубинки и недлинные обрезки железных труб и арматуры – все это нашло широкое применение у «акционеров».

Ударно–дробящие средства отлично зарекомендовали себя за два качества: высокое останавливающее действие и минимальный риск испачкаться в крови. Несколько ударов арматуриной по ногам снижали подвижность жертвы, а несомненным лидером практики был конечно же молоток. Не каждый молоток подходит для этой цели – большинство столярных и слесарных изделий слишком тяжелы, инерционны и ими попросту неудобно драться. Другое дело молоток типа керна – легкий, миниатюрный, с минимальной площадью бойка и довольно острым клинышком с другой стороны. К рукоятке привязывается веревка, вторым концом на запястье, головка молотка берется в руку, а рукоять заправляется в рукав. Достаточно просто разжать пальцы, и из воздуха материализуется отличный легкий чекан – маневренный и управляемый. Эта штука способна наносить проникающие ранения, так как за счет малой площади замечательно пробивает цель. Были свои ценители этого средства, добившись немалого успеха во внезапном применении по цели. Молоток – прекрасный инструмент для первого удара. Несомненные недостатки одного – все–таки ограниченная применимость в драке и неудобство постоянного ношения.

Как несложно догадаться, настоящий «король» оружия нападения – Его величество нож. Эта тема мною очень любима и мне близка, поэтому немного подробнее остановлюсь на технике и тактике этого специфического применения ножа.

Если проанализировать особенности криминального применения ножа, то будут очень заметны отличия и тактически выгодных моделей, и техники от основ привычного нам ножевого боя. Практически нет такого действия как «порез», отсутствуют фехтовальные мотивы, да и сами ножи – как правило совершенно тупые, по форме приближенные к стилету или просто узкому колющему клинку. Происходит это потому, что если в спортивном ножевом бое большинство имеет намерение тренироваться без явного намерения применять, то в «бригадах» все с точностью до наоборот: есть намерение применять без какого–либо желания тренироваться и что–то изучать. С личным уровнем каждого бойца в ноже происходит то же самое что с рукопашными навыками – гораздо эффективнее работать не над улучшением техники владения инструментом, а над тактикой эффективного группового нападения. В симметричном поединке сложно нанести пять–шесть уколов в фатальные зоны даже по безоружному, когда тот готов дорого продать свою жизнь. А если на жертве висят еще двое соратников – ножевик может нанести и двадцать ударов, причем выцеливая и не спеша. Были в движении и свои мастера этого благородного ремесла, но в основной своей массе практики умели быстро и серийно колоть жертву до полного упокое-

ния цели. Рост личного уровня проявлялся в уменьшении малорезультативных тычков по чем попало в пользу адресного поражения уязвимых зон. Тут есть свои нюансы.

Во-первых, крови в человеке довольно-таки много, и при нанесении ран с большой площадью или задевающих сосуды, ухлызвано будет все вокруг, а с заляпанной кровью одеждой еще до дома надо добраться. Когда бьют руками например одевают нитяные перчатки и подворачивают рукава. Поэтому же крайне нежелательно поражать ножом голову и шею кроме контрольного добивания, и по этой же причине практически у всех криминальных культур ножи для преступников стремились к форме стилета, а также уважением пользовались отвертки и шаберы. Высокое останавливающее действие широкого клинка с шириной раны компенсировалось серийностью и глубиной близко расположенных уколов – причем со стороны порой слышно было только хлопки от пробиваемой уколом одежды. Кровь вообще не выходила наружу – оставаясь где-то под курткой. Такие ранения не валят с ног сразу, порой на адреналине жертва вообще их не чувствует. Но заметно теряет в скорости, и уже никуда не может деться от остальных радостей в виде летящих ботинок и аргументов. Если нужно быстро посадить человека на жопу используя нож, практика родила три технических действия: укол в солнечное сплетение, укол под основание ягодицы и укол в пах.

Во-вторых, нож в общих групповых действиях должен быть грамотно вписан тактически. Очень мало было мастеров сольных партий с ножом – все-таки там нужно уметь им драться в условиях, близких к симметричным. Интересуясь изучением этого вопроса, я немало времени потратил на общение с ними – но именно в этой части ремесла ничего сверхъестественного не увидел. А вот в тактике группового нападения свои ноу-хау практика родила. Грамотный ножевик до последнего скрывал оружие, а во время нападения держался на расстоянии пары шагов от свалки – выискивая место для атаки и подхода к жертве. Как только соратники поворачивали оную боком или спиной – тут-то и следовал рывок к цели... и быстрое нанесение серии уколов. Большим почтением для этого пользовался кстати презираемый большинством основоположников ножа обратный хват – особенно для поражения цели сверху вниз, когда хотя бы нагнули к земле, или уже уронили.

В-третьих, именно нож культивировался в бригадах как личное оружие самообороны каждого бойца. Где-то за отсутствие ножа бойца штрафовали соратники, где-то использовались средства пропаганды – «без ножа ты лох и терпила», ну а кто-то правильные выводы делал самостоятельно. Даже при очень примитивной технике у человека без единого ограничителя перед его применением спонтанные драки выходили неплохо, что повышало безопасность жизнедеятельности бойца за пределами охотничьих вылазок. Иногда нож служил и способом разрешения между-

усобных конфликтов, хоть и относительно редко – чаще хватало драки. Но мастеров короткого клинка сильно опасались задевать, а история движа хранит смешные моменты наподобие разрезанного крест–накрест ебала одного говорливого и непочтительного арийского воина. По сравнению с аналогичным эпизодом в Нефтеюганске потерпевшему повезло: на суровом севере за аналогичное прегрешение на морде вырезали свастику.

Какими были все эти изделия, действительно, а не в теории, боевые? Их отличала общая кондовость, дешевизна и примитивность изготовления. От самоделок до китайского ассортимента, но вещи были все с печатью рабочего инструмента. Арсенал бригады А. например выглядел не эстетичнее чем рабочий сундучок слесаря–сантехника: какие–то ржавые острые железки, отвертки, самодельные страшного вида дубины с шипами, сомнительного вида ножи. Из исторических параллелей могу вспомнить только наверное окопные самоделки времен Первой мировой – наверное схожие условия применения группами не слишком обученных бойцов, диктовали одинаковые конструкторские решения.

Завершая тему аргументов, не могу не вспомнить главное вспомогательное средство для нападений: слезоточивый газ. Живительный ирритант имел своих верных поклонников, но характеризовался выраженным недостатком: кроме собственно залитого газу доставалось и всем остальным, а бегать со слезящимися глазами удовольствие на любителя. Поэтому или баллончики применяли очень бережно и мало, или оставляли газ для развлекательных и хулиганских выходов, поскольку кроме суровых «акций» душа бойцов порой просила еще и лулзов.

Как несложно заметить, такая элементарная вещь как «акция» содержит массу тонкостей и нюансов, не всегда и не вполне очевидных. На высоком уровне данным ремеслом владели единицы, которые, собственно говоря, и рисковали минимально в процессе осуществления преступной деятельности. Основная масса «бригад» чаще реализовала бессистемные и хаотичные нападения, в которых накапливали опыт лучшие, которые делали следующий шаг – ну а их товарищи, не переросшие пьяные беспорядочные нападения, как правило, отправлялись сидеть. Успех прогресса в этом деле зависел от двух базовых свойств личности, которые обуславливали достижения в «прямом действии».

Во–первых, главная проблема бойцов даже не разгильдяйство и слабость, а рефлексия, когда человек начинает слишком много ду-

мать. В этом кроется большая опасность, поскольку задачи «акции» очень конкретные, и требуют не глобальных умствований, а предельного сосредоточения на решаемой задаче. Для достижения результата думать следует только и исключительно о том, что нужно сделать прямо сейчас: догнать, ударить, добежать до гаражей, перейти улицу, достичь транспорта. Не случайно все армии мира пришли к идее униформы и строевой подготовки – когда обезличивание отдельных участников становится залогом того, что подразделение будет работать как единый механизм. Для механизма нужны детали, а не уникальные личности. У тех же скинхедов стремление к униформе было заложено на субкультурном уровне – одинаковые стрижки, ботинки, куртки. Любые формы рефлексии ослабляют подразделение и являются источником опасности, когда вместо того чтобы делать начинают думать. Выгодное отличие наших героев от тех же самых «самооборонщиков» – умение мгновенно принимать решение и начинать жестко действовать тогда, когда это стало даже не необходимым, а просто возможным.

Вторая составляющая успеха – рационализм. Лучшие и самые успешные представители преступной среды не имели никаких сложных душевных переживаний в духе Достоевского, не смаковали насилие и за редким исключением не имели никаких патологических склонностей. В обычной жизни это были нормальные ребята: в меру дружелюбные, адекватные, вполне социализированные. По сути они решали не идеологическую и моральную, а чисто техническую задачу – как покалечить или убить, и именно игнорирование морали, а не ее подмена на мораль извращенную, обеспечивали достижение своей цели. Практически любые отступления от этого правила, включая чрезмерную веру в Идею – как правило заканчивались плохо, так как потеря рационального начала в принципах прямого действия становилась путем для принятия неверных решений в тактике.

Подводя некий итог для этой главы, хотелось бы сказать вот о чем. Представляю себе хор комментаторов, возмущенных содержанием инструкций как нужно правильно акционировать и раскрытием особенностей тактики. Мне это слышать достаточно забавно, поскольку научиться по книжке «прямому действию» примерно так же реально, как по инструкции научиться например трахаться. При первом прочтении мануала остается ощущение что все понял и все умеешь... но столкнувшись с практикой скорее всего обнаружится, что реальность и наши представления о ней сильно отличаются.

Так вот, для осуществления «прямого действия» не нужно читать много слов, а нужно только одно: стать преступником. После этого момен-

та единственным учителем и экзаменатором становится практика – усвоение материала происходит только в момент воплощения его в реальность.

А вот понимание того, как устроена преступная среда изнутри, на самом деле полезно широкому кругу читателей. Кому–то это позволит избежать лишних иллюзий при оценке своего боевого потенциала, ну а кого–то, надеюсь, убережет от участия в дурной «акции», так как зная базовые принципы нетрудно оценить себя и потенциальных «соратников» на предмет соответствия тех умений которые есть и тех, которые нужны.

Я не случайно столько раз повторяю, что пишу о преступности – это крайне важно для понимания написанного. Потому что каким бы не был романтическим и идеалистическим взгляд на «национальную борьбу», при выборе этого жизненного пути важно знать, что на практике не будет священной расовой войны, а будет ровно то что я описываю, с очень высокой вероятностью печального финала.

Рассказывать читателям про то, что калечить и убивать людей толпой, например, плохо, у меня желания нет – понимание этических рамок у каждого свое, и я очень надеюсь что возникает оно из более фундаментальных источников, чем мой скромный труд. Совершать или не совершать преступление это довольно интимное дело каждого, и я не считаю себя вправе давать по этому поводу какие–то советы.

В этой главе о предмете было написано весьма обзорно – ясно, что тактика «прямого действия» гораздо обширнее. Но тут постарался во–первых не повторять написанное ранее по этой теме, а во–вторых – сохранить общую концепцию: не научить чему–то, а рассказать про определенное явление

Что еще осталось за пределами нашего повествования по теме тактики? Наверное, все что касается организации внешней и внутренней безопасности банды. Но про это мы поговорим в главе про борьбу с экстремизмом – там будут раскрыты как раз слабые точки этой формы преступного сообщества.

Глава 14. Добрыня Израилевич Штрайхер

История еврейского вопроса и Движения в точности соответствует классической закономерности, согласно которой то, что в первый раз является трагедией, во второй превращается в фарс. Это наблюдение в равной мере применимо что к еврейской проблеме, которая после известных событий Второй мировой выродилась в плохой водевиль с заранее известными ролями, что к значительной части Движения, которая по сравнению с историческими предшествен-

никами из Германии представляло собой натуральный фарс. Тема евреев и русского национализма в исторической перспективе слишком академична для нашего разговора, так что поговорим лишь о некоторых ярких и запоминающихся персонажах.

Среди множества людей, в те годы относивших себя к Движению, чрезвычайно хорошо помню одного субъекта, сочетавшего в себе множество колоритных черт. Имя его пусть останется во мгле истории, а вот погоняло заслужило занесения на скрижали. Звали его Штрайхер, и подобно множеству относящихся к Третьему рейху прозвищ фамилию германского доктора–затейника он выбрал себе сам.

На первый взгляд и издали Штрайхер производил впечатление. Достаточно взрослый – старше большинства наших героев, за сто восемьдесят роста и под сотню весом, Штрайхер всегда еще и выглядел соответствующе. Носил он черные рубашки, заправленные в камуфляжные штаны, которые в свою очередь заправлял в берцы. Куртки к этому гардеробу полагались исключительно расово верные – как правило уже известный читателю излюбленный акционерами «гром» со щитками на предплечьях. Все портило ебало – к габаритам и шмоткам прилагалась раздувшаяся физиономия с двумя подбородками и розовыми пухлыми щечками, затемненные очки с диоптриями и лохматая шевелюра как у Льва Давидовича Троцкого. Портрет дополняли топорщащиеся усы.

Сказать, что Штрайхер был националистом, значит не сказать ничего. Сам он себя относил к некоей «первой десятке экстремистов Екатеринбург», и тут я склонен с ним отчасти согласиться. Пользуясь терминологией «грибных эльфов», Штрайхер без сомнения входил не в десятку – в пятерку самых отвратительных «неуподоблюсь» правого движа нашего региона. С юного возраста он неотвратно шел к успеху. Еще на ранних курсах исторического факультета он не бил дворников и говнарей, а приложил руку к таинственной и ужасающей Лиге Арийского Сопротивления, чьи пропитанные ненавистью манускрипты занимают почетное место в моей коллекции экстремистских материалов региона. Лига Арийского Сопротивления вне всякого сомнения была правопреемницей другой известной Лиги – Сексуальных Реформ. Каждая буква их распечатанных на ризографе творений сквозила яростью национальной борьбы с проклятым Режимом.

Несмотря на внушительные габариты и грозный вид нашего героя, я всего один раз видел как Штрайхер дерется. Произошло это на праздновании Масленицы на льду пруда парка у Вознесенской горки, где Штрайхер вышел на ристалище, после назойливых уговоров и пинков, против кого–то из молодых РНЕшников весом килограммов этак шестьдесят пять при

высоком росте. Спустя несколько секунд отмахивания руками зажмурившись, Штрайхер принял важное решение, которое я спустя годы увидел в известном сетевом комиксе про Толераста: «Толераст! Ты набьешь им морду? Нет, я подставлю им жопу!». Именно это Штрайхер и сделал – свернувшись под градом пиздюлей буквой «зю» подставил толстый зад под сытные подсрачники, которые ему не преминул отвесить оппонент. Полноценно, правда, жопой Штрайхера не воспользовались – не хватило толерантности. К чести бойцовских дел Штрайхера могу сказать одно: в отличие от многих столь же яростных арийских воинов, он никогда не приписывал себе победы в бою и на любые вопросы о прямом действии отвечал очень уклончиво.

Шли годы, ЛАС публиковала все более и более страшные звания, а Система все не рушилась. Надо было что-то делать, и Штрайхер примкнул к возрождавшемуся в те годы РНЕ второго созыва. Структура это чрезвычайно противоречивая, и мы обязательно к ней еще вернемся, а пока ограничимся общими вехами исторического пути РНЕ и Штрайхера.

Самой главной точкой соприкосновения Штрайхера и РНЕ безусловно стала одна из базовых парадигм, определяющих его личность. Как и у РНЕ, во всех бедах Штрайхера были виноваты жида. Адольф Гитлер как-то сказал: «Самый главный жид, которого следует убить, это жид в себе – жид по имени Слабость, Трусость, Слюнявая жалость». Учение большинства премудков и к сожалению РНЕ периода упадка увы шло в разрез с мудростью Дедушки – вместо истребления положенных жидов они своих очень любили, культивировали, и наполняли жизнью созданные ими образы. Жида, не дававшие покоя РНЕ, несли ответственность за геноцид русского народа, антинародные реформы и плохую жизнь самих РНЕшников. Когда человек верующий любое необъяснимое событие объясняет тем, что на все воля Бога, премудки дают не менее однозначный ответ – жида виноваты! Как несложно заметить, метафизические жида, в которых веровали истово и яро, плохо соотносились с конкретными представителями еврейского народа – ни в одном еврее не могло быть сосредоточено столь умное, хитрое и сильное Мировое Зло, как в тех призраках в которые верили премудки.

Штрайхер в этом пошел значительно дальше. Пытливый ум будущего историка вышел за пределы метафизического жидоедства, потому что в каждой жизненной проблеме нашего героя был виноват конкретный еврей. Жида были повинны в несданных Штрайхером зачетов и экзаменов, они же заражали его гриппом а потом коварно пытались залечить от насморка до смерти в районной поликлинике. Даже в личной жизни Штрайхера преследовали евреи – не смотря на

то что он учился на очень женском факультете, либо понравившаяся ему девочка не давала, так как оказывалась жидовкой, либо, как нетрудно догадаться – так как с жидом спала. Вообще говоря со слов Штрайхера жизнь у него выходила столь прекрасная, что с ней можно сравнить наверное лишь участь раба в клубе BDSM при крупной синагоге. По всюду были боль, унижение притеснения и дискриминация.

Эта тема была у Штрайхера коронной: найдя любого, даже не всегда националистически настроенного слушателя, он начинал свою волюнку, которая могла продолжаться часами. Неоднократно Штрайхера в процессе разговора били; ну а кто–то как извлекал из этих рассказов массу лулзов. Помнится я долго разъяснял Штрайхеру, что в его провалах в личной жизни виновато лишь то, что у его соперников–евреев обрезанный хуй, а у него – нет, что обуславливало разную протяженность полового акта не в его пользу. С моей точки зрения сия тирада была изрядным издевательством... но глаза Штрайхера загорелись, так как с моей помощью он узнал о новой, особо гнусной форме еврейского заговора. Кульминацией стало подведение Штрайхера к мысли о необходимости совершить классический ритуал обрезания... кто бы знал как близок я был к страшной тайне!

Интересным образом сложились отношения Штрайхера и бригады А. во время эпизодического появления нашего героя в Дендрарии. Кто–то окликнул массивную фигуру, просто чтобы тот подошел. Метров с двадцати Штрайхер рванул с низкого старта, и в эту же секунду трое бойцов единодушно предложили его накрыть. Как читатель наверное уже догадался, с этого момента монолог Штрайхера о жидах пополнился строками про агентов сионизма среди скинов, но в целом тут он проявил благоразумие: имен не называл, в Дендрарии не появлялся. Так стороны симметрично проявили хорошую интуицию.

Борьба Штрайхера с Системой носила характер затяжной и позиционной. Главной своей миссией он полагал распространение разного рода экстремистских материалов, от собственноручно изготовленных до приобретенных от самых разных людей. Так длительное время Штрайхер терся с местной НБП, к которой прибился кажется после открытия для себя правды о скинхедах. Самому Штрайхеру это знакомство прибавило не только дежурный вопрос в свой адрес, давал ли он в жопу негру, который как известно задают каждому нацболу, но и сильно расширило ассортимент распространяемой макулатуры. Одновременное прочтение например «Лимонки», манускрипта ЛАС и листовки Баркашова «Апокалипсис в России» гарантировало неподготовленному уму неожиданный и сильный эффект, наподобие йогурта с маслом от селедки и соевым соусом.

Так и жил бы он в таком состоянии, пока не состарился, если бы одно событие не изменило его жизнь кардинально. Как–то раз, погожим весенним днем, Штрайхер вместе со смешанным составом юных РНЕшников и дружественного им довольно сильного молодого коллектива «акционе-

ров», занимались раскидкой листовки «Апокалипсис в России» по почтовым ящикам новостроек района ЖБИ. Светило солнышко; и большая часть состава разглядывала проходящих девочек и присматривала места для будущих безобразий – дворы, привлекательные подворотни, скверы и зеленые насаждения.

...Где-то половина материалов была уже раскидана по ящикам, когда от одного из домов к остальным метнулась фигура одного из РНешников, и до соратников донеслось:

– Там мусора! Штрайхера приняли!

– Ох еб твою мать... – только и смог сказать бригадир союзного состава, который откуда угодно мог ожидать столь мерзкого явления как милиция, но только не от мирной воскресной прогулки с бумажками.

Сзади выли сирены, но отступление возглавил хороший и опытный полевой командир. Сначала все дали рваный зигзаг по полукругу, как бы навстречу преследователям, оказавшись за спиной того места, откуда удалось удрать спутнику Штрайхера. Короткий рывок по скверу – и вот новый двор, с длинной панелькой о десятке подъездов.

«Здравствуйте, почта, откройте, пожалуйста» – и вся компания в абсолютной тишине занимает площадку возле выхода на чердак многоэтажки. Идет время; сейчас как раз экипаж ППСМ нарезает круги по дворам. Никто не видел куда именно они делись – домов десятки, подъездов сотни. Единственное чего требует этот маневр – не спалить преследователям куда именно удрал состав, но в нашем случае все было сделано мастерски.

Неторопливо шло время. В тишине сидеть было скучно, и вот начались первые разговоры шепотом. Спасшийся рассказал как именно приняли Штрайхера.

– Ну вот кидаем по ящикам, и тут – мужик идет. Толстый такой, здоровый. Подошел, посмотрел – и ксиву нам, какой-то служащий муниципальный.

– Не мусор??? Дак по ебалу же... – перебил рассказчика один из скинов.

–Ну он Штрайхеру – «стоять», мол – задержан. Он встал смирно, и как собачка за ним на улицу пошел. Они мне полностью лестницу перекрыли – жопы толстые у обоих.

– По ебалу!!! – прозвучало уже хором.

В общем, так и дождались они ППСМ из опорника. Штрайхер обреченно пошел сдаваться властям, а его спутник, выйдя на улицу, дал деру, и отправился к остальной компании. История всем очень понравилась, и началось обсуждение того, как называется Штрайхер

и что с ним нужно сделать. В это время у сбежавшего спутника Штрайхера зазвонил мобильный. Звонил Штрайхер.

– Да!

– Ты где? Ты выйди сейчас на улицу! – в голосе Штрайхера были слышны нотки сдерживаемых рыданий.

– Ебу дал??? Тебя отпустили? Ты где вообще!

– Выйди на улицу и подойди сюда! Это в твоих же интересах!

– Ты с мусорами что ли? Ты вообще понимаешь, что несешь?

– Они говорят хуже будет! Тебе! Выйди на улицу, я все им рассказал...

...Спутник Штрайхера отрубил вызов. Начали надрываться телефоны у всех тех, чьи номера знал Штрайхер – трубку никто не брал. Несколько человек из числа союзных скинов буквально валялись от хохота, наблюдая за этим партийным триумфом воли. Спустя еще полчаса все разошлись – покинув подъезд по одному, без приключений добрались до дома.

С того злополучного дня жизнь Штрайхера сильно изменилась. Его задержали, отпустили, потом вызвал к себе местный участковый... а больше, кроме участкового, никому нужен он не оказался. В Движе его личность приобрела известность, о которой он не мог и мечтать: о нем узнали буквально все. Была правда у этой известности и негативная сторона – отныне его погоняло стало синонимом ссученности и замусоренности. Нашлись острые языки, предложившие это явление измерять в Штрайхерах, приняв основоположника за единицу измерения. На его счастье в бригадах он не прижился, поскольку даже у довольно безразличных ко всему бойцов типа М. Штрайхеру полагался смертный приговор. Был ли Штрайхер действительно серьезно «замусорен»? Самое забавное что скорее всего нет. Для того, чтобы эффективно стучать, информатору следует владеть хотя бы нужными сведениями – а Штрайхера к серьезным темам не подпускали никогда.

Это обстоятельство привело к тому, что круг его общения сузился необычайно. Из РНЕ его выгнали, с нацболами отношения тоже были странные, старые соратники над ним глумились а новых не появлялось. Так Штрайхер оказался в прямом смысле слова на помойке Движения – а именно в кругу самых отвратительных неформалов и говнарей, которые с уважением поглядывали на его габариты, «гром» и камуфляж, заправленный в берцы.

Он закончил исторический факультет, и стал работать учителем истории. И снова случайность в корне изменила его жизнь.

Где-то то ли на улице, то ли у тех же говнарей в подземном переходе, он повстречал молодого человека по имени Антон. Антон носил «гром» и черные форменные штаны, и работал охранником. Несмотря на явные националистические взгляды, про Штрайхера он то ли не знал, то ли не слышал, то ли забыл что слышал. В целом это было неудивительно: Антон отличался совершенно нечеловеческой глупостью. Именно это его свойство привело к тому, что он никак не был вовлечен в Движ серьезно, хотя и очень этого хотел. За глупость его многие считали провокатором, например за бессмертный подвиг, когда подойдя к толпе правого народа, готовившихся к массовой, но незарегистрированной акции, он встал во фронт людей, изображавших прохожих и зевак и отсалютовал зигой, зычно гаркнув «Зиг хайль!», что очень понравилось всем окрестным милиционерам. В общем со Штрайхером они подружились, и очень скоро тот познакомил его со своим лучшим другом и соратником Сережей.

Сережа был мрачным типом лет двадцати пяти с опытом второй чеченской кампании. Бугристый череп, длинное пальто и дешевые брюки делали его очень похожим на классического героя начала девяностых, с которых в общем Сережа и брал пример по жизни. Жил он тогда в области, и мечтал о том как переберется в город и придет к успеху. В качестве средства для этого промышлял он классическими уличными грабежами, которые начинались с «дай телефон позвонить», а заканчивались жестоким избиением прохожего. В качестве рабочего инструмента он пользовался несколькими пистолетами разной степени незаконности, от газового Иж-79 до криминальной переделки под .22LR. Кобура была непременным элементом его имиджа, таким же как пальто и шелковый шарф. В качестве напарника Сережа брал себе Антона, который несмотря на глупость был довольно здоровым парнем. Проблема была только одна: ночевать в Екатеринбурге жителю области было решительно негде, а ночные тусовки на автовокзале после успешных грабежей сильно увеличивали риск палева. Так и пересеклись жизненные пути Сережи и Штрайхера. Их познакомил Антон.

Единственной ценностью Штрайхера для них было то, что проживал он в отдельной комнате в квартире в центре города с мамой, которая сына надо полагать любила, и не препятствовала тому, что у него стали регулярно ночевать друзья. Впервые в жизни Штрайхер прикоснулся к чему-то действительно страшному и незаконному – это наполняло его жизнь силой и скрытым, потаенным смыслом. В его сознании Сережа и Антон были чем-то вроде боевиков-эсеров, готовивших на его конспиративной квартире что-то страшное и грандиозное, от чего содрогнется весь город и возможно даже Система. И он, своими руками способствовал этому – пусть и

путем открывания двери ночью и нервного сна на коврик вместо собственной кровати. Сережа достаточно быстро понял с кем имеет дело, и, состирывая по ночам кровь с одежды, делал очень загадочный вид по поводу того, чем они занимались прошлой ночью.

В одном ожидании Штрайхера совершенно оправдались – благодаря новым друзьям он действительно страшно и грандиозно влип, а его погоняло еще раз прогремело на все Движение.

Со временем друзья стали брать своего нового знакомого на прогулки по городу, которые иногда заканчивались мелкими развлечениями наподобие трясения денег с малолеток. Так наши герои гуляли однажды в выходной возле Драмтеатра, что в Екатеринбурге возле областной Думы – «Белого дома». Прогулка прошла довольно мирно: Сережа отобрал деньги у скейтбордиста и утопил его скейтборд, Антон кого-то пнул, но тут им пришла в голову блестящая идея ограбить прохожего на крыльце здания Правительства Свердловской Области. Для полного счастья в этот день проходили выборы, и находящаяся и так на нервах охрана начала крутить незадачливых грабителей. А Сережа, то ли от дурости, то ли от опыта чеченской кампании, начал стрелять. Как их там не завалили уму непостижимо, но финал был немножко предсказуем: всех троих приняли. Кармический круг замкнулся: автором первого задержания Штрайхера стал сотрудник городской администрации, а во второй раз его приняла охрана администрации области.

Случай вышел громким. Все трое попали в СИЗО, по Штрайхеру подняли старые папки еще по первому задержанию, дома у него прошел обыск, и все совершенно охуели. Во-первых от количества всевозможных листовок, нашивок, брошюр и прочего палева. По картине у него дома у сотрудников милиции возникло явное ощущение, что раскрыли они как минимум заговор нацистов накануне Пивного путча. А во-вторых, мама Штрайхера оказалась еврейкой. Это многое объясняет: жида, стало быть, виноваты перед Штрайхером с того самого момента, как сперматозоид его папы оплодотворил семитскую яйцеклетку. Кроме шуток, думаю что той женщине было довольно грустно в это время, поскольку навряд ли она была виновата в чем-то большем, чем в том что воспитала и вырастила идиота. Сам же Штрайхер со своим нацизмом точно повторил классический анекдот про Добрыню Израилевича в бане – «или сними крестик, или надень трусы».

Штрайхеру между тем пришлось очень плохо. Шел 2005 или 2006 год, и по правой теме самым активным образом работал УБОП, чьи сотрудники никогда не отличались особым тактом и предусмотрительностью. Штрайхер стал жертвой того, что всю жизнь занимаясь конспирологией и играя в революцию и борьбу с Системой, он отыскал себе конспирологически ориентированного слушателя. Теперь ему пришлось доказывать УБОПу отсутствие того, в наличии чего он годами убеждал самого

себя и окружающих. Электрошокер, пиздюли, психологическое давление, пресс в камере – либо что-то из этого, либо весь список радовали Штрайхера дольше полугода до самого суда. «Жизнь всегда найдет верный способ злу воздать сполна – жалости не знающей железной рукой! В страхе жди стук в дверь, боль будет сильна. Мы придем разрушить твой покой!» – сказал про Штрайхера «Коловрат».

Пока Штрайхер сидел, лично мне еще раз довелось столкнуться с прекрасными свойствами этой личности. Познакомились мы с ним как раз в результате его прекрасного выступления с листовками, когда среди прочих он прибежал за консультацией что же ему теперь делать. И вот по прошествии пары лет у меня зазвонил мобильник.

– Добрый день... такого-то можно услышать?

– Да, а кто беспокоит?

– Это из УВД г. Екатеринбурга. Можете подъехать?

– Да, конечно.

В УВД города меня ждали два УБОПовца и местный опер, сильно заинтересованные жизненными обстоятельствами Штрайхера. Поболтав минут десять о жизни, с УБОПовцами я почти подружился, поскольку оседлав любимого научного конька прочитал лекцию про особенности квалификаций преступлений экстремистского характера и типичные признаки этой группы. После этого я написал довольно длинный текст, в последствие блистательно оглашенный на суде. Написал я там чистую правду – что странно считать Штрайхера экстремистом, когда он представляет из себя совершенно коллекционный пример мудака и идиота с сомнениями по поводу его психической нормальности. Не забыл и проникновенные строки о заслугах Штрайхера перед милицией и известность этого факта. Тем самым я ему очень помог, поскольку представ перед судом в своем подлинном облике, этот недостойный сын Сиона полностью снял с себя риск быть привлеченным за политический экстремизм. Получил он положенную условку за соучастие, ну а Антон и Сережа сели по-моему реально.

Последняя наша встреча со Штрайхером состоялась где-то через полгода после его освобождения из застенков кровавого режима. Выглядел он очень плохо: как-то поблек, осунулся, сдулся, а одет был в дешевую кожаную куртку, черные брюки и обычные ботинки. Сказать по правде я был достаточно зол на него, поскольку судя по вопросам УБОПа он дал очень альтернативную характеристику моей личности и роду занятий, что могло быть чревато неприятностями.

Но подойдя поближе, понял, что бить мне его то ли жалко, то ли противно.

Занимался Штрайхер тем, что лечил приобретенный в СИЗО туберкулез, и грустно думал куда ему идти работать, поскольку обратно в школу учителем истории с судимостью его прочему – то не брали. Странно, но он даже сказал спасибо за эпичные показания, оглашенные в суде – хватило ума сообразить, что их результатом стали не только доставленные суду лулзы, но и немалая помощь подсудимому. Так и пропал с тех пор Штрайхер с горизонта, окончательно отправившись на помойку как Движения, так и самой жизни, где мы и попрощаемся с этим героем.

Персонажи наподобие Штрайхера заставляют еще раз задуматься о феномене евреев в рядах Движения. Ничего удивительного не было в том, что люди еврейского происхождения попадали в «бригады», так один из активных и уважаемых бригадиров времен становления движа подобно Штрайхеру имел еврейскую матушку. Встречались они и в околофутболе, причем порой на довольно высоком уровне этого явления. Это было немного странно, но вполне объяснимо: этническое происхождение не совпадало с национальной самоидентификацией, а в «бригаду» толкала пассионарность личности и гендерная тяга к насилию. Клиника Штрайхера была гораздо сложнее, и увы, он отражал одну из довольно позорных тенденций Движения.

Антисемитизм например в Германии имел очень живого и непосредственного врага: евреев в Германии было много, и представляли они собой прежде всего компактно проживающую диаспору, чувства местного населения к которой были предсказуемо плохими. Именно вражда к диаспоре составляет суть немецкой пропаганды по этому поводу – достаточно вспомнить классический фильм «Вечный жид». Примером русскоязычного антисемитизма с достаточно рациональной подоплекой является книга Василия Шульгина «Мы и они» – написанное блестящим языком и очень едкое исследование еврейского вопроса и революции. Как и в примере с немцами, антисемитизм Шульгина достаточно рационален и логичен: он опирался на факты и умозаключения. Понятное дело что такие мнения весьма тенденциозны, но рациональное зерно в них безусловно найти можно – как например и в советских источниках, занимавшихся бурным противодействием сионизму в середине двадцатого века. Все это продукт хоть и идеологизированного, но несомненно человеческого разума.

Штрайхер же представлял собой другую, гораздо более отвратную ветвь мыслителей о еврейском вопросе. Подобно сонмищу классических премудков, он был не антисемитом, а классическим юдофобом. В его душе жил чудовищный инверсионный шовинизм: Штрайхер всю жизнь одно временно превозносил и ненавидел по сути то, к чему принадлежал он сам.

Можно спорить о причинах этого, но думаю дело тут в колоссальных личных комплексах и полной бесполезности этого персонажа во всех сферах человеческой жизни одновременно. Иррациональная ненависть к тому, чем Штрайхер по сути являлся сам, замкнула этот круг и привела его туда, где этому герою самое место: на помойку. Кроме прочего, именно на примере Штрайхера отлично видно, куда приводит потеря национальной самоидентификации и национальных ориентиров. Все–таки нация, как и семья, неотъемлемая часть нормального самознания – и потеря этих ориентиров чревата уродством, почти генетического уровня.

Только раз в жизни довелось мне вспомнить нашего героя с душевной нежностью и теплотой. Однажды судьба меня занесла в качестве любопытного зрителя некое протокольное мероприятие одного из осколков Движения против нелегальной иммиграции, где в Москве собрались все ведущие и топовые представители нескольких крупных и известных околополитических формаций националистического толка, известные как «профессиональные русские». Это была апокалипсическая картина: говоря по–простому, столько жидов как там, можно повстречать только в синагоге. На фоне бесконечных бородок, очков, отвислых носов и характерных физиономий лучом цвета в темном царстве выглядели несколько подтянутых бойцов НСО, явно вышедших из московских «бригад». А наш герой по сравнению с этим разнообразием выглядел бы как–то даже уныло и совершенно не внушительно. Так что даже в этом, подобно герою анекдота про победителя конкурса мудаков, Штрайхер занял лишь второе место.

Глава 15. РНЕбс

Петр Ильич Чайковский сказал как–то о «Камаринской» Михаила Глинки, что ««Вся русская симфоническая школа, подобно тому как весь дуб в желуде, заключена в симфонической фантазии „Камаринская“». Примерно это же можно сказать и о РНЕ и всем последующем современном русском национализме: все то, чем стало Движение, подобно дубу из желудя выросло из того, старого, Русского Национального Единства.

Именно РНЕ в 90–е годы по сути единственные представляли из себя реальную силу как организация на государственном уровне. Можно по–разному относиться к Баркашову, но около десяти тысяч боевиков организованных в единую структуру с четким военным подчинением. Если бы государство выбрало иной путь развития – например подобный тому, какой стала Белоруссия, вполне может быть что никаких скинхедов, «акций» и терактов бы не было – а РНЕ

стало бы чем-то типа национальной гвардии. Но чтобы контролировать такую силу действительно стабильно, нужны были две ключевые фигуры: сильный и авторитарный лидер страны и политически гибкий лидер РНЕ, способный не только к прямым шагам но и к компромиссам. Не оказалось ни того, ни другого: слабое правление Ельцина в сочетании с ограниченностью Баркашова привели к тому, что РНЕ к концу 90-х оказалось в состоянии кризиса, и практически повсеместно прекратило свое существование – в лучшем случае превратившись в банды, ЧОПы и формирования в бизнесе, а в худшем – развалившись совсем.

Вместе с тем, люди никуда не делись а проблема, собравшая их вместе, становилась все актуальнее. В описываемый период РНЕ существовало целых три: агонизирующее РНЕ Баркашова, «автономное» РНЕ без Баркашова и РНЕ братьев Лалочкиных. В Екатеринбурге существовали остатки РНЕ Баркашова, ранее возглавляемого Варывдиным, а в городке в области были сильны «автономщики».

Казалось бы – самое начало 2000-х, какое же тут РНЕ когда даже движение скинхедов подошло к кульминации своего развития? На самом деле, предпосылки для его развития были, и были сильно выражены. Это сейчас Движение сильно консолидировано в Интернете, и представители всех фронтов и течений могут найти друг друга в соцсетях не вставая из-за монитора. Тогда же Интернет был редкостью, и главной формой организации взаимодействия была архаичная – через определенные организации. Через них же шел обмен информацией – от листовок до книг и дисков.

Безусловно, из любых возможных националистических брендов самый сильный имидж был у РНЕ, и к коловрату в восьмиконечной звезде у всех было весьма уважительное отношение. По сути на тот момент поднявший этот флаг становился как знаменосцем местного движа, поскольку РНЕ консолидировало всех: от возрастных ветеранов событий 1993 года и престарелых премудков до пятнадцатилетних скинхедов. Была возможность и осуществлять преемственность поколений, передавая опыт парней в черной форме «бригадам». Так и случилось, что в Екатеринбурге образовалось РНЕ второго созыва – уже после фактического распада старой структуры, возглавляемой Варывдиным.

Нелегкое дело возрождения РНЕ взяли на себя двое парней, один постарше а второй помладше. Тому что постарше, лидеру, на тот момент был 21 год. Легковесный темноволосый шустрый паренек взялся за это дело из самых что ни на есть возвышенных побуждений: тут тот самый случай, когда основополагающим началом была Идея. Скинхедом он никогда не был, и рассчитывал повторить успех как раз архаичного РНЕ – черные формы, повязки, военная организация и вертикальное подчинение.

Второй был помладше, и от лидера отличался даже внешне. Будучи чрезвычайно хилой конституции, он строжайшим образом соблюдал скиновский дресс-код. Даже в лютую жару он носил тяжелые ботинки, укороченные голубые джинсы и бомбер, ну а зимой соответственно «гром». Скинхедов он при этом недолюбливал, и путь их видел тупиковым. Злые языки утверждали что дело тут в том, что этого господина выгнали из скинхедов за безблагодатность в бою, причем не откуда-нибудь, а из бригады А. Не знаю так ли это, но одно могу сказать точно: заместитель руководителя местного РНЕ второго созыва дрался настолько отвратительно, насколько это можно делать. При этом он утверждал что имел продолжительный опыт славяно-горицкой борьбы, что либо являлось враньем, либо школа СГБ не имело с оной общего ничего кроме названия.

В целях конспирации эти два героя выбрали себе оперативные псевдонимы. Лидер назвался Моисеем, а второй господин – Соломоном. Соратники их звали, разумеется, иначе, но для нашего повествования сохраним эти имена.

«Моисей» отличался холерическим темпераментом и совершенно неумной энергией. Не зная никого из местного РНЕ он чуть ли не по почте связался с представителями организации и встретился тут с человеком, который специально заехал в город наделить Моисея полномочиями и вручил большую пачку листовок для распространения. Первую пачку Моисей и Соломон раскидали вдвоем, чем ознаменовали старт работы организации. Также был торжественно заведен партийный телефон, номер которого оставлялся повсеместно и рисовался на заборах.

Очень скоро к нашей парочке потянулись соратники. Удивительным образом вовремя поднятый флаг с коловратом собрал вокруг себя всех, кого можно было собрать. Очень быстро рядом с РНЕ оказался например известный читателю Штрайхер, как и например здоровые мужики с опытом работы еще в основном коллективе этой организации – охранники, просто рабочие, и даже бывший СОБРовец с реальным боевым опытом. Окончило формирование «основы» присоединение к рядам молодого, но опытного активно акционирующего коллектива. По требованиям к ячейке требовалось место для встреч – таким стала Вознесенская горка, где каждое воскресенье в одно и то же время собирался коллектив на палевое и с форменными повязками. Сейчас такое невозможно себе представить – но тогда еженедельный пикет запрещенной экстремистской организации со свастиками на рукавах не вызывал никакой реакции милиции.

Так буквально за пару месяцев совершенно с ровного места в Екатеринбурге случилось возрождение РНЕ.

Перед новым фюрером стояла непростая задача: мало собрать людей, нужно еще и дать им какое-то занятие. При этом командир категорически протестовал против вырождения ячейки в «бригаду» – акции оставались на совести тех, кто в них участвовал, и отношения к РНЕ не имели. На вопрос как ему быть старшие товарищи из центра ответили, что главный фронт – распространение мудрости Баркашова по почтовым ящикам в виде листовок установленного образца. Таковых предлагалось две – «Купи оружие» с более-менее вменяемым содержанием, и совершенно укуренная «Апокалипсис в России», посвященная борьбе РНЕ с Антихристом. Любопытно, что примерно треть активного состава ячейки с Соломоном во главе придерживалась вовсе родноверия, а не РНЕшного православия, и к идее второго манускрипта отношение было весьма критическое.

Но Моисея не пугали сложности. Командиром он оказался неплохим, и беспрецедентная кампания по раскидке листовок стартовала. Была куплена карта, поделена на квадраты, и регулярно составы бойцов отправлялись работать бесплатными почтальонами. Работа была налажена столь хорошо, что за вечер обрабатывались участки в пять-шесть кварталов. На листовках самонаборным штампом был напечатан телефон. Пошли звонки.

Нетрудно догадаться, кого можно найти таким образом – завываниями про Апокалипсис. Состав начал пополняться совсем уж причудливыми существами – от искренне верующих набожных ребят до странных личностей сомнительной вменяемости. Раскидка листовок происходила постоянно – в фюрере пропал талант начальника отдела какой-нибудь бесплатной газеты. Логистика, снабжение материалом, нанесение штампа с телефоном – все было прекрасно, кроме результата от этой деятельности.

Находились те, кто верили в истинность выбранного пути, но большая часть серьезных парней относились к этому как к развлечению, а усилия прикладывали к освоению прямого действия. Именно наличие подобных личностей объяснялось то, что в Движении к ячейке отношение было нормальное – с придурью ребята, но толковые. В отличие от многих других околополитических структур, типа известной истории с опиздюливанием ДПНИ в Питере черт знает кем, местная ячейка легкой целью не была совершенно. Союзными РНЕ была например бригада «Викинг» в полном составе, которая воспитала уже знакомого читателю М.

Через некоторое время раскидки надоели все-таки совсем, и агитация вышла на новый уровень – политического граффити. В отличие от добровольной почты разрисовка требовала определенной

смелости, и процесс порой доставлял как адреналин так и лулзы. Были и забеги от ППС, а некоторые акции по разрисовке превращались в маленькие акции. Как уже было сказано, Моисей был замечательным организатором, без шуток. И весь город буквально преобразился: на каждой второй удобной поверхности красовались классический символ и надписи «РНЕ», «РОССИЯ – ДЛЯ РУССКИХ!» и «РОССИИ – РУССКИЙ ПОРЯДОК!». Справедливости ради стоит сказать, что не все надписи были созданы именно активом ячейки – идея нашла много подражателей. Склонные к вандализму юные скинхеды активно приняли на вооружение надписи, порой добавляя к ним собственный креатив. Пошли гулять в народ и трафареты для производства свастики в восьмиконечной звезде. С ним вышло много веселых историй, самая смешная из которых была связана с изображением милого сердцу символа на бортах оставленного без присмотра милицейского автомобиля. Смелости проследить за реакцией его экипажа у юных художников не нашлось, но думаю им было довольно весело – как на обратном пути до гаража, так и во время объяснений с начальством.

Между тем мысль агитаторов–затейников не стояла на месте. Исследовались эффективность листовок, граффити – и было установлено, что читать массы не любят, особенно про Апокалипсис, а лучше всего реагируют на сочетание свастики и телефона. Так появились знаменитые наклейки – цветные, размером где-то с две трети сигаретной пачки. Наклейки опять же активно пошли в народ – осваивать транспорт, поручни, рекламные стенды и любые поверхности.

Один юный бритоголовый коллектив родил новаторскую идею использования наклеек, о которой не могу не рассказать. Ищется машина подороже, с явно нерусским водителем, и ловится момент, когда водитель ее покинул. После чего тихо и бесшумно наклейками украшаются зеркала заднего вида, на поверхность украшаемого элемента. Дальше нужно найти точку наблюдения и наслаждаться представлением. Гордо и надменно жертва садится за руль, глядит по зеркалам... а тааа! После этого ближайšie пятнадцать минут, а меньше самоклеящаяся продукция на ядерном клее не отдирается, несчастный по кусочкам отдирает ее от зеркал, стараясь не повредить зеркальные элементы. Делать это ко всему прочему приходится согнувшись раком, в очень неудобной позе. Лучшие представители потерпевшей стороны, отличаясь южным темпераментом, собирали вокруг себя зрителей, которых развлекали гневными монологами и пантомимой. Лично я этого зрелища не видел, но непосредственные очевидцы и ценители говорят, что мало что из драматического искусства прекраснее этой изысканной сцены.

Буквально за полгода у всего Екатеринбурга сложилось мнение, что РНЕ – абсолютно везде. Листовки, наклейки, надписи – впечатление создавалось наличия многочисленной и реальной структуры. Нашлись и борцы – так РНЕ перерисовывалось в «ВНЕ», а лучшая антифашистская

диверсия была в приписывании к названию еще двух букв – «РНЕБС». «Эрэнъёбс» так всем понравился, что сами РНЕшники в частных беседах стали так его называть. Забегая вперед, отмечу, что именно «эрэнъёбс» в результате из этой организации и получился.

Дела партийные в организации всегда были связаны с дисциплиной почти военного толка и тренировками. Официальная военная доктрина РНЕ была построена на идее тотальной мобилизации личного состава, если призовет фюрер. Во времена расцвета организации это было вполне оправдано: средний возраст бойцов 25–30 лет, большинство служившие в армии, кое–кто и воевал. Старшему поколению реально было чему учить молодых, и очевидцы свидетельствуют о высоком качестве тренировок и боевой подготовке тех лет.

Однако местная организация второго созыва как мы помним состояла из довольно молодых людей, тяготеющих не к военным действиям, а к бандитизму в своей наиболее боеспособной части. Но, несмотря на это, попытки наладить процесс обучения боевиков все–таки имели место.

Первые попытки оных свелись к тому, чтобы организовать вменяемые занятия рукопашным боем у личного состава. Закончились они тем, что присоединившийся к организации акционирующий коллектив в полном составе отправился заниматься кудо, при полном отсутствии интереса со стороны остальных участников ячейки.

Моисей не сдавался. Найдя оперативными методами мужика из старого состава еще варывдинского РНЕ в качестве инструктора, было проведено несколько эпических занятий, лучшее из которых состоялось в заброшенном парке у старого зоопарка, что в районе цыганского поселка.

...Возрастной дядя с усами обзирал ряды сомнительного воинства. На занятие было велено притащить перчатки, у кого были, а также ножи и – отвратительные китайские пружинные airsoft–пистолетики с шариками, символизировавшими огневую подготовку. Рукопашная часть тренировки началась с отработки амплитудных бросков из стойки в стиле плохого самбо, из чего умевшие это делать участники извлекли массу лулзов, втыкая разнообразных премудков головой в снег. Ножевая часть закончилась тем, что кто–то порезался об свой собственный нож, а потом началось самое лучшее. Выстроившись в колонну, странно одетые молодые люди уныло брели промеж сосен, поводя в разные стороны стволами китайских детских пистолетиков. Глядя на это зрелище враги расы и нации неминуемо пришли бы в ужас. Потом с тем же инструктором было осуществле-

но пару выездов в лес, с примерно такими же методическими успехами. К счастью никаких силовых акций кроме битья стекол офиса какой-то партии силами именно РНЕ произведено не было, и слава Богу.

Кроме подготовки боевой, не забывали в РНЕ и про политическую. Традиционно в организации практиковались регулярные политзанятия, которым придавалась чрезвычайная важность в формировании идеологического и морального облика бойца. На партийном сленге такие мероприятия назывались «карантинами», и прохождение оных было фундаментальной основой для того, чтобы быть именно бойцом РНЕ, а не каким-то проходимцем. Организация «карантинов» была делом серьезным, и поручить ее можно было только опытному и старому соратнику, каковых в местной ячейке не было. В решении этой проблемы Моисей проявил истинно талмудическую мудрость. Дело в том, что формально относя отделение к РНЕ А.П. Баркашова он ухитрился поддерживать отношения и с их политическими противниками – «РНЕ без Баркашова», они же – автономщики. Причем остатки чрезвычайно возрастных «автономщиков» были представлены в одном из городков Свердловской области. Им-то и было поручено возглавить политическую подготовку личного состава, что в общем доставляло, т.к. за политическим обликом новых баркашовцев было поручено следить несомненным еретикам.

«Карантины» проводились в корпусе одной из больниц, в которой два старых «автономщика» проживали на неведомых основаниях. Обоим было где-то под сорок лет, т они относились к древнему и ныне вымершему племени еще совковых наци. Один, весь покрытый татуировками, включая пальцы ног, с гордостью рассказывал, как из года в год еще в СССР вывешивал 9 мая в окно флаг со свастикой, и каждый год получал за это пизды. Второй был мрачен и молчалив, оживая только во время проведения карантинных лекций.

На «карантины» народ собирался по вечерам в среду, в больничной палате снималась с петель дверь и клалась одним концом на стол, а вторым на подоконник, превращаясь в стол для заседаний. После этого начиналось долгое и унылое обсуждение, например посвященное «прорабатыванию» Протоколов Сионских Мудрецов. Материалом лектор владел плохо, а еще хуже – искусством публичной речи, вследствие чего половина слушателей дремала, а половина пропускала ценный материал из одного уха в другое. Однажды, из чистого любопытства, мне довелось посетить данное мероприятие, о чем совершенно не жалею. Кроме доставленных лулзов, там состоялось одно из самых необычных моих знакомств в правой среде.

После «карантина» мое внимание на себя обратил тощий парнишка с невыразительной тусклой мордочкой, который стал задавать вопросы по поводу ножа и ножевого боя. Вид у него был такой, что мне на тот момент показалось, что его просто всю жизнь обижали и пиздили. Я добросовестно рассказал что знал на эту тему на тот момент, пребывая в уверенности

что мой собеседник эти знания не применит никогда, поскольку и в рожу—то дать неспособен.

Парнишку звали Артур Рыно. Пройдет буквально пара лет... и это имя узнает вся страна. Тогда я хорошо запомнил этот разговор — как пример того, как иногда ошибаешься в людях.

Существование местного РНЕ в форме монолитной организации прекратилось после того, как в 2005 году в регионе произошло первое резонансное убийство в результате «акции». 19 мая 2005 года в городе—спутнике Екатеринбургa привычным образом «акционировали» пятеро бойцов одной из тамошних бригад. Они убили троих армян, что по некоторому стечению обстоятельств совпало с визитом в город посла Армении. Если до этого момента мертвых армян никто не считал, так как в той же Пышме их несколько тысяч, то тут не вышло — во—первых убили много, во—вторых громко, а в—третьих чрезвычайно тупо и по пьяни, на чем и попались. Некоторое время СМИ пытались объяснить инцидент результатами хулиганства и не обращать внимания на реальную подоплеку, но шила в мешке не утаишь, и вскоре даже в прессе начали звучать речи про «бритоголовых».

Преступление прогремело на всю страну, поскольку назревал международный скандал. После происшествия у местных правоохранительных органов словно пелена спала с глаз — совершенно внезапно у себя под носом они обнаружили весьма многочисленное правое Движение с организацией РНЕ во главе, изрисовавшей свастиками весь город. Как раз 2005 год стал переломным моментом для истории местных скинхедов, когда ими начал заниматься УБОП, и пошли первые массовые посадки среди представителей правой среды.

Где—то незадолго до этого на раскидке вляпался Штрайхер, а сразу после удивительную вещь сделал Моисей. Будучи студентом крупного местного университета он был пойман на крыльце собственного ВУЗа за распространением листовок и полным рюкзаком разнообразного палева. На фоне всеобщей истерии по поводу армян это был очень мудрый поступок. Моисей практически поселился во всевозможных правоохранительных органах. РНЕ было вынуждено поменять места встреч, сильно изменился личный состав, и через какое—то время отошли оба лидера. До последнего момента Моисей пытался держать ситуацию под контролем, но под прессом руководить организацией было невозможно, и он самостоятельно сложил полномочия после некоторых событий в ячейке.

Дни местной ячейки после этого оказались сочтены, поскольку в формате любой политики работать было невозможно, на федеральном уровне РНЕ практически перестало существовать, а для бандитизма и акций пропаленная структура подходила очень плохо. Судьба выходцев от туда была разной. Кто-то продолжил мутить в других националистических организаций разную околополитическую движуху, кто-то вернулся в «бригады», кто-то отошел совсем.

Как не критиковали Моисея за фюрерские амбиции и сомнительные решения, в свое время РНЕ второго созыва сыграло в движе достаточно важную роль. Самым большим плюсом стало то, что она занимала промежуточное положение между возрастными «сочувствующими» с разнообразными премудками и собственно бригадами Екатеринбурга. Благодаря РНЕ между ними стал возможен диалог и консолидация в некотором общем ключе. В будущем как раз старые знакомства, возникшие вокруг того РНЕ, хорошо себя зарекомендовали при проведении различных мероприятий правого толка.

Вторую положительную роль сыграло то, что в мае 2005 года именно РНЕ, будучи достаточно безобидным само по себе, стало своеобразным «громоотводом», за счет распиаренности отвлекая на себя значительные силы правоохранительных органов.

Борьба с РНЕ позволила остаться в тени основным серьезным людям, которым предъявить можно было гораздо больше чем испачканные стенки. В силу определенных причин к Моисею возникли вопросы, не ссутился ли он тогда, и высказывались по этому поводу разные точки зрения. Но как показала практика ничего подобного не произошло, поскольку он был в курсе очень разных событий, и ни одно из них тогда не всплыло. После этого он же занимался сбором денег для «узников совести» – и проявил себя совершенно честно и порядочно. Была позднее и история, как с одним из соратников они буквально спасли малолетнюю «бригаду» в сложной жизненной ситуации.

Конечным итогом стало то, что история расцвета и упадка РНЕ второго созыва поставила точку в «золотом веке» правого движа Урала, когда многочисленные бригады и ультраправая организация могли существовать вполне открыто. Как раз после 2005 года структура правого движа изменилась достаточно сильно, и пришло время для других героев и новых правил игры.

Глава 16. Околополитика

Как всем известно, деятельность фанатских «фирм» и все, что происходит в процессе столкновения фанатских группировок, имеет слабое отношение к футболу как к спортивной игре, на которую ходят смотреть болельщики на стадионе. Это явление получило название «околофутбола» –

нечто безусловно с футболом связанное, но находящееся возле него. Примерно так же выглядит то, каким образом националистические организации вовлечены в политику, в которой давно нет места оппозиции и все раз и навсегда установлено единственно верным курсом единственно верной партии Единая Россия. Влияние националистов на политику и методы, которыми они действуют, примерно так же связаны, как счет дерби «Спартак–ЦСКА» с результатами встреч «Mad Butchers» с «Ярославкой». То, что националистов в политику не пускают, привело к возникновению достаточно странных и порой противоестественных форм и объединений политического характера.

Расцвет разных политических и околополитических формаций правого направления начался одновременно с упадком РНЕ. Пока РНЕ ставило перед собой ясную и четкую политическую задачу в виде захвата власти революционным путем, существование остальных организаций было практически невозможно: однажды заявившие о себе как о националистах, сразу получали клеймо экстремистов и революционеров. После кончины РНЕ как единой централизующей силы, нашлось не менее десятка организаций правого направления, которые сразу нашли в себе потенциал к существованию. Чтобы неподготовленный читатель не сломал себе голову в хитросплетениях всей этой возни, пожалуй, заранее дадим общую картину того, что происходило в правой околополитической среде. Понимание общей картины совершенно необходимо для дальнейшего повествования.

Условно можно разделить все националистические организации на три группы: левый фланг, центристы и правый фланг.

«Левые» праворадикальные организации, как бы странно не звучало это название, были представлены достаточно неплохо в масштабе России, и флагманом оных безусловно была Национал–Большевистская Партия (НБП) Эдуарда Лимонова. НБП была совершенно уникальным явлением: как сказал кто–то с острым языком, только нацболы ухитрялись получать пиздюлей от антифа за нацизм и от скинов за антифашизм. Однако противоестественное сочетание леворадикальных взглядов с имперским шовинизмом делали свое дело – нацболы стабильно находили себе новых сторонников. Кому же нравилась НБП? В первую очередь конечно же неформальной молодежи с революционно–бунтарским духом. Всевозможные панки, анархисты, просто разгильдяи и прочий сброд из политизированных говнарей удивительным образом сочетался с частью книжной интеллигенции, симпатизирующей левым силам. Отсутствие порядка, иерархии, даже просто криминальной дисциплины «бригад» делали нацболов достаточно веселой молодежной тусовкой с леворадикальным уклоном. От правой тематики НБП унаследовала крайне успеш-

ную спекуляцию на символике и оголтелый экстремизм по отношению к государству и власти, от левых – возможность союза с коммунистами. В нашем городе организация НБП чувствовала себя очень неплохо, сочетая в своих рядах некоторое количество приличных журналистов в лидерах – а с прессой кстати в НБП всегда было очень хорошо, «Лимонка» без сомнения была самым качественным изданием такого рода; с традиционно безалаберной левой публикой. Культовым мероприятием в нашем городе для всех них был «Антикапитализм» – регулярно организуемое шествие под красными флагами, собирающее часть протестной студенческой аудитории под флагами КПРФ, АКМ, разумеется нацболов, РКРП и примкнувшим к ним разношерстным оппозиционерам. «Антикап» в разное время посещали как РНЕ с листовками про апокалипсис, так и в новейшие времена та же «Другая Россия». Уникальность формата левого крыла была в том, что состав той же НБП мог пополнить как бывший скинхед, например изгнанный за трусость и слабость характера, так и приبلудный антифашист с красными шнурками, возжелавший революции. Благодаря хорошим связям с КПРФ «левое крыло» было достаточно неплохо видно в политике, начиная от митингов и заканчивая достаточно успешными связями бывших «левых» националистов с коммунистами, которые заканчивались статусом помощника депутата а порой и весьма успешным трудоустройством на этом направлении. Именно «левое» крыло давало КПРФ хоть какие-то шансы избавиться от имиджа протухающего болота с пенсионерами и вернуть красным флагам их былое революционное значение. Если бы не позорное интернационалистское прошлое коммунистов и не менее позорные заигрывания с антифа, у «левого» крыла был бы шанс привлечь действительно сильных и пассионарных личностей Движения. Однако из-за указанных особенностей шаги к этому направлению приравнивались к тому чтобы дать в жопу негру в глазах остального правого движа. Мало кто читал «Это я, Эдичка», но вот про, то что фюрер нацболов по его собственным словам давал в жопу негру знали абсолютно все. Даже близость к депутатам не перевешивала карму этого события, и путь «налево» для скинов означал шаг от Движения в сторону антифашизма и педерастии. Особенно забавляло при это то, что на уровне «основы» прямой антипатии у НБП и скинов на Урале не было, и старшие тех и других находились во вполне приятельских отношениях.

«Центристы» правой среды всегда были обильно представлены всевозможными премудками, начиная от осколков «Памяти» и деградировавшей части РНЕ. Главной особенностью националиста–«центриста» было отрицание возможности силового решения проблем русского народа – любые разговоры о национальной революции считались провокацией, и к ней же приравнивалось «прямое действие». Также очень часто встречалось активное неприятие национал–социализма как идеи – взамен предлагалось нечто странное, начиная от монархизма и заканчивая отвратительными

прожеками «индоевропейского господства» и прочей антинаучной ереси. Идеи монархизма, панславянизма, «национальной демократии» сочетались как правило с метафизическим антисемитизмом, что делало премудков совершенно не опасными в глазах государства и привлекало под их знамена городских сумасшедших и идиотов всех разновидностей. Символом этого направления в доисторическую эпоху у нас была выродившаяся «Память», потом – часть остатков РНЕ, а затем – огромное сонмище каких-то странных казаков, верующих катакомбной церкви, представителей карликовых организаций и прочей нечисти, благодаря которой националистам, не стоящим на экстремистской позиции, был нанесен непоправимый политический ущерб. Общение с ними оставляло двойственное впечатление: по одиночке они порой казались нормальными людьми, а вот в виде организаций погружались в пучину безблагодатности.

Иррационально мыслящие премудки составляют ровно половину «центристов». Вторая половина представлена рационально мыслящими националистами, которые получили совокупное меткое название «профессиональные русские». Глядя на бессильные потуги РНЕ на национальную революцию и отвратительное болото с премудками, многие хваткие ребята увидели возможность отыгрыша националистической карты в легальном поле – не совершая преступления и не нарушая правила игры «большой политики». Так как у национализма в обществе чрезвычайно сильные позиции, то подобно тому, как в 90-е черт знает кто становились бизнесменами, в ранние 2000-е не менее странные личности имели бурный успех в легальном национализме. Лучшим проектом на эту тему безусловно стало ДПНИ господина Поткина, которое по сути дало жизнь второй устойчивой формации националистов кроме НС – национал-патриотам. Собрав под очень актуальными вопросами тех, кто не видел будущего в убийствах, Поткин указал путь всем последующим «профессиональным русским», отыгрывающим национальную карту: от прокремлевских явлений типа Румола до всевозможных «ПЗРК Русь» и даже в какой-то мере «Народа» Навального. Главной особенностью национал-патриотов надолго стала способность одной рукой стыдливо кидая зигу второй поглаживать кошелек – в условиях отсутствия нормальных националистов в политике именно они стали выгодоприобретателями всех мутных политических интриг и заигрываний с праворадикальной оппозицией. К скинхедам и национал-социалистам у национал-патриотов отношение сложилось противоречивое: на словах поддерживая и сладостно обсасывая на своих ресурсах каждое новое нападение, они считали своим долгом как можно чаще поучать скинхедов что им делать и указывать на их ошибки. Реакция у повзрослевшего к моменту появления «нацпотов»

Движения на это как правило была матерная, как и на попытки сделать скинхедов лояльными себе. Принципиальным отличием «центристов» от обеих радикальных групп – что левой, что ультраправой, было нежелание центра подвергаться уголовному преследованию – либо от сущности премудка, либо от финансового расчета, либо от того и другого вместе. Еще «центристов» всегда отличало немыслимое количество евреев в рядах всех этих спасающих Русь организаций. В нашем регионе позиция «центристов» всегда была слабой. Пока премудки под предводительством неизменного Минакова с барабаном собирали массовые мероприятия на шесть организаций и десять человек, фронт «профессиональных русских» был освоен выходцами из бригад. Так называемый легальный национализм на Урале всегда был не более чем ширмой для старого, доброго ультранасилия, добавляя для него новые политические и финансовые возможности. Из нормальных партий с «центристами» рисковала сотрудничать ЛДПР, от одиозного Курьяновича в Госдуме до аналогичных по смыслу местных ползновений.

Правый, а точнее ультраправый, фланг «околополитики», всегда состоял из организаций, поддерживающих «бригады». Первой «партией скинхедов» стала ННП типичного премудка Иванова–Сухаревского, который в один прекрасный момент не побоялся ввести в состав своего актива видных скинхедов. После этого в ННП потянулись бойцы, а от Иванова–Сухаревского отвернулись премудки. Газета «Я русский» представляла собой типичный печатный орган скиновской прессы в ее классическом виде – от символики до содержания. В Екатеринбурге союз ННП и скинхедов был выражен во вполне классическом альянсе местного представителя ННП адвоката Котова и одной из старейших хардкорных бригад города, которые имели наглость несколько лет каждую субботу собираться возле памятника основателям города. Туда подтягивались кто хотел, общались, слушали речи Котова, и оттуда же большими веселыми толпами отправлялись бить приезжих. И эта бригада, и это собрание стали первой «кузницей кадров» для целого поколения скинов. Сам Котов личностью являлся крайне противоречивой: бывший сотрудник МВД, далее адвокат, причем по некоторым вопросам неплохой – внезапно спятил на идеологической почве, в результате чего стал очень своеобразно защищать всех националистов города в суде. Вместо тихого решения проблемы коррупционными методами он устраивал в суде цирк с националистическими воззваниями, что усугубляло положение обвиняемого, а судье и прокурору доставляло массу лулзов. Окончил свою карьеру Котов печально, поскольку сам получил судимость по статье 282.1 и поехал на пару лет на зону – что само по себе для адвоката достаточный позор. Большая часть посетителей субботних мероприятий для скинхедов на следствии дали показания, изобличающие вину Котова. Так нежелание Котова рационально мыслить и вера во всякую херню вернулись к нему бумерангом – сам же от своих «идей» и

пострадал, оказавшись будучи адвокатом не в состоянии защитить самого себя от правоохранительных органов. До этого эпичного провала Котов сделал немало глупостей, главной из которых стала ссора с местным РНЕ еще первого созыва, которая нашла отражение в достойнейшей статье Котова в газете «Я русский». В ней Котов приписал РНЕ долг в две тысячи долларов за свои юридические услуги. Злые языки утверждают, что долг РНЕ вернуло Котову в виде пиздюлей от одного из заместителей Баркашова, перед которым Котову пришлось долго извиняться. Было в биографии Котова и эпичное «Общество русско–сербской дружбы», о котором сербы ничего не знали. Котов постоянно проводил массовые мероприятия из своей собственной персоны, в одиночестве раздавая листовки формата А8 собственного сочинения. Так скоро у партийной эпохи ультраправой околополитики наступил закат, и на этом фланге начало появляться нечто совершенно новое.

После ННП ни одной именно партии, ориентированной на «бригады», не появилось. Причина этого в том, что формат политической партии плохо совместим с бандитизмом, и тут пришло время других формаций ультраправой направленности. Широкие возможности для политических новообразований дал Интернет, и знаковым стало появление Творческого объединения «Студия Формат18» с соответствующим сайтом и форумом. Один пиар–проект московского скинхеда Максима «Тесака» Марцинкевича сделал для Движения гораздо больше, чем все премудки вместе взятые. Ключевым для успеха в политике является конечный результат от политических мероприятий – резонанс от митинга, листовок, выступлений и агитации. До появления «Формата» эта деятельность велась крайне уныло и совершенно отвратительно – у того же РНЕ на фоне успехов с военно–патриотической деятельностью всегда был полный провал с пиаром. Кому были нужны унылые завывания про Апокалипсис и заговор жидов? Да никому. А один пассионарно мыслящий московский бритоголовый придумал концепт коротких видеороликов – где–то в формате постановки анекдота или пьесы, где–то в виде инсценировки нападения. Короткий формат клипа был очень легок к пониманию, нагляден, а главное – был легко повторяем и воспроизводим кем угодно. Дурацкая песенка из «Сам себе режиссер» про «Я всегда с собой беру – ви–де–о–ка–ме–ру!!!» стала новым лозунгом для молодых подражателей. Сайт кроме инсценировок новой Лени Рифеншталь отечественного разлива начал быстро пополняться не инсценировками, а реальными нападениями. Кстати говоря из Екатерин-

бурга на «Формат 18» попало великое множество реальных видеозаписей, начиная со знаменитых кадров возле известных читателю гук-общаг.

Успех был оглушительным. По сию пору каждая передача по телевидению про страшных скинхедов сопровождается демонстрацией видеонарезки с «формата». Сам Тесак стал публичной фигурой, и на некоторое время получил известность в качестве «скинхеда №1» в России, причем люди верили ему реально, особенно в регионах. Власть над умами «бригад» была столь велика, что по всей стране начали в меру способностей снимать видео нападений и координироваться вокруг «Формата». Очень скоро тусовка формата-18 и бригады «Русская цель» встретились с лучшими умами людей, отошедших из РНЕ в бригады и собственно известных скинов. Так рядом с «форматом» и на форуме Формат18, собиравшем не меньшее количество правой публики чем Ганза – активных владельцев оружия, стала расти новая национал-социалистическая организация, прямо ориентированная на «бригады» и криминальный формат деятельности. Организация называлась Национал-Социалистическое Общество, оно же НСО. Новая организация не являясь политической партией и не имея никаких рычагов на выходы на нормальные партии достаточно резко вступила в националистическую «околополитику». Секрета успеха было два: во-первых НСО серьезно занялось формированием собственной идеологии, а во-вторых альянс Формат-18 и НСО опирался на совершенно реальных боевиков, причем по всей стране. На момент пика популярности Тесака, продукции студии Формат-18 и авторитета НСО для того чтобы попасть в их ряды по сути не требовалось формального членства – им удалось консолидировать все активное Движение, стоящее на идее внесистемной оппозиции, по децентрализованной схеме. Очень простые мысли и идеи, доступные для понимания и самостоятельного осуществления, сделали распространение этого явления совершенно вирусным и неподконтрольным никому. Именно мыслители оттуда сформировали основные элементы стратегии, которые мы разбирали в главе «Прямое действие. Наука побеждать» – от собственно говоря идей «прямого действия» как партизанской войны до концепта «автономов» и террористической деятельности. Нетрудно догадаться, что формат организации и формат внесистемного терроризма плохо сочетаются, и в скором времени НСО распалось, довольно грязно и некрасиво. Однако посеянные семена дали всходы – как идеологические, так и в виде весьма громких уголовных дел.

Ключевым моментом на этом этапе стало то, что раз и навсегда Движение стало децентрализовано и лишилось черт партии, организации, иерархии – которые можно или контролировать, или уничтожить. Принципом организации стало «сопротивление без центра» – когда союзные организации «легального крыла» лишь помогали и отчасти координировали криминальное ядро, но никак не управляли ими напрямую. Это стало залогом выживания Движения, и в последствие все политические бренды ме-

нялись по мере потери их актуальности. Ушло в прошлое НСО – наступили времена «Русского Вердикта» и «Русского Образа», начинают ветшать они – будет что-то новое. Суть всегда остается одна и та же: пока на левом фланге экстремисты являются неформальной тусовкой или придатком КПРФ а «центристы» или ведут премудический образ жизни либо адаптируются под оппозиционные проекты Администрации Президента, ультраправая околополитика является легальным крылом праворадикальной организованной преступности.

Гораздо более выраженной чем разница идеологическая является разница в целях и задачах. «Левые» имеют декларируемую цель свергнуть капитализм, реальную – заслужить мандат КПРФ или хотя бы денег оттуда. «Центр» ориентирован либо на имитацию бурной деятельности максимально безопасным для премудка образом, либо на заработок «профессиональным русским» из финансирования контролируемой оппозиции, декларируя при этом любую националистическую риторику. «Правые» декларируют политические цели национал-социализма либо не предлагают никаких, осуществляя последовательную пропаганду, информационное содействие и правовое прикрытие экстремистской преступности и политического терроризма.

В последнее время околополитические черты третьей формации приняли многие объединения серьезного околофутбола. Так, кроме аккумуляции серьезных денег для «крышевания» своей деятельности, околофутбол начал активно проявлять себя как общественная сила. Сейчас это наиболее актуальный тренд, поскольку сочетание боевиков и финансов серьезных фанатских банд очень привлекательно и для нормальной политики – так по итогам Манежной площади переговоры лидеров банд с Путиным стали лучшей оценкой их потенциала. В этом смысле ситуация похожа на двадцатые годы XX века – очень большой политический вес приобретает сила на улицах и те кто ее контролируют.

Самыми успешными оказались не левые и центристы, а как раз ультраправые, поскольку всем известно что чаще всего самые пассионарные личности и коллективы из банд скинговских переходили в банды фанатские. Есть все основания полагать, что будущее принадлежит тем, у кого есть совершенно конкретная физическая сила и организованность помноженная на достаточно сильный финансовый и информационный фундамент.

Все три условные звена околополитики безусловно подвергались и подвергаются конвергенции, то есть взаимопроникновению одного в другое. Так «ультраправые» организации по мере роста профессиональных русских в числе их лидеров часто мутируют в «центристов», а «центристские» нейтральные организации типа некоторых подразделений ДПНИ при условии преобладания «бригад» в личном составе либо контроле со стороны их лидеров превращаются в легальное крыло, прикрывающее все тот же бандитизм.

Огромная глупость со стороны государства – непонимание и игнорирование этих процессов. Деньги из Администрации Президента запросто могут оказаться в кармане какого-нибудь «Фольксштурма» при посредничестве профессиональных русских, поскольку далеко не факт, является ли финансируемая «управляемая» оппозиция управляемой сверху, а не снизу. У поводка два конца, и хвост научился замечательно вилять собакой. Умные люди многократно осваивали финансовые потоки и административный ресурс государства – причем от рейдерского захвата отдельных кремлевских проектов типа подразделений «Наших» до эффективной подставки «контролируемых» лидеров под государственную опеку, где результатом были прямые издевательства над государственным режимом.

Вторая группа идиотов – идеалисты от Движения, искренне полагающие что общак пополняется святым духом а лидеры националистических организаций питаются амброзией. Стоит кому-то начать привлекать к правой теме финансовые потоки, так сию же секунду раздаются крики про то, что «продались». Между тем дорога к «профессиональным русским» лежит обычно не от финансового успеха, а от нищетолюбия: таковым как правило становится премудок, которому кто-то случайно дал денег. Те же, кто научились их зарабатывать сами, а потом смогли привлечь деньги к общим интересам, имеют гораздо меньше причин для личной продажности.

Вывод из этого следует очень простой: если для государства выгодным является процесс финансирования премудков для так называемого «оттока националистов от радикальной деятельности» в рамках контролируемой оппозиции, то для Движения выгодно не сотрудничать с премудками, что гарантирует провал, а захватывать околополитические бренды «центра» изнутри и делать их полезными. При этом нужно своевременно менять как эти бренды, так и личный состав их функционеров, которые рано или поздно начинают работать в свой карман. Сколько бы не тасовали аббревиатуры и бренды разных организаций, расклад со времен распада РНЕ не меняется совершенно, а меняются только вывески и изредка – личности фронтменов, которые кочуют из одной структуры в другую.

Изложенное выше и составляет собой сущность правой «околополитики» – в отсутствие прямой возможности участвовать в институтах власти, вся грызня характеризуется только и исключительно борьбой за политические инструменты и финансовые потоки. Как и в случае с прямым действием не идея являлась основным движущим механизмом появления банд, так и тут уместно говорить не о конфликте национал–патриотов с национал–социалистами, а про совершенно очевидный конфликт интересов. «Околополитика» как и ее старшая сестра политика вещь очень жесткая и рациональная, и совершенно не терпит идеалистов и веру в чудеса.

Теперь вернемся к теме регионов. Вообще нужно отметить, что место региональных отделений во всевозможных правых политических организаций довольно забавное. Каждая региональная ячейка, даже из трех человек формата кружка с собраниями на чьей–то кухне, изо всех сил верует в Центр и великую московскую структуру, которая по умолчанию сильная и могучая. Когда я первый раз оказался в Москве в компании этих деятелей, то с удивлением выяснил: главным критерием фаллометрии было... количество региональных организаций! «Пусть у нас тут в Москве жопа, зато регионы даааа!»

Эта ситуация привела к тому, что и Москва, и регионы существовали финансово самостоятельно, в то время как какие–то деньги были исключительно в Москве. Это раз и навсегда похоронило любые серьезные формы региональной политической активности, которая в условиях отсутствия денег свелась к сайтам, граффити, листовкам и малочисленным массовым мероприятиям. Пока в Москве развивался довольно крутой и представительный «Русский марш», регионы проводили очень жалкие и убогие манифестации. У нас эта затея имела чуть больший успех чем в большинстве регионов, чему будет посвящена отдельная глава – но тоже не особо удалась.

Второй проблемой регионов стало то, что в отсутствии сильных политических организацией большой редкостью были грамотные функционеры. «Профессиональным русским» в том же Екатеринбурге стать невозможно за отсутствием денег. Следовательно, все толковые политтехнологи по умолчанию занимались чем–то другим. Закончилось это тем, что либо в регионе легальную деятельность осваивали бывшие эффективные полевые командиры из числа повзрослевших бойцов. Или же наоборот – любая московская идея или инициатива воспринималась в штыки, так как в столице все давно продались и предали светлые идеалы. Политический нигилизм был

явлением, чрезвычайно удобным для борьбы с бандами. Отсутствие легального политического пространства делало каждую бригаду изолированной и мешало координации в масштабах региона и России.

Общим итогом стало то, что «околополитика» не решала ни одной политической задачи. Государство сделало все для того, чтобы действительно мощный общественный вектор – националисты, оказались выброшены за пределы политических институтов. Привело это к тому, что все многочисленные организации, относящиеся к националистами всех направлений, в итоге решали свои собственные задачи, внешне маскируя их под политическую активность.

Пока государство устраивало, что усилия националистов направлены на газетки, пикеты и терпильские рыдания вдали от СМИ и серьезной аудитории, все прощелкали тот момент, когда произошло сращивание околополитических структур с легальным крылом организованной преступности. Этим не всегда могли похвастать и группировки 90-х годов – когда откровенный криминалитет опирается на поддержку многочисленных общественных объединений. Здесь очень показательна блестящая политическая и финансовая карьера натуральных бандитов от правого околофутбола во вполне официальной кремлевской политике. В определенный момент они оказались очень нужны друг другу.

Для Движения эта ситуация оказалась крайне благоприятной, поскольку со временем такое разделение дало доступ не только к пополнению общака усилиями всего правого сообщества, но и к СМИ, блогосфере, инструментам информационной войны. Как и положено в России, пожар экстремизма в политике был успешно потушен бензином.

Глава 17. Плохой алкоголь и плохая жизнь

Среди множества политических и околополитических формаций совершенно особое место занимают так называемые антифашисты, они же антифа. К теме нашего разговора они имеют несколько опосредованное отношения, но нельзя не упомянуть столь редкий в наших краях вид. Среди множества политических и околополитических формаций совершенно особое место занимают так называемые антифашисты, они же антифа. К теме нашего разговора они имеют несколько опосредованное отношения, но нельзя не упомянуть столь редкий в наших краях вид.

Кто же такие современные «антифашисты»? Ответа на этот вопрос не знает никто, поскольку самоназвание содержит противоречие само по себе: противодействовать в России некому, за отсутствием в стране фашистов. Если даже использовать данный термин расширительно, не вдаваясь

в разницу между немецким и итальянским режимами, то все равно неясно против кого выступают антифа. «Фашизм» для того чтобы с ним бороться как это делали антифашисты Европы до 1945 года, должен представлять конкретную политическую реальность: политический режим, партия там на худой конец. В России же антифа противопоставляют себя любым националистическим объединениям всех сортов и разновидностей, имеющих в основе русский национализм. Против них направляется риторика, агитация, и даже прямое действие – при этом весь остальной национализм включая деятельность экстремистских прокавказских организаций и сообществ либо игнорируется, либо осуждается только на словах.

Таким образом сущностью деятельности антифа является противостояние любым формам национализма со стороны той нации, к которой они в большинстве случаев себя и относят. Когда мы говорили о природе экстремизма, было замечено что он сродни реакции организма на заразу в виде повышения температуры – неприятной и иной раз опасной, но свидетельствующей о здоровом иммунитете. Так вот, антифашизм в этой аналогии представляет собой разновидность аутоиммунной инфекции. Агрессивно преследуются только свои при полной терпимости к чужим.

Второй существенный вопрос – за что же сражаются антифа? Ни одно движение не способно существовать исключительно «против» кого-то, всегда нужны и позитивные начала. И тут нет четкого понимания. Антифа удивительным образом аккумулировали в своих рядах всю плесень которая нашлась во всех идеологических течениях: анархисты, левые радикалы, аполитичные наркоманы, сторонники либеральных идей и толерантности – все они так или иначе представлены в движении антифа. Особой любовью антифа является попытки повторить субкультуру скинхедов, в связи с чем принято апеллировать к несколько альтернативной истории скинхед-движения Англии, присваивая себе правопреемство от мифических в России «традов» и «шарпов». Реальные цели, как водится, отличаются от декларируемых, и очень часто антифашистский пафос имеет четкую направленность в сторону получения грантов от проповедников либерализма и толерантности – например Московской Хельсинской Группы. Часть антифа безусловно имеет финансовую схожесть с «профессиональными русскими», как часть внешне похожа на скинхедов, но в целом движ антифашистов напоминает правое Движение, отраженное в кривом зеркале. Алкоголизм, употребление веществ, моральная и социальная деградация – все находит место в движении антифашизма, причем на глубокой идеологической основе: если с этим борются те, кого они считают фашистами, то антифа следует это всячески одобрять. Чуть в стороне от этого сброда стоят антифа-

sХе, стоящие на позициях антифашистского «стрейт-ейдж» сиречь здорового образа жизни и отказа от любых стимуляторов и вредных привычек и зачастую придерживающиеся агрессивных экологических и веганских позиций. По сравнению с прочими их в России крайне мало, и в целом они характеризуют скорее сумасшествие на почве экологии и ЗОЖ, чем ненависти к нацизму.

Читатель мог бы упрекнуть меня в излишнем сгущении красок и одностороннем взгляде – но, к сожалению, изложенное выше является совершенно объективным. В подтверждение своих слов могу предложить читателям ознакомиться с книгой про антифашистское движение, написанное известным антифашистом «Питом» Силаевым под названием «Исход». Это взгляд на антифашизм изнутри, и я очень рекомендую эту книгу для понимания того, кто такие антифа на самом деле. В описании правого Движения можно встретить всякое – и мерзость, и достаточно положительные проявления человеческой природы. Знакомство с антифашизмом же гораздо более однозначно – с какой стороны не посмотри, дрянь получается редкостная.

Откуда берутся антифашисты? Этот вопрос интересует множество исследователей, и ни у кого на него нет однозначного ответа. Даже вариант «получил пиздюлей от скинов» не подходит: отведав этого блюда, многие умнели, и попадали как раз в скинхеды, чтобы их раздавать, а не получать. Скорее всего для того чтобы стать антифашистом, требуются те же предпосылки что для любой молодежной субкультуре, но при этом в субъекте должен быть какой-то изначальный изъян, примерно как у педерастов. У всех мужчин есть жопа, но далеко не все в нее ебутся – так и тут. Видимо подобно тому, как педераст идет против гетеросексуальной природы мужчины, антифашист идет против природы нормального отношения к своей нации и семье – и тут и кроется причина того, от чего именно движ антифа собрал столько всевозможного уродства. Передовые исследования антифашизма сформировали «правило четырех «П», характеризующие антифашизм как явление: Пиздюли, Плохой алкоголь и Плохая жизнь ну и в завершение Портрет в кепочке.

«Пиздюли» – главное предназначение антифа. Основная масса антифашистов встречается только в Интернете, поскольку акты публичной агрессии, а то и просто символики, зачастую становятся наказуемыми в самом прямом смысле. За совокупность достижений антифашисты абсолютно всегда и везде получали пиздюлей. Видимо на свете существуют высшие силы, поскольку антифашизм приводит к какой-то удивительной безблагодатности в бою. Покойный Ваня Костолом, весьма крупный и увесистый самбист, на классическом видео со своим участием сам ложится

лицом на асфальт и безропотно принимает побои, подвергаясь унижительной процедуре сдирания красных подтяжек. На ресурсах антифа в Интернете одно время была мода выкладывать фотографии разбитых щей в доказательства верности идеям движа. Лишь единицы могли пережить столь щедрое получение этого продукта, и как-то укорениться в «прямом действии» от антифашизма, что обуславливало крайнюю немногочисленность в Москве и практически полное отсутствие во всей остальной стране.

«Плохой алкоголь и Плохая жизнь» – краткая характеристика жизни антифашиста из книги все того же «Пита» Силаева, который безусловно знает о чем говорит. Сказанное касалось жизнеописания еще одного дохлого антифы – Федяя, относящегося к топу этого своеобразного движа. У остальных, видимо, жизнь была еще хуже. Причина этого кроется в том, что антифа сочетают в себе все отрицательные стороны правого Движения как то маргинальность низов, преследование правоохранительных органов, плохая совместимость с нормальными заработками – и не имеют ни одного достоинства правой среды. В сочетании с пиздюлями маргинальность и нищество делают жизнь и правда плохой, ну а хороший алкоголь тут по определению не положен.

Заканчивается жизненный путь антифа «Портретом в кепочке». Этот мем возник из-за классического списка убитых антифа из нескольких строчек, в каждой из которой красуется физиономия покойного в кепке. За что же их начали убивать? Дело в том, что подобно тому как Движение породило организованную преступность, и у антифа появились свои банды, самок крупной из которой стала МТС – Moscow Trojan Skinheads. Как раз оттуда и были родом убитые Костолом и Федяй, например. Те как раз занялись тем, что стали мутить на правые круги хорошо уже знакомые читателям «акции» – от накрытий концертов до нападений классического характера. По слухам у того же Костолома в карьере были и убийства. Читатель уже догадался какой была реакция правого сообщества – правильно! Коллективная ответственность! За некоторые акции со стороны успешных банд и собранных «общаков» отвечал каждый антифа, которому не повезло оказаться не в то время не в том месте. В правом движе к этому моменту таких как Костолом были десятки и сотни, а по всей стране тысячи, и очень скоро по стране прокатился вал убийств и нападений на антифа. Праворадикальная среда в России старше и взрослее чем антифа, и еще пару лет спустя антифашисты столкнулись с проблемами турок из анекдота, которые на перестрелку пришли с ножами. Оргпреступности оказались не нужны «стрелки», накрытые концерты и драки, и верхушку антифашистского движения стали просто резать и стрелять, по классической методике де-

вяных годов. На том свете уже оказались практически все самые одиозные личности антифашистов, за исключением находящегося за решеткой Шкобаря и все того же Пита, живучесть которого вызывает удивление. Опасно стало не только самому участвовать в антифашистской деятельности, но и ей содействовать – так в портретную галерею в кепочках попали Гиренко и Маргелов. Самое безопасное место для антифашистов представляет собой Интернет, где по большей части и сосредоточены главные силы оных, как правило в виде их собственных премудков. Премудков правого толка антифа кстати говоря несколько раз успешно гоняли – например ДПНИ в Питере. Именно премудческая часть антифа стала не мишенью для прямого действия, а неиссякаемым источником лулзов.

Последним любопытным явлением было полное игнорирование антифа со стороны кавказских сообществ. Единственная в нашем регионе попытка союза такого рода была пресечена очень быстро, но в целом кавказцы, представляющие здоровое патриархальное общество с выраженными национальными ориентирами, отвергли антифашистскую заразу несмотря на общего врага.

В нашем городе с антифа дела всегда обстояли очень плохо. Нет, конечно же как и везде существовали люди, которые в глубине души себя таковыми считали и даже порой называли в Интернете – но на этом все. «Прямое действие» этого фронта надолго было удушено в зародыше во время событий, описанных в главе «Ренегат». Публичная активность представлялась малореальной: во–первых было опасно, а во–вторых отсутствовала целевая аудитория. Как уже было сказано ранее, в Екатеринбурге никогда не было какого–то выраженного фашизма, но общество всегда стояло на твердой и уверенной консервативной националистической позиции. Это обуславливало отсутствие питательной среды для антифа, которые оказывались сильно распыленными по всевозможным неформалам, панкам, иногда нацболам и им подобным. Появление банды подобной МТС так же было невозможным, поскольку все наиболее пассионарные личности, склонные к бандитизму такого рода, были пристроены к правому движению либо просто аполитичному криминалу.

Однако в один прекрасный день правую среду поразила удивительная новость. В Интернете появился персонаж, позиционирующий себя как главный антифашист Екатеринбурга. В Сети он был очень страшный и таинственный, и все гадали кто же это такой. Подозрения падали на разных субкультурных деятелей, но правда удивила всех.

Лидером антифа пожелал стать не подросток, а господин старше сорока лет, отец троих детей, страдающий православием головного мозга. Как так случилось что он пожелал стать антифашистом никто не понял –

видимо это был острый приступ, наподобие внезапного гомосексуализма. Тем не менее с ним случилось непоправимое, и Екатеринбург обзавелся своим собственным антифа. Лучше умы Движения не представляли что с ним делать, после того, как было вычислено кто же это. История розыска Фили также очень хороша.

Спецоперация по вычислению Фили была проведена совместными силами кого-то из основы и одной националистической околополитической организации. Для этой цели один молодой еврейский политик, ее возглавлявший, прихватил с собой девочку-журналистку, которую ебал кто-то из правых, и забился с антифашистом на интервью в крупном торговом центре, представившись партией СПС.

...Пятый этаж торгового центра, точнее кафе в оном, представляло собой удивительной зрелище. По всем углам виднелись характерные мерзкого вида бритые физиономии, а в центре находился потасканного вида мужичок с внешностью школьного завхоза, расхристанная неопрятная тетушка и пару еще каких-то странных личностей. Напротив них сидел молодой политик приятной иудейской внешности и кавайная девочка-журналистка. Антифа были представлены собственно говоря Филей, странной тетушкой которая к ним примкнула потому что у нее сын – панк и его могут избить, и какой-то обсосней. Филя вещал про то, как его уважает епархия, про разные грозные планы антифы, но больше всего ему удалась речь про то, как от антифашистов получила пиздюлей не кто-нибудь, а бригада А., хорошо известная читателю. Интервью вышло отличное, Филя был пропален до места жительства – но как с ним быть все равно было не ясно. Убивать его всем было противно, бить лень. Оставалось только глумиться, чем и занялись господа фашисты. К слову, Филя чем-то очень понравился одному из лидеров основы, испытывавшего слабость к издевательствам над людьми и обладавшего специфическим чувством юмора.

Интервью было опубликовано в Интернете, и вызвало определенный интерес общественности. Первым на него отреагировал один из дублей бригады А. – лично А. в это время находился в армии, а основа отошла от дел, благодаря чему Филя остался жив. Злые языки утверждали, что Филя был накрыт дублем в собственной парадной, изрядно опиздюлился и был засунут в мусоропровод, оставшись ко всему прочему без ценных вещей и фотоаппарата. Правы ли злые языки я не знаю, но предпосылки для пиздюлей Филя имел все – назвав в интервью самую известную бригаду, ножа с учетом их репутации он избежал чудом. Антифа, разумеется, упорно все отрицают.

Далее Филя продолжил доставлять лулзы. Следующим его достижением стала коллекция граффити националистического характера, которую он старательно фотографировал и даже думал делать выставку, обильно рассылая ее во всяческие инстанции. Там на галерею бесконечных свастик и добрых надписей отреагировали нервно, и Филей заинтересовалась милиция. Также после этого его перестали пускать куда-либо из официальных структур и ото всюду выкидывали на мороз. Наступала положенная антифашистам плохая жизнь.

Все это время Филю непрерывно травили в Сети – как напрямую, на множестве площадок и ресурсов, так и косвенно, письмами от соратников, в которых последовательно обвиняли всех местных чиновников в пособничестве фашизму – поскольку они выгоняли Филю. От этого он совершенно дошел до ручки, и в какой-то момент даже на родном сайте «антифа.сру» был забанен за долбоебизм, правда через какое-то время объявившись там снова.

Однако звездный час Филя был впереди. В один прекрасный день состоялось мероприятие, куда его все-таки пустили: что-то вроде круглого стола по вопросам экстремизма. Был там и молодой еврейский политик, и разные молодежные организации, пришел туда и Филя. Момент истины наступил тогда, когда туда среди прочих заявилось два чрезвычайно наглых представителя «основы» из числа лидеров бригад, прекрасно знавших Филю по Интернету. Причем заявили именно как представители правых банд. Пока гости ласково смотрели на лидера антифашистов, поглаживая ручки ножей, вся жизнь пронеслась у Филя перед глазами, и в эти минуты она не казалась ему такой уж плохой. Дальше началась полемика, в ходе которой Филя публично отрекся от антифашизма, во всем согласился с собеседниками, поддержав основные постулаты национал-социализма, а свою позицию публично попросил считать «антиэкстремистской». Это было настолько эпично, что слухи про это событие разнеслись далеко за пределы Екатеринбурга, а Филю в Движении можно сказать отчасти даже полюбили.

Для Филя карьера закончилась довольно быстро и печально – после этого даже в собственном движе он напрочь утратил какой-либо авторитет, потеряв связь с их молодым поколением. Говорят, после этого он тронулся умом, посвятив себя ненависти к тому самому «молодому политику», с которого все началось. В любом случае глупость спасла его от могилы – по сравнению с прочими видными активистами антифа движа повезло ему гораздо больше.

Следующей интересной вехой стала история попытки противоестественного союза антифа и кавказцев. Вопреки рапространенному мифу о

том, что среди антифа «одни чурки» как правило это не так, и в рядах антифашистов безоговорочно доминирует отечественный производитель. Слухи о том, что в случае чего скинхедов за антифа погонят несметные южные толпы как правило самими антифашистами и распускаются, вместе со слухами о несметном боевом потенциале бесстрашных антифа, которые все поголовно спортсмены и вооружены. В Москве такие разговоры отчасти имеют под собой почву, поскольку там были хоть какие-то, но все же банды этого направления. Банды все похожи между собой, и попасть под основной состав тех же МТС было не более радостно чем под среднюю правую бригаду.

У нас имело место более интересное сочетание: сначала в кавказской среде за пару лет до московских «Черных ястребов» появилось аналогичное формирование «черных скинхедов» крайне молодого возраста, а потом случилось нечто удивительное. Одного из скинхедов среднего школьного возраста стали прессовать антифа, прямо подписывающие на свою сторону некую кавказскую крышу. История имела несколько предсказуемый финал, но с уральским колоритом: накрыты были соискатели составом из числа представителей спортзалов и какого-то мутного околокриминала, с буквально парочкой персоналий из правой среды. Представители «бригад» как водится провалили крупную массовую драку, ибо истинно сказано: хочешь испортить любое дело – поручи его скинхедам. Мастера партизанской войны и внезапных нападений в практически любых открытых конфликтах выглядят гораздо хуже даже не околофутбола, а порой просто хорошо организованной гопоты. Для антифы впрочем эти ничего не изменило: карма все равно обрекла их на пиздюли. А вот в кавказкой среде вышло довольно забавно – попытки противоестественного союза были крайне жестко задавлены... самими кавказцами. Для безмозглой части диаспор «фашисты от Кавказа» оказались чрезвычайно противны идеологически, а для думающей – чрезвычайно вредны финансово, поскольку не вписываются в привычный криминальный формат чуть более чем никак.

С тех пор где-то да появляются приبلудные антифашисты. Иногда их пиздят на улице, иногда – в ночных клубах; частенько за убеждения, за дело и без дела, потому что заебали и потому что ибо нехуй.

Сомнительная история этого движения наглядно показывает одну закономерность: против природы не попрешь. Как и любые формы извращений, современный, а не исторический, антифашизм

совершенно противен эволюции как явное и несомненное вырождение.

Если говорить о социальной роли онога, то столь омерзительные антифа являются совершенно замечательным средством поддержки правого Движения. Света не видно, если нет тени, и изначально уродливая форма противников позволяет правому движению наглядно демонстрировать контраст в свою пользу, зачастую маскируя этим контрастом собственные уродливые проявления.

В информационном поле антифа и те, кто их поддерживает наступили на те же грабли, на которые наступили правые премудки: идеология поражения и идеология терпильства. По сути все акции памяти убитых антифа есть не что иное как признание собственного поражения. Понятное дело что любой пассионарно мыслящий человек, когда делает выбор куда ему податься, выберет ту сторону, которая пиздюли стабильно раздаст, а не их получает. Извечное нытье и премудические завывания о том как их убивают и режут приводят к тому, что к антифа изначально попадают терпилы или те, кто готовы ими стать.

Так и выходит, что не все поводы для гендерной тяги к насилию одинаково успешны. Теоретически антифа в «прямом действии» могли бы представлять зеркальное отражение правого Движения, в том числе и в виде банд. Но получилось то что получилось – эволюция и законы природы сказали про антифашистов свое веское слово.

Ну и последнее достижение антифа – непревзойденный и крайне добросовестный пиар любых ультраправых группировок, а особенно банд и террористов. Общеизвестный факт, что для пиара неважно хвалят или ругают – важно что говорят. С учетом того, что любая информация от антифа носит заранее тенденциозный характер, эффект получается ровно такой, какой надо: целевая аудитория «прямого действия» получает новый вал информационного сопровождения экстремистской деятельности. Безусловный шедевр, едва не затмивший творчество «Формат-18» – «Россия-88», замечательная агитка про скинхедов, снятая на деньги для поддержки... антифашизма. Всплеск антифашизма фильм пробуждает только у либеральных критиков, а для народных масс это – националистическая пропаганда. Точно такую же реакцию вызывают широко тиражируемые на ресурсах антифа сведения про очередное успешное нападение, убийство или теракт, совершенные «фашистами».

А с прокремлевскими «официальными антифашистами» в лице тех же НАШИх антифа не только не подружились, но и поссорились, обвинив в фашизме. Подвели карма и маргинальное происхождение, а также то, что на финансово привлекательных должностях этой интересной структуры обосновался ряд авторитетных людей, не понаслышке знавших то, что такое белые шнурки.

Глава 18. Ренегат

Эта история довольно нехарактерна для истории Движения на Урале. Вспоминать ее не очень любят. Причин тому несколько, но главная из них – в достаточно сложной этической дилемме для ее участников, когда не все смогли сделать правильный выбор. Примечательна она и тем, что человеческое начало порой может преодолеть не только идеологические рамки, но и отчасти здравый смысл и инстинкт самосохранения.

Начать, наверное, следует с истории бригады А., описанной в главе «Прирожденные». Лично А. не был ее первым бригадиром, хотя именно с ним и его заслугами ассоциируется имя этого коллектива. Первый состав бригады, которой предстояло стать знаменитой, собрал человек по имени Константин. Константину было около двадцати лет. Высокий, худощавый, с очень резкими движениями, он безоговорочно стал лидером как хороший командир и сильный боец. От природы и богатой практики он обладал крайне тяжелым ударом, и даже с левой, легким движением, неоднократно посылал в нокаут весьма крупных оппонентов. Для скинхедов этого исторического промежутка еще было актуально следование субкультуре – вид у Константина всегда соответствовал его убеждениям. Кроме неплохих бойцовских качеств он отличался полным отсутствием жалости и страха, что и привело в его коллектив тех, из кого талант А. в последствие сделал звезд прямого действия. Многочисленные драки под руководством Константина были не столь упорядочены и доведенными до механического совершенства, но не менее жестокими. Именно тогда эта бригада кроме «акций» по приезжим зарабатывала жуткую славу среди неформальной молодежи – регулярно отборный состав накрывал то рэперов, то неформалов, то экстремалов, то чей-то концерт. Лично с Константином мне общаться никогда не доводилось, и я не могу сказать насколько его действия были обусловлены идеей, а насколько – тягой к насилию. Очевидцы полагали что он был как раз достаточно убежденный последователь идей скинхедов, что скорее всего и было правдой. Четыре года разницы в возрасте между ним и А. как раз и охватывают временной промежуток, когда субкультура скинхедов утратила свое значение и уступила месту жестким криминальным формированиям.

Константин был лидером во всем, начиная от руководства бригадой в бою и заканчивая постоянным положением первого среди равных. С ним тогда была и единственная девочка их бригады, что несомненно всех устраивало. Так продолжалось достаточно долго, пока неожиданно для всех не произошло очень странное событие.

Есть много версий от чего так вышло, но большинство думают что проблема в извечном «шерше ля фам». Похоже что-то не то вышло между Константином и девочкой, и он громогласно поссорился с собственной бригадой, причем до такой степени сильно, что кроме нее разорвал отношения и со всем Движением как таковым. После этого события молодой лидер, А., и вышел на первый план. Если бы бригадиром продолжал оставаться Константин как гораздо более старший по возрасту, не исключено что развитие этого коллектива бы не имело столь яркого итога.

...Так Константин со всем своим опытом и навыками остался не только без своей бригады, но и за пределами дела, которому служил много лет и за которое пролил немало крови. Для него это стало поводом для роста чрезвычайной озлобленности, ну а душа требовала активных действий.

Если бы на его месте был кто-то другой, то скорее всего история не имела бы никаких последствий – «отряд не заметил потери бойца». Результат открытого конфликта был бы чрезвычайно быстрым и трагичным – бывший охотник бы неминуемо стал дичью для собственных соратников. Константин, однако, отличался от основной массы – он объявил в одиночку войну Движению, и это было вполне серьезной угрозой. Бывшим соратникам противостоял один из самых опытных и умелых полевых командиров Екатеринбурга.

Свой крестовый поход против фашизма Константин начал с поиска новых бойцов. Как никто другой он знал все слабые стороны «бригад». Самой основной проблемой было низкое качество и плохой личный уровень бойцов большинства бригад по одиночке. Эта проблема решалась налаживанием группового взаимодействия, но что будет если на месте бойцов из подворотен встанут серьезные спортсмены под его же грамотным руководством? Анализируя причины успеха разгона и опиздюливания десятикратно превосходящих составов рэперов и неформалов, Константин совершенно верно видел ключ успеха в противостоянии слаженной банды и неорганизованной толпы.

Планом Константина стало повторение успеха своей старой бригады на новом человеческом материале – рэперах и экстремалах. Количество пиздюлей которые те и другие насобирали от скинов вообще, а от его собственной бригады особенно, гарантировало высокую мотивацию для противостояния скинхедам. Среди экстремалов встречалось немало физически развитых крупных парней, ну а возглавить их собирался опытный убийца и бандит. Успешный пример такого коллектива также существовал – московские White Smoke Clan, которые как раз таки и были успешно акционирующими бандитами от хип-хоп культуры. Особый оптимизм внушала и численности экстремалов и рэперов: на неоднократно разгоняемой уси-

лиями Константина площадке у Драмтеатра их собиралось до ста пятидесяти человек одновременно. По сравнению с 20–30 бойцами его прошлой бригады, из которых «основу» представляли десятка полтора, это была целая армия. Будущее виделось Константину крайне радужным, поскольку после возврата долгов бывшим соратникам в мечтах его ждала криминальная вершина.

Около Драмтеатра Константина ждал быстрый и ошеломительный успех. Привычными методами ему удалось очень быстро привести к повиновению локальных лидеров поклонников негритянской музыки и необычных видов спорта. Идея дать пизды скинхедам витала там в воздухе постоянно, но ее реализация упиралась в полное непонимание того каким образом это можно сделать. Очень скоро Константину удалось собрать вокруг своей персоны более 60 человек, подходящих для WSC Екатеринбурга. От желающих и сочувствующих не было отбоя: у рэперов на тот момент был пик моды и период наибольшей численности. Наступало время расплаты.

Для начала следовало громко заявить о себе, и Константин сделал ход конем: объявил о желании забить стрелку «всем фашистам Екатеринбурга». Первым, кто ему попался под руку, оказался М.

– Ты фашист, сука! Я вам всем стрелку забиваю! – сообщил ему Константин.

– Да ты охуел, Костя? – спокойно спросил М. – Я фашист? Я фашистов сам ненавижу, бля! Гитлер фашист был, дак я ненавижу Гитлера!

– За что же? – удивленно спросил Константин

– Во–первых, он русских убивал. Во–вторых за то что войну проиграл. А в–третьих за то, что мало жидов с цыганами в печку отправил! Ты посмотри бля сколько этого говна расплодилось! Я патриот, а фашистов я сам ненавижу! – Свиные глазки М. выражали крайнее негодование.

Что ответить на это наглое свинство, Константин не нашел. Открытый конфликт с М. так же ему совершенно не улыбался: в бою один на один он мог рассчитывать в лучшем случае на ничью, а скорее всего первый же бой на новом поприще закончился бы для него отменными пиздюлями. Поэтому он направился к близкому другу и соратнику М. по бригаде, проживавшему неподалеку. Тот идею о стрелке воспринял очень философски, забив место в собственном дворе на улице Машиностроителей. Начиналось веселье.

...Известие про стрелку Константина против объединенных бригад широко разнеслось по городу. Кто поглупее всячески клеймили и обещали разорвать предателя, а кто поумнее сильно задумались. Константина слишком многие знали как лидера и бойца, чтобы поверить в легкую победу, опять же вспоминалась мудрость про войско из ослов под руководством льва. Делать между тем было нечего, и несколько лидеров начали собирать людей. Руководящая роль выдалась бригадиру «Варяга» Прапору, поскольку оба предложения про стрелку получили бойцы его коллектива. Рядом с «Варягом» сразу оказались боевики союзной РНЕ второго созыва банды, представившие весь акционирующий состав и обоих лидеров этой структуры. Личный состав тех и других составлял примерно тридцать человек очень среднего качества, заметно уступавшего той же бригаде А., за исключением ряда толковых бойцов. Еще примерно такое же количество было подписано какого-то окраинного сброда из молодых и плохо организованных бригад. Также они могли рассчитывать на десяток-другой случайных персонажей наподобие разрозненных бойцов других коллективов, сочувствующих отморожков типа того же Виктора и отдельных представителей околофутбола. Все вместе представляло собой точное подобие состава, собранного Константином по численности, с небольшим преимуществом в качестве ядра но гораздо меньшими резервами. Особенностью третьего-четвертого ряда из случайных пассажиров было то, что эта публика гарантированно убегает в случае, если начинается плотный замес. Однако если их сторона побеждает, они с радостью участвуют в добивании упавших и прыжках на голове. Из шести десятков собранных «Варягом» и союзниками таких была примерно треть и где-то двадцать в резерве, а у Константина один центр был порядка полусотни весьма увесистых спортивных ребят и неисчислимы резервы до полутора сотен: под его флагами также собирался общак со всего города.

Свой тактический расчет между тем был у обеих сторон. Константин рассчитывал на победу стремительным первым ударом – за ним было время нападения. Теоретически без умения скинхедов выдерживать первую линию и держать строй прогон в месте атаки гарантировал бегство всего «общака», с добиванием всем бесчисленным рэпперским резервом. «Варяг» рассчитывал на позиционное доминирование во дворе с довольно узким выходом и ограниченными направлениями для атаки. А главный расчет был собственно говоря на помощь Уралмаша: на Машинке любая драка с участием местных жителей стягивала на сторону аборигенов силы всего района вне зависимости от причины конфликта. Отсутствие успеха в первые минуты боя гарантировал Константину пиздюли от всех обитателей этих мест от мала до велика, которых после сигнала «наших бьют» на поле боя становилось бы все больше и больше, от местных гопников до представителей низшего звена уралмашевской группировки. Заранее собрать огромный состав и с ним ждать гостей не позволила бы милиция, по-

этому расчет был на довольно короткий промежуток времени для сбора максимального числа сочувствующих уже в процессе. При равных составах каждая из сторон имела примерно одинаковые шансы на успех. Обе стороны делали и ставки на аргументы: у скинов традиционно доминировали ножи, которыми многие пользоваться умели; а со стороны их противников бейсбольные биты, которыми пользоваться не умел практически никто.

Был промозглый апрельский вечер. В окрестностях метро «Уралмаш» уже изрядно пьяный М. встречал с некоторым количеством бойцов соратников из других районов. На его лице была широкая добрая и искренняя улыбка – как у человека, которого все поздравляют с днем рождения. Одет он был в неброскую спортивную куртку необъятных габаритов, из каких-либо отличительных признаков в глаза бросалась только «роза» на том месте, где у остальных людей находится шея. Вокруг него было уже людно; гости из центра города прибывали каждую минуту. Рядом с ним был неизменный Виктор и еще несколько человек из числа опытных «акционеро́в». От бригады А. так и не поступило окончательного ответа, можно ли на них рассчитывать в боевых действиях против их же бывшего командира. Как и предсказывал Виктор, из их основного состава так никто и не появился, но присутствовала довольно опытная молодежь из их окружения.

Спустя некоторое время около трех десятков молодых парней выдвинулись к месту сбора – тому самому двору на улице Машиностроителей. Виктор лениво пререкался с М. по поводу тактики боевых действий. М. негодовал:

– Скауты бля нужны, скауты. Если не пропалить их на подходе и не встретить с разбегу, то нам пиздец. Костя не лох какой – знает что делает.

– Говорю тебе – нет резону выходить из двора, если мы их щас не накроем! – Виктор в третий раз повторял одно и то же. – Как только мы выйдем из двора, рискуем попасть под атаку с двух сторон. Тебе Костя лично гарантировал весь общак одной толпой? На открытом месте мы подарим ему инициативу, а как ты верно заметил он далеко не лох. Карлота побежит.

– Скауты на что? Пропалить все вокруг – я эти дворы с детства знаю

– Скауты на то и нужны, чтобы дать возможность подготовить торжественную встречу. Но там, где нужно НАМ!

...Прохожие сторонились толпы молодежи, идущей коротким путем к месту назначения. Глаза идущих на глазах делались пустыми, а выражения лиц, в семейной обстановке самых обычных и даже иногда симпатичных – превращались в жутковатые оскалы. Каждый идущий перебарывал в себе страх и жалость, и внутренне готовился к тому, чтобы калечить и бить, под воздействием вбрасываемого в кровь адреналина. Виктор зажмурился от удовольствия: ему уже давно это предвкушение доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие. Как будто за плечами распускалась огромная черная тень, возвышающая его над остальными смертными – в эти минуты пропадал обычный молодой пацан, каких тысячи, а появлялось на свет крайне злое, хищное и безжалостное создание. После всех бесчинств, которые он сотворил на своем жизненном пути, из души Виктора начисто пропали страх и сомнения – он их просто исчерпал. Взгляд сканировал окрестности в поисках противника, но на пути до конечной точки им не встретился никто.

Во дворе их ждали около двадцати человек. Там же стояла выдавшая виды девятка с какими-то мелкими криминальными деятелями, желающими принять участие. Все ключевые фигуры были на месте; и каждую минуту к толпе подтягивались новые участники. Буквально только что во дворе стояла стайка молодежи – и вот через считанные минуты там была толпа. Виктор с удивлением обнаружил, что едва ли две трети можно отнести к Движению – все больше становилось незнакомых мужиков и парней. Каждая минута работала на пользу «Варягу», поскольку двор как водоворот притягивал все новых гостей со всего Уралмаша. Шли просто так, тащили палки, несли бутылки и арматуру. Особенно трогательно повели себя три пожилых ранее судимых алкаша, забросивших стаканы и газетку с домино, и вооружившиеся топором и двумя железными трубами.

Враги задерживались. Прошло десять минут, потом пятнадцать. Потом полчаса. Во дворе уже было буквально тесно – с приличного расстояния оттуда доносился гул как из пчелиного улья. Наконец разведчики М. донесли что был пропален вражеский скаут. Все затаив дыхание наблюдали, как к двору приблизились две тощие фигуры... посмотрели на толпу, и удрали в ужасе.

Всем уже надоело ждать. Кто-то притащил водку, кто-то гитару; из «девятки» поднимались густые клубы воскуриваемой травы. Уже поступили донесения о машине ППСМ, вставшей в некотором отдалении – вот-вот должны были появиться силы правопорядка. Собравшиеся откровенно начали ржать. Спустя сорок минут после назначенного времени, когда во дворе собралось уже гораздо больше ста человек на говне всех возрастов, со стороны оппонентов поступил звонок. Все отменялось.

Следуя известной стратегической мудрости, победа была достигнута без сражения. «У-рал-маш!!! У-РАЛ-МАШ!!! ЗИИИГ? ХАААЙЛЬ!!!» – победно разнеслось над двором.

Вечер между тем только начинался. «Вы куда? Мы бухать!» «А мы – акционировать!» – неслось отовсюду. Человек двадцать двинулись в сторону метро; а не менее пятидесяти – продолжать вечер. Победа окрыляла, и вместо расправы над скинами вечер окрасился кровью их врагов. Виктор, М. и несколько бойцов вписались в переполненный в час пик трамвай, где состоялась одна из самых плотных и жестких акций на памяти многих участников тех событий.

...Трамвай был переполнен до состояния «как сельди в бочке», и вся акционирующая группа оказалась буквально прижата к двум лицам кавказской национальности. И в этой ситуации началось самое необычное избиение какое можно себе представить – не имея никакой дистанции наши герои буквально рвали на куски своих жертв вплотную. Туда–сюда сновало шило, неслышно пробивая кожаные курки жертв; со всех сторон несся мат от пассажиров и жуткий вой тех, кому не повезло. «Дюймовый удар» Брюса Ли не шел ни в какое сравнение с этим изысканным мероприятием. Один легковесный парень подтянувшись на поручнях нашел место для классического действия – оттуда лупил тяжелыми ботинками, будучи со всех сторон сжатым соратниками. Для многих пассажиров эта остановка показалась вечностью, а когда клубок распался и нападавшие скрылись, их жертвы так и остались стоять, сжатые людской массой. Лишь спустя некоторое время по пятнам крови от ранений шилом стало ясно, что с ними произошло. Бригада между тем продолжила зачистки по всему району, которые закончились поджогом вьетнамского общежития и грандиозной пьянкой на полночи по случаю победы.

Традиционным акционированием в виде ловли чурок между тем занялись далеко не все. Командир «Варяга» с некоторым количеством бойцов были сильно озадачены, куда же делись их оппоненты. Телепортироваться они не могли точно, и началась карательная экспедиция. Прапор скоординировал свои действия с оставшимися скаутами, и любители негритянской музыки, как раз удиравшие в сторону метро поодиночке и малыми группами, попали мало того что под излюбленный скинами формат «акции», так еще и со стороны аборигенов, знавших там каждую подворотню. Прапор с компактным составом возникали словно из ниоткуда, проходили по головам и исчезали в том же направлении. Аллея по дороге к метро украсилась разбросанными повсеместно телами. Прекратила эту экспедицию милиция, начавшая собственный рейд по району в поисках агрессивной молодежи. В результате местное ОВД пробили как аборигены так и

приезжие, ухитрившись подрасться еще и непосредственно в клетке «обезьянника». Там тоже победу одержали местные – в виде сотрудников Орджоникидзевского РУВД.

Самая интересная встреча произошла у бригадира окраинной бригады «Синие камни». На пути к метро они встретили драку, в участниках которой с удивлением узнали Константина, смертным боем лупившего каких-то деятелей в широких штанах. Все замерли от божественной красоты этой картины – бить рэперов и экстремалов у Кости выходило настолько безупречно, что зрители просто потеряли дар речи от восторга. К слову из нескольких рэперов и экстремалов, тем вечером отправившихся в больницу, троих туда определил Константин.

Так и закончился этот вечер. Следуя кармическим закономерностям, антифашистское мероприятие привело к невиданному разгулу ультраправого ультранасилия. Тот вечер местным жителям запомнился надолго, особенно тем, кто не относился к этническому большинству населения Уралмаша.

Что же произошло с армией Константина? Сбор состава, как и половина вражеского, он начал в центре, откуда на метро проследовал на вторую точку сбора, достаточно выгодно избранную. Несмотря на доскональное знание района, разведке противника так и не удалось вычислить место, где он собирал окончательный состав. С каждой минутой, приближаясь к Уралмашу, воины антифашизма становились все мрачнее и мрачнее – психотравмирующим фактором для жителей центра, которые там преобладали, стало само посещение этого знаменитого района с дурными намерениями. Константин под страхом пиздюлей удерживал вокруг себя некоторое количество бойцов... но мораль оказалась проваленной, и все больше людей отходили до ветру чтобы не вернуться. Пропадали целые коллективы, обещавшие свое присутствие. Постоянно на одном месте собиралось не больше двадцати человек, удерживаемые страхом пиздюлей. Новые люди подходили туда, смотрели на жалкую кучку... и как-то не желали в явном меньшинстве атаковать хорошо известного врага. Стояло бы там больше людей, то и присоединилось бы больше, следуя стадному чувству.

К моменту, когда во дворе на Машинке были уже все кто только можно, Константину удалось собрать чуть более тридцати бойцов. Тогда-то и были отправлены скауты. Когда они появились с известиями о количестве правого состава, мораль провалилась окончательно. После этого атаку пришлось отменить, а вся армия так и осталась рассеянной по незнакомому району, где и была в последствие накрыта по одиночке. Немало пиздюлей раздал и Костя, такого позора не испытывавший ни разу в жиз-

ни. Мудрость старого правила о том, что количества говна не влияет на его качество, встала перед ним со всей неотвратимостью.

Мог ли Константин выиграть? Безусловно мог. Выиграл этот бой его оппонент сразу как предложил правильную для себя стратегию: определив место. Если перевести расклад на военный язык, то речь шла о выборе стратегии: защиты либо нападения. У скинхедов всегда хорошо удавались именно нападения, и поэтому Константин как выдающийся мастер этой дисциплины постарался оставить за собой поле для маневра. При этом он допустил классическую свою ошибку, которую вместе с бригадой от него унаследовал А.: переоценил своих бойцов. Привычка к тому, что безотказная бригада собирается там где ему нужно и побеждает малым числом подвела – состав со слабой моралью и не уверенный в себе; а у рэпперов и экстремалов опыт получения пиздюлей превалировал над их раздачей, крайне труслив. Из этого следует невозможность маневров в пользу единственно верной тактики: выбрать место, согнать туда побольше народу и не давать разбегаться, ожидая врага. Самое безопасное место в стаде – вместе с баранами, и он вполне мог собрать здоровую толпу с битами, которую далеко не факт что одолели бы посредственные силы оппонентов. Именно такую толпу на одном месте собрал двор на Машинке; и не факт что скинам это удалось бы повторить в другом месте. По крайней мере бой бы состоялся, а там могла и спасти военная удача.

«Варяг» поступил очень примитивно и предсказуемо, но эффективно. Собственно тактики было предусмотрено две – или грандиозная заруба во дворе, или действие, предусмотренное Виктором. Они с М. неспроста собрали половину около метро и выдвинулись на конечную точку – во-первых были готовы к тому, что их попробуют накрыть на подходе. В таком случае, перед тем как рассыпаться и отступить во двор, пользуясь знанием местности, они бы изрядно потрепали противника. Который получил бы вдобавок парочку порезанных, еще до столкновения с основными силами. А во-вторых, Виктор питал надежду на накрытие отдельных стягивающихся к Константину составов – по одиночке. Ни то, ни другое оказалось не востребованным: противник оказался организован еще хуже, чем о нем думали. Константину же полномасштабную войну на подходах к месту помешала известная проблема – отсутствие командиров. Это Виктор и М. могли организовать грамотный маневр, а у рэпперов и экстремалов таких шансов не было.

Если бы все сложилось по-другому, хотя бы «в ничью», у Константина были все шансы в корне изменить историю Движения на Урале. Отведавшие крови и вкуса ультранасилия физически развитые экстремалы вполне могли бы стать бандой и повторить успех

WSC; а то и Moscow Trojan Skinheads а Константин получить общероссийскую известность подобно какому–нибудь Шкобарю с учетом его криминальных талантов. Однако хребет организованного сопротивления ультраправым был сломлен тем апрельским вечером раз и навсегда.

Что же случилось с Константином? Тут было очень интересное ответвление сюжета, в котором А. проявил себя не только как хороший командир, но и как тонкий политик. Как наверное помнит читатель, его бригада уклонилась от участия в боевых действиях против своего бывшего командира. Зная крутой нрав А. все ждали показательной расправы над ре-негатом... но вместо этого, когда Константин был крайне грустен и задумчив, поругавшись со своим бесславным воинством, А. и остальные с ним... помирились. Причем таким образом, что Константин исчерпал свои претензии к бывшим соратникам совсем – вон даже драться когда была возможность они с ним не стали. Константин как никто другой понимал, что с ним могли сотворить бывшие подчиненные тем вечером, оказавшись на месте парнишки из «Синих камней». Невмешательством А. сделал ему персональный подарок, одновременно с этим и подвергнув наказанию. Константин проиграл и его пощадили.

Мало кто поняли, зачем это сделал А. Секрет был в том, что после этого примирения антифа даже гипотетически потеряли единственного человека, который мог бы сделать их движение действительно успешным, создав реальную и опасную банду. Второй вариант – убийство Кости, мог бы дать шансы для его посмертной канонизации антифашистами и появления желающих отомстить. А живой он крайне наглядно демонстрировал всем, какая участь ожидает тех, кто захочет повторить его начинание. От правых тем Константин отошел, но отношения со старыми соратниками сохранились отчасти даже приятельские.

Так закончилась эта история, которую одинаково не любят вспоминать как представители Движения, так и их противники. Все по разным причинам.

Лично мне этот день тоже запомнился. Именно тогда, среди всех этих раскладов и тем, при некоторых обстоятельствах, я впервые услышал о двух девочках от своего знакомого. С ними я познакомился неделю спустя. На одной из них я женился...

Глава 19. Хорошая новогодняя история

Новый год в нашей стране это не просто праздник. Новый год – особое состояние души у большинства наших сограждан. Везет тем, кто в это

время имеет возможность побыть с семьей или куда-то съездить; неплохо и тем, кто вместе с интеллектуальным большинством нашей страны жрут как свиньи водку и салатики, а потом умиротворенно метают харчи и отлеживаются после праздников. Но есть и те, кому несмотря на праздничное оцепенение приходится работать – врачи, пожарные, милиция, и все те, кто так или иначе заняты в обеспечении жизнедеятельности отдыхающих. Новый год безусловно накладывает свой отпечаток и на их работу... но об этом позднее.

Я не очень люблю праздники. Отвратительное пьянство и обжорство меня раздражают, ненавижу громкую музыку и сборища быдла, а также в принципе не смотрю телевизор, у которого проводят праздники большинство наших сограждан. Но, что безусловно радует, так это то, что новогодняя ночь ближе к утру и следующий день – очень тихое время. Пока все заняты по своим квартирам, на улицах красиво и тихо. Иногда идет снег, практически нет машин, и город чуть оживает только во вторую половину дня. После предновогодних пробок можно спокойно ездить по пустым улицам, а иногда и просто гулять в окрестностях. Наверное, поэтому во время этого праздника у меня как правило достаточно спокойное и созерцательное настроение – как раз для интересного разговора, книги или фильма под бокал хорошего алкоголя.

В тот год как-то так я и заканчивал вечер второго января, время было довольно позднее – около двух часов ночи. Отлично помню состояние души – было спокойно, хорошо и тихо. Именно в этот момент зазвонил мобильник, и на экране высветились данные одного местно националистического политика, лидера довольно известной организации, занимавшей место между премудками и профессиональными русскими. Звали его Олег.

– Василий!!! Я из милиции только что!!! Мы к тебе – срочно!

– Кто, «мы», блядь? Ты там не охуел случайно? И что у вас случилось?

– На месте расскажу! Это срочно – Голос у Олега был столь горестный, что я понял что разговор по телефону не имеет смысла.

Пока наш герой до меня добирался, матерясь, достал из сейфа Сайгу, набил в магазин десяток пулевых патронов, забил одиннадцатый в патронник, и поставил на предохранителе неподалеку от двери. Притащить в столь неурочное время Олег на хвосте мог кого угодно. Если это была милиция, то явились бы они все равно: он знал где я живу. В таком случае бессмысленно было бы отказывать в визите, так как явились бы все равно. Но что могло заставить милицию атаковать мою квартиру в новый год? Перебрав последние свои достижения, подумал, что вероятность этого мала. Если проблемы были у него – с милицией, то можно и пустить. Проблему его решать

все равно мне, а в таких делах срочность значит очень много. Был и третий вариант – притаскивание на хвосте кого-то из моих активных недоброжелателей, жаждущих расправы. Их во все времена была длинная очередь, и для них-то в то время и была припасена Сайга с пятью снаряженными магазинами.

Оставив открытой дверь в квартиру, я вышел в парадную и сел на подоконник на лестничной площадке. Оттуда просматривался двор и вход в подъезд, ну а назад до квартиры добираться несколько секунд. Минут через двадцать из окна увидел коренастую фигуру Олега в сопровождении очень высокого и тощего унылого субъекта в грязном пуховике. Лицо у Олега даже с расстояния было чрезвычайно злое, а вот спутник его выражал собой вселенскую тоску и скорбь. Ни сотрудником милиции, ни тем более моим врагом он не мог быть точно, и было принято решение пустить их домой.

– Рассказывайте! – Налив поздним гостям чая, я уселся напротив, чтобы выслушать очередную историю. Насколько привык к своей профессии, а эта сцена повторялась многие сотни раз, но каждый раз первое изложение событий представляет собой достаточно живой интерес. Самые разнообразные сюжеты раскрываются из первых уст. От историй убийств и нападений, изобилующих кровью и смертью, каким было рассказанное «Фольксштурмом», до каких-то бытовых мелочей, иллюстрирующих примитивность бытия большинства людей.

Поведал Олег вот что.

Тем вечером он – физик по профессии, встретился со своим однокурсником, проживающим в Москве. Прошла встреча совершенно традиционно для этого времени – в виде пьянки в «Уральских пельменях». Там Олег весь вечер трещал про политику и свою роль в освобождении русского народа в рядах той самой правой политической организации. Олегу было около тридцати лет – выглядел он весьма крупно, поскольку фанатично качался и обладал бицепсами по сорок пять сантиметров при не очень высоком росте. Походил он при этом в одежде скорее на крепкую тумбочку, а не русского богатыря, но, несмотря на это, вид по сравнению с большинством правой публики имел довольно-таки грозный и всегда носил с собой баллончик и нож. Беседа под водочку и пельмени способствовала укреплению русского духа и в воздухе уже словно бы складывался мираж грядущего освобождения России, когда товарищи собрались домой.

От «Пельменей» их путь лежал в сторону ЦПКО – около сорока минут по прямой широкой улице. Так и шли они по пустому ночному тротуару, разглагольствуя о национализме, когда к ним привязался какой-то отвратительный гастарбайтер с навязчивыми разговорами.

...На это месте рассказа я отчетливо представил себе картину – ночь, двор, падает снег, падает гастарбайтер получив несколько ножевых, Олег ломает ему ребра пинками, а его спутник пляшет на голове. «Тогда какого черта их выпустили из милиции?»

Но нет. Наши герои не сделали гастарбайтеру ничего плохого, а мирно и толерантно вступили с ним в беседу и пошли по улице дальше. В ходе разговора выяснилось, что по национальности мерзкий гастер – таджик, две недели назад выпущенный из тюрьмы, где он отбывал срок за убийство. Познакомившись, таджик стал предлагать своим новым корешам купить у него часы, судя по виду явно женские. Потом таджик стал натурально выпрашивать деньги.

...У меня в голове вертелось уже с десятков вариантов того, что с таджиком было сделать не можно, а совершенно точно нужно и даже необходимо.

Но Олег с другом оказались толерантными ребятами. Непринужденно общаясь с таджиком, лидер крупной националистической организации и его друг дошли до того места, где пора было бы расставаться с новым другом, когда в Олеге пробудилась Русь. Вся боль и унижение русского народа выплеснулись в один миг, когда Олег наконец–то дал таджику по щцам, сломав ему нос. Русь в нем пробуждалась очень долго, и дождалась точно того момента, когда мимо проезжала патрульная машина милиции. Сотрудники милиции очень обрадовались новогоднему подарку, упаковали друзей в собачье отделение, прихватили с собой таджика и отправились в ОВД.

В отделении гостям были очень рады, и стали думать как же их оформлять. Олег вел себя с его слов спокойно, а вот его друга куда–то повели. Дальше, со слов друга, его поставили к стенке и три раза ударили дубинкой, после чего заставили сесть и написать, что у его друга Олега И. возник умысел на ограбление потерпевшего, с целью чего тот нанес ему удар кулаком в лицо, повалил и стал шарить по карманам.

...Услышав эту часть повествования, проснувшаяся Любочка брезгливо скривилась, как при виде раздавленного таракана, и дала характеристику другу Олега:

– Чмооошенька!

Именно так, Чмошенькой, второго участника этих событий мы для удобства и будем называть, ибо как его зовут я за давностью событий не помню все равно.

Итак, после того как Чмошенька блистательно сдал друга, его отпустили в коридор, где он и дождался Олега. Олег, выслушав рассказ друга, совершенно фалломорфировал, и начал названивать мне – чтобы что–то с этим делать. Из милиции вскоре их благополучно выгнали, поскольку ОВД продолжало празднование нового года.

Выслушав эту историю, я некоторое время молчал. Олег тем временем распинался, что как только милиция узнает кто он такой, то его немедленно начнут преследовать по политическим мотивам за то, что он лидер известной националистической организации. На языке у меня конечно вертелась исчерпывающая характеристика такому национализму – особенно если сравнивать с практикой, привычной по «бригадам», однако же озвучивание этой сентенции не пошло бы на пользу делу.

В целом сотворенное Чмошенькой пахло очень плохо, поскольку в случае закрепления этой версии событий достаточно последовательно, светила Олегу классическая ч. 1 ст. 161 УК РФ, то есть грабеж. В обычной практике тут можно было попробовать зайти с другой стороны и добиться лояльности терпилы... но опять не тут, поскольку только что откинувшийся таджик даст те показания, которые нужны следствию на сто процентов. Основным мотивом тут бы стал страх таджика перед следствием – ничего хорошего от «органов» он не ждет в жизни точно. По совести говоря всем было бы гораздо проще, если бы Олег не ссал и втоптал этого таджика где-нибудь в тихом дворике, как бы поступил любой адекватный представитель правой общественности, да и вообще любой нормальный человек. В таком случае сто к одному, что жаловаться потерпевший опять же не пошел бы никуда.

Можно было пробовать связать показания Чмошеньки и Олега воедино, в части описания получения таджиком перелома носа в ходе обоюдной драки, причем данные показания следовало как-то лишить противоречия с его первоначальными. Здесь нужно было придумать что-то творческое, чтобы раз и навсегда заставить Чмошеньку делать то что сказано. Тут мне в голову пришла гениальная идея.

– Тебя в милиции били?

– Д-д-да... били. Три раза! – проблеял, заикаясь, Чмошенька.

– Ну-ка покажи! – Чмошенька с готовностью спустил штаны. Под тощей задницей на правом бедре еле виднелась слабая розовая полоса.

– Не, это никуда не годится! Будем восстанавливать доказательства!

– Это как?

– Естественно. Сейчас тебе сделаем побои, от которых ты ложные показания дал!

– Не надо!

– Придется. Правда, Олег?

Глаза Олега горели потусторонним огнем. На его лице читалось желание немедленно применить на Чмошеньке не просто милицейский про-

извол, а весь набор пыток гестапо, соединенных со способами дознания испанской инквизиции.

– Н–надо, да?

– Давай–ка к стеночке, в ту же позу в какой тебя в милиции били. – Шатаясь, Чмошенька побрел в коридор, где принял позу с упором руками в стенку. Глаза его выражали отчаяние и смертельный ужас. Олег тем временем с садистским видом изыскивал орудие возмездия. В качестве имитатора милицейской дубинки был единогласно избрана деревянная ножка от табуретки черного цвета. Чмошенька зажал в зубы собственную шапку и зажмурился.

...Так ранним праздничным утром я стал очевидцем самой странной новогодней картины, какую можно себе представить. Коренастый атлетичный мужчина с чувством величайшего удовлетворения охаживал ножкой от табуретки по бедрам и тощей заднице длинного унылого субъекта. «Шмяк! Шмяк! Шмяк» – пела дубинка. Сколь бы сильно я не устал к этому времени, но это зрелище не могло оставить меня равнодушным. От изысканной картины буквально скручивало от смеха; рядом в таком же состоянии пребывала Любочка. Из глаз Чмошеньки текли слезы. Пару раз с Чмошеньки снимали штаны и осматривали жопу – выжидая времени появления кровоподтеков. Наконец был достигнут нужный результат, и я выгнал гостей на мороз, после чего отправился спать. Спалось мне хорошо, а вот проснувшись я не сразу понял – были ли ночные события явью или сном?

У внимательного читателя должны были возникнуть вопросы – а каков был смысл экзекуции? Выдать следы от ножки от табуретки за побои в милиции? Естественно нет. Люди того психологического типа, к которому относился Чмошенька, никогда не смогут последовательно выдержать версию про побои. Первому же следователю было бы донесено про подлинные обстоятельства дела, из чего следовало бы не решение, а усугубление проблем Олега.

Главная задача тут была в другом. Мало толку для оппонирующей стороны, что кто–то дал единоразово нужные показания, поскольку их нужно сделать устойчиво повторяющимися в процессе. В таком случае можно положить сказанное в основу для уголовного дела. Чмошеньке же предстояло изменить показания на совершенно другую версию: как подлый таджик напал на его друга, а по поводу первоначальных показаний еще и написать жалобу в прокуратуру. При сомнительной природе инцидента и отсутствии прочих доказательств, грабеж разваливался, и дело выходило в плоскость частного

обвинения по поводу легкого вреда здоровья в виде сломанного носа. Таджики навряд ли бы стал поддерживать это частное обвинение, и скорее всего бы слился – так как частным обвинителем быть значительно сложнее, чем потерпевшим. На то и был расчет; но у плана была чрезвычайно уязвимая точка – Чмошенька! Ему предстояло находясь наедине с дознавателем пойти на прямой конфликт и настоять на своем, причем строго лично, поскольку свидетелям адвокатов не положено. Как же заставить трусоватого и слабохарактерного Чмошеньку проявить волю?

Ответ был один. Он должен был гораздо сильнее бояться расстроить нас, чем всех дознавателей вместе взятых. Для этой цели его требовалось сломать психологически и загнать настолько сильно, чтобы по сравнению с нашими процедурами любое давление дознавателя он воспринял как легкое развлечение. Именно поэтому он оказался вынужден добровольно перенести болезненную экзекуцию, и вскоре его ждала вторая часть – конвейерный допрос.

Вечером следующего дня на том же самом месте Чмошенька был посажен за пустой стол и началось действие. С восемнадцать часов вечера до трех часов ночи он подвергался допросу со всем арсеналом подручных средств – от мата и криков в ухо до пиздюлей УПК с комментариями по голове и выдергивания из-под него стула. Пресс пережегался психологической разгрузкой в виде разъяснений, что все это он делает ради друга, которого он подвел и которому теперь обязан помочь. Проходили часы, и Чмошенька начал звереть. Сжимая в полоску губы, он буквально цедил из себя нужные показания – и приближался момент, на котором бы мы все были посланы к черту, а он просто психанул. Тут-то мы и прекратили.

Говорят, когда Чмошенька попал к похмельному от нового года дознавателю, шел он туда стиснув зубы и собрав волю в кулак, аки христианский мученик в клетку с хищниками. Не получив от ленивого дознавателя и сотой доли пройденных мучений, он как по писаному отбарабанил выученную историю и с гордым видом покинул кабинет.

Неплохо выступил и Олег, рассказав немало глупостей, но не сбившись с верного пути. Одновременно с допросом Олега Чмошенька отбыл в Москву, где он и проживал постоянно. Дело натуральным образом подвисло.

Олег плохо представлял что ему делать – время шло, никто ничего не делал, никаких процессуальных действий не совершалось. Сначала я думал что все дело в праздниках, но прошел январь, наступил февраль и уже началось отмечание Дня защитника отечества. Примерно в это время я задался вопросом – почему же так происходит? Вскоре по своим каналам выяснилось, что все это время сотрудники милиции пробовали найти по-

терпевшего, который на вызовы так и не являлся. Никаких известий о нем не было, пока не наступил апрель.

...Потерпевший оттаял от зимнего холода натурально и в прямом смысле – из-под снега. Несмотря на многочисленные кровоподтеки на трупe, было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти. Причиной смерти признали совершенно естественную и бытовую ее разновидность. От переохлаждения.

Я много думал о том, почему так вышло. Совершенно ясно, что ни я, ни Чмошенька, ни тем более боящийся дать по ебалу Олег этого сделать не могли – да и нашли его в куче мусора возле мест компактного проживания мигрантов. Видимо вмешались высшие силы, и таджика, отсидевшего за убийство и предлагающего купить женские часы, настигло кармическое воздаяние. Даже не знаю, в каком виде оно было бы поучительнее: в виде собственных соотечественников, убивших его по какой-то беде, или в виде встречи с какой-то бригадой – которая из всей бесчисленной массы таджиков выбрала жертвой именно этого.

Олег тогда так об этом и не узнал – я ему дал понять, что проблема решена окончательно, и никто его больше не побеспокоит. Больше всего о судьбе этого дела переживал Чмошенька. Он буквально забрасывал меня письмами по Интернету и всячески поддерживал общение – после всего проникнувшись ко мне самыми добрыми чувствами. Два или три раза после этого он мне и помогал – бескорыстно и очень добросовестно. Эта ситуация меня также многому научила: впервые я вживую увидел так называемый «стокгольмский синдром» во всей красе. Единственным методом установления положительных отношений с такими людьми является ситуация, когда ты тотально подавляешь их физически и морально. Так и только так можно рассчитывать на то, что они хотя бы не предадут. Порой насилие и правда является лучшим способом взаимодействия с этим миром.

Глава 20. Злая новогодняя история

Новый год – очень разный праздник. Каждый понимает смысл длительного отдыха и веселья в меру своей испорченности. Пока где-то развивалась история про Олега и Чмошеньку, у остальных героев нашего повествования также было удивительное приключение, о котором нельзя не рассказать.

Виктор и З. встречали новый год в одной компании – на квартирном сейшне у праворадикальной девочки в компании ее подружек. З. происходящее помнил смутно, поскольку чрезвычайно быст-

ро нажрался. Какие-то крики, «Коловрат» в магнитофоне, лужа крови в парадной, здоровая ссадина на плечах, когда разгоряченный З., голый по торсу, нырнул в сугроб. Ему казалось что это произошло само, хотя на самом деле его туда амплитудным броском отправил Виктор после того, как З. перепутал Виктора с врагом расы и нации и напал на него с криком «Зиг хайль!». У малопьющего Виктора воспоминаний осталось побольше, главное из которых звали Катя и у нее был третий с половиной размер груди в неполные восемнадцать лет.

Ожили друзья к вечеру второго января, после того как проспались. Они убивали скуку в легендарном заведении в гастрономе на углу Ленина–Толмачова. Делать было решительно нечего, с деньгами тоже было негусто даже у состоятельного З. Так и сидели два мрачного вида парня за заплыванным столом, гоняя чай из одноразовых стаканчиков. З.уже сильно раздался в плечах, и представлял собой нечто среднее между средневесом и полутяжем. Высокие Getta Grip со стаканами, голубые джинсы, шарф Aquascutum и бежевый пуховик Finn Flair в сочетании со светлыми волосами, бакенбардами и серыми глазами делали образ З. гораздо более образное его внутренней сущности. Виктор был одет в неброскую спортивную одежду и тяжелые трекинговые ботинки. В руках Виктор грустно вертел топовую модель смартфона Nokia за восемьсот долларов, на которую пробовал приманить соискателей до чужих мобильников. В те годы дорогой телефон доставлял массу лулзов любителям подраться – но за годы насилия и убийств рожа у Виктора стала до такой степени мерзкая, что в поисках приключений не помогало даже это.

К третьему стакану чая к друзьям присоединились двое отдаленных знакомых – молодой человек по имени Илья и здоровенный, около девятиста пяти килограммов, полный Саша. Оба имели отношение к организации РНЕ второго созыва, только немного разное. Илья был представителем классических РНЕшных боевиков, имея в своем активе много лет «прямого действия» за разные бригады, куда он подобно Виктору подписывался вольным бойцом. К движению скинхедов у Ильи было сложное отношение, во многом продиктованное собственной неформальной молодостью, весьма недалекой от тусовки панков. Виктор, который знал Илью много лет, очень долго пытался себе представить мрачного светлогокожего брюнета в рядах панков – и каждый раз не мог. Одевался Илья всегда очень дешево и неброско, без малейшего намека на какую-либо субкультуру. Из толпы Илью выделяла лишь закованная в гипс правая рука, сломанная в недавней драке об аргумент какого-то чурбана.

А вот Саша выглядел как с картинки: светлые камуфляжные штаны, заправленные в берцы, «гром» и низко сидящая лыжная шапка делали и без того немаленького пацана еще более внушительным и здоровым. Со стороны казалось что один Саша стоит всего коллектива – по габаритам и брутальности. Однако в РНЕ Саша попал за компанию со старым приятелем

лем, и единственной формой активной деятельности у него была своевременная уплата членских взносов, за что его очень любил Моисей и ставил всем остальным в пример. Саша серьезно не дрался никогда в жизни, и очень хотел попробовать.

Именно эта тема и стала развлечением вечера. Примерное подобие можно себе представить, если вообразить собрание выдающихся блядунов, познавших сотни женщин и массу половых извращений, на которое попал девственник–теоретик. Сказать по правде, драки и акции уже изрядно приелись и З., и Виктору, и Илье, поскольку слишком уж много их было. З. со своим разрядом по боксу давно смотрел в сторону околофутбола, Виктор – в сторону бандитизма, и только Илья видел в «акциях» идеологическую ценность, поскольку был весьма верен правой идее вообще и РНЕ в частности.

– Чо, Саша? Акционировать пошли, а? – З. участливо улыбался из–за стола.

– Да какое там. Засыт! – нарочито пренебрежительно констатировал Виктор

– Да, засыт. Не повезло нам! У Илюхи рука в гипсе – вот куда мы вдвоем?

– Да не, парни! Саша с нами, я уверен. Правда же? – Илья внимательно посмотрел на старого школьного приятеля.

...Саша словно чужими чувствовал руки и ноги. Полный мальчик–астматик из хорошей семьи всегда в сладких грезах видел себя в бою рядом с товарищами; такими мужественными и жестокими. Так и казалось ему, что лишь привитые с детства моральные недуги держат его возле маминой юбки – по ту сторону от волшебного мира ультранасилия, в котором кроме воинским победам в его мечтам толстому и потеющему Саше полагались еще и красивые девочки. В свои почти двадцать он был все еще девственником.

– Ну пошли. – Саша сказал это твердо и спокойно. Это решение все встретили радостными комментариями и правыми зарядами. Окружающие не заметили что вечером в кабаке что–то произошло. А между тем только что обычная компания молодых людей превратилась в хищный и опасный организм, нацеленный на то, чтобы кого–то изуродовать или оборвать чью–то жизнь. В эти минуты будущая жертва еще ничего не знает о том, что где–то рядом уже вышли на охоту те, встреча с которыми оборвет несколько десятилетий его жизни. Все радости, горести, детство, первые успехи и достижения, все доброе и злое что ты сделал – оборвется и уйдет в небытие; только лишь потому, что один смешной и трусливый толстый мальчик, который и по лицу–то никого не ударил, решил произвести впечатление на своих приятелей. Так человек еще жив – радуется, дышит,

живет; а между тем он уже покойник, но просто об этом не знает, в то время как «аннушка уже разлила масло».

Четыре тени скользили по пустым праздничным улицам центра Екатеринбурга. Конечная точка маршрута была совершенно очевидна: гукобщаги. Знакомые до каждого метра охотничьи уголья как нельзя лучше подходили для праздничной разминки – всем было ужасно интересно посмотреть на Сашу в бою. Это вносило свежую струю в привычную рутину акции. Однако как водится на всех урожайных точках – у моста, возле знаменитой помойки и у колонки не было ни души. Как поступить дальше мнения разделились: З. предложил отправиться к каким-то никому кроме него не известным баракам, что сразу же забраковал Виктор; Илья – патрулировать окрестности местного круглосуточного магазина. Идея с патрулированием очень скоро превратилась в засаду у магазина, и ровно перед тем, как все окончательно замерзли, охотничья удача улыбнулась нашим героям. Из общаг к магазину выдвинулись три характерные фигуры. Двое гуков имели стандартные габариты, а вот третий поражал шириной богатырских плеч и имел массу около центнера.

– Погнали! – Глаза Ильи загорелись темным пламенем.

– Ебу дал?? – В два голоса возмутились З. и Виктор. – Их же столько же сколько нас, а у тебя рука сломана. – А если у них ножи?

– Похуй! Я бутылку возьму!

Саша сосредоточенно сопел, морально готовясь к битве.

– Когда выйдут из магазина. Пропускаем и бьем со спины.

...Виктор в душе был склонен согласиться с Ильей. Атака нагруженных продовольствием гуков должна была сразу одного-двух сбить на землю, а третий скорее всего удерет за помощью. Тут-то и будет возможность как сделать дело, так и дать проявить себя Саше. По своему опыту натаскивания на кровь молодняка Виктор хорошо знал, что из таких порой получаются неплохие бойцы для традиционного формата «акций» – если дать возможность сполна насладиться беспомощностью жертвы и дать почувствовать власть над ней и окрыляющую свободу ультранасилия. Бить следовало во фланг, одновременно атакуя по двое двух гуков, стараясь перевести их на землю. Из их состава нормальные боевые единицы представляли из себя Виктор и З., каждому из которых предстояло опекать увечного Илью и безблагодатного Сашу соответственно.

– Идут! Погнали!!!

...За тремя гуками последовал весь коллектив. Виктор нацелился на жилистого азиата в смешной шапке с гребешком с правого фланга, стараясь отсечь драку от проезжей части и прижать жертв к глухой стене дома. По его плану первыми должны были выступить они с З., но планы нару-

шил яростный Илья. Разбежавшись с пивной бутылкой, зажатой в левой руке, прижав гипс к корпусу, он с разбега атаковал самого здорового гука по центру, метясь бутылкой в затылок. Он всегда выбирал самого опасного противника и бил первым... но не учел свое состояние. Как сказал Федор Емельяненко, проиграв бой Сильве, «с самого начала что-то пошло не так».

Удар с левой Илья слажал, и бутылка скользнула по затылку гука, не причинив ему заметного ущерба; после чего Илья сцепился с гуком в клинче, будучи легче противника и со сломанной рукой. Виктор оценил обстановку, и сделал что собирался – пробил лоукик, и подхватом запустил гука, под ноги Саше. «Ну!!! Прыгни же двумя ногами сверху!» – мысленно напутствовал его Виктор и метнулся в сторону завязшего в драке Ильи, у которого уже было конкретно разбито лицо. Та же самая мысль посетила З., который, несколькими пиздюлями отогнав своего противника, кинулся на помощь Илье. Боковым зрением Виктор увидел, что Саша разок неумело пнул брошенного ему под ноги гука, после чего молча врубил заднюю. Гук успел перекатиться на обочину, и уже тащил оттуда какую-то дубину. Отогнанный З. противник также очень обрадовался: самый страшный и здоровый нападающий только что дал по тапкам!

– Отстапаем!!! – З. не изменил своим привычкам, но тут был совершенно прав. Кое-как растащив толстого гука и Илью, впавшего в состояние берсерка, друзья вдвоем потащили его в ту же сторону, в которую удрал Саша. Догнали они Сашу очень быстро, поскольку бегал тот необычайно хреново, хуже даже Ильи, которого постепенно накрывало полученным в бою нокдауном. На снег обильно лилась кровь, темная улица летела навстречу, впереди была широкая улица с общественным транспортом и неиллюзорными шансами встретить ППСМ, а позади – гуки, которые преследовали наших героев наперевес с большой дубиной и время от времени кидались ледышками.

– Сука, бля! Пидорас, бля! – З. на бегу успевал пинать Сашу под говно, одновременно выражая свою оценку содеянному Сашей и ускоряя его бег. Приближалась крупная улица и остановка общественного транспорта. Виктор, как с ним бывало, несколько потерялся от происходящего, поскольку крайне упорядоченно мыслил и был зависим от того сценария нападения, который просчитывал. Пока что он просто бежал вместе со всеми, благо инициативу взял в свои руки З.

Буквально перелетев через проезжую часть наискосок едущим машинам, З. буквально затолкал Виктора в ларек остановочного комплекса. Гуки были где-то сзади. Очень спокойно и хладнокровно З. попросил продавщицу продать ему минералку и бутылку шампанского.

– Сзади!!! – Прижатый к стенке Виктор увидел знакомую шапочку с гребешком сбоку от ларька.

...Гук успел взяться за ручку двери в киоск и ее открыть... когда его настиг самый прекрасный маэ-гери, который Виктор когда-либо видел за свою спортивную и криминальную карьеру. Сияющий дорогой черной кожей «гетта грипп» с железным стаканом З. влетел в грудь гука, от чего его буквально снесло в темноту, причем вместе с ручкой от киоска, которую тот оторвал. Виктор тем временем уже без всякого стеснения достал нож.

З. с бутылкой шампанского вылетел на улицу, где около киоска ждали транспорта несколько поддатых мужиков, с потрясающей речью:

– Русские люди, блядь! Посмотрите что тут китайцы на нашей земле творят – человек у них закурить попросил, а они ему нос сломали!

Мужики недобро набычились, глядя на еще двух визжащих неподалеку азиатов, а ситуация разрешилась сама собой, когда между сочувствующими мужиками и гуками последние увидели Виктора с ножом в руке. Оценив увеличившееся число противников и нехороший предмет, они исчезли во тьме.

...Пока это происходило, Виктор как-то совершенно упустил творящееся сзади киоска. Картину, которую он увидел там, Виктор запомнил навсегда. Около стенки киоска стоял Илья, прижимая к разбитому лицу носовой платок, рядом с ним метался З., наносящий грамотные пинки по лежащему телу, а на серо-буром от крови снегу с зелеными крапинками от бутылочного стекла, лежал азиат в шапочке с гребешком и хрипел, смешно подергивая ногами. Из-под подбородка гука торчал осколок бутылки, вокруг которого расходились розовые пузыри, а ебало хранило следы разбиения пузыря шампанского об голову с последующим вкручиванием в оное «розочки». Живописную картину завершал Саша, обильно поливающий гука съеденными харчами, среди которых еще можно было распознать разнообразные домашние салатики.

За годы бурного акционирования Виктор конечно насмотрелся всякого, но такого ему не доводилось видеть никогда, ни до того, ни после.

«Еб твою мать! Блядь! Пиздец» – металась в голове разные мысли. Они находились в самом центре Екатеринбурга, в восемь часов вечера посреди довольно оживленного праздничными гуляниями района. С ними были парень залитый кровью с окровавленной рукой в гипсе и еще один, для разнообразия залитый блевотиной. Оба шатаются – один от нокдауна, а второй – от нервного потрясения. Посреди, в виде натюрморта, – очень живописный гук, находящийся где-то на полпути на тот свет, украшенный снаружи, на манер новогодней елочки, битым стеклом, кровью и салатиками.

Как они оттуда унесли ноги, Виктор не вспомнил бы даже если захотел. Какие-то дворы, скверы, гаражи, остановка на троллейбусе под оху-

евшими взглядами пассажиров, опять дворы, умывание снегом. Все это перед его внутренним взором пролетали картина одна прекраснее другой: вот их принимают по горячим следам, З. отмазывает папа, а они с Ильей сидят в клетке на суде и слушают красноречивые свидетельские показания Саши. Вот Саша приходит домой, и, трясаясь от страха, рассказывает папе и маме где он был и что он видел – после чего за Виктором и Ильей приезжают мусора и увозят их в СИЗО №1, а З. отмазывает папа. Мелькнула в голове мысль – а не зарезать ли Сашу сразу же, чтобы не мучиться? Тогда опять же – они знакомы, распечатка звонков, З. отмазывает папа, а они с Ильей едут в СИЗО №1.

...Кое–как им удалось скрыться. Боги ли спасли или черти помогли неизвестно, но через час все четверо сидели на другом конце города у Ильи во дворе. Все очень недобро смотрели на Сашу. Саша даже не пробовал оправдываться, был очень задумчив и тих. Вопреки опасениям Виктора последствия этой истории так никогда и не вылезли наружу, за пределы очень узкого круга.

Илья с Сашей общаться перестал, да и Саша в скором времени совершенно отошел от правой темы. Так где–то и живет этот несуразный человек, который ни до этого, ни после этого и мухи не обидел. Помнит ли он тот вечер? Вспоминает ли его? Как–то эта история изменила Сашу, но каким образом точно сказать сложно. Стал ли он более толерантен и мягок, или наоборот где–то затаил жестокость и злость на всех, и на врагов, и на друзей, и на себя? Этого мы не знаем. Но много лет спустя, в практически идеальном обывательском семействе, у толстого и смешного папы некрасивого ребенка от некрасивой жены будет свой собственный скелет в шкафу. И когда–то могло случиться так, что окажись победа легкой – и не стало бы никакого мирного обывательского счастья, а из Саши бы с годами выросло то же самое, что вышло например из Виктора и отчасти из Ильи. Повезло ему или нет Саша тоже никогда не узнает. История не знает сослагательного наклонения.

Как известно чему–то учат поражения, а не победы. Виктор много раз прокручивал в голове события этого вечера, пытаясь установить последовательность действий, в которую попала ошибка. Допущенных ошибок в принципе было три, каждая из которых внесла свой вклад в развитие событий.

Во–первых, крепость цепи определяется прочностью ее самого слабого звена, а боеспособность состава – боеспособностью худшего его представителя. В данном случае состав оказался не на одного

бойца сильнее, а на одного слабее: по сути Саша вместо того, чтобы усилить боеспособность коллектива, скорее лишил боеспособности Виктора, действия которого оказались бесполезны. Таким образом, по сути в драке приняли участие не четверо на троих, а двое на троих, так как стремясь помочь Илье Виктор отдал инициативу по нейтрализации своего противника Саше, а тот ее упустил. Вдвоем они сработали совершенно впустую.

Во-вторых, опыт и стереотипы поведения – палка о двух концах. Инициативный и хороший боец Илья по привычке полез первым номером, когда по логике вещей должен был работать вторым номером после З. Кроме того, они вдвоем атаковали не одного противника, а разных, и синхронно ошиблись оба.

А в-третьих Виктору очень не хотелось применять нож с самого начала. Проблема была в Саше – чтобы не провоцировать того кровавым зрелищем поножовщины на излишнюю впечатлительность и болтовню. Как водится, нерешительность с применением оружия повлекла куда худшие последствия чем те, которые Виктор не хотел допустить. Эта личная ошибка не в меньшей степени чем остальные привела к безблагодатности: достаточно было сделать как обычно, чтобы поочередно отработать свою цель и помочь Илье.

Сидя тем вечером дома и наблюдая огни города с теплой лоджии последнего этажа новостройки, Виктор курил сигару и думал о том, что вечер все-таки удался. Стоило заскучать среди одинаковых и повторяющихся нападений, когда боги войны показали свою усмешку. После многих лет успешных атак вот так вот опиздюлиться у гук-общаг с позорным бегством оттуда – что может быть забавнее?

...Сизый сигарный дымок улетал в приоткрытое окно, а с улицы залетали снежинки и тут же таяли. Коньяк в глубоком бокале, смешиваясь с табачным ароматом и зимним воздухом, наполнял ощущения тем, что в черной душе Виктора могло называться гармонией. Где-то Дед мороз дарил детям подарки, где-то пьяный вдупель З. драл очередную девку, чтобы снять стресс, а в гук-общагах были очередные траурные известия. Зачем это все? Почему это все? Зачем тот азиат приехал в Россию, чтобы вот так окончить свое существование? Виктор не понимал этого в той же самой мере, в какой очень часто не понимал самого себя.

Глава 21. Для белой и гордой

Бенжамин Франклин как-то сказал, что демократия – пространство договоренности свободных вооруженных мужчин. Однако на практике свободные и вооруженные мужчины создают не только демократию, но и например блядство и бардак. Где-то существуют тихие и анемичные музыкальные и прочие субкультуры, но чем сильнее в среде выражено ген-

дерное насилие, тем более явно выражено стремление представитель этой среды держать вокруг себя круг доступных девочек.

Что же привлекало женский пол к сомнительному с точки зрения социальной ценности движухе? Тут было много причин. К сильным и представителям праворадикальной общественности и выраженным лидерам девочки тянулись всегда – как тянутся к любым сильным и агрессивным мужикам. Такие зачастую проявляли разборчивость в женщинах и девиц себе заводили за пределами сообщества. Но были и другие девочки: некрасивые, а иногда и просто страшные, неряшливые и с плохими фигурами. Конкурировать среди всей массы сверстниц им было тяжело, и тут страждущим приходили на помощь неформальная и молодежная праворадикальная среда. Главный козырь, обеспечивавший гарантированный успех, был выражен в сочетании субкультурности с доступностью. При соблюдении этих условий даже совершенно отвратительная жирная блядь с сальными волосами и грязных джинсах могла рассчитывать на успех среди множества молодых поклонников.

Как мы уже говорили раньше, многие деятели, делавшие первые шаги в субкультуре скинов, попадали туда подростками. Бушующий тестостерон, выплескивавшийся в драках, требовал выхода и через другое место... а с этим зачастую был фейл. Глупые сверстницы гораздо чаще котировали спортивных ребят, посещающих клубы, чем отважных арийских воинов. Жизненная несправедливость была ужасна – на заре правой карьеры тощему скинхеду Пете с тонкой шеей и оттопыренными ушами никто не желал дать, несмотря на героические заслуги перед расой и нацией.

Именно тут и пересекались жизненные интересы карлоты и субкультурных бритых девочек, про которых пел Коловрат «Для белой и гордой НС–скингерл!». Множество юных героев арийского сопротивления расстались с невинностью на жирных ляжках этой белой и гордой публики. Достаточно достоверно место скингерлз показано в классическом фильме *Romper Stomper*, где данная ситуация изложена с подробностями и деталями.

Как выглядели юные скинхеды, думаю, знают все, а вот со скингерлз сталкиваться приходилось немногим. Обычно их внешний вид представлял собой нечто среднее между образом девочки–подростка и мальчика–скинхеда. Прическа чаще всего или была самой обычной, или имела характерный вид «челси» – хвостик с выбритыми висками. Реально бритоголовые девочки встречались редко, и слава Богу. Обувь, разумеется, была представлена тяжелыми ботинками, остальное – произвольное, но часто с нашивками и мелкой атрибутикой типа подтяжек. На красивых девочках это все могло бы выглядеть и сносно, включая прическу «челси», которая в принципе

идет некоторым очень–очень миниатюрным девочкам. Но красивых, по очевидным причинам, там было мало. Образ сферической скингерл в вакууме часто соответствовал среднему арифметическому между очень страшным мальчиком и необычайно страшной блядью.

Большинство активных представителей среды через очень короткое время росли над собой, и по мере личностного роста и бойцовских навыков начинали активно конкурировать за внимание девочек с хилыми сверстниками. Овеянные боевой славой и драчливые мрачные ребята с реальными заслугами как правило не имели проблем с личной жизнью. По сей день на правых гигах и турнирах с уважаемыми людьми можно повстречать множество замечательных красивых девочек, порой еще и увлеченных идеей. А вокруг околбригадных блядей либо постоянно сменялся состав карлоты, либо ими пользовались наименее брезгливые представители более возрастных категорий. Так видным ценителем этой публики был уже известный читателю Штрайхер, который победами на данном любовном фронте даже вполне гордился. Разумеется, сами девицы от такой жизни довольно быстро портились, и к стремным внешним данным вскоре добавлялась еще и потасканность.

Кто–то метко заметил, что для девочек в определенный момент времени важно задать себе вопрос «А не блядь ли я?» и получить на него отрицательный ответ. При всей распущенности, именно блядьми большинство представительниц скингерлз себя не считали, так как искренне верили в свое деятельное участие в прямом действии. На самом поганом уровне акционирования и правда практиковалось участие такого рода девиц одновременно с карлотой, любили они и самостоятельно провоцировать конфликты и нападения. Никакой пользы для дела это не приносило, но развивало в скингерлз агрессию и безнаказанность – в придачу к боевым заслугам, приобретаемым половым путем. В конце концов, это обычно приводило к тому, что когда садилась очередная безблагодатная бригада, то на скамье подсудимых присутствовали и несколько девиц.

Немного иначе получалось, если в бригаду попадала достаточно привлекательная девочка, интуитивно не желающая сблядоваться. Вокруг нее начинались самцовые пляски, описанные в классическом «эффекте пизды в чистом поле», когда в пространстве свободных вооруженных скинхедов в виду недостатка красивых девочек самая обычная могла почувствовать себя Кармен и наблюдать кровавую схватку за свое сердце и место между ног. Такие зачастую лучше всего половым путем усваивали не боевые заслуги, а идеологию, и вместе со своим благоверным искренне начинали верить в основные идейные постулаты. Когда правые темы заполнили Интернет, во множестве появились сетевые писательницы на нацистские темы, вовлеченные в сабж исключительно таким образом. Крайне редко, в пределах нескольких единичных случаев, особо талантливые девочки действительно приживались в бандах на правах полноценного

участника – например такая ситуация была в одиозной бригаде А. Здесь первостепенным явлением было участие в преступной деятельности, а потом уже все остальные мотивы. Известны примеры например того, как такие применялись бригадами для охоты «на живца» в качестве приманки для жертвы.

Последней разновидностью были те, кто попадали в движ со стороны – кого туда приводили за ручку бойцы в качестве своей девушки. Такие зачастую в принципе не понимали с кем и с чем имеют дело – лишь изредка, в теории и в общих моментах, разделяя идеологию.

Выдающимися представителями прослойки скингерлз в регионе, несомненно, были две подружки, в истории сохранившиеся как Кисы – Киса Белая и Киса Черная. Были, конечно же, и другие, но из-за специфики их деятельности рассказывать про них особенно нечего – у любой карьеру в скин-движении можно описать одним словосочетанием: пьянство и блядство. А вот Кисы до некоторой степени даже прославились.

Киса Белая представляла собой очень тощую белобрысую девушку с мелкой крысиной мордочкой. Особый шарм ей придавали причудливо выбитые зубы – она утверждала что потеряла их в боях священной расовой войны. Выглядела Киса Белая крайне неряшливо, поскольку с юных лет жила у кого попало, не брезгуя явно спившимися маргиналами, выкинутых на помойку ото всюду, и из Движения в том числе. Она носила тяжелые ботинки с белыми шнурками, и чрезвычайно любила поучать карлоту и посторонних слушателей премудростям прямого действия, к которому с ее слов они с напарницей имели самое деятельное отношение. Со слов Кис выходило, что они гарантированно валили по паре хачей в неделю.

Киса Черная, как водится у таких подружек, внешне выглядела прямо противоположно по типуажу, но схоже по степени зачуханности. Низкосракая жирная брюнетка с мордой вокзальной торговки, Киса Черная всегда выглядела заметно старше своих лет. Главным формальным отличием Кис были сиськи: у Белой их не было совсем, а у Черной были – прямо над складкой жира на животе. Были у Кисы Черной и родственники, в результате чего она даже иногда жила дома.

Промышляли Кисы разным, от мелких краж у своих поклонников и вымогательства до довольно грязных и кровавых историй. Маргинальный образ жизни, алкоголь и генетическое вырождение пробуждали в них зависть и злобу ко всем тем, у кого жизнь сложи-

лась лучше. Феномен их существования в среде состоял в том, что лучше всего их знали за пределами «бригад». Найти себе жертву среди девочек кого-то из бойцов правого коллектива для Кис светило только очередными потерями зубов, а вот среди тех же неформалов от этой наглой парочки пострадало немало народу. Скинхеды как таковые вызывали у говнарей панический ужас, чем и пользовались Кисы. Вымогать деньги, унижать – по скудоумию им позволяли многое, опасаясь авторитета всего Движения.

Между тем, по прямому назначению Кисами использовались в движе мало, поскольку сблядовались и испортились они в совершенно доисторические времена, обзаведясь всем мыслимым букетом венерических инфекций. Лично я не знаю никого, кто помнил бы Кис в состоянии, отличном от вида омерзительнейших блядей. Мало было храбрецов даже среди совсем отвратительного скама, который только и мог соблазниться Кисами. Самое удивительное, что несмотря на явную параллельность движу их жизненного пути, совсем Кис от сообщества как-то не отгоняли, хотя стоило бы; и пятно в виде таких «соратниц» на долгие годы украсило правое сообщество.

Теперь, для того чтобы попроситься с этими мерзкими созданиями, расскажем одну историю.

Судьбы людей, которые оказываются вместе – порой сходятся весьма удивительным образом. Про это пишут книги, снимают фильмы, и несмотря на вечность этого сюжета в нем неизменно оказывается что-то новое. Удивительно, но даже если фигуранты не относятся к людям, по причине отсутствия мозгов – получается все равно довольно самобытно.

Так вышло, что после долгих лет блядства, Киса Белая влюбилась. И, что самое ужасное, ее любовь была взаимной. Романтический герой вошел в историю под погонялом Феликс. Выглядел он самым обычным образом: средние габариты, отталкивающая физиономия без явных признаков генетической ущербности, а вот внутренняя его сущность была уникальна. Начал он с попытки сделать карьеру у А. в бригаде и запомнился в окружении как не по делу жестокий тип, после чего получил ужаснейших пиздюлей от своих же. Причиной стало крысятничество: Феликс был пойман на краже телефона на совместной пьянке у своего же соратника. Первый раз ему повезло что его не убили – всем было попросту лень. Второй раз ему необычайно повезло после ссоры с Виктором, которого Феликс из соображений личной неприязни и зависти обвинил во всех смертных грехах. Закончилось это предсказуемо – он отправился на нож, но Виктор поленился портить его совсем, и Феликс отделался унижительно разрезанным ебалом – аккуратно, крест-накрест. Резали ему его публично, очень больно, и весьма тупым ножом.

После этого Феликс сделал соответствующие выводы, и пропал из поля зрения банд. Новый промысел он нашел все у тех же неформалов, по сравнению с которыми он был достаточно сильным и возрастным бойцом с криминальным прошлым, внушающим говнарями сильный страх. Жуткого вида шрамы через все ебало он объяснял героическим участием в боях с врагами нации, и вскоре сам в это поверил. В кругу непотребного вида говнарей он моментально начал носить палево в виде белых шнурков и бомбера... и там же повстречал Кису.

По поводу обстоятельств и цели их знакомства двух мнений быть не может... но после известной процедуры случился неслыханный казус. Киса Белая и Феликс образовали устойчивую пару, и в виде на редкость гротескного подобия Бонни и Клайда сотворили немало мерзостей.

В паре Кис какое-то подобие мозга существовало именно у Белой, которая была несомненным лидером и принимала решение. Существует точка зрения, что вместо мозга у нее был ганглий, то есть примитивный нервный узел, как у таракана. Его функционал позволяет таракану выживать на помойке и удирать из-под веника, но на этом потенциал исчерпывается. И Киса Черная, и Феликс были существами еще более примитивными – что и стало залогом существования Феликса в качестве Кисино поделника.

Несмотря на наглость и пакостность, горизонты деятельности Кис были сильно ограничены тем, что формально они относились к женскому полу. Любой, даже хилый, говнар, мог дать отпор или за кого-то вступить, что сильно ограничивало число их жертв для вымогательства. А Феликс номинально относился к мужскому полу, и героически влезал в бесчинства своей любимой, поднимая эффективность их промысла на новый уровень.

Как-то раз Кисы после избиения начали вымогать деньги у тихой неформальной девочки по прозвищу Мина. Бедняга не могла ни дать реальный отпор, ни рассчитывать на чью-то помощь – такое же убогое неформальное окружение просто боялось Феликса. Была назначена расправа, то есть срок, к которому Мине надлежало принести этой компании деньги, и место для этого.

О чем думала девочка, которая шла встречаться с явной мразью – отдавать себя в их руки? Я много раз пробовал себе представить это состояние абсолютной покорности, с которым баран идет на бойню – и каждый раз не мог. Что мешало ей обратиться за помощью к знакомым? К родителям? В милицию? Этого мы не знаем и никогда не узнаем.

Повстречав Мину в укромном месте, Кисы и Феликс сначала избили ее, а потом задушили проволокой. Втроем. Данное преступ-

ление совершенно поражало своей бессмысленностью даже по сравнению с «акциями» – и произвело достаточно широкий резонанс как в движе так и за его пределами.

После убийства Мины даже у самых последних карланов не осталось никаких сомнений по поводу сущности Кис. По странной иронии судьбы Мину какое-то время поебывал М., который от этой новости совершенно озверел. Дни Кис были сочтены: вопрос был лишь в том, какая именно их постигнет участь.

Феликс и Киса Белая в это время жили вместе, причем как удалось установить позже – она была одновременно ВИЧ-инфицирована и беременна от Феликса. Они практически не выходили из какой-то съемной конуры, совершенно справедливо гадая кто их найдет первым – тот же М. или милиция. Нашла милиция.

...Любовная пара разъехалась по разным СИЗО и дала признательные показания. Проходила информация, что в местах лишения свободы они зарегистрировали брак. Феликс попал под довольно жесткий пресс УБОПа с применением форсированных методов – как раз шло время активной посадки скинхедов. Несмотря на все старания, ничего принципиально нового Феликс на допросах не поведал, поскольку к правой среде отношение имел крайне опосредованное. УБОП долго не могли поверить в то, что столь харизматичный скинхед по сути ничего не знал, и участием Феликса надолго стали боль и унижение. Еще Феликс отметил тем, что зайдя в хату сразу объявил себя опущенным – что с ним случилось еще давно, на малолетке, и что на воле Феликс тщательно скрывал.

Киса Белая на следствии вела себя крайне паскудно, стараясь всячески оговорить своего возлюбленного, и была готова на любые жертвы, чтобы не сесть самой. Тараканий нервный узел между ушей не давал понять, что приговор ей уже был вынесен – смертный. Жить этому существу оставалось ровно до тех пор, пока ВИЧ не превратится в СПИД. Разумеется, в женском СИЗО на Елизавете пропала и вся идея: тут было очень сильно видно разницу с девушкой моего первого клиента Олей, которая, несмотря на все давление УБОПа, так и не раскололась. Единственная из той бригады...

Неформалов эта история так ничему и не научила. Ни убийство, совершенное бригадой Адольфа, и описанное в главе «Еврей посмертно», ни смерть Мины – не заставили сделать какие-то выводы. Каждый радовался, что убили не его, и по-прежнему был не в состоянии драться. Любому нормальному человеку очевидно, что истинными виновниками этого были именно те, кто позволили таким как Кисы и Феликс творить что они хотели безнаказанно. Те, кто не вступились за жертв. Те, кто молча отворачивались, наблюдая рядом с собой мразь. По моему личному мнению именно они были гораздо хуже тех же чурок и гуков, которых валили для развлечения бойцы

правых образований, так как представляли собой концентрацию подлости и вырождения. Для правой среды Кисы и Феликс не представляли опасности, кроме случайной венерической инфекции, и, по сути, были отторгнуты – подобно чужеродным клеткам.

Самая интересная история случилась с Кисой Черной. Когда приняли первых двух участников убийства, ее просто не смогли найти. Потом ветер, гуляющий над улицей Машиностроителей, что на Уралмаше, донес, что Киса Черная попала под поезд. У кошки оказалась правда девять жизней – она выжила, и даже через какое-то время относительно выздоровела.

А потом все равно пропала. Кто-то позвонил ее бабушке, и сказал, не представившись, что внучку домой можно и не ждать. Больше о ней никто ничего не слышал.

Про ее смерть говорили всякое, и многие знали правду. Но эта правда так никогда не вышла за пределы туманных слухов и не имела никаких последствий. Говорят ее смерть была куда более паскудной чем смерть Мины – но все же лучше медленной и мучительной смерти Кисы Белой, сгнившей от СПИДа в бараке для ВИЧ-инфицированных на зоне через непродолжительное время.

На этом заканчивается история про двух Кис, которые для множества людей олицетворяли собой тех самых «НС-скингерл». Таких историй было много в девяностые, во времена расцвета дворовых «бригад» не правого, а бандитского толка. «Честные давалки» из их окружения часто повторяли путь Кис... но для националистического Движения с его культом семьи, расы и нации?

Как могло такое выйти? Наверное дело в том, что для понимания того что есть национализм требуется определенная зрелость. Нация есть прямое продолжение семьи, и понимание этого наступает лишь у того, кто хотя бы морально готов стать отцом и продолжить свой род не только физически, но и социально.

Скинхеды в начале своей карьеры и сопутствующие им девочки по сути лишь номинально могли быть отнесены к националистам, за редким исключением. Тяга к гендерному насилию и примитивной ебле у примитивных созданий породили тупиковую ветвь эволюции – что реликтовых скинхедов, имеющих ценность только в субкультуре, что таких же субкультурных девочек, превращавшихся в отвратительных блядей.

Для Движения и такие как Адольф, и такие как Феликс, и Кисы – по сути были тем же, чем является ребенок-даун в семье с нормальными родителями и нормальными детьми. Плоть от плоти, но... всем ясно что это даун и нормального человека из него сделать нельзя, а разумнее всего такое своевременно утилизировать.

А у нормальных людей все происходило абсолютно по-другому, причем как раз одной из огромных заслуг Движения является тотальная пропаганда традиционной семьи и семейных ценностей, противопоставляемых потреблядству. Из абсолютного большинства людей, искренне разделяющих эти убеждения, выросли хорошие супруги и родители.

Странно такое читать в финале этой главы? Безусловно.

Диалектика единства и борьбы двух противоположностей и в этом вопросе очень живо показывает, насколько разной бывает эта среда. Так молодой арийский воин, когда-то лишившийся невинности верхом на какой-нибудь Кисе, с высокой долей вероятности мог стать заботливым отцом и внимательным мужем.

Выводы, из этого можно сделать разные, но нельзя не заметить, что многие вещи куда сложнее, чем они кажутся на первый взгляд. Уровень подросткового блядства перерастали те, кто действительно усваивали традиционные идеологические и этические нормы – и перерастали зачастую одновременно с субкультурностью. Остановка в развитии на раннем этапе приводила к тем же последствиям, к каким приводит остановка в развитии ребенка – получается дебил. Что не вызывает отторжения в пятилетнем возрасте в поведении десятилетнего выглядит довольно отвратительно.

Так и ебля беспорядочно дающих «белых и гордых» в раннем подростковом возрасте еще не свидетельствовала о вырождении, а вот в зрелом – почти всегда. Было, конечно, и такое, что и девочки по мере взросления завязывали с промискуитетом и нормально социализировались, становясь в будущем нормальными женами и матерями – но только лишь если процесс не заходил достаточно далеко.

Впрочем, закономерности процесса познания таковы, что после утверждения чего-то следует период отрицания, а потом возврат к тому же самому – но на более высоком уровне понимания. Так и моногамии многие наши героини скоро переросли, открывая для себя новые степени и границы свободы, замешанной на крови, похоти и адrenalине. Сознание, существующее на грани с мышлением психопата, у многих ветеранов "акций" принимало причудливые формы, самыми милыми из которых становились свист плети и капли воска. Но это уже другая история...

Глава 22. Тот, кто носит медный щит

Замечательный писатель Соловьев в своей книжке про Ходжу Насреддина вложил в уста своего героя афоризм «Тот, кто носит медный щит – тот имеет медный лоб!». С тех пор прошло немало времени, вроде и Россия не похожа на средневековую Бухару, и со-

трудники правоохранительных органов отличаются от среднеазиатских стражников... а актуальность у этого афоризма сохраняется поразительная. Вся атмосфера борьбы с экстремизмом пропитана духом какого-то удивительного, нереалистичного и гротескного идиотизма. В этой главе поговорим про то, каким образом кровавая Система искореняла на Урале фашизм и что из этого вышло.

Самое первое открытие, которое я сделал, общаясь с представителями праворадикальной среды, касалось удивительной формы правового нигилизма, сложившегося у ультраправых. Они сочетали веру во всемогущество Системы и особенно органов госбезопасности с абсолютной уверенностью в том, что лично им за любые безобразия ничего не будет. Больше всего это похоже на то, как маленького ребенка мама пугает страшным бабайкой, который живет под кроватью и которому отдадут ребенка за плохое поведение. С одной стороны, ребенок несомненно верит в могущество страшного бабайки, но также понимает и то, что скорее всего ничего страшного тот ему не сделает. И представители ультраправой среды, и маленький ребенок сочетали иррациональный страх с уверенностью в отсутствии последствий, основанной на личном опыте безнаказанного плохого поведения. От чего так вышло? Отчасти так сложилось исторически, потому что детство или ранняя юность у наших героев пришлось на девяностые годы XX века, во время полного упадка государственной власти и авторитета правоохранительной системы. Но гораздо больше для этого сделали сами правоохранители, системно и последовательно усугублявшие последствия экстремистской деятельности.

Большим откровением для борцов с экстремизмом стало бы внимательное прочтение название федерального закона, посвященного этой проблеме – «О противодействии экстремистской деятельности». Странно, да? Название не содержит термина «борьба», и говорит о «противодействии», что далеко не одно и то же. Лексическое значение слова «экстремизм» – любые крайние и радикальные убеждения. Как можно бороться с неопределенно широким кругом радикальных убеждений неясно, и размышления над этим вопросом приведут нас куда-то в сторону антиутопий в духе «Эквилибриума». Логично, что проявлениям экстремизма можно только противодействовать – причем конкретным; и посредством очень разнородных мероприятий. Например базовая основа противодействия чему угодно – профилактика возникновения причин этого явления, в случае с праворадикальным экстремизмом таковой бы могла стать нормальная политика противодействию этнической преступности и «нулевая терпимость» к данному роду преступлений наряду с преступлениями экстремистской направленности.

Но это бы означало действительную и конструктивную работу по этому направлению – что в корне противоречит современной доктрине имитации бурной деятельности, которая является господствующей в правоохранительных органах. Основываясь на трех китах современной правоохранительной системы – невежестве, бездарности и коррупции, данная система в наших краях породила три исторических этапа противодействию экстремизма.

Первый этап занимает исторический промежуток с архаических времен становления российской государственности после развала СССР и до 2003 года, а называется он «Все хорошо, прекрасная маркиза». Первые проявления национального вопроса и рост шовинистских настроений наступили сразу же после ликвидации монолитного советского государства, но длительное время их актуальность терялась на фоне экономических и социальных проблем. Выражаясь простым языком, такой пиздец царил повсеместно, что на этот локальный вопрос и внимание – то толком никто не обращал. То же самое старое РНЕ кажется чем-то немыслимым в современной России – частная армия в десятки тысяч боевиков, большинство из которых были вовлечены в криминальные заработки. До прихода к власти Путина в СМИ данная тематика просто терялась на фоне событий глобального масштаба, а вот после случилось интересное дело. Когда к власти пришел выходец из силовых структур и СМИ сильно зажали, то по всем острым темам начала работать старая советская методика «если мы об этом не говорим, то значит этого нет». В СССР, как известно, не было секса, а в России в конце 90-х – экстремизма. В крупных городах расцветала субкультура скинхедов, носивших явное палево, на многочисленных концертах толпы кидали римское приветствие... а государство безмолвствовало. По сути известные читателю тенденции выросли в те годы буквально как в инкубаторе, при полном отсутствии интереса у государства. Почему так вышло сказать трудно, но совершенно убежден, что в основе лежал вечный страх милицейского чиновника внезапно найти у себя под носом говно, и испортить им статистику, пока соседи делают вид что у них пахнет розами, и поют что у них «все хорошо, все хорошо».

Этот период в Москве закончился во времена погромов Ясенево и Царицыно и беспорядков на манежной площади, а в нашем городе продлился до 2003–2004 года и окончательно закончился только в 2005-м, после резонансного убийства армян в Пышме.

Второй этап оказался наиболее успешным по фактическому результату – эпоха борьбы со скинхедами. Если вернуться к приведенной аллегории с говном, то наступил он в тот момент, когда вонять стало уже нестерпимо, а кому-то из милицейского начальства насра-

ли прямо на голову. Обнюхав и облизав обгаженную фуражку, государство наконец–то оценило вкус, цвет и консистенцию неизвестной субстанции, и публично подтвердило страшную догадку, о том, что же это такое – «Это же... это же говно!». Получив отмашку, СМИ начали трубить о страшных скинхедах, провозглашая конец света и второе пришествие фашизма. Аналогичную отмашку получили и правоохранительные органы, и началось искоренение коричневой заразы. Беда только в том, что интеллектуальных возможностей у правоохранителей хватило исключительно на установление внешних признаков без понимания сути. Куст, как известно, представляет собой совокупность веток и листьев, торчащих из одного места, а скинхед – лысого как коленка индивида в ботинках с белыми шнурками, который все время кидает вверх правую руку и говорит «зиг хайль». Все, кто таковыми не являются – не скинхеды! Так государство извело остатки субкультуры довольно массовыми посадками, и в последствие причинило значительный ущерб части организованной преступности, в которую мутировали скинхеды. За 90–е годы УБОПы научились неплохо противодействовать бандам, и на короткий период совпали развитие правого движа и понимание преступных закономерностей организованной преступности милицией; причем после ОПГ 90–х скиновские бригады для УБОПа стали относительно легкой целью. Про этот период довольно–таки неплохо написал в своей книге легендарный Жора Бойко, знаменитый начальник питерского УБОПа. У нас происходило все то же самое, и 2005 год ознаменовался практически полной ликвидацией всех нежизнеспособных банд города местным УБОПом и раскрытием череды преступлений экстремистской направленности. Успех государства в противостоянии с Движением был очень кратковременным – приближался третий этап, который начался в 2010 году с событий на Манежной площади.

Третий этап можно охарактеризовать лишь цитатой из классического революционного труда – «Призрак бродит по Европе». Внезапно оказалось, что скинхеды–то куда–то делись, а экстремизма становится не меньше, а больше. Только милиция успела привыкнуть к излюбленному противнику, как тот дематериализовался, превратился в призрак и стал преподать себя вести. Сначала выяснилось, что две трети направлений явной националистической деятельности оказались легальными, причем праворадикальная среда обзавелась внушительным информационным потенциалом и «мускулами». Как в правовом поле с собственными адвокатами и правозащитными центрами, так и в прямом смысле – тот же легальный околофутбол накопил такое количество боевиков такого качества, что успехам основных «грядок» с топовыми бандами могло бы позавидовать старое РНЕ. В довершение ко всему старый жупел из маргинального бритоголового со свастикой и бутылкой дешевой бормотухи поблек окончательно: новое поколение оказалось обеспеченным, спортивным, и модно одетым в дорогие европейские бренды, одновременно с ними предпочитая

дорогие ножи и качественное огнестрельное оружие. Вопреки всем стараниям СМИ и «борцов» с экстремизмом, быть националистом стало модно и привлекательно. Тут–то «борцы» и оказались в тупике: как бороться с тем, что рассеялось по всему социуму и приобрело вместо исторического отторжения фашизма черты массового одобрения? Протухший «культ Победы» ничего не смог исправить, и в стране, которая победила фашизм, каждый второй на улице согласится с тем что «чурки заебали» и их нужно отстреливать. Полностью потеряв выраженные ориентиры в том, с чем нужно бороться, правоохранительная система заметалась из стороны в сторону, подменяя противодействие экстремизму институтом политического сыска. Толку от этого нет все равно – на месте одного искорененного экстремистского рассадника образуется десяток новых.

Самое смешное то, что подлинных причин того, от чего так вышло, никто не понял – от администрации Президента до ВНИИ МВД. Происходящее можно изобразить в виде наглядной аллегии.

Есть однокомнатная квартира, в которой живет старый и мерзкий спившийся алкоголик, постепенно опускающийся все дальше и дальше. Сначала он перестает мыть посуду, и в квартире от грязи заводятся тараканы. Первое время наш алкоголик не замечает новую живность, и продолжает гадить дальше, время от времени прибывая случайных тараканов тапком – пока от шевелящихся тараканов не перестает видеть обои. Тут до него доходит, что что–то тут не так, и тараканам объявляется смертный бой. Ликвидировав большую часть поголовья тапком и привычно нагадив в углу, наш алкаш на сдачу от паленой водки покупает средство «Машенька» и им обильно обрабатывает все углы, от чего тараканы практически исчезают. Отпраздновав победу над тараканами, гадить он начинает в два раза сильнее, пока не обнаруживает, что вокруг него пешком прогуливаются мыши, которые тапком не давятся, а средством «Машенька» закусывают объедки. Кроме мышей завелись еще и крысы, которые ко всему прочему еще и кусаются, временами устраивая массовые мероприятия, шествия и манифестации, перерастающие в массовые беспорядки. Гадить по углам алкоголик не перестает и пробует все новые и новые средства от грызунов, которые помогают плохо, мышей и крыс все больше – и не за горами времена, когда расплодившиеся крысы торжественно вынесут алкоголика из квартиры на помойку, где ему придется жить бомжом возле мусорного бака. Если вообще не сожрут.

Вот точно так, как герой нашей аллегии борется с антисанитарией у себя дома, наше государство много лет борется с экстремизмом.

В главе, посвященной прямому действию, мы уже рассмотрели то, почему толкового «акционера» практически невозможно поймать на месте преступления. Коллективный характер организованной преступности с одной стороны делает ее практически неуязвимой, а с другой – создает в другом месте самостоятельные слабые места. Главным слабым местом «бригад» стала их социальная активность, когда в преступную структуру в течение короткого периода субкультурной селекции мог попасть кто угодно. Это приводило к тому, что слаженный и монолитный коллектив могла угробить одна–единственная «крыса», находящаяся где–то рядом.

Бригады нового типа, стоящие на четких принципах оргпреступности, оказались слабо уязвимы для агентурных и оперативных методов, а вот субкультуру скинхедов таковые практически уничтожили. Попробуем проанализировать то, как это происходило.

Любая молодежная субкультура имеет выраженные черты эскапизма, когда неформал, ролевик или еще кто только среди себе подобных чувствует себя «своим», что порождает определенный градус доверия между достаточно случайными людьми. Обмен мнениями, информацией, пусто–порожние разговоры – в тесном кругу все друг про друга знают практически все. Теперь спроецируем эту модель на сообщество, некоторые члены которого совершают преступления, причем далеко не все. А вот знают об этом многие из тех, кто вхожи в субкультуру.

Крепость цепи определяется прочностью самого слабого ее звена, и испокон веков всевозможная полиция пользовалась этой закономерностью – используя информаторов, находящихся «в теме». В общеуголовной преступной среде информационная безопасность работает немного лучше... но и там самые частые случаи раскрытия преступлений базируются на том что кто–то где–то проболтался. В среде бритоголовых подростках ситуация могла возникнуть парадоксальная: школьник–старшеклассник в тяжелых ботинках вполне мог иметь высокий уровень осведомленности о серии тяжких и особо тяжких преступлений, зная конкретику: даты, участники, место, результат.

Работу милиции осложняло лишь то, что попасть в эту среду извне можно было только очень юному созданию – что исключало оперативное внедрение в банды проверенных кадров. Агентурную работу приходилось проводить внутри контингента, а это имело свои существенные недочеты.

Во–первых, подневольный информатор – существо трусливое, лживое и недолговечное. Кроме страха перед милицией у него нет ни одной причины работать добросовестно – а страх очень ненадежная мотивация для чего–то созидательного. Да и хватает их ненадолго – быстро портятся.

Во–вторых, те из информаторов, кто однажды попав в оборот принимали решение о добровольном сотрудничестве, как описанный в самой

первой главе господин Чека, крайне редко имели для этого достаточный интеллектуальный уровень, чтобы не провалить агентурную работу. Когда скудоумие меднолобого курирующего офицера встречалась с тупостью агента, происходили удивительные вещи. Стараясь показаться полезными информаторы гнали дикий бред, милиция делала из него далеко идущие выводы, а бригада А. и «Фольксштурм» резали кого хотели, потому что находились на эволюционную ступень выше борцов с экстремизмом. Больше всего я люблю историю про то, как милиция несколько лет ловила изначально виртуального персонажа, придуманного в Интернете кем-то из «основы». За время поисков оно было сформировано целая группа, которая только этим и занималась. Кого только не назначали лидером страшных фашистов, но как-то не срасталось. Ничего – все еще ищут.

В-третьих, агентурная работа на нормальном уровне ее организации длится годами, а не производится штурмовым авральным методом, когда не хватает показателей для статистики. С этой точки зрения основной аппарат МВД для целей противодействия экстремизму не приспособлен вообще, то есть совсем.

Так в довольно благоприятной для работы милиции обстановке годами происходила полная безблагодатность, пока тема борьбы с экстремизмом не стала актуальной и за нее не взялся УБОП.

УБОП – очень необычное подразделение МВД. Будучи достаточно независимыми и обособленными, со временем подразделения УБОПов стали все больше напоминать то, с чем они борются – организованную преступность. При всей обоснованной критике МВД нельзя не признать, что в УБОПе люди работать умеют, и не только в силовом, но и оперативном плане. Конкурировать с ними могут либо особо толковые опера «на земле», что редкость, или подразделения уголовного розыска – и тоже не всегда.

Когда УБОП обратил внимание на проблему экстремизма, тамошним специалистам она сразу очень понравилась. Нет ни противодействия ОПГ, ни самых дорогих адвокатов, ни физического риска для сотрудников (до определенного предела) – красота!

Начали они с того, что просто стали повально опрашивать всех задержанных, которые оказывались любым боком причастны к темам экстремизма. При поточном задержании никто не парился с агентурными разработками – с задержанного просто «снимали» информацию, а кто привлек внимание – приглашали к себе на дальнейшие беседы. Кому-то хватало пригрозить, что про задержание узнают родители, кому-то – отчислением из института и армией, а

кого–то просто били. Целью были не банды, а окружение банд – для последующего вычисления круга подозреваемых. Потом проходили столь же массовые задержания, когда для поимки группы из пяти человек, зарезавших киргиза, могли быть задержаны двадцать–тридцать подозреваемых.

Дальше начинался пресс. Для достижения оперативного успеха было достаточно сломать двух–трех фигурантов, готовых дать нужные показания под диктовку, согласованные друг с другом – а потом уже дело техники. Остальные задержанные ехали в СИЗО, и даже если не раскалывались и начинали сдавать друг друга – то все равно садились, утопленные показаниями, выбитыми у «свидетелей» либо соучастников, ориентированных на условный срок.

Потом шла вторая волна. Все это время собиралась информация о тех, кто еще пока на воле и их деятельности – теперь уже порой не за какие–то процессуальные поблажки, а за пару пачек сигарет. Дальше история повторялась, и в 2005 году таким образом были полностью ликвидированы две или три бригады вместе с их окружением – наиболее уязвимые, субкультурные и тупые. До 2005 года было немало случаев индивидуальных посадок, но мало – именно результативных ликвидаций сообществ.

Для развития Движения эта ситуация пошла очень на пользу. Во–первых, УБОП вычистил массу весьма отвратных представителей правой среды, а во–вторых, четко разделил легальное и нелегальное крыло движа. Когда всем стало ясно, что рядом с бригадами есть четкая опасность сесть, желающих принимать участие в совместной субкультурно–преступной тусовке поубавилось в разы. Резко выросла активность интернет–воинов, потянулись люди в околофутбол, кто–то стал смотреть в сторону правой околополитики – а в бригадах остались те, кто были ориентированы на прямое действие. Отделились и натуральные бандиты, которых на Урале вокруг правых тем было немало. Субкультурные признаки при этом растворились: берцы с белыми шнурками и бомберы перестали быть актуальными. Новое поколение экстремистской преступности выбрало путь локальных террористических ячеек, очень закрытых банд, консолидированных не вокруг какой–то субкультуры, а например спортзала или того же околофутбола. Как их искать, кого задерживать и где брать оперативную информацию при таком раскладе милиция понимать перестала. Выводы естественно из этого были сделаны самые бодрые – типа как разом взяли и победили страшных скинхедов

Тем временем, легальная среда, с существованием которой милиции пришлось смириться, стала отличной экономической, информационной и социальной базой для рассеянных, но крайне многочисленных экстремистов. Которые в результате борьбы с ними заявили о себе уже не как суб-

культура, а как новая социальная реальность, когда при принятии многих политических решений в сфере национальной политики государство вынуждено оглядываться: а не будет ли массовых беспорядков? А не будет ли второй Манежки?

Полностью и всецело эта заслуга принадлежит не идеологам Движения, а как раз государству. В экстремистской среде получилась вещь, хорошо известная огородникам на примере грядки с морковкой. Если ее не проредить вовремя, то вся морковка на грядке вырастет мелкая и заморенная. А если проредить – то хоть численность корнеплодов будет и поменьше, зато они вырастут хорошие, большие и крепкие.

Где-то параллельно с этим растет второе последствие борьбы с экстремизмом, гораздо менее радужное, чем первое. Терроризм. Описанная ситуация является идеальной почвой для роста политического терроризма, а это блюдо куда острее чем страшные скинхеды, убивающие приезжих. Сейчас государство его отведало буквально чуть-чуть, но со столь блестящими результатами от борьбы с экстремизмом всех, несомненно, ждут в этом деле новые горизонты.

Вывод из этого можно сделать только один: если история чему-то и учит, то в основном тому, что исторические примеры не способны никого ничему научить. Ситуация со слабым государством, пытающимся задавить сильный политический вектор и сталкивающимся при этом с террором – очень старая, и примеров можно привести множество. Каждый раз борьба с последствиями и игнорирование причины их возникновения приводило к тому, что положение дел становилось хуже и хуже, а явление, с которым боролись – сильнее и сильнее. Применительно к нашему примеру эта тенденция вполне очевидна уже сейчас, а чем это все закончится – очень скоро покажет время.

Глава 23. Тайна Железного Гомосека

На площади 1905 года горели фонари, а в здании на главной площади города шла работа – горели окна, туда-сюда сновали чиновники.

Молодой еврейский политик Сеня сидел на лавочке в администрации города Екатеринбурга. За свои двадцать лет Сеня успел полюбить три вещи: рыбу фиш, русский национализм и, конечно же, денежки. Деньги Сеня любил пронзительной и страстной любовью: милые десяточки и полтинники вызывали в нем чувство отеческой заботы, сотки и пятисотенные – умиления, а зеленые тысячные почтительное уважение, переходящее в страх. Денежки снились ему по ночам, о них он думал утром, днем и перед сном, одновременно с

мыслями о судьбах русской расы и нации. У Сени были приятное семитское лицо, и чрезвычайно благозвучные и великоросские фамилия, имя и отчество. Разумеется, с такими исходными данными он не мог не стать лидером легального националистического движения, где было огромное количество его соплеменников. Всем интересующимся его национальностью он отвечал уклончиво – говорил, что происходил от казаков, не называя никакой конкретики.

Тем вечером Сеня занимался любимым делом, прокручивая в голове то, каким образом он будет клянчить денег на молодежную политику. Этого практически никогда не удавалось сделать, но ему светила сквозь обиды шестиконечная звезда Давида. От приятных мыслей его отвлек неприятный запах – на лавочку рядом с ним присел высокий субъект в затемненных очках, сером грязном свитере, небритой рожой и невымытыми волосами, торчащими в разные стороны.

– Ты чо тут сидишь? – развязно спросил неизвестный на редкость противным гнусавым голосом.

– Я... в Комитет... по вопросам конкурса патриотического рисунка для молодых ученых! – нагло и с вызовом ответил Сеня

– Херня это все. Вот я – Президентский Спецназ, отрапортовал неизвестный и высморкался в чрезвычайно грязный платок.

Сеня задумался. Выглядел и пах его новый знакомый и правда как спецназовец, сию минуту вернувшийся из двухнедельной командировки в горы, переодетый во что попало, и не успевший помыться. Но Сене важно было не это – за вонью своего нового друга он учуял аромат денежек.

Тут вышла секретарша, и доложила, что сегодня прием окончен. На этом новые друзья расстались – молодой еврейский политик, лидер националистической организации, и ароматный господин, которого звали Митя. Митя только что прибыл в регион для того, чтобы возглавить в Свердловской области подразделение крупного молодежного проекта. Ему срочно были нужны новые люди, и он оставил Сене свои координаты, криво нарисовав на листке бумаги схему проезда.

...Ноги словно сами пускались в пляс от радости, обуревавшей Сению. «Денежки–денежки, денежки–деньгулечки, денежки–деньгусеньки, денежки мои!» – звучала в голове прекрасная песня, а ноги словно пускались в пляс по грязной улице. Дома вокруг становились все хуже, и вот схема привела нашего героя в отвратительное гетто с бараками. С лавочек ласково улыбались алкоголики, а впереди приближался двухэтажный барак с перекошенной крышей. Там–то и дислоцировался президентский спецназ.

В парадной Сеня переступил через лужу блевотины с плавающими окурками, и по загаженной лестнице поднялся на второй этаж, который занимал офис молодежного Кремлевского Проекта. За железной дверью клубился сигаретный дым, в котором терялись очертания трех комнат. На стенах были развешаны всяческие плакаты, мимо которых Сеня проследовал в кабинет к своему новому знакомому. Судя по звукам в кабинете, Митя был чем-то сильно занят. Спустя несколько минут навстречу Сене вышла босая растрепанная девица неопределенного возраста, на которой из одежды были топик и простыня.

– Привет –дохнув перегаром улыбнулась девица.

– Ты кто? – чуть заикаясь спросил Сеня

– А я из Москвы! Представляю тут православное подразделение! – доложила девица и скрылась в направлении дивана.

Тем временем показался Митя, почесывающий грязное пузо. Вскоре время Митя и Сеня обсуждали то, каким же образом предстоит поддерживать президента и спецназ. Сеня покинул офис с чувством некоторого непонимания ситуации: с одной стороны он несомненно чувал деньги... но как подружить формат его националистической организации с прямо противоположным по сути? Нужен был совет старших товарищей.

Примерно через полчаса Сеня стоял на пороге одного из ветеранов Движения – спортивного парня с резкими движениями и на редкость мерзкой рожей. В отличие от большинства наших героев он был ретроградом, и сохранял внешний облик классического типа: стрижка под ноль, тяжелые ботинки, голубые джинсы и «Lonsdale». От дел Ветеран отошел достаточно давно, и в описываемый период занимался незаконной предпринимательской деятельностью. Внимательно выслушав Сеню, он деловито собрался, и отправился знакомиться с Митей.

...Дверь в кабинет Мити открылась пинком, и туда зашел скин достаточно классического облика, а следом просочился Сеня. Ласково улыбаясь, Ветеран уселся Мите на стол, и положил перед собой травматический пистолет «Хорхе» калибра 9РА.

– Ва-ва-ва... ы-ы-ы... – Митя не знал ни что ему сказать, ни что делать, и сразу же начал трезветь.

– Ну что, пидор, делать с вами будем, а? – участливо спросил Ветеран.

Сначала Митя думал, как бы ему ловчее вызвать милицию. Однако спустя короткое время делать это ему расхотелось – визитер

говорил крайне дельные вещи. По всему выходило, что именно он и Сеня способны возглавить сразу несколько направлений «кремлевского проекта», причем таким образом, что по отдаче в виде информационных поводов Москва не только не выкинула бы Митю из комиссаров на мороз, чего тот ждал со дня на день, но и увеличила бы выплаты.

Секрет был в том, что на каждое из направлений молодежного проекта Москва выделяла ежемесячно порядка двух тысяч долларов. За эти деньги следовало или отчитаться договорами за полиграфию и продукцию, или аренды помещений под мероприятия и семинары, или – новостными поводами по поводу произведенной активности. Лично Митя возглавлял тот самый «президентский спецназ», то есть направление по агрессивной поддержке президента и борьбе с оппозицией. Раз в месяц получая деньги, Митя начинал их пропивать, что получалось сделать за неделю, а потом начинал ходить по разным инстанциям и просить еще. Поскольку жил Митя на диванчике в том же офисе, где ни душа, ни туалета не было, то он очень плохо пах, и по этой причине кое-где ему даже давали мелкую денежку чтобы избавить себя от его присутствия. Еще неделю Митя побирался и одалживался на лапшу быстрого приготовления, а еще неделю – голодал, собственно перед очередным поступлением финансов.

На тот момент направления в городе было представлено всего два – вторым был тот самый «православный проект», проверять который и явилась московская блядь в простыне, до такой степени суровая, что согласная даже на Митю. А возглавлял на местном уровне оную структуру толстый мальчик Степа, которого до блестящей карьеры в «проекте» выгнали из епархии за воровство церковных пожертвований из коробочки для оных. Единственное что делал Степа со своей паствой – за два куска баксов в месяц осуществлял в том бараке чтение Священного писания, перемежаемого или звуками метания комиссарских харчей, или Митиным гнусавым нытьем что ему нечего кушать – в зависимости от финансового цикла. Денег Мите Степа не давал совершенно, и правильно делал, так что жизнь тому полагалась очень плохая.

А Ветеран предложил короткую схему, каким образом можно расширить направления с двух до целых шести... причем лично Мите ничего делать было не нужно. Все брали на себя новые знакомые.

– И запомни, сука. Это – наш город! – Ветеран покачал пистолетом перед носом у Мити. – Если чо кого – спалим вас блядей вместе с баракком! Окна видишь? Вот сюда бутылки и доставим – с четырех концов займитесь, и дверь подопрем! Хуй вылезешь отсюда, говно бля!

– Не смей мне угрожааать – проблеял Митя, но очень неуверенно. В душе он уже согласился на новые правила игры.

Прошли буквально пара недель, и жизнь в бараке преобразилась. Одну из комнат прочно заняли Ветеран и еще два возрастных парня из основы, к которым потянулись хмурые личности в неприметной одежде. Из ноутбука играла «Кровь патриотов», на столе лежали ножи, текли характерные беседы. Офис кремлевского проекта столь хорошо знаком мне потому, что именно там можно было проводить встречи с любыми клиентами без малейшего риска палева – в самую последнюю очередь бы милиция стала искать людей в федеральном розыске по правым темам в офисе молодежного антифашистского движения. Особенно много лулзов это место доставляло Ветерану, который посещал это заведение исключительно на палеве. Когда Ветеран был нетрезв, он любил фотографироваться в таком виде на фоне антифашистской атрибутики, например, приставив нож к горлу Мити.

Сеня радостно бегал в «Вестерн юнион» получать финансирование. Сразу же в Екатеринбурге организовалась молодежная дружина, в качестве которой был сфотографирован молодой дубль бригады А. в самом Дендрарии. Неизвестно, не возникли ли у москвичей вопросы – отчего же у молодых дружинников такие стрижки, а у двоих – паутина на локте? На первом плане гордо поставили Митю со значками и потребной символикой. Съемка не произошла без эксцессов: Ветеран не доглядел, и у Мити все-таки отработали сотовый телефон в процессе общения.

В правой среде Митя всем очень понравился, и на одном из локальных правых форумов он был наречен Железным Гомосеком – за аллюзии с гимном президентского спецназа, где поминалась тема железа. Ну а на «пидора» Митю приучил отзываться Ветеран, который так и не удосужился запомнить как того зовут. Полным титулом Митю называли не всегда, иногда допуская вариации: «Железный гомик», «Железный педик» и все в таком духе. Временами Митя начинал капризничать и пытаться строить того же Сеню с зарядами «Я требую к себе уважения!».

Сеня также развил бурную деятельность. В скором времени он нашел еще одного пайщика-концессионера: бывшего вокзального барыгу Воровчука, ранее судимого за мошенничество. Воровчук занял третью комнату в офисе и междугородний телефон, и за ним потянулись сбытчики краденого. Занимался Воровчук двумя направлениями, и совершенно точно помню, что одним из них был проект «инновации». Внешне Воровчук более всего напоминал классического «голубого воришку», описанного у Ильфа и Петрова, только в еще более слащавом и благообразном виде. Очки, прилизанные длинные волосы и мягкий баритон сочетались в нем с взглядом редкостного вора и проходимца.

Так и зажила наша воронья слободка. В одном кабинете сидел Ворвчук, обсуждающий за казенный счет барыжи дела, с горсткой краденых мобильных на столе; в соседней стоял мат-перемат соратников Ветерана, с чифирем и водкой отмечавших возврат с зоны соратника; в кабинете орал на кого-то вечно бухой Железный Гомосек; а в коридорчике читали Евангелие Степа и его православные.

Очень скоро это предприятие начало приносить совершенно взрослые доходы, которые пайщики-концессионеры, впрочем, тщательно друг от друга скрывали. Спустя годы многие из тех, кто тогда имел дело с «проектом», жмурили глаза от удовольствия: как они крали!

Сеня первым проторил кривую дорожку к дополнительным финансам. Внезапно в Москву посыпались десятки инициатив о проведении мероприятий, каждое из которых требовало куда-то ехать, а также издержки на представительские расходы. Красть получалось мало, что очень раздражало Сеню, а возни выходило много. Но лиха беда начало.

Ветеран подошел к делу гораздо более обстоятельно. В один прекрасный день на подходе к партийному барраку Сеня лицезрел величественную картину, к которой замечательно подходило бы классическое стихотворение про «Я вижу костры из книг, я слышу овчарок лай...». Во дворе был сложен костер, в котором неохотно горели глянцевые агитматериалы. К костру с новыми порциями макулатуры бегали двое юных арийских воинов, а рядом возвышался суровый Ветеран с большой палкой.

– Тащи, тащи бля это говно! Блядь, до чего бесполезная дрянь – горит и то хуево!

Из огня, корежась в пламени, на Сеню неодобрительно смотрел портрет Путина, стремительно превращаясь в золу.

– Ты чего это? Нам они нужны будут.

– Именно так. Нужны.

...Так как Митя ровным счетом ни хера не делал, то макулатуры накопился целый офис, и регулярно присылали еще и еще. После утилизации запасов известным способом, Ветеран поставил перед Москвой задачу высылать нереальное количество той же продукции, и справедливо заметил, что масштабы работы уже таковы, что изготавливать ее следует тут же, а не тратить деньги на логистику. Ознакомившись с расценками в договоре, предложенном Ветераном, москвичи согласились, и на изготовление печатных материалов пошли деньги. Сначала Ветеран отчитывался изготавливаемыми в том же офисе план-нарядами и сметами, но потом в центре начали задавать вопросы – где же результат? После этого на свет появился план «Пасьянс», основанный на художественном раскладывании нескольких десятков листовок на пачках чистой бумаги с отправкой ре-

зультатов в Москву. Искусственно созданный дефицит агитационных материалов также продолжал линию Сени – именно его многочисленными мероприятиями Ветеран оправдывал расход макулатуры.

Воровчук мутил громко и нагло. Раз в неделю он писал очередной маниловский план о немедленном внедрении какой-то инновации, а потом переходил к переговорам с Москвой. Одно из его идей стала идея социального мобильного для бесплатной раздачи страждущим. Под это дело за государственный счет вокзальные барыги в кратчайшие сроки перевыполнили планы по сбыту краденых сотовых телефонов, огромную гору которых Воровчук непосредственно в офисе начал продавать обратно. Так офис «проекта» украсился замечательной вывеской «Распродажа сотовых телефонов». На огонек как-то заглянул даже участковый, которому сначала показали Митю и рассказали про президентский спецназ, а потом подарили сотовый телефон и календарик – примерно в том формате, какой Воровчук обещал Москве.

Даже у Железного Гомосека жизнь стала гораздо лучше, поскольку Сеня и Воровчук иногда давали ему деньги, а Ветеран сделал два или три новостных повода для его проекта. Автором одной из идей являюсь лично я, и даже спустя много лет она мне очень нравится. А именно, когда Мите понадобилось провести прокремлевское массовое мероприятие, согласовано оно было возле станции метро «Площадь 1905 года», что возле мэрии, в девятнадцать часов вечера. С учетом количества находившегося там народа на всех фотографиях мероприятие получилось и правда массовое – не менее пятисот человек. Митя после этого воспрял духом, и начал кроме питья предаваться второй своей слабости – разврату. Неведомым образом девочки редко, но все-таки ему давали, особенно те, на кого тоже нельзя смотреть было без слез. В офисе на митиных пьянках появились даже олдвейшние бляди-«валькирии», когда-то освоенные еще партией НБП и приученные к партийному хую. Вопреки своему титулу, Железный Гомосек таки не раз отличился на почве блядства. Самая лучшая история была связана с жирной малолеткой, на три дня застрявшей у Мити в офисе, после чего ее крайне тяжеловесный папа явился в этот вертеп с дурными намерениями. Закончилось это достаточно забавно – после пиздюлей, которые были выписаны Мите, тяжеловесный папа в том же офисе забухал с кем-то из старых соратников Ветерана, которые к процедуре опиздюливания Мити отнеслись с большим пониманием и одобрением.

Грустил из всей компании только Степа. Никаких альтернативных источников дохода приискать он себе не мог, никто его не любил, и даже комнаты ему не давали – в одной пили, во второй еба-

лись, а в третьей барьжили. Традиционные чтения священного писания проводить приходилось в коридоре, что получило издевательское наименование «коридорное православие». В душе Степы зрели гроздь гнева, и вскоре конфликт из скрытой фазы перешел в открытую.

Причиной грядущего раскола стал Ветеран. Ко всем остальным участникам сборища он относился очень плохо, а к Мите – хуже чем к собаке, привлекая внимание Мити к любому вопросу затрециной или пинком. Как-то раз Ветеран с соратником повстречались с «коридорными православными», и весело и на позитиве послали их нахуй. Это стало последней каплей для Степана.

– Да как ты смеешь... Да я тебя щас... Я требую к себе нормального отношения!!!!

– Слышь, ты рот закрой, педрила бородатый!

– Да кто ты такой... Да я тебя щас...

Почти плача и трясая жирной жопой, Степа сжимал кулаки и рвался в бой. На предложение выйти Ветеран естественно согласился, но в его черной душе зрел коварный план. Степа понесся на улицу как был, в майке и тапочках, при том что на улице было очень, очень холодно – стояла зима. Перед выходом из барака Ветеран галантно пропустил его вперед, и пинком под сраку отправил натурально – на мороз, после чего запер дверь изнутри. Следующие полчаса Ветеран со второго этажа наслаждался божественной картиной – как Степа под окном, в майке и тапочках, вел сепаратные переговоры через форточку. Было ветрено, по земле мела поземка, а Ветеран не спеша пил горячий чай у окна, любуясь прекрасным, и говорил что великодушно дает противнику шанс размяться перед боем и разогреть мышцы. Пустить Степу обратно Ветеран согласился только после того, как Степа трижды прокричал «Пидором быть круто!». Когда ему открыли дверь, Степан, размазывая слезы, с проклятиями атаковал врага мерзлым поленом, за что в награду получил отменных пиздюлей. После этого Степа как-то успокоился, но явно затаил большое хамство.

К этому моменту было ясно, что «Проект» движется к закономерному финалу. Это чувствовали все, и каждый старался напоследок украсть больше другого. Ветеран в качестве дембельского аккорда успешно продал часть имущества из офиса, Воровчук начал мутить через «проект» анашу и краденые золотые украшения, а последний гвоздь в гроб проекта забил Сеня. Взяв спившегося Митю за шею, он отправился по банкам брать всевозможные кредиты под «президентский спецназ», трясая всеми митиными верительными грамотами. Время было докризисное, кредиты давали кому попало, и Сеню ждал короткий, но яркий, финансовый успех.

Финал наступил тогда, когда Степа, рыдая, тайно уехал в Москву жаловаться на захват фашистами «Проекта», где очень горько плакал, рассказывая о различных унижениях. После этого офис в

бараке закрылся, Железный Гомосек бежал из Свердловской области с уголовным делом по мошенничеству на хвосте – за кредиты, Воровчук удрал в Тюмень, внезапно оказавшись в федеральном розыске уже не помню за что.

Сеня на некоторое время отошел без потерь, но и его изменила эта история. Первый раз тогда, когда в легальной националистической организации ему предъявили участие в антифашистском «проекте», и оттуда выгнали, а второй раз его подвела карма, когда он уже довольно прочно находился в молодежной политике. По неведомой причине и исключительной жадности Сеня скрысил у собственного соратника тысячу долларов, и за позорный косарь получил позорнейшую судимость – за мошенничество. Так Сеня повторил описанный классиками подвиг Шуры Балаганова, который, как известно, после завершения аферы с миллионом Корейко украл в трамвае кошелек и на этом спалился.

Ветеран со свойственным ему жизненным прагматизмом на деньги, заработанные в «Проекте», отремонтировал квартиру, и остался своим участием в политике чрезвычайно довольным.

Что касается Степы, то ничего хорошего в итоге он не получил – да и не положено ему ничего хорошего. После той вонючей истории внезапно наступил кризис, и «Проект» накрылся медным тазом. Совершенно нельзя исключить, что Степа мог вернуться к старой доброй теме с кражей пожертвований. Она очень ему подходила: и в части антуража, и молитвенного настроения, и, конечно же – христианской веры и отношений с Богом. Там где крадут пожертвования, всегда очень тихо, набожно и никто не ругается матом.

Глава 24. Миф XXI века

В 1930 году Альфред Розенберг опубликовал свой «Миф XX века», который стал одной из причин того, почему Розенберга в конце концов повесили по результатам Нюрнбергского процесса. Мог ли он подумать, что и его идеологическое детище, да и в какой-то мере он сам – станут героями мифа следующего века, века двадцать первого? Сложно сказать, что бы сказал старик Розенберг, заглянув в будущее и прочитав эту книгу. Но одно очевидно точно – как и положено мифу, старые идеи в будущем времени зажили своей собственной жизнью, совершенно неподконтрольной и непонятной их создателю.

В этой главе мы поговорим о самом колоссальном надувательстве текущего столетия – мифе о фашизме и современных неонацистах в контексте идеологическом. А именно постараемся понять, что же было истинной идеологией наших героев, и что при этом им приписывали и приписывают.

Очень часто обывательские разговоры о страшных фашистах начинаются с того, что это люди, которым «промыли мозги». Иногда с вариацией на тему того, что мозги молодежи «промывают» старшие, которые плодят страшных зомби со свастикой на лбу, не понимающих того, что они делают и не знающих истории. Много лет я пытался найти как то, чем мозги промывают, так и тех, с кем эта процедура произошла успешно. Поиски успехами не увенчались – да и читатель скажет то же самое, коли уж дочитал до этого места. Как можно было промыть мозги например Адольфу из главы «Еврей по-смертно», когда их там никогда не было? Промыть такие мозги, если уж их удалось обнаружить, возможно только например физраствором – в морге, после извлечения оных из твердой черепной коробки. Какой идеологии с фанатизмом следовали М., Виктор или А.? Из аналогий напрашивается только замечательная «Церковь насилия» из одного японского сериала. Ни к одной из сформировавшихся идеологических направлений они не принадлежали.

Тут можно что-то вспомнить о фанатичных бойцах, например, «НСО–Север», ну и отчасти «Фольксштурма». Беда лишь в том, что участвовавшие там люди свой идеологический выбор делали совершенно осознанно. Покойный Нифонтов, например, был совершенно убежденным национал–социалистом, блестящим знатоком истории и полемистом. Средних критиков–обывателей по историческим темам он бы заткнул, наверное, десяток, если не больше, про идеологию и так все понятно.

О чем же говорит ситуация, когда та самая «молодежь» с промытыми мозгами отсутствует, а вместо нее есть либо банды с рудиментарными идеологическими рамками, либо меньшинство эрудированных нацистов? Говорит это о простой вещи: об отсутствии единой сложившейся идеологии, причем отсутствии системном: как целостного понимания основных ее парадигм, так и отсутствия системы агитации и пропаганды. Ниже поговорим о том, что же роль идеологии выполняло реально.

Так вышло, что наиболее активная и авторитетная часть Движения выросла где-то между эпохой расцвета РНЕ и началом эры массового Интернета. Кто начинал в 1995–1998 помнят, что за пределами узкого круга эрудитов общеизвестные ныне вещи были просто недоступны – кроме «Майн кампф», которую еще достать надо было, читать было нечего, и в этой ситуации даже «карантины» РНЕ представляли собой луч света в темном царстве. Во времена, когда развивались события этой книги, за пределами Екатеринбурга легко

можно было встретить реликтовых скинхедов – которые могли не знать основ своей субкультуры и не представлять себе вообще никакой идеологии. Широко растиражированный в СМИ миф о «скинхедах, которые чего-то там не знают о истории и идеологии» – как раз отголосок тех времен. Однако именно то первое поколение дало мощный толчок для того, что в будущем станет Движением.

Самые первые идеологические постулаты и «систему ценностей» не-офитам–подросткам прививала правая сцена. Сакраментальные «Коррозия металла» и «Коловрат» были слышны, понятны, и идеологически востребованы – напомним, что карьера среднего скина начиналась в подростковой субкультуре, где значение музыки было чрезвычайно велико. В общемировом масштабе движения скинхедов правая сцена вообще имела значительные вес, начиная с жизненного пути Яна Стюарта и Blood&Honor. В тот период даже внешне востребованная атрибутика со шнурками и нашивками как бы намекала на важность демонстрации именно в обстановке концерта, а не в процессе боевых действий. Кому-то хватало песен «Коловрата» для самоопределения в стройные ряды, и далее начинался этап поиска идеологических ориентиров более высокого порядка.

Исторически в Движении существовали два господствующих течения – WP и NS. Первые – White Power, стояли на позициях белого расизма, и имели в своей основе скорее не воззрения нацистской германии, а вектор мышления североамериканских ультраконсерваторов–расистов и их коллег из Англии. В социальном аспекте WP чаще всего вообще не имели отношения к социализму, и стояли на твердых реакционных капиталистических позициях, соединенных зачастую с радикальными течениями христианства. NS представляли собой сторонников национал–социализма германского толка, и у них–то и была выражена направленность мыслей в сторону третьего рейха. Как несложно заметить, отношения NS с WP могли развиваться по–разному, и в мировой практике существовали достаточно серьезные разногласия между векторами. В исторической ретроспективе сторонник идей апартеида и носитель WP–движа из ку–клукс–клана вполне мог повстречать национал–социалиста на войне – той же Второй мировой. Различий у этих течений вообще гораздо больше чем сходства. Позднее платформы сблизилась, но только из–за наличия общих врагов.

В России никто особо не парился, и NS\WP частенько встречались вместе, в том числе в общих аббревиатурах что для знающего человека звучит порой несколько забавно. За отсутствием единой идеологической платформы сходились стороны, как правило, в том, кого и за что следует пиздить. Именно это, совершенно здоровое и разумное начало, определило главную систему координат идеологического фронта.

Известное противоречие между сторонниками и противниками национал–социализма в России превратилось в дискуссию между национал–патриотами и национал–социалистами. Движение именно скинов из–

за твердой позиции ряда лидеров оказалось практически полностью отнесенным к НС, а национал-патриотическая позиция собрала сторонников относительно легального национализма. Так вышло во многом случайно, да и исключений известно немало – в виде совершенно классических национал-патриотических банд, порой относящих себя чуть ли не к монархистам.

Третье направление конфликта внутри движения оказалось очень предсказуемым. Неоязычники-родноверы и сторонники скандинавского язычества не во всем могли договориться с православными, что повлекло некоторое количество негатива. Примечательно, что в результате закрепился паритет обеих религий, и, несмотря на жесткий экстремизм к врагам, прогрессивные силы движа оказались способны на достаточную терпимость к вопросам веры. Даже на сайтах, посвященных узникам совести напротив фамилии «узника» стоят коловрат или крест – чтобы знать, какой веры тот, кому ты помогаешь.

Четвертое направление противоречий выглядит вообще весьма забавно – между агрессивными сторонниками здорового образа жизни и всеми остальными. Движение никогда не приветствовало наркоманию и алкоголизм, но столкнувшись с агрессивными адептами ЗОЖ многие представители «основы» сильно удивились – бывали анекдотичные ситуации, когда «кто бухает тот не русский» слышали очень авторитетные и уважаемые в Движении люди от несовершеннолетних детей – например за грех распития пива. ЗОЖ-срач лишь набирает обороты, но он скорее добавляет мелких конфликтов, чем способен реально способствовать размежеванию правой среды.

Мощный толчок к идеологическому развитию дал, конечно же, Интернет. Центром прогрессивной мысли стал форум Формата 18, чью деятельность в производстве мотивирующих видео мы уже упоминали. Именно коллекция роликов Ф-18 стала второй после музыки доходчивой формой донесения реальной идеологии до масс. Одновременно с производством готового продукта, существовал огромный форум на том же ресурсе, где были представлены, пожалуй, наиболее интересно мыслящие герои движа тех лет со всей страны.

Это был серебряный век движения скинхедов. Казалось, что еще чуть-чуть – и произойдет тот идеологический рывок, который поведет к новой реальности. Дикая и злая сила, выплескивающаяся на улицы, начинала обретать вполне политические очертания нового

национал–социализма. Тогда надежды были связаны с НСО, которое было передовым отрядом объединенных бригад России. НСО сочетало в те годы неплохого полемиста и политика Румянцева (в последствие, правда, замеченного в нехороших делах), яркого фронтмена для юной части движа – Тесака, и гениального лидера автономов–террористов, на долгие годы сложившего базовые принципы и концепты «автономного действия» – Максима Базылева. Было полное ощущение того, что мы смотрим на зарождающийся «третий путь», который реально имеет шансы на политический успех. Пока форумы ДПНИ погрязали в разборках «профессиональных русских» за мелкие денежки и пиар, со страниц Формата буквально несло кровью. Сказанное там очень быстро оказывалось на улицах.

Региональные лидеры Урала особенно не светились там, но – концепции НСО времен расцвета активно обсуждались «в народе». Характерной особенностью стало то, что тут и легальная «околополитика» однозначно смотрела в сторону мрачных ребят с ножами, а не в сторону интеллигентных мужчинок в костюмах. Мне доводилось знать некоторых людей оттуда лично, как за юридические и прочие достижения там знали меня – например тот же Нифонтов, более известный как «Дмитрий Нестеров», автор классической книги, которая многими критиками воспринимается как предшествующая моей. Спустя годы одному из самых необычных знакомств я был обязан тому, как человек передал мне привет от покойного... Максима Базылева. В те годы он вел дела по всей стране, и кровавые посе-вы будущих «автономов» после его смерти остались далеко не только в виде НСО–Север, как это пытаются представить правоохранные органы.

Тем не менее, судьба этих людей не привела их к тому успеху, который они для себя готовили. Первым со своей задачей не справился Румянцев, который позволил возникнуть междоусобице в НСО. После которой бешено популярный у молодежи «Формат–18» и Тесак оказались по разные стороны баррикад с тем же Нифонтовым, который в партийных делах придерживался едва ли не средневековой морали.

Потом – начало сжиматься кольцо вокруг «автономов», которые оказались не готовы к существованию без политического «центра». Погиб Базылев, покончил жизнь самоубийством Нифонтов, пострадала часть боевиков, действовавших относительно открыто – «дело НСО–Север». Национал–социалистический вектор классического типа – под красно–черно–белым знаменем, так и не дал более ярких героев и лидеров, и практически полностью лег в основу концепции политического терроризма. Фюрера так и не нашлось.

Всегда было очевидно, что путь «автономов» и ячеек смертников–террористов подходит далеко не всем. Идея объединения под флагами «НС–скинхедов» утрачивала историческую актуальность, и на передний план начинали выходить новые проблемы и новые герои. В национализм пришло поколение, которое никогда не брилось налысо, а знакомство с этой темой начинало в неплохом спортзале. Камуфляжу и берцам такие предпочитали подлинные «котируемые» бренды. Эта молодежь встретила с представителями старшего поколения, зачастую отошедшими в околофутбол – и с гипертрофированно развитым националистическим Интернетом и блогосферой.

Одновременно с этим прошли первые резонансные процессы по ультраправым, и за решеткой на пожизненные и долгие сроки оказался ряд крайне харизматичных лидеров, которые продолжили заниматься своим делом как на тюрьме, так и передавая ценные указания на волю. Это имело три группы последствий.

Во–первых «узники совести» стали центром новой идеологии, и своеобразным знаменем, объединившим все направления Движа. Помощь им стала аккумулировать средства в «общак», а слова тех же Николы Королева и Никиты Тихонова приобрели чрезвычайный вес на воле. Новая мифология требовала новых героев и новых святых – какими стали «военнопленные» в тюрьмах и некоторые павшие. Так Дмитрий Боровиков стал примерным аналогом Хорста Веселя после смерти. Находятся даже такие, кто бьют себе его профиль в качестве татуировки. Те же «узники совести», кто сел давно, отсидел и вышел на свободу – оказались очень нужны в качестве признанных лидеров и авторитетов для нового Движения.

Во–вторых, и на тюрьме, и на воле Движение очень плотно встретилось с криминалом. Это нередкое явление – именно так дела обстоят, например, в Сербии, ну а в России многие лидеры «бригад» пошли к успеху во взрослом криминале. Презрение к человеческой жизни, нечеловеческая жестокость и умение годами выживать в условиях жесткого преследования привели к появлению формата правого криминалитета. Например, бригада А. во времена своего расцвета делала первые шаги в этом направлении – а вообще вектор имел гораздо больший потенциал, чем это кажется рядовым «диванным националистом».

А в–третьих, стало реальностью появление в тюрьме «белой масти» – правых заключенных, представляющих пока слабое подобие того же «Арийского братства» тюрем США, но крепнущих с каждым днем. Излишне говорить, что возможным это стало благодаря появлению мощного «общака», за пополнением которого внимательно следят ключевые люди, а кинуть туда денег может любой

националистически настроенный дурак – это не требует ни смелости, ни усилий.

Новая реальность стала полной неожиданностью для государства и общества. Как уже говорилось, из всех активных персонажей Движения демонизированные СМИ скинхеды, пожалуй, являлись наименее опасными.

У Урала в делах праворадикальных всегда была ярко выраженная специфика. С одной стороны, тут никогда не было и тени столь мощных структур, как в Москве и Питере, а с другой – очень во многом местные деятели опережали своих столичных коллег.

Речь о том, что если в столице «идейной» части правых предстояло до криминала дорасти, то на Урале очень многие люди и коллективы из аполитичного криминала, собственно говоря, и выросли. Богатейшие традиции Уралмаша и мрачных рабочих окраин воспитывали людей, которые понимали как правильно устроена жизнь буквально с молоком матери – а Движение лишало их каких-либо тормозов и прививало навыки выживания. В соответствии с известным диалектическим принципом, с чего начинался путь человека в движе после некоторого периода идеологического отрицания криминала возвращало его туда же, но на новом уровне понимания вопроса. Единственной уральской спецификой было то, что если в Москве правая тема вокруг «фирм» имела порой криминальный оттенок, то на Урале это скорее организованная преступность перенимала «правый» вектор мышления.

В результате всего этого идеология заметно упростилась, а идеологические рамки – расширились. Потерял политическую актуальность бытовой антисемитизм, ушли в прошлое повязки со свастиками, пропали в небытие бородатые проповедники премудрческих доктрин. Новое поколение выбрало лица скрытые капюшонами, одежду Thor Steinar, спортивную обувь и необходимый минимум идейных убеждений. Реальной основой идеологии стало четкое разделение общества на «своих» и «чужих», причем этот водораздел соблюдается обеими сторонами. Идеологический вакуум для некоторых заполнил пресловутый здоровый образ жизни, для кого-то – футбол и околофутбол, для многих – спорт. При этом сохранялось и сохраняется мышление в едином политическом русле – они такие разные, но все-таки они вместе.

Со стороны многим кажется, что массовый движ отошел в прошлое, и лишь тени былого величия из времен «Пресс-бара» можно наблюдать на улицах и концертах. Однако это не так – люди просто выросли. Правые спортзалы, концерты некоторых групп и спортивные турниры как бы вывели вопрос в тень, но одновременно с потерей в количестве произошло

заметное улучшение качества бойцов и структур. Сейчас любой правый турнир по рукопашному бою показывает качественно иной уровень людей – в 90-е и ранние «нулевые» даже средний уровень этих турниров показывали единицы.

Зарождается и связанный с этой темой бизнес – и клубы, и одежда, и спорт, и многое другое. Наблюдать за этим достаточно интересно: как изначально деструктивные банды стали ядром для вполне созидательных явлений.

Впереди, как показывают события последнего времени, эпоха очередных перемен – и мы не знаем, как слово наше отзовется и к чему приведет развитие идей правого направления. Кто-то думает про «уличную политику» и тысячи парней в респираторах и капюшонах, ориентированных на простую и доходчивую команду «фас»; кто-то – мыслит по поводу какой-то иной политической реальности.

Важно то, что точка зрения о какой-то идеологии, которой нацики или нацикам промывают мозги – оказалась мифом, а порой и откровенным враньем. Все гораздо сложнее, и те, кто толкают эти мысли с экранов и страниц печати видимо не понимают, что будет – если такая идеология действительно появится. Пока что даже существование некоторых базовых фундаментальных основ для всего Движа уже чревато большими проблемами для государства; ну а если вспомнить про борьбу с экстремизмом, то нетрудно догадаться, чем это может обернуться.

Пока что важно понять, что прах исторического фашизма и нацизма не более чем прах – а по Европе бродит призрак чего-то совершенно нового. Каким оно будет – станет ясно достаточно скоро. Или не станет – что тоже вполне вероятно, если белая европейская цивилизация загнется совсем.

Глава 25. Белые шнурки

Одним из вопросов, которые всегда сильно забавляли Виктора, был вопрос «Убивал ли ты людей», иногда звучащий как «Сколько ты убил?». Что отвечать на первый он так и не придумал, так как говорить «нет» не поворачивался язык, а «да» – звучало как-то еще более глупо. А ответа на второй вопрос Виктор не знал сам – кто же вспомнит, сколько их было. Запомнить всех девочек с кем он спал тоже не получалось, но было бы более реальным в силу очевидности результата.

А с убитыми... кто же знает, сколько их было. Десятки акций, вылазок, просто драк, случаев «решения вопроса» – и не всегда ясно, чем там кончалось. Сколько на улице выжили после того, как молодой Виктор с друзьями встречали их на своем пути – проходя серы-

ми тенями, и оставляя на снегу или грязном асфальте смешную темную изломанную фигурку с бурыми пятнами вокруг.... Самым честным ответом на второй вопрос для Виктора был ответ «не знаю».

Не помнил Виктор и то, как это произошло впервые. Вероятно, в какой-то из юношеских драк, когда весело били кого-то толпой и прыгали на голове. Зато хорошо запомнилось, как первый раз это случилось осознанно. Это произошло именно так, как поется в известной песенке «Кровостока» – «Убили цыганку. Так вышло...».

...Грязный двор пятиэтажки где-то в центре Екатеринбурга неподалеку от крупного университета. Сколько лет ему было? Восемнадцать, кажется. В памяти остались солнце, серый ноздреватый снег, забивающийся в кроссовки, и вороны – серые вороны на крышах и деревьях. Тогда он практически казался себе сверхчеловеком – не были ни смерти, ни страха тюрьмы, ни жалости. Зато было полное осознание того, как на самом деле устроен этот мир – где кусок железной трубы давал гораздо больше власти, чем табличка на кабинете.

Тихий двор, гаражи, пустырь – и срабатывает маячок «дичь!». Впереди – крайне мерзкого вида цыганка. Слои цветастого тряпья, дубленка, гнилые зубы с желтым блеском золотых коронок. Они увидели друг друга одновременно – и ошиблись в намерениях сторон. Цыганка решила, что молодой парень в спортивной куртке хочет купить героин. Участь ее была решена и до этого, но сказанное сильно добавило мотивации к действию. Во времена расцвета героиновой наркомании такая цыганка во дворе могла через какое-то время превратиться в тотальный пиздец, когда нельзя оставить во дворе машину а девочке выйти из дому в золотых сережках без риска встретиться с соискателями дозы. Поэтому решение Виктор принял мгновенно – рванув левой за отворот дубленки, впечатал правый локоть в гнилые зубы, взял клинч и привычно заработал коленями. Непривычно было лишь то, что он делал это один.

Бил ли ты, читатель, цыганок? У человека неподготовленного могут возникнуть совершенно неправильные иллюзии – мол, бить женщину не по-мужски, и, вроде как, и не сильно сложно. Это ересь и ебанина – на самом деле цыганки как нельзя лучше иллюстрируют принцип «враг не имеет пола и возраста». С раннего возраста самки цыгана знают все о пиздюлях, драться умеют, а некоторые и любят. Отбиваются они грамотно и шумно, при том царапаясь и кусаясь. Пострадать от такой можно достаточно сильно – особенно в части разодранной рожи, и хоть победа над цыганкой и не имеет доблести, но требуют правильной техники и тактики. Виктор знал что делал. Цыганка орала; но не могла разогнуться из клинча – а навстречу летели колени. Джинсы быстро пропитались кровью из разбитого ебала, но до результата было еще далеко. То, что толпой делается за считанные секунды, тут растянулось во времени – визг, рывки, удары в ритме дыхания, на выдохе. Исход решил рывок за голову вперед и не-

сколько ударов по затылку. Жертва упала на колени, и воодушевленный Виктор несколько раз прыгнул на голову сзади. На втором прыжке цыганка обмякла – совсем. Так вышло.

Тут к Виктору вернулось восприятие реальности – на картину смотрели окна учебного корпуса, был день, в двух шагах – тьма народу. Времени грабить труп не было, и Виктор рванул оттуда с большой скоростью, привычно скрыв лицо капюшоном. Короткий спринт через двор мимо гаражей, спокойно перейти улицу, еще два двора – и вот он уже в книжном магазине в трех кварталах оттуда. Темное пятно на черных штанах не сильно бросалось в глаза, и приведя дыхание в норму Виктор без проблем отправился в сторону дома – переодеваться.

По дороге он все время чувствовал, что его где-то наебали. Будучи интеллигентным и образованным юношей, он рассчитывал на какие-то переживания, или там просветление после содеянного. Но ничего подобного не произошло – в жизни ничего не изменилось. Вопрос, убить или не убить – оказался чисто техническим, а достоевские страдания – художественным враньем.

А вот ночевать пару дней Виктор решил подальше от тех мест, и правильно – в том дворе трое суток отиралась машина с мрачными усатыми мужчинами, которые явно испытывали горечь. Кого они там ждали было неясно, но поскольку «акция» отличалась спонтанностью, отсутствием подготовки и большой наглостью – у Виктора не было уверенности в том, что никто его не видел и не смог описать, а проверять не хотелось. Однако в очередной раз содеянное сошло ему с рук. Так паскудная цыганка превратилась в пару милых белых веревочек у него над монитором, которых спустя какое-то время образовалась целая связка. Шнурки, как водится, отметили – с соратниками, в известном читателю маргинальном кабачке на втором этаже гастронома на углу Ленина–Толмачова.

Как и все хорошие ремесленники, через некоторое время Виктор перестал радоваться просто очередному событию, но стал искать красоту и эстетику в убийстве. Удачный бросок, удар, колющий ножом – радовали в той мере, в какой они были совершенны. А больше всего Виктор радовался, когда по телевизору практически в каждой программе про скинхедов показывали нарезку из ролика «Формата 18», снятого у гук-общаг – с его личным участием. Так проходила земная слава.

М. своего первого натурально затоптал по пьяни. Никаких эмоций в его душе это не вызывало – у него вообще было с ними ту-

го. В системе ценностей М. чужая смерть вообще не была сколько-нибудь значимым событием – скорее сопутствующим обстоятельством, проходящему по тому же разряду что снег и дождь.

Спустя какое-то время отношение к этому вопросу у него изменилось: убийство разной дряни прочно вошло в его базовую систему ценностей как явление положительное и совершенно необходимое. «Такого-то убили!» – «Правильно! А хули еще с ним делать было?». Несогласным с данной жизненной позицией, как правило, полагались пиздюли. Одним из самых загадочных обстоятельств тех лет для меня всегда было то, каким образом с такой жизненной позицией М. не сел.

Наибольшую радость факт обретения заветных белых веревочек принес для легендарного бригадира А. С юности именно в Движении он видел главное направление для развития своей карьеры, и для самоопределения скинхеда белые шнурки имели достаточно важное значение. Откуда вообще взялась эта традиция – право на символ за убийство? Единой версии не существует, как и единого ритуала их получения. Кто-то полагал, что «шнурки» полагались за личное выступление, кто-то – за личное участие в составе группы, даже в формате пары пинков по упавшему телу. Вопросы были и по критериям жертвы – кто годился для их получения. Путаницы добавляло то, что большая часть «шнурков» добывалась с неясным результатом – когда выжила жертва или нет сказать было нельзя. Все это привело к тому, что тот же А. полагал главным критерием – результат, а именно – смерть. Именно такой подход прижился как наиболее рациональный.

Многие думали о том, что же убийство врага расы и нации означает хорошего – если технический эффект от той же отправки на инвалидность бывает и лучше, в том числе террористический. На самом деле, шнурки были нужны в первую очередь самим участникам наших историй – и как символ перехода некоего рубежа, вроде инициации; и как неременное условие новой логики и новой системы ценностей. От образа мышления нормальных людей эту логику отличало то, что ответ на каноничный вопрос «резать мне или простить ту или иную гниду» лежал не в моральной плоскости, а в плоскости чисто технической. Убийство как способ решения проблем становилось делом техники – не всегда приятным и веселым, но совершенно допустимым и иногда желательным. В те годы никто не понимал, куда это ведет – а между тем со временем личности наших героев приобретали совершенно определенные черты, где неясно – в каком месте пролегает граница между патологией и нормой?

С момента той встречи с цыганкой прошло несколько лет. Виктор за это время прожил, пожалуй, три жизни – нормальную, с рождения и до

шестнадцати лет; ту, которая была в Движении, и начал новую – странное существование полукоммерсанта–полубандита. У него все получалось – деньги приходили словно сами собой, девочки давали а жизнь радовала новыми красками. События тех лет, когда все это было – акции, нападения, отходы, пьянки и Дендрарий – словно потеряли яркость, как выцветшая акварель. Где–то встречались старые знакомые, иной раз щемило сердце у знакомой подворотни... и Виктор бы мог в какой–то момент сказать, что все правда осталось в прошлом.

Когда случилась странная история...

Той осенью с Виктором случилось удивительное дело: он влюбился. Дело это было не новым, но и не слишком часто встречающимся в его жизни. По сложившемуся обыкновению влюбленным частенько полагается страдать от этого – но в жизни Виктора все было иначе. От его любви стабильно страдали окружающие, причем, иногда, достаточно сильно.

...Как же это было? Зеленоглазая девочка, натуральная блондинка. Валькирия – именно такими их видели Васильев, и, наверное – Вагнер, только более стройная. Блондинки приносят удачу... и Виктор во всей полноте прочувствовал это на себе. Конечно, она была занята. Разумеется – ее отношения с предполагаемым будущим мужем были хорошими, стабильными и красивыми, а кандидат в мужья – состоятельным и позитивным.

И, как водится – Виктору повезло. Пьянящая ночная трасса, дорогие кабаки, люксы и загородные гостиницы, все почти как всегда. От любви забирало обоих, и забирало сильно. Но – все равно оставался тот, другой. Обычно Виктору было наплевать на чувства и на предполагаемых соперников – наоборот, нет занятия приятнее, чем спать с чужой женщиной, когда от этого срет кирпичами ее мужик. Но тут все было иначе, и где–то это радовало, но во многом и пугало.

Когда Виктор представлял себе свою Валькирию с кандидатом в мужья, его натурально трясло от злости. Безразличие, цинизм и крайнее презрение к окружающим куда–то делись, а в душе остались совершенно позабытые чувства: ревность, перемешанная с черной злобой; и ощущение зовущей куда–то пустоты.

С этой пустотой нельзя просто сидеть дома, и алкоголь от нее не помогает. Это когда тянет на улицу, где манит темнота и спальные районы, где притаилась дичь. Там – адреналин, яркие краски, и ощущение целостности самого себя. Там решает то, кто четче и резче, а также удача, скорость и злость. Нет никакой связи между случайной дичью и твоими проблемами... но от чего–то после акции становится хорошо и спокойно.

От всех своих амурных переживаний помолодел Виктор по ощущениям лет на пять. Давно, очень давно он не испытывал ничего подобного...

Все, как тогда – только с поправкой на современность. Новомодные «эирмаксы», неброские брюки, худи с капюшоном, сверху бомбер. На руки

– тонкие перчатки. Только в зеркале – не подросток, а довольно здоровый молодой мужик спортивного телосложения с тяжелым взглядом.

Стояла одна из последних относительно теплых осенних ночей. Виктор сделал несколько шагов – и глубоко вздохнул, словно втягивая аромат свободы. Когда-то привычное, а теперь забытое состояние, одновременно пьянило и окрыляло.

....Мысли не приходили в порядок. Ноги несли Виктора по привычному маршруту: Дендрарий, тот самый мостик у гук-общаг, потом дальше – в сторону набережной, и вдоль реки. Тело помнило больше чем память – он шел рваным зигзагом, привычно проходя вдоль забора, под оградой, по неприметной тропинке... В голове Виктора переплетались видения белокурой девочки и мужика в койке с совершенно другими картинками.

«Убей» – шептала листва. «У-бей» – поскрипывала тропинка у гук-общаги.

А и правда... так просто и так удобно. Идиот жил в самом что ни на есть охотничьем уголке – где Виктору доводилось бывать неоднократно; практически в сердце одного из городских гетто. Все очевидно: бетонный забор, вдоль него дорожка, за ним тропинка, позади помойка, а впереди парковка. Вот еще живой покойник паркует машину, и как обычно идет в сторону дома. Навстречу прохожий в капюшоне... ну и пусть себе идет. Если и был повод напрячься, то человек все равно прошел мимо... и ударил сзади, ножом – рванув на себя, в область почек два раза, и в шею сбоку. Два шага и три удара – единственное, что нужно сделать для решения проблемы. Со своим опытом Виктор был уверен в почти полном отсутствии палева – влипнуть можно было только случайно. «Дорога жизни» от той парковки была разведана еще приснопамятным А. и его бригадой.

«У-БЕЙ! У-БЕЙ» – пульсирует в голове в ритме «скерцо Кольца», слышного из плеера. Обрывки мыслей о том, что может не надо, может не стоит – попросту не слышно, как и многих рациональных доводов.

Тогда-то и пришло понимание. Убить несложно, ибо дурное дело нехитрое. Сложно – этого не делать, когда это так просто. Это для нормальных людей есть много сложностей – когда рядом всегда есть очень короткий и простой путь. Просто взять и зарезать нахуй – причем не от отчаяния, представляя шконку в бараке, а совершенно спокойно и без палева. Опыт так и говорит – а что будет? А ничего не будет. Какая разница между азербайджанским торговцем, гуком из общаги, соперником за девочку, или источником неприятностей в бизнесе? Все они сделаны из мяса и костей, да и город жрет всех одинаково – каждый день травмпункты и морги пополняются новыми телами. Глупая бытовуха, пьяные драки, просто идиотские убийства – в этом вале очень часто бесследно теряются выступления таких, как Виктор.

Жизненный опыт намекал, что делать так не надо – короткий путь не означал решение проблемы. Даже если бы девочка не уловила взаимосвязь

между событиями, дальнейший расклад был бы под большим вопросом. Но голос разума это одно, а тогда... Ночь, листья деревьев, огни города – ноги сами несли Виктора по местам боевой славы. Где-то по дороге встрял в два случайных конфликта, результатом которых стало сильно разбитое лицо какого-то дурака с гитарой из шумной компании и отжатая у той же компании бутылка трофейного виски. Сорокоградусная жидкость добавила огня, и привела нашего героя в состояние, которое однажды было поименовано «алкогольным охуизмом». Пострадал от Виктора и неведомый чурбан на средней свежести пятерке БМВ, коей Виктор доставил бутылку в лобовое стекло, оторвал зеркало, достал нож и стал ждать хозяина, который предпочел из машины не выходить и как есть уехать нахуй.

...Приближался тот самый подземный переход, в котором когда-то был добыт приезжий при помощи метлы, коей кололи в ебало. И вот тут Виктору реально стало страшно – на том же месте толпа забивала человека, и мелькала какая-то длинная палка. Он смотрел со стороны на события своего прошлого – и натурально видел там и себя, и тени друзей, и своих жертв. Совершенно отчетливо и явно. Виктор зажмурился, посмотрел снова – ночные гости никуда не делись. Он наблюдал со стороны за тем, что однажды уже произошло, несколько лет назад.

От такой картины Виктор охуел так, что совершенно протрезвел. Прогулялся по другим заповедным местам – где к большой своей тоске повстречал все тех же персонажей. У общаг бегали и погибали гуки, трое гукков с большим поленом весело гнали кого-то вверх по улице Карла Маркса, где ехала то ли нормальная, то ли такая же машина ППСМ. А грустный Виктор во плоти втыкал на это безобразие и думал о добрых докторам и вкусных таблеточках.

Закончил тот вечер Виктор в баре – где очень мрачно нажрался, добывая пять лонг-айлендов кальяном. Алкоголь плохо его забирал, от чего изрядно натерпелись поздние посетители бара, а также бармен, вынужденный исполнять заряд про суперклуб и чемпиона олимпийских игр. Охрана с ним связываться как-то постеснялась.

Когда Виктор проспался, все встало на свои места – и больше такая хуйня на местах боевой славы ему не мерещилась. Однако он надолго запомнил тот вечер, когда он очно и очень красочно повстречал сумеречное создание, в сериале «Декстер» удачно поименованное Темным Попутчиком. До устойчивого психоза с раздвоением сознания Виктор, вероятно, не дорос, но оно было совсем рядом.

....Виктор допил коньяк, и затянулся сигарой. Рассказ вышел сбивчивый, и немного смущенный – но иллюстрация к разговору про убийства

и изменения в психике вышла отличная. Я не то чтобы удивился услышанному – скорее искал какие-то отклики в собственной душе.

– Ты этого дебила-то зарезал в итоге?

– Неа. Не стал – да оно и само вроде как-то успокоилось. Все хорошо с той девочкой сложилось...

В полумраке бара как-то совсем нехорошо загорелись глаза моего собеседника, когда я вспомнил того неудавшегося соперника, и сильно за него порадовался. Вот живет совершенно обычный и наверняка неплохой парень – и не знает, как смерть буквально просвистела рядом. Причем смерть глупая и совершенно бессмысленная. Даже на белые шнурки бы не сгодился.

– Гыыы... да уж. Повезло ему.

– Спорный вопрос, ему или мне. Ты же знаешь – я очень плохо умею проигрывать. Тут я выиграл, и именно потому, что повезло.

– Значит обоим. Один терпила, но живой, а второй хоть с крышей съехавшей, но пришел к успеху.

– Да какое там крыша съехала. Просто понял, что ничего мы с тобой, братан, не забываем. И похуй сколько лет проходит – все равно вылезет, только волю этому дай. А с дураком тем смешно вышло – мне пару месяцев каждую ночь снилось, как я его режу. С мелкими деталями и подробностями.

– Ну подобное и у меня было. Тоже был один – очень подробно снилось, как мы с ним на реальных ножах деремся. Причем с судьями, и большим количеством зрителей. Во сне же думал, как ролик на Ютуб выложу а потом в блоге опишу.

– Гыгыгыгы... блядь!!!!

Виктор закашлялся от смеха. В баре былолюдно, но вокруг нас была явно очерчена зона комфорта – почему-то рядом посетители находиться избегали. Рассказ этот я запомнил, и изложил как он есть – до сих пор не понимаю, как к подобному относиться. Читатель-скептик может сказать «пить надо меньше», или вспомнить санитаров. Однако я не раз и не два встречал людей с чем-то подобным в глазах.

Причем что самое забавное – в этом практически невозможно наврать, или как-то сыграть это. Моментально видно – есть это начало в собеседнике или нет. До сих пор понятия не имею, последствия ли это насилия, войны и убийств, отклонения в психике – или просто истинный облик человека? Очень часто, встречаясь с проявлениями жестокости и предельного цинизма, я склоняюсь к тому, что это и есть суть многих – просто до поры скрытая внешней оболочкой цивилизованности. Если этого нет совсем – то истинной сутью человека является печальное бытие терпилы. Сказать по правде, не очень охота разбираться в этом и глубоко в это лезть. Кто знает почему – может быть от того, что неохота лично знако-

мится с собственным Темным Попутчиком, коль скоро он найдется – как это вышло у Виктора.

Любопытно, о чем думал тот, кто первым предложил белые шнурки как видимый признак известного достижения. Только ли о моде и щенячьем пафосе «а я убил?». По крайней мере, белые шнурки – единственный известный мне пример того, как в современной субкультуре предметом статуса становилось именно убийство.

Глава 26. Про арбузы и Копилку

Среди прочих историй в памяти сохранились две, каждая из которых не достойна сюжета отдельной главы, но по-своему забавна.

Едва ли не у каждого, кто имел отношение к правой теме, есть своя собственная история про арбузы и торговлю фруктами, что даже нашло отражение в народном творчестве на мотив «На поле танки грохотали»:

И на арбузную палааатку
Скины идут большой толпой!
И вот уж ааазер
Черножоопый
Лежит с пробитой головой,
И вот уж ааазер!
Черножоопый!
Лежит с пробитой головой!

Была своя история про арбузы и у Виктора. Когда происходили описываемые события, героям – Виктору и С., было по девятнадцать и восемнадцать лет соответственно, то есть по времени это было лето после событий из главы «Старое–доброе ультранасилие».

...Стояло жаркое лето, и Виктор с С. пили чай в квартире у С., где тот проживал с родителями. День постепенно переходил вечер, неспешно текли беседы, и вот в квартиру с работы вернулась матушка С. Она очень хорошо относилась к Виктору, считая его из всего круга общения своего сына наиболее приличным молодым человеком. Альпинистом или скалолазом, коих она недолюбливала за опасное хобби сына, он не был, а как скинхеда и бандита она его не идентифицировала. Спасали культурная речь и обходительные манеры Виктора, который длительное время рос очень интеллигентным и милым юношей и умел нравиться дамам.

Так к друзьям во время чаепития присоединилась и мама С., которая притащила с собой гигантский арбуз. При виде арбуза глаза С., как раз об-суждавшего до того финансовую мель, загорелись:

– Мам, а откуда арбуз–то? Ты как его вообще дотащила?

– Так у нас почти под окном сегодня сетку поставили и торгуют. Тут рядом!

...При этих словах глаза у обоих друзей загорелись дьявольским пламенем. С одной стороны, наличие арбузной палатки совершенно точно нарушало гармонию инь и янь в отдельно взятом месте проживания С. – на ВИЗе, ну а во–вторых, давало повод размяться и поглумиться. Какое–то время Виктор и С. чинно общались с матушкой, за это время скушали арбуз, и отправились погулять.

– Ооох нихуя себе! – С. присвистнул.

Был совершенно чудесный летний вечер: на улице было чрезвычайно людно: мамы с колясками, девочки в легких платьях, стайки детворы, бабушки на лавочках. А на газоне возвышалась ОНА – железная сетка с арбузами высотой в человеческий рост, рядом с коей находились ржавая волга с хозяином точки и юркий продавец–среднеазиат. Броуновское движение вокруг точки происходило непрерывно, торговля шла бойко.

– Ну чо – погнали! – С. с его взрывным характером мгновенно перекинулся. В такие моменты его несло, до полной потери контроля. В будущем, после срочной службы в разведке ВДВ, это приведет его к полной отморозенности без тормозов и берегов, но тогда это был всего лишь тощий, хоть и крепкий пацан с дурными и веселыми глазами. Виктор умел его сдерживать какое–то время, но и то не всегда. С. дернул из «вековско-го» туристического рюкзака короткую железную трубу с петлей на запястье, и скользнул как бы сбоку от арбузной точки к машине ее хозяина.

– Эй! Урюк, еба! Хозяин где твой? – С. развязно ткнул мелкого азиата трубой в пузо. В ответ из недр Волги показался огромный и жирный, но бедно одетый азер – и почти даже выплыл наружу, когда обрезок трубы пробил ему лицевую кость. Азер грустно хрустнул и осадил назад, прям как в той песне. Тем временем Виктор догнал мелкого продавца, попробовавшего пуститься в бега, и подсечкой бросил его на газон, удерживая при помощи колена упертого в грудь, и ножа перед ебалом. Вскоре с ним вступил в коммуникацию все тот же С. при помощи доброго слова и железной трубы:

– Урюк ебанный!!!

– Ненадаааааааа!!!

– Ключи от клетки бля!

– Уыыыыыыы!

Хрусть! Шмяк!

– Ненаадаааа...

– То–то же. Пшел нахуй к машине! Быстро и затих!

Бывший продавец арбузной точки не стал спорить, и, поскуливая, поспешил занять место в «Волге». Телефона у него не было, и он принял свою судьбу с достоинством и терпением, положенными терпеле.

От дальнейшей картины, а точнее от ее наглости, Виктор совершенно обалдел. С. по-хозяйски двинул к арбузной точке, сорвал ценник и завопил на всю глотку:

– Распродажа! Распродажа! Все арбузы по тридцать рублей! Два купил – третий в подарок!

– Ты омудел??? Сюда щас мусора приедут!

– Да поебать – по этим дворам хер меня догонишь. А денег у жирного нету нихуя, я проверил. Распродажа! Распродажа!!!

...Очень долго потом Виктор глумился и издевался над С., утверждая, что в нем пропал гений прямых продаж. Бизнес пошел в гору: за арбузами по тридцать рублей выстроилась очередь. Брели по два и по три, уносили пешком и тащили в багажники. Веселый коротко стриженный продавец в тельняшке и кедах не стеснялся хохмить и шутить с покупателями:

– С нитратами поди? Чего так дешево?

– Не с нитратами, а пиздюлями! Пошел нахуй мудака старый! Кому арбузик?

– Вы где их взяли–то?

– Вырастил, ебать. Не видно, что ли?

– Да мне–то чо, братан? Дай пару штук.

– От души!

Виктор занимался в основном тем, что палил по сторонам – не едут ли мусора либо хозяева арбузов. За пару часов пайщики–концессионеры благополучно впулили всю сетку – хорошо за двести штук. Последние пару штук друзья забрали себе.

...Когда на точку все–таки приехал экипаж ППСМ, друзья взирали на них с высоты крыши четырнадцатизэтажного дома. С. с его КМС по скалолазанию давно исследовал и облазил все высокие точки района, ибо обожал высоту. На парапете стояла бутылка «Блэк Лейбл», на газетке располагалась закуска в виде нарезок, оливок и домашнего салатика, который С. притащил из дома. Там же был и початый арбуз. Рядом лежала на пледе худенькая девушка Оля с первым размером груди и выгоревшими на солнце волосами, которая очень любила С., ходила с ним в походы, и после виски друзья намеревались романтично выебать ее вдвоем – под звездным небом. За развлекательную программу отвечали забавно бегающие вокруг пустой клетки сотрудники милиции, приехавшая туда же «Скорая» и причитающие бабки, которые сползли посмотреть, что же случи-

лось, несмотря на темное время суток. Милиция вскоре уехала – ну не работать же теплой летней ночью.

Было очень хорошо. Звездное небо начиналось прямо над крышей, наконец–то стало прохладно. В голове чуть шумело от виски, и память словно старалась запечатлеть тот вечер – звуки, запахи, ощущения. Так и вышло – спустя годы картинка не потеряла яркость, когда Виктор с улыбкой вспоминал, как за поляну с вискарем поднималось с ровного места разбойное нападение.

Все остальное время, которое Виктор не отдавал удовлетворению своих склонностей к насилию, он вел достаточно обычную жизнь. Впрочем, и она носила явный отпечаток развития личности. Как–то так вышло, что его совершенно не привлекала какая–либо работа или иная созидательная деятельность. С ранних лет он усвоил, что деньги он любил не зарабатывать на работе, а с кого–то получать. Самый первый его заработок на нелегальной автостоянке моментально превратился в движуху, когда вместо него по ночам стоянку караулили малолетки, которые ему платили. Со временем к любым своим работодателям отношение у него сложилось как к терпилам: так обе его попытки нормально пойти на работу закончились для работодателей грустно. У первого в итоге отжали фирму, а второму долго продавали украденное неизвестными у него же торговое оборудование. В Движении Виктор также быстро оброс большим количеством всевозможных знакомых, которые ему за что–то платили.

Несмотря на это свойство своей личности, Виктор считал совершенно необходимым хорошее образование, и поэтому учился в достаточно мажорном и крутом ВУЗе экономической специализации в окружении «золотой молодежи». На месте учебы Виктор старался не палиться, ни с кем не общался, друзей не заводил, и даже девочек не ебал. Репутацию он имел тихого и скромного парня – по крайней мере, среди большинства. До меньшинства доходили всякие не очень хорошие слухи.

Среди однокурсников Виктора выделялась компания совсем отвратительных мажоров. Было их около десятка, почти все из области, живущие на съемных квартирах вдали от родителей. В понятной для Виктора системе ценностей они походили на хуйское подобие бригады, только совершенно бессмысленной, поскольку ничего толкового не делали, а совместно только «зависали» в клубе «Снег», где кушали вкусные наркотики. Компания дорого одевалась и пользовалась даже некоторым авторитетом в кругу себе подобных, поскольку ее участники вели себя дерзко, а с пиздюлями знакомы не были. Тем не менее, их базары изобиловали терками, стрелками, разборками и драками, большая часть из которых существовала в воображении рассказчика, а остальное заканчивалось разбитыми носами.

Из их числа выделялся тощий тип по имени Леня, одетый в «Армани», но с мерзким прыщавым ебалом. Отличался он наглостью и назойливостью, вечно забывая эфир и приставая к людям. Обычно Виктор не удостоивал его вниманием, но однажды Леня попал на очень дурное настроение Виктора и ему надерзил. В ответ Виктор барственно послал его нахуй, а Леня с безопасной дистанции разразился тирадой, последствия которой в корне изменили его жизнь. Несколько минут он разглагольствовал на тему того, что Виктор никто, ибо живет как лошара, а у него, Лени, жизнь патриция и аристократа – поскольку папа еженедельно дает ему очень много денег, которые у него всегда с собой. В подтверждение своих слов Леня продемонстрировал лопатник, в котором зеленел пресс тысячных купюр. При виде лопатника глаза Виктора загорелись дьявольским огнем, а на тонких губах заиграла многообещающая улыбка. Руки сами потянулись к мобильнику. Тем временем Леня много и красиво говорил про свой авторитет и высокий общественный статус.

Через день Леня с товарищами шел домой от университета. Когда он отделился от толпы, и пошел в сторону дома, его окликнул крепкий коротко стриженный парень в черном двубортном пальто, в котором можно было узнать старого скиновского бригадира Г.

– Эй ты бля! Леня!

– Ыыыы... – Леня как-то потерял дар речи от вида крупного Г. со сбитыми костяшками.

– Хули «ыыы»? Бабло гони!

– Нннету...

Хрясь! Шмяк! От могучего бокового по печени Леня осел на асфальт и схватился за бок, хватая ртом воздух. Спустя несколько секунд содержимое кошелька Лени переключало в карман черного двубортного пальто.

Тем же вечером, когда Г. и Виктор сидели в приличном кабаке и кушали баранину, Леня был торжественно наречен своим истинным именем, и в нашей истории он будет дальше именоваться именно так – Копилкой.

Так у Копилки началась новая жизнь. Где бы он ни появлялся, к нему подходили какие-то люди и отбирали деньги и ценные вещи. Очень скоро Копилка совершенно перестал сопротивляться, а прыщавое ебало в такие минуты принимало очень грустный и тоскливый вид. В такие минуты с Копилки можно было писать картину «Апофеоз терпилы»: кривящиеся губы, выражение страха, ужаса, тоски и смирения со своей участью.

Некоторое время Копилка пытался бороться с кармой. Первым шагом стало заведение карточки с целью не носить с собой наличные. После прогулки до банкомата с тремя милыми молодыми

людьми из бригады «Зибеншток» эта идея ему разонравилась, поскольку с карточки пришлось снять и отдать все, что там было, а было там немало. Вторым шагом стала попытка сменить место жительства, что успеха не имело, поскольку во–первых, место учебы осталось прежним, а во–вторых, новая квартира рядом с парком была еще лучше прежней. Не носить деньги совсем у Копилки не получалось, поскольку без них не было возможность поддерживать свой высокий социальный статус и авторитет среди прочих лохов.

Полюбили Копилку и в Верх–Исетском РУВД, куда он частенько писал смешные заявления про грабеж, и где заработал у оперов почетное погоняло «Лох с прыщами».

Очень скоро Виктор к Копилке привык, и поступающие в свой карман доходы в виде комиссионных с его выхлapyвания стал считать своей еженедельной стипендией за хорошую учебу и примерное поведение. За своего лоха Виктор брал тридцать процентов комиссионных, и относился к нему очень бережно. Копилку не доверяли кому попало, никогда не били сильно и не грабили чаще раза в неделю. Чтобы не примелькаться одним и тем же рожам, состав обновлялся. Самое замечательное заключалось в том, что деньги у Копилки не заканчивались – папа давал все новые! Копилкины денежки прочно вошли в финансовые планы Виктора – когда у него заканчивались деньги из других источников, он заранее планировал момент, когда ему поможет замечательный одноклассник.

Так продолжалась драматическая стадия терпимости – до того момента, пока в развитии личности Копилки не наступила кульминация. На новый год ему был подарен топовый смартфон Нoкия, по тем временам стоивший чуть больше тысячи долларов, и продававшийся в единственном месте в Ебурге. Молодое поколение читателей не застало те годы, когда мобильник был куда более статусной вещью, чем сейчас «айфон» – а уж смартфон за такие деньги был запредельной крутизной в мире, где еще не зажрались всяческими гаджетами. Копилка сиял от счастья, щелкая на лекциях тихо шелестящей выдвижной клавиатурой. Смартфон был прекрасен.

...Короче говоря, через три дня все тот же бригадир Г. по–пьяни Копилкин смартфон подарил – Виктору. Тот немного подумал, кому бы его впулить, а потом подумал еще и оставил его себе. Игрушка оказалась не только забавной и статусной, но и довольно полезной: во времена монохромных 3310 Виктор совершенно спокойно читал со смарта книги и с него же списывал, когда еще мало кто понимал как в телефон можно загрузить учебник.

Два дня Копилка страдал молча, глядя на знакомый предмет. Потом попросил посмотреть. Потом – стал выяснять, откуда у Виктора взялся смартфон. Тот совершенно спокойно пояснил, что купил его в комиссионном магазине. Это было чистой правдой, так как комиссионка с телефонами как раз принадлежала все тому же Г. и была совершенно культовой

точкой по реализации краденого. Затем Копилка стал виться вокруг Виктора с просьбой выкупить телефон – причем сумма выкупа росла с каждым днем, и почти дошла до цены нового изделия в магазине. Виктор даже хотел продать его на пару дней Копилке, но не успел – так как папа Копилки подарил любимому сыну новый.

...Когда в Дендрарии был пропит и новый смартфон Копилки, драматическая стадия терпилы у него закончилась, и наступила новая – героическая. Она ознаменовалась тем, что он разлюбил телефоны и дорогие вещи, и стал испытывать тягу к различным средствам самообороны. В его разговорах в университете большую часть занимали рассказы о гопниках – которые на него нападали, и над которыми он каждый раз одерживал решительную победу. В отличие от большинства таких рассказов, Копилкины байки были не лишены достоверности – механизм лишения ценностей на улице он действительно знал отлично. Если ранее эпизодически получаемых пиздюлей он стеснялся, то сейчас носил их следы с гордостью, в чем почти уподобился антифашистам. В этот же период Копилка посещал некую секцию самообороны. Тут бы написать для красного словца что ходил он куда-нибудь к последователям Кадочникова, однако это мне неизвестно – и с равной долей вероятности Копилка мог как попасть к бакланам от единоборств, так и позорить спортивную секцию. Ничего хорошего наркоману-тусовщику в спорте не светило все равно.

Больше всего лулзов из этих историй извлекал Виктор, который с юности очень любил издеваться над людьми. Копилка оказался заложником своего «статуса» и авторитета среди мажоров. Признать публично то, что с ним происходило постоянно, было совершенно невозможно. Это стало постыдной тайной Копилки, как у детей помладше частенько скрывается от сверстников склонность ссать в постель по ночам. Не говорил он, вероятно, ничего и папе – чтобы не увеличивать список претензий к сыну-наркоману и распиздю, который вдобавок еще и Лох – с большой буквы «Л».

Героическая стадия терпилы у Копилки продлилась недолго – отдавать кроме ценностей еще и средства самообороны было не очень весело. Закончилась она тогда, когда он имел неосторожность показать при самообороне нож – за что был бит уже совершенно повзрослому и попал в больницу. За это Виктор строго отчитал молодежный состав, отработавший как обычно, ибо они испортили терпилу надолго и заплатили за это штраф.

Так прошли полтора года, после чего Копилка Виктору надоел. Были попытки аналогично использовать его друзей, но они были не столь талантливы и успешны финансово. Затем случилось так, что Виктору стал не интересен порядок сумм, которые можно было по-

лучать – где-то до трехсот долларов в месяц, и Копилку он благополучно продал знакомым бандитам. Новые друзья этого героя очень скоро совсем его запутали: им деньги он нес сам, за некую мифическую «крышу» наркотических дел в «Снеге». Выглядело это следующим образом: раз в неделю гордый Копилка сам отыскивал машину с каким-то мрачным кадром, и отдавал ему деньги за то, что их там «не трогают». Больше всего доставляло то, то Копилка от этого расклада стал вести себя еще более нагло – мол, он теперь не просто так, а работает с серьезными людьми.

Итоговая участь Копилки стала очень печальна. В один прекрасный момент денег ему стало не хватать, и он с присущим ему талантом занялся сбытом веществ. Привело это его именно туда куда следует – на зону по статье 228, и очень надолго. Богатый папа Копилки проявил себя точно так же как и сыночек, и это дело мы с адвокатом, который там работал, вспоминаем с огромной радостью. Мои там были опять же щедрые коммиссионные, так как не занимаюсь такими делами, а вот адвокат купил по итогам BMW X5. Копилкин папа надолго запомнился всем как клиент-мечта. Так окончилась трагическая стадия терпилы.

Говорят, что как раз в студенческие годы закладывается некий стереотип того, каким человек видит себя в будущем. Так вышло и у Виктора: именно тогда он понял, что ходить по утрам на работу ему совершенно не положено.

Со временем Виктор научился находить особую радость в том, как он с котлетой денег в кармане ложится спать примерно в то время, когда офисные жители мучительно ползут на работу, и спит сколько влезет.

Едва проходит утренняя темнота, и скоро будет новый день – который принесет то же что и старый. Абсолютную свободу и чувство азарта. Иногда Виктор думал о том, что хорошо, что не все – такие как он. В противном случае жить было бы не с кого, а это никуда не годится.

Глава 27. Лекарство от любви

В каждой книге должно обязательно найтись место самому возвышенному из человеческих чувств – любви, как и присутствовать некая любовная интрига. Не обойтись без этого и среди наших историй, несмотря на то что тема любви явно теряется среди водоворота насилия и всевозможной преступности, о которой столько было сказано в прошлых главах. Однако ничто человеческое не чуждо героям – эта же история о том, что происходило с теми, кто будучи нормальными людьми сталкивался с представителями этой среды, пытался понять их логику и начать делать как они.

...С того времени, к которому относятся события большинства глав, прошло несколько лет. Для всех героев это время прошло очень по-разному. Кто-то успел сесть и выйти, кто-то – сходить в армию, иные обзавестись семьей, а в ком-то лишь усилились те черты характера, которые в юности приводили к гук-общагам, а спустя много лет открывали новые горизонты.

Все это совершенно не относилось к нашему новому герою Саше – его личностный рост происходил совершенно в стороне от преступных и праворадикальных дел. Саша хорошо учился в школе, окончил Театральный институт, и даже работал по специальности – арт-директором в крупном агентстве. Творческая профессия, опрятный внешний вид и хорошая «фактура» несостоявшегося актера в купе со спортивной фигурой делали Сашу очень успешным в любовных делах. Вокруг него всегда вилось множество различных девиц, и именно поэтому к своим тридцати Саша так и не женился. Однако, все случается впервые, и вот однажды Саша влюбился. Очень сильно, окончательно и безнадежно. Дни и ночи Саша думал о Ней – Той Самой, в сравнении с которой меркли все остальные женщины. Он сочинял ей стихи в асечку, донимал в скайпе, а порой даже удостоивался чести покормить возлюбленную в кабаке либо куда-нибудь ее сводить, и получить в награду целомудренный поцелуй. От эндорфинов и весны в душе, Саша очень быстро потерял остатки мозгов, и тому немало способствовало воздержание. Давать возлюбленной ему совершенно не собиралась, а сам Саша не мог даже в мыслях изменить своей великой любви. Сидя перед монитором долгими унылыми вечерами и занимаясь онанизмом, Саша выстраивал планы того, как он завоюет сердце красавицы, которую звали Кристина. Кристина была эффектной девочкой: от модельной внешности ее отличали лишь достаточно выраженные формы, которые она всячески подчеркивала дорогими тряпками. С Кристиной было достаточно зайти в любое присутственное, для того чтобы гарантированно привлечь внимание всех находящихся там мужиков. Пользоваться своей красотой она любила и умела – как и очень грамотно вертеть сонмищем влюбленных поклонников.

Проблемы перед их любовью стояли две – во-первых, Кристина была замужем, но это ладно, ибо жизнь у мужа Кристины была хуже, чем у антифашистов. А во-вторых, с Сашей Кристина культурно отдыхала, а вот ебаться предпочитала с совершенно отвратительным типом. Гораздо чаще чем Саша и все остальные, рядом с ней находился мрачный парень спортивного телосложения с крайне глумливым ебалом, на котором словно навсегда застыло глубочайшее презрение к окружающим людям. Ездил он на тонированной

черной «Субару» с оторванным вместе с номером задним бампером, постоянно покрытой толстым слоем грязи. Звали его Виктор.

Саша поставил задачу во что бы то ни стало извести соперника, но для начала следовало собрать о нем побольше информации. С этим сразу же возникли сложности. Сначала Саша пробовал ездить за ним на машине с целью разведать типичные маршруты – и выходило это очень плохо, как из-за разницы в технических характеристиках его «Рено» и «Субару», так и из-за манеры езды Виктора, который по городу не ездил, а низко летал. Определиться с конечными точками маршрута Саше удалось только лишь из-за их постоянства – Виктор неизменно забирал Кристину из дома или от кабака, и ехал в направлении двух любимых загородных гостиниц. Как-то раз влюбленный Саша до утра простоял под окном кемпинга, мечтая о Кристине, пока его оттуда не погнало охранник.

Второй проблемой стало то, что режим дня Виктора представлял для его соперника грандиозное затруднение: на работу Виктор не ходил никогда, спать ложился под утро, и когда нормальные люди работали, отсыпался – подобно вампирам, спящим в гробу. Денег при этом он тратил существенно больше, чем Саша в принципе зарабатывал. Так шли дни и недели – Саша страдал, Кристина изредка пользовалась им как кошельком и транспортным средством, а ебалась при этом с Виктором.

Саша все перепробовал чтобы изменить сложившийся порядок вещей, но ничего не помогало. Все разговоры об их великой любви Кристина слушала очень внимательно... и снова отправлялась в койку к Виктору, который по мнению Саши относился к ней как к самой обыкновенной бляди. Никаких знаков внимания кроме поездок в номера положено ей не было, зато как-то раз Кристина с гордостью продемонстрировала след от ремня на бедре – «за плохое поведение». Однажды Кристина обмолвилась о Викторе – мол, с ним всегда страшно и опасно, и томно вздохнула.

Сначала Саша огорчился от такой оценки, ибо прозревал несоответствие своих чувств и того что нравилось Кристин. Но потом решил еще раз подумать над этим, и продолжил наводить справки о сопернике, на сей раз через знакомых мусоров и просто в разных сферах. По линии полиции ничего интересного добыть не удалось, а вот просто... Никто не говорил конкретики – но слухи вокруг Виктора ходили крайне мерзкие и порой страшные. Голос разума посоветовал бы Саше плюнуть на девку и поискать новую, благо было у него их много, но думал в тот момент Саша не головой, а головкой. Так, совершенно непостижимым образом, в душе мирного обывателя Саши к тридцати годам стали зреть самые настоящие гроздья гнева, который требовал выхода. В какой-то момент в нем даже пробудилось жалкое и слабое, но все же подобие «темного попутчика» сродни тому, с которым шел по жизни Виктор. Саша решил, что для того чтобы завоевать сердце Кристины, победить соперника положено было «на его поле».

В достаточно известном на Уралмаше кабаке даже поздней ночью было людно. Вился табачный дымок между бильярдных столов, кто-то пил водку, кто-то пел караоке в соседнем зале. Чуть в стороне за столом сидели несколько мрачных молодых людей в неброской, но дорогой одежде. На столе был крепкий пуэр, который не заказывался по меню и держался хозяином заведения для особых гостей, кальян и небольшое количество дорогой закуски. Так или примерно так проходили большинство вечеров в жизни Виктора – из отдыха посещение таких мест давно превратилось в разновидность работы. Через полуприкрытые веки он четко воспринимал истинный смысл происходящего – вон явные бандиты прогуливают деньги коммерса, допущенного за них платить, рядом с ними ищут жертву профессиональные игроки в бильярд; за соседним столом – широко известный в узких кругах «черный бухгалтер» отмечает с партнерами очередной успешный проект. В мире ночных движений его неплохо знали – как и людей, с которыми он работал. Виктор редко напрямую жил с криминала, его заработки скорее начинались там, где заканчивался легальный бизнес и начиналась тень. Волшебные слова «обналичка», «номиналы», «невозвратные долги» витали в сизом сигаретном дыме, и частенько превращались в толстые пачки пятитысячных купюр. Такие доходы требовалось уметь защищать – но то, что составляло проблемы даже для вполне состоявшихся в криминале деятелей, не было таковыми для отморозка, много лет убивавшего просто так – для развлечения. Возникающие проблемы Виктор и его деловые партнеры решали с непередаваемой жестокостью, которая могла сравниться лишь с лучшими выступлениями чеченских ОПГ или татарских банд, – не было ни тормозов, ни ограничений. Как-то раз в компании двух старых знакомых Виктора один из них пошутил, что собравшаяся за одним столом троица по совокупности заслуг людей убили как бы не меньше, чем все ОПС «Уралмаш» – и это не было преувеличением. Другое дело, что финансового эффекта от самих убийств было мало – по большей части удовлетворение своих склонностей.

Однако праворадикальное насилие не исчерпывало все душевные потребности Виктора. С детских лет едва ли не больше всего на свете он любил издеваться над людьми. Именно это свойство личности определяло его личную жизнь: не было приятнее занятия чем отобрать или просто ебать чужую девочку, а всех пострадавших молодых людей, мужей и поклонников своих избранниц Виктор любил едва ли не больше чем самих девочек – правда совершенно особен-

ной любовью. Для них у него были уготованы множество различных радостей – от обыкновенных пиздюлей до персональных форм утонченного издевательства. Кроме прочего такой расклад служил также целям экономии – всеми основными расходами на девочку на постоянной основе обременялся какой-нибудь терпила, как правило ее муж. Количество таких «романов» могло быть сколь угодно большим, и зависеть сугубо от желания и свободного времени – ну а девочек можно было менять по цвету, размеру сисек и типу. Секрет успеха был также очень прост – наш герой имел достаточно много свободных денег, приличную физическую форму и интеллектуальный уровень выше, чем у большинства сограждан.

...Последнее время Виктора чрезвычайно забавлял тип на «Рено» по имени Саша, чьи любовные послания и стихи Кристине та частенько читала с выражением и старанием. Настроение в то время у Виктора было довольно благодушное... но приближалась гроза. От продолжения банкета его отвлек звонок Кристины. «Вить заедь за мной срочно – у меня проблемы, потом скажу с кем». Вечер переставал быть томным.

Никто не знает, что произошло в тот день: магнитные бури, вспышки на солнце или еще какая хуйня, но терпение у Саши лопнуло. Случилось с ним это на работе, где Саша находился в компании старых товарищей по артистическому цеху. «Тварь я дрожащая, или право имею???». Классический вопрос привел Сашу к сильному и импульсивному решению: прямо посреди ночи он позвонил Кристине с матом и угрозами и потребовал ее к немедленному разговору у него на работе. Саша яростно желал выяснить отношения с соперником, для чего намеревался заставить Кристину ему позвонить, но повезло ему еще больше. Кристину к нему на работу доставила непосредственно черная «Субару».

Что творилось у в душе у Саши! Ярость берсерка, решимость камикадзе и жестокость китайских палачей меркли в сравнении с этим водоворотом страстей. Он чувствовал в себе страшную силу, что, правда, внешне выражалось в дебильном выражении лица, имевшего цвет спелого помидора. Как коршун Саша ринулся к машине, размахивая руками перед собой и страшно крича:

– Эй ты!!! Отпусти ее! Я люблю ее, ты слышишь!!! Я убью тебя!!! Сука!!! Пиздец тебе!!!

Сначала сонный Виктор от такой картины изрядно охуел – ему неоднократно доводилось наблюдать противников в состоянии алкогольного аффекта, и ничего хорошего это как правило не значило – дрались такие отчаянно и до конца. Саша был весьма атлетичным мужчиной, а у Виктора желания драться не было совершенно по причине усталости. Когда расстояние сократилось до критического, Виктор, правой нащупывая нож, корот-

ко сунул левой джеб в ебало Саше... и эффект от него оказался совершенно уникален. С разбитым еблом Саша отошел на два шага назад... и продолжил свой экспрессивный монолог с безопасной дистанции, не снижая накала страстей. Нет, Саша не просто громко пиздел и махал руками – это было воистину прекрасно. Лучшие театральные сцены и лично Станиславский аплодировали бы Саше, потому что живость и убедительность его игры в страшного берсерка в какой-то момент заставили поверить даже Виктора, который в жизни мал-мала видал уличные драки. Когда до него дошел смысл происходящего, Сашу даже пропало желание бить – хотелось стоять и любоваться. Тем временем, к месту событий подтянулись друзья Саши – из числа представителей творческих профессий. Им была продемонстрирована саперная лопатка, которой после этого Виктор их немножко погонял кругами, после чего сел в машину и повез домой ржущую Кристину.

Три дня спустя грустный Саша с опухшим носом сидел в баре и мрачно пил. Происшествие совершенно никуда не годилось – вместо героического эпоса получилась какая-то совершенно омерзительная хуйня. Не помог даже второй раунд в Интернете – когда погнанные лопатой друзья дружно отпраздновали победу над неадекватным молодым человеком, который так их и не догнал, после чего удрал на своей машине. Не то чтобы над Сашей сильно глумилась общественность... но вот расположения той, ради кого это все было затеяно, заслужить не удалось. От этого Саша непрерывно испытывал горечь, и все время думал над своими ошибками.

Во-первых, несомненно не стоило устраивать конфликт спьяну. Боевого духа возможно алкоголь ему и прибавил, но от пиздюлей не спас – Саша так и не понял, как получил по щцам. Ума, однако, хватило сообразить, что так вышло неспроста – и в открытом сражении ловить особенно нечего.

Во-вторых, следовало каким-то образом соединить противоположные вещи – показать себя мужественным, сильным и опасным перед Кристиной, одержав убедительную победу над оппонентом, и при том не вступать в открытый симметричный конфликт. Мысли Саши крутились вокруг «поймать у парадной и проломить башку» и «написать заявление в милицию». Первое делать было страшно и непонятно как – что самому, что искать исполнителей. Саша не был концевым идиотом и в принципе представлял, что просто это сделать лишь в теории, а на практике можно или испортиться, или сесть. От второго Сашу отговорил знакомый юрист, оценив масштабы про-

блемы в виде опухшего носа. Вместо решительной победы над негодяем Саше предстояло предстать перед мировым судьей в унылом амплуа терпилы – при том что кроме штрафа противнику ничего не светило при самом лучшем для Саши раскладе. Саше очень не понравилось ощущение, когда он себе казался огромной и мягкой кучей какой-то дряни, а противник казалось состоял из жестких ударных поверхностей.

Где-то был правильный ответ... и тут Сашу осенило. В голове созрел план решения вопроса – как переиграть противника на его же поле.

Виктору следовало забить стрелку, взяв с собой достаточно страшных и опытных в этом деле товарищей. Никто ж не оценит потом личный вклад участников в выигранную драку – а с помощью друзей Саша рассчитывал на то, что добро победит зло. Где же было брать союзников? Тут Саше на помощь пришел опыт отечественного кинематографа, где всегда над бандитами победу одерживали бывшие военные, десантники, афганцы и прочие спецназовцы. Закипели поиски. Через какое-то время Саше удалось найти аж двух таких персонажей – одного бывшего «афганца», ныне работающего сторожем, и Сашиного же тренера из клуба по фитнесу – увесистого дядю, некогда служившего в погранвойсках. Афганец подвернулся какой-то неудачный, сильно потрепанный жизнью и явно не похожий на парней из афганской ОПГ, а вот на пограничника Саша возлагал большие надежды, благо пиздел тот без умолку.

– Уж я-то!

Со слов «пограничника» выходило, что таких как Виктор он пиздил и пиздит буквально десятками, а сам в бандиты не идет лишь потому, что не может этого делать по этическим соображениям. Каждый вечер Саша засыпал в предвкушении успеха – приближался час воздаяния Виктору за все унижения и собственную плохую жизнь.

Как и любой опыт, околкриминальные дела прививают людям, которые ими занимаются, некоторые стереотипы. Нарушение обычного порядка вещей гораздо сильнее выбивает из равновесия человека «в теме», чем случайного зрителя. От того, что будет описано ниже, Виктор охуел как никогда в жизни – больше доставило только явление мамы терпилы в качестве переговорщика на конфликтные переговоры с оружием пару лет спустя. В один прекрасный момент к нему подошла Кристина, и заявила:

– Мне тут сказали, что тебе забивают стрелку!

– Чоооо? – Виктор потерял дар речи. – Ты что ли?

– Не, афганцы, десантники и Саша!

– Какой еще Саша? – До Виктора начало постепенно доходить, о чем идет речь.

– Ну, тот самый. Саша! К которому мы тогда ездили.

– Дааа? Когда и где?

– Послезавтра, в пять. На пустыре неподалеку от набережной... Вить? Виить? Что с тобой? Я что-то не то сказала?

– Ааааа бляяя!!! Ыыыы... Ебааать...

Когда Виктор проржался, ситуация стала ему нравиться все больше и больше. На «стрелки» он как правило не ходил вообще, предпочитая жесткие накрытия и приемки тех кто их забил по месту жительства, но тут интуиция подсказывала сделать исключение. Мероприятие, забитое через девочку около гук-общаг летом в светлое время суток – что могло быть прекраснее? В то время там уже была построена набережная, и в хорошую погоду там гуляли влюбленные парочки и туристы, а через речку красовалась резиденция полномочного представителя Президента по УрФО со спецротой и толпами ФСОшников. На взгляд Виктора, там очень не хватало моба десантников с афганцами под предводительством Саши. Окончательно добило предложение по поводу численности – «взять по два человека».

Накануне Виктор плохо спал – почти как в детстве перед Рождеством, желая чтобы поскорее наступило утро и нашлись подарки под елкой от Деда Мороза.

Наступил судный день. Стояла жуткая жара, и над городом висело марево. Виктор стоял перед зеркалом и пробовал собраться – шутки шутками, а распиздяйство даже в бытовых драках до добра не доводит. Проверить как выходит нож... кобуру под поло... сунуть в карман перчатки, забинтовать больной сустав. Однако, стоило вспомнить ебало Саши, и боевое настроение сразу улетучивалось – Виктор просто начинал ржать как ненормальный.

Из дома Виктор отправился в довольно дорогой паб, где намеревался встретиться со своими компаньонами на гениальную «стрелку». Полупустое помещение с кондиционером украшали четверо бойцов – двое средневесов на «Fred Perry» и белых тапках, крепкий парень-полутяж в спортивных штанах и громадная туша около ста двадцати килограммов весом. Туша отзывалась на погоняло Бивень, была одета в грязные голубые джинсы и клетчатую рубашку на выпуск, под которой красовалась грязная белая майка с крокодильчиком, жрущим звезду Давида под надписью NoLaCoste. Портрет Бивня дополняли длинноватые сальные волосы и опухший многожды ломаный нос темно-красного цвета. С Виктором судьба их не свела в юности лишь потому, что юность Бивня прошла в отдаленном городе в республике Коми с очень развитым правым околофутболом. С детских лет Бивень очень успешно занимался вольной борьбой и раз-

ными безобразиями, а потом поумнел и переехал в Ебург, где и подружился с Виктором. Виктору Бивень всегда напоминал известного читателю М., только существенно габаритнее и умнее. Самое забавное, что в повседневной жизни Бивень был очень тихим, флегматичным и рассудительным парнем, совершенно не склонным к конфликтам. На работе он был на хорошем счету и успешно строил карьеру инженера. Но все менялось, стоило ему выпить хоть каплю алкоголя – спирт высвобождал в нем настолько мерзкую и наглую свинью, что оставалось только даваться диву.

В тот день Виктор к своему ужасу обнаружил перед Бивнем три пустых стакана из-под «Гиннеса», от которого Бивень совершенно перекинулся и перешел в темное состояние рассудка. Поросячьи глазки горели адским огнем, кулаки сжимались, а все невербальные средства говорили о желании немедленно дать кому-нибудь пизды.

– Вить, погнали уже скорее. Плохо будет. – Один из средневесов поднял Бивня за рукав и потащил к выходу.

– Бивень, ты какого хуя нажрался, а?

– Кто нажрался? Я нажрался? Нифига! Я пить хотел!

– Оооох бя... Ладно! Пошли.

В глубине души Виктор, конечно, ругал Бивня, но брать его с собой однозначно стоило – во-первых, при пиковом раскладе в самого здорового в первого будут стрелять, а во-вторых, он все равно не рассчитывал на него как на ударную силу. Если фарс начнется превращаться в трагедию, то рядом с точкой стоит тонированная девятка... где не важно кто сидит и что лежит. Но чуйка подсказывала, что будет совершенно не то – а вот для наведения жути на лохов Бивень подходил как нельзя лучше.

...Светило солнышко, вдоль Исети гуляли влюбленные пары, вдалеке стояли гук-общаги – и словно сама аура этого места подпитывала Виктора, как старого вампира родовое гнездо. Сколько всего случилось возле этих стен, где казалось – только присмотришься, и увидишь тени старых друзей и свою молодость. Саша не понимал какой подарок он сделал своим поступком, избрав это место – ностальгия пробирала почти до слез.

А вот и место встречи. За заборчиком на пустом месте Виктор увидел три фигуры – Сашу, и двух унылых типов, одного старого, а второго жирного. Старый был одет в дешевые летние брюки и сандалии с носками, и видом больше всего напоминал колхозника, а жирный – классического посетителя пивных баров, когда-то ходившего в качалку. Мускулистый Саша выглядел лучше всех. С первых же секунд Виктор понял что драка не имеет смысла, но тут слово взял Бивень, который с тридцати метров заревел пьяным голосом:

– Эй, говно!!! Давай три на три!!! Быстро, бя, а то я ссать хочу.

После этих слов Бивень начал разбегаться и готовиться к прыжку. Поймав взгляд Виктора, двое соратников удержали пьяную тушу от немедленной атаки. А «говно» от предложенной инициативы заметно при-

уныло, и старательно прикидывалось ветошью – спутники Саши ссутулились и не издали ни звука.

Тем временем, Саша взял себя в руки, сделал два шага вперед и толкнул пламенную тираду.

– Эй ты! Я люблю Кристину! Мы будем вместе, во что бы то не стало. И ты не будешь мешать нам, то лучше сам убирайся, а то... а то....

К сказанному Виктор отнесся критически, и пояснил Саше, что Кристину он никуды не любит, ебет кого хочет и когда хочет, а ему, Саше, рекомендует убираться с его пути непосредственно к Пожилому Зайцу – сосать у него хуй.

Бивень не остался в стороне, и тоже прокомментировал Сашину тираду:

– Да ты пидор, хааааа!

В ответ на это Саша покраснел как помидор, и сделал патетический жест руками в направлении Виктора, намереваясь вцепиться ему в воротник. С дистанцией Саша просчитался, и сменив стойку «разножкой», Виктор рубанул его сытнейшим ударом в низ живота, по науке называемым «маэ–кэаге», а по сути – футбольным пинком с мощным вложением и проносом. Саша квакнул, и осел на землю, хватая воздух ртом и забавно выпучив глаза. Виктор резко рванул в сторону «десантника» с «афганцем»... но те стояли ни живы ни мертвы от страха, изображая соляные столпы. Трагическое молчание нарушил Бивень, к тому моменту освиневший окончательно.

– Ну все. Ссать хочу – не могу. Вот щас на этого пидора и посу! – С этими словами Бивень начал нагло расстегивать штаны.

Сказать по правде, Виктор честно попробовал оттащить Бивня – но подкачали габариты. Сил сдвинуть с места кандидата в мастера спорта по вольной в супертяжелом весе у него не хватило.

...Желтенькая струйка лилась и журчала, стекая Саше за воротник и дальше бежала ручейком по пыльному асфальту. В процессе отвратительного ссанья Бивень приговаривал: «Золотой дождь!!! Золотой дождь, бля!». Выражение лица Саши в этот момент было трудно описать словами – оно было в натуре неопишимо.

Так и завершилась эта великая «стрелка» – лишь когда Виктор и прочие покинули место встречи, друзья Саши рискнули к нему подойти поближе.

Для всех участников этой эпопеи эта история навсегда осталась в памяти. Виктор очень любил ее вспоминать как пример собственного необычайного гуманизма – как история про корявую стрелку,

забитую безосновательно и через девку, закончилась не в духе «наш Урал-маш страна чудес – зашел в подъезд и там исчез», а очень толерантно и мило. Правда, история эта достаточно широко пошла «в народ», и там вызвала несколько другие оценки. Многие слушатели воспринимали ее как апофеоз триумфа злых и темных сил и поругание всего светлого, хорошего и доброго.

Истина была гораздо проще и смешнее – никто не просил Сашу лезть в реальность, принципы и законы которой он не отображал вообще. Как в глупых фанастических романах про «попаданцев» из одной эпохи в другую, ничего кроме глупости и курьеза в затее со «стрелкой» он поиметь не мог – и окончилось все для него и правда весьма неплохо. Под дурное настроение тот же Виктор запросто мог зарезать его просто так.

А что до Саши... Великий Данте окончил свою «Божественную комедию» строфой «L'amor che move il sole e l'altre stele» – «Любовь, что движет солнца и светила». Любовь принято считать неодолимой силой, способной оказаться сильнее чего угодно – а вот Саша от нее совершенно исцелился. Он и раньше пробовал от неудач забыть Кристину – другие девочки, алкоголь и спорт не помогали – а вот волшебный эликсир производства Бивня сделал свое дело. С той поры в окружении Виктора когда кто-то влюблялся и начинал ебать всем мозги – все настойчиво предлагали от этого применить проверенное средство – уринотерапию, и начинали призывать Бивня.

Кристине рассказ Виктора с одной стороны понравился – она всегда любила наиболее успешных и агрессивных самцов. А с другой – ей было немножко жалко верного и трогательного поклонника. Впрочем, спустя какое-то время она поправилась в талии и Виктору надоела – и отправилась на мороз, разделив участь всех его надоевших любовниц.

От себя добавлю, что эта история делает в книге о правых бандах. Кроме общих героев, этот сюжет – как раз о том, насколько сильно «система координат» участников любой правой среды отличается от системы ценностей нормальных людей. Виктор и прочие могут быть сколь угодно симпатичны большинству читателей – по ту сторону книги, но вот очная встреча с любым конфликтом интересов скорее всего закончится именно так или еще хуже. Собственно, Саша не был каким-то коллекционным убаном и кретином – наоборот, многие считали его нормальным, симпатичным, решительным и не самым трусливым парнем. Но... в своей среде.

Многие читатели, наверное, поставили себя на место Саши – и подумали, что у них бы все конечно было не так. Уродов и бандитов бы потом нашли и страшно покарали, призвали на их головы все расправы и кары... но практика показывает, что как правило кто сильнее тот и прав, и ни хрена никому потом за это не будет. Древние хорошо сказали по этому поводу – «Vae victis!»

Для абсолютного большинства людей нет адекватного варианта противостоять подобному в их родной среде – это как нырнуть в море с целью загрызть там акулу зубами. До Саши, кстати, это дошло в полной мере – и он предпочел просто больше туда не лезть. А кто собирается в таком раскладе воевать – стоит помнить о том, что победивший дракона, скорее всего, сам драконом и станет. Если повезет и он с этим справится.

Глава 28. Без правил

Среди всех форм и уровней преступности в праворадикальной среде совершенно особенное место занимают «автономы» – вершина своеобразной эволюции этого движа. Про них уже говорилось в главах, посвященных закономерностям развития этой темы – про то, как субкультура постепенно мутирует в организованную преступность, а из представителей оной рождается или особый вид правых ОПГ, или же терроризм.

Деятельность «автономов», как и само это слово, тесно связаны с именем Максима Базылева – гениального (без преувеличений) теоретика и практика прямого действия. Его «автономные боевые группы», созданные на основе синтеза террористов прошлого и современной правой среды, сильно пережили своего создателя. Об «автономах» мало кто что-то знает – какие были группы, куда они делись, сколько их было и кто из них правда имел отношение к проектам НСО и лично к Максиму – а кто функционировал самостоятельно от начала до конца или имел иных покровителей. Кровавый след деятельности некоторых групп этого типа стал широко известен – на примере резонансных дел о терроризме и многочисленных убийствах. Но многие остались и «в тени» – никто не раскрыл серию нападений на посты ГИБДД летом 2010-го, за пределами внимания общественности остались многие случаи захватов активов, разбоев, похищений людей. Общее у всего этого было то, что внешне являясь обычным криминалом высокого уровня, эта деятельность велась по совершенно иным принципам, имея в своей основе цель войны с государством и наращивание собственной мощи. Мотивация личной наживы у членов автономных групп была значительно слабее – что обеспечивало гораздо лучшую выживаемость групп, нежели у тех же скинхедов, даже толковых, или просто бандитов.

Кроме особой формы преступности, эта деятельность сформировала совершенно уникальную породу людей, по сравнению с которыми тот же Виктор являл собой образец приличной и социализированной личности. В этом контексте нельзя не вспомнить дважды забавную историю – как с представителями «автономов» довелось пересечься одной молодой и глупой банде скинхедов.

У людей, о которых пойдет речь ниже – много лет не было ни лиц, ни имен, ни каких-либо социальных привязанностей. Ни одного места работы, прописки; не было также судимостей или административных штрафов. Несколько лет, начиная с московских тем, они работали тройкой – так мы их и назовем: «Первый», «Второй» и «Третий».

«Первый» был родом из Казахстана, и с детства вел сомнительную жизнь беженца, который будучи русским оказался нафиг не нужен в России. Отсутствие каких-либо социальных ориентиров и детство в интернате, куда он тут попал, очень быстро привело его в криминал, причем совершенно дикий. Не сел он только благодаря удаче, мозгам и развитой с детства интуиции. Жизнь в обстановке, в которой приходилось выживать, сделала «Первого» чрезвычайно сильным и абсолютно безжалостным ко всем, начиная с самого себя. Именно это качество оценил в нем Базылев – а что привлекло в идее правого террора «Первого»... Реальная причина была в том, что в душе он искал какую-то цель более высокого порядка для такой жизни, чем деньги. Идеи Базылева очень способствовали тщеславию и при этом совершенно не мешали зарабатывать – предлагаемая им модель обеспечивала криминальный и опасный, но высокий доход. Поработав какое-то время с будущими НСО–Север, «Первый» вовремя отскочил со своей тройкой и продолжил карьеру совсем полного «автонома» – на сей раз старшим группы.

«Второй» попал в автономы из правых бригад. Привел его туда перфекционизм: раз за разом он перерастал уровень очередных подельников, пока не стал работать с сильнейшей в Москве бригадой, той же в которой был Базылев. Субкультурный период закончился у них где-то в одно и то же время, и на пару лет они расстались – чтобы встретиться уже в совершенно новой структуре. Потом история повторилась – личностный рост «Второго» заставил оборвать старые связи и уйти в свободное плавание вместе с «Первым». «Второй» сам так захотел – благодаря чему чудом не прилип вместе с прочими по делу НСО–Север. Он не отрицал формального старшинства «Первого», но и не подчинялся ему напрямую. Принципиально со старшим товарищем их отличало то, что если «Первый» так жить был вынужден, то «Второй» просто хотел – получая ни с чем не сравнимое удовольствие от собственной жестокости и ничем не ограниченной свободы. Например, он необычайно любил пытать людей – порой не требуя за это ни денег, ни какой-то выгоды, а просто ради самого процесса. По причине этой его черты даже в правой среде он сталкивался с отчуждением – мало кто мог нормально общаться с натуральным палачом и патологическим садистом.

Откуда взялся «Третий» не знал никто – просто так вышло, что со «Вторым» стал работать мрачный и здоровый парень, который во всем ему доверял и проявлял чрезвычайную исполнительность. Единственный из всей компании он служил в армии, и отвечал за все «военные» специализации, как то стрельба, взрывное дело, и все что касалось оружия. Оружие было единственной вещью, которая его интересовала в жизни – при крайне низком общем культурном

уровне его знания в этой сфере были близки к энциклопедическим. Был ли «Третий» скинхедом до армии никто точно не знал, но в их тройку он попал достаточно подкованным идеологически. Главную мотивацию «Третьего» для такой жизни замечательно описал В.С. Высоцкий строкой «Не надо думать – с нами тот, кто все за нас решит». «Третьему» очень нравилось, когда все как в армии, только жизнь состоятельнее и веселее.

«Тройка» каталась по стране и за ее пределами, решая задачи самого разного уровня. Работали с бандитами, с политиками и бизнесменами; почти год провели в Польше где плотно общались с ОПГ, работавшими по автомобилям, еще столько же на Балканах, где немало нажили с наркомафии. В Екатеринбург они попали из Киргизии, где отлично заработали на темах с заложниками и накопили немалые ресурсы. По иронии судьбы на Урале они занимались совершенно легальным делом – вкладывали деньги в активы, постоянно приносящие прибыль. После обычных дел коллектива ловля номиналов с последующим оформлением на них всякого было чем–то милым и безобидным. По мнению «Первого» миром правила экономика – и «общак» на нескольких счетах должен был пополняться постоянно с нескольких активов. Поскольку обзаводиться семьей и тратить деньги самостоятельно автономам положено не было, то «общак» выглядел очень прилично и позволял решать практически любые задачи. Периодически господа «автономы» вспоминали о своих корнях, и сами били в выбранную цель – в духе террора ради террора. Немало денег тратилось и на расширение сетки последователей – в нескольких городах страны воспитывались подконтрольные банды и структуры более низкого порядка. Всю свою криминально–террористическую империю «Первый» строил исключительно из личного тщеславия – тот самый случай, когда средство постепенно превращалось в цель.

Все началось как всегда внезапно – «Первый» возлежал на кушетке в салоне тайского массажа, когда у него запищал «скайп» на планшете. Поскольку бродяжная жизнь не давала возможности окружить себя комфортом и обрекала на гостиницы и съемные хаты, то он очень любил самые телесные удовольствия – дорогую жратву, массаж, спа–процедуры и прочее. Также, переправив немислимое множество людей на тот свет и мучая других, он нежно любил и всячески обхаживал собственное тело, тратя на это любые деньги. Что может быть приятнее, чем балдеть на горячем камне в хамаме, после того как только что сжег терпилу в бензине?

...Звонил номинал Вова – розовощекий мальчик–менеджер, в душе считавший себя верным гитлеровцем и национал–социалистом. За всю жизнь Вова не разбил ни одного лица, зато всегда хотел быть близок к страшным и опасным нацистам. Такая возможность ему представилась че-

рез случайное знакомство с «Третьим» на концерте, и в кратчайшие сроки Вова стал директором нескольких фирм, через которые потекли деньги. Несмотря на то, что вклад Вовы в расовую войну исчерпывался походами к нотариусу и в юридическую контору, возгордился и обнаглел он необычайно, через губу разговаривая со старым праворадикальными приятелями с района. Те произошедшие перемены просто не поняли, потому что много лет привыкли относиться к Вова как к терпиле и пустозвону.

– На связи. Что стряслось? – «Первый» перевернулся на спину, воткнув гарнитуру в «айпад».

– Вадим...

– Без имен, еб твою мать! Сколько можно повторять?

– Папка пропала!

– Какая еще папка? Ты чо несешь?

– Та самая... две доверенности и свидетельство о праве собственности.

– Похуй! Где флэшка?

– Т–т–там же.

– Понял. Бери такси и дуй сюда.

Час спустя в тихом дорогом ресторане сидели три мрачных типа и белый как полотно Вова. Трясаясь от страха, Вова поведал про то, как его поймали скинхеды, которых он знал много лет, и отобрали все что у него было – кошелек, телефон и папку с документами. Сделано это было на основании обвинений в пиздаболстве, как раз под громкие завывания Вовы о том, что скоро им всем пиздец.

– Ты какого черта вообще о чем–то базарил с ними, а? Тебе сколько раз повторять – все! Теперь ты сидишь дома, и ходишь исключительно в магазин за продуктами и в банк.

– Я не хотел! Я думал они не посмеют!

– Знаешь, не первый раз замечено – у таких, как ты, всякая хуйня обычно начинается со слов «Я думал...». Думать тебе явно не положено – получается хуево.

– Му–му–му...

– Заткнись, дебил, и иди домой. Чтобы телефон держал включенным. Через час чтобы у меня в почте были все контакты твоих друзей.

Когда Вова вышел вон, все замолчали. На взгляд со стороны показалось бы что присутствующие сняли маски – их общение между собой сильно отличалось от разговоров при посторонних. «Первый» сразу перестал походить на ухоженного бизнесмена средней руки, и наружу полез оскал бывшего детдомовца и беспризорника, «Второй» начал улыбаться – так, как он это делал пытая людей. Костлявый и очень высокий – около двух метров роста, бритый

налысо и в капюшоне, он сразу начинал напоминать смерть со средневековых миниатюр.

– Ну чо делать будем? – «Второй» затянулся сигаретой. Единственный из команды он курил. – Этого–то куда? Как обычно?

– Нет. Пока нельзя. Еще полгода Вова пригодится. – «Первый» брезгливо поморщился от едкого дыма.

– Надо папку найти. Я возьму на себя адреса и маршруты.

– Работаем. До вечера сделаем машину и «группу поддержки». Что по железу?

– Только дежурный комплект на одну машину. – «Третий» впервые подал голос.

– Это что у нас?

– Ремингтон–870, SAT–8, травматика, газ и ПМ. Еще мой Стечкин, но его я использовать не буду.

– Ну да – у вас с ним любовь. – «Второй» глумливо заржал. «Третий» больше всего на свете гордился своим АПСом, и на эту тему было сочинено множество шуток – про интимные формы отношений между пистолетом и его владельцем. Гладить и разбирать АПС «Третий» мог натурально часами, при этом лыбясь как идиот с выражением полного счастья на мерзкой харе.

«Первый» старался не думать о последствиях в виде пропажи флэшки. Там не было никакого палева или компромата – просто список счетов, фирм, людей, который не стоило нигде показывать – пока элементы схемы были сами по себе, ничего нельзя было сказать о ее сути. Собранные воедино элементы «пазла» показывали как раз суть – экономическую сторону всей структуры. Менять все легальные звенья из–за кретина Вовы... чушь. Флэшку следовало вернуть. Вместе со всем остальным. Срочно.

Время словно растянулось – там, где у обычных людей оно мерялось днями и неделями, у «Первого» оно измерялось минутами. Планшет и три телефона буквально раскалились – вот к бригадной «Инфинити» нашлись три рабочие одноразовые машины; вот кроме основной троицы собралась команда обеспечения из числа мелких провинциальных бандитов. За все платилось сразу и много денег – и за информацию в том числе. К вечеру на столе лежали распечатки со всеми данными оппонентов – начиная со страниц из социальных сетей и заканчивая данными всевозможных официальных баз.

По всему выходило, что драгоценная папка досталась совершенно отвратительной бригаде с района – мутного состава, без серьезных достижений, зато довольно многочисленной. Где искать среди высоток и аллей

конкретную вещь – нетривиальная задача, с учетом того, что избавиться от нее секундное дело. Для полиции эта задача практически нереальна, но «Первый» работал совершенно иначе. Имея в своем распоряжении где-то семь часов на подготовку, вечером того же дня он атаковал.

Мало людей могут сказать, какой день в их жизни стал самым хуевым – но сутки спустя скинхед Митя имел полную уверенность в этом. Ад наступил сразу же после того, как он сделал шаг в собственную парадную, направляясь домой с учебы.

Раз! Струя едкой аэрозоли из «удара» резанула глаза и легкие; а под ноги упала гильза.

Два! Боковой по печени и колено в солнечное сплетение; руки рвануло в разные стороны.

Три! На руках застегнулись браслеты, а на голове оказался плотный мешок.

Спустя пять с половиной секунд с начала приемки, скинхед Митя оказался в недрах тонированной «Инфинити», которая рванула из двора. Во мгновение ока он оказался без одежды, которую отчасти сняли, а отчасти срезали.

– Привет, дорогой. В жопу ебаться будем? – «Второй» ласково улыбнулся с переднего сидения.

– Ыьыыы! За что??? Вы кто такие? Я все скажу! Про всех!

– Конечно скажешь. Ты все блядина скажешь – а пока скажи: в жопу–то хочешь ебаться?

– Нет! Не хочу!

Хрусть! Шмяк! В руках «Второго» появились плоскогубцы.

– Не, ты хочешь. Щас определишься со своими желаниями.

– Аааа... бляяя... за чтооооо!!!! Да! Да! Хочу, хочу ебаться в жопу немедленно!

«Второй» остался даже разочарован – по сравнению с чурбанами страшный скинхед Митя оказался чрезвычайно слаб и сразу раскололся до той самой жопы, в которую он согласился ебаться – после первых же сломанных пальцев и надорванной крайней плоти. Еще через пять минут он со слезами усердия на глазах вызванивал лучшего друга, отобравшего папку у номинала Вовы – скинхеда Саню по прозвищу Фонарик.

– Саня! Тут меня Вова грузит – говорит в мусарню побежит за папку которую ты подрезал. Надо встретиться перетереть! Да, срочно, я сам подъеду.

«Инфинити» взяла курс из леса на место встречи, а «Первый» с помповым ружьем на коленях координировал действия еще четырех машин с бойцами.

– Горячка... Ненавижу так делать – ничего не готово. Внимательнее к тому как он вообще на встречу явится, как бы не с мусорами был.

– Если что-то пойдет не так, то я в него сразу выстрелю! – радостно прокомментировал ситуацию «Третий».

Стрелять не пришлось. Еще через полчаса трясущийся от страха скинхед Саня отдал чужое имущество добровольно, не получив ни одной пиздюлины. «Первый» зажмурился от удовольствия – молниеносное решение проблемы очень сильно тешило самолюбие. В очередной раз команда показала идеальную сработанность. Впереди предстояли вечер в ресторане и ночь в загородном отеле с гибкой большеглазой брюнеткой. Лишь в самой тени сознания вспыхнул и погас маячок опасности – что-то будет не так...

Утро следующего дня началось с истеричного звонка Вовы. Даже не звонка – звонков. К тому моменту как «Первый» включил телефон, накопилось несколько десятков пропущенных вызовов и сообщений.

– Свяжись со мной срочно!!! Мне угрожают и хотят убить!

– Не паникуй. Через пару часов заеду.

И вот снова те же лица – ресторан, трое лидеров и перепуганный Вова.

– Хорош трястись и говори по сути. У меня времени мало. – «Первый» выглядел крайне зло. Он уже успел пожалеть что вообще связался с Вовой – вокруг того постоянно был лишний кипишь и гемморой.

Вова поведал, что теперь по всему району его ищет «основа» местной банды скинхедов, откуда был пострадавший Митя. По иронии судьбы, как и у наших героев лидеров у оппонентов тоже было трое – возрастной скинхед по прозвищу Веник, его младший друг Фонарик и еще более юный но крепкий и габаритный тип без погоняла по имени Арсений. Веник с Фонариком служили в армии, и остальных держали в повиновении довольно жесткими пиздюлями. Вову они знали довольно давно, и теперь жаждали спросить за беспредел – от Вовы, коего было принято считать терпилой, такого результата никто не ожидал. Теперь Вова трясся от страха – Веника на районе было принято очень бояться.

«Первый» задумался. С одной стороны, лишний рамс им был совершенно не нужен – но с другой оставлять Вову как есть было неосмотрительно. Вова заметно «поплыл» от страха, и мог выйти из-под контроля.

– Тебя там кто ищет? Веник этот? Ну давай вечером забьемся и побазарим. – «Первый» потер глаза. Давно, очень давно никто в правой среде

не смел разговаривать с людьми их уровня в таком тоне – с кем угодно вопросы решались на уровне звонка или коротких переговоров. Достаточно было вспомнить несколько людей и прояснить кто они есть – и претензии заканчивались сами собой.

Наступил вечер. «Инфинити» катилась по району, а Вова дозволивался до Веника. Когда это удалось, то начались странности: несмотря на то, что это Веник искал Вову, а не наоборот, на встречу куда сказано ехать Веник отказывался, настаивая на своем месте. Ситуацию не исправило даже то, когда трубку взял лично «Первый», сославшись на ряд известных личностей региона типа того же А. и Виктора. Их юные скинхеды попросту не знали, а базарили нагло и совершенно отвратительно.

– Слушай, похуй. Поехали туда уже – я этого Веника охуеть как увидеть хочу. – «Второй» выкинул окурок в форточку. – Не успокойся – поставим под стволы, да и все. Дел на полчаса.

– У меня мерзкое предчувствие... – «Первый» на секунду задумался. – Хотя ладно – поговорим.

Машину поставили на выезде, и «Третий» пошел осматривать район. Как только у них появились деньги, «Третий», фанатично любивший оружие и все с ним связанное, начал усиленно внедрять в обиход тактическое шмотье – и на движухах они всегда носили 5.11, «Блэкхок» и прочие тряпки в стиле милитари, дополняя их непременно атрибутом в виде худи с капюшоном, скрывающим лицо. Одежда замечательно скрывала силуэты, не палилась в повседневной обстановке как тот же камуфляж и не ассоциировалась ни с одной субкультурой.

...Район был практически пуст. У одной из парадных сидела стайка молодежи, которые кого-то ждали. Когда около них затормозила «Инфинити» с тонированными стеклами, и оттуда вылезли трое в капюшонах – ребята занервничали. Когда один из троицы закинул дробовик на плечо и спросил не их ли они ждут – они буквально исчезли.

Подлый Веник по телефону ебал мозги и долго не выходил.

– Шнурки гладит, пидор – «Второй» заржал. Его переполняло дикое и дурное ожидание насилия; Т-12 в кайдексной кобуре, длинный нож и удобные перчатки, казалось, сами провоцировали начать бойню. Психически он давно оставил позади пределы нормы – еще где-то в начале двухтысячных, и сейчас просто дико хотел крови. Ударить, порезать, выстрелить... что угодно.

Время шло. «Первый» уже даже перестал нервничать и начал гадко улыбаться, предвкушая провал морали у оппонентов... когда...

Когда навстречу из-за дома вывалилось два десятка весьма увесистых ребят в камуфляже, тяжелых ботинках, или модных тряп-

ках под околофутбольный «кэжуалз». В руках у нескольких были ножи, у одного – что-то типа дубинки. Стволов видно не было.

Трое против двадцати.

Времени на принятие решения было мало, и «Первый» сделал как обычно – дернул из машины первое что попало под руку, а под руку ему попался полуавтоматический «Фабарм» в пластике. К этому моменту «Второго» переключило окончательно, и рванув нож, он прыгнул на толпу.

– Чо, ссука... кому тут неясно кто мы? – «Второй» пошел один на строй. Сзади раздался металлический лязг – «Первый» с фланга навел на оппонентов дробовик. Глядя в лицо «Второму», противники попятнулись. Никто не мог пошевелиться или что-то сказать – даже когда «Второй» резанул ножом ближайшего к нему и пошел дальше»

...В эти минуты в душах у «Первого» и «Второго» происходило совершенно разное.

«Бля, мы же щас их убивать будем!» – «Первый» казалось был в страшном сне. Против них стояли не чурбаны, не антифашисты и не сотрудники милиции – а молодые правые ребята, такие же как когда-то они сами. Ничего сложного не было в быстрой серии выстрелов дробью по ногам... а потом просто добить и погнать остальных. Но так делать... Впервые в жизни «Первый» остановился в некоторой нерешительности.

«Убить, убить, резать.... Аааа, ссут, пидоры, всей толпой ссут» – «Второй» ничего не видел перед собой, кроме дичи, от которой несло страхом. Похуй, что их два десятка, а их трое – для них он был палач, а они – жертва. Глаза застилало кровью. Никакого пистолета... только нож, чтобы чувствовать каждого из них. Ощущение власти над жизнью и чужого страха полностью лишало «Второго» остатков вменяемости – в таком состоянии он бы и на сотню пошел с ножом, и убил бы при том немало.

...Финал этому положили две вещи: команда «Первого» отступить, и рев полицейских сирен. Страшные скинхеды так долго собирались потому, что на стрелку заранее вызвали мусоров. От страха.

Через пару минут во дворе началось столпотворение. Ездили машины, бегали какие-то люди, сотрудники полиции кого-то вязали. Излишне уточнять, что троица в капюшонах и черная «Инфинити» оттуда испарились – а приняли мусора именно тех, кто их собственно и вызвал. Толпу скинхедов с аргументами в руках.

...Только одна деталь выпадала из общего идиотизма этой картины. А именно – два хлопка с крыши гаража в сторону наших героев, и прыгнувший оттуда парень в камуфляже с чем-то длинным в руках. Его лицо запомнилось «Третьему» – по фотографиям из «вконтактика» оппонентов. Тот самый скинхед с редким именем Вениамин по прозвищу «Веник», в армии служивший снайпером.

– Ебануться. Давно в меня не стреляли... Хуево правда. – «Первый» чистил на съемной квартире грязную одежду. В углу сидел белый как полотно Вова, и в который раз читал расплывающиеся на мониторе буквы – то, что ему старые друзья написали в асечку.

– Ва–вадим... Глянь.

«Первый» подошел к ноутбуку. Выражение лица с удивленно-го последовательно сменялось на охувевшее и затем восторженное.

– Ааааа!!! Братья – скорей сюда. Нам только что объявили войну! Причем БЕЗ ПРАВИЛ!

...Вова не понимал, что вокруг него происходит. Господа автономны так обрадовались, словно каждому досталось много–много денег и остров в Карибском море с наложницами в придачу.

В эти минуты «Первому» лучше всего подошел бы знаменитый монолог майора Монтаны про войну – «Хорошо же, будет вам krieg. Вся наша мощь – здесь, в наших стиснутых кулаках, готовая к удару. Но тем, кто прождал во тьме целых полвека... простой войны мало! Великая война! Война, в которую мы вложим душу и сердце!». Эти слова наполняли его существование смыслом – неважно, с кем и зачем было воевать. Важен был сам факт: наступил момент, когда можно реализовать и сделать все то, к чему так долго готовились – и не ради каких–то денег, а ради чистой идеи насилия. В эти минуты ему было наплевать на какие–то переживания о том что там, на месте, были вроде как «свои» – «Первый» уже раскаивался в том, что не открыл на месте беглый огонь по противнику и мусорам одновременно. Выстрелы из мелкашки с крыши поставили точку в этических сомнениях – «без правил» значит «без правил».

Информация была собрана заранее, и теперь пришло время действовать заранее подготовленный алгоритм.

...Все участники группы и ее окружение в считанные часы сменили место проживания на несколько съемных на подставных лиц квартир. Вова и его родственники вообще переехали за город.

...Через два часа после объявления военного положения курьер принес «Первому» охапку новых дешевых мобильных и «левых» сим–карт, оформленных на таджиков, а также новые планшетники для руководителей. Группа перешла на связь только по ним – все старые номера оказались отключены, а вся старая оргтехника, компьютеры и телефоны – вдали от места пребывания их владельцев.

...Через полсуток фотографии Веника и прочих оказались одновременно у «своих» сотрудников полиции, у блатных с района и в местном СИЗО. Задачи у всех стояли разные – у полиции и блатных «найти» и передать данные; на тюрьме – не упустить шансы при прибытии туда любого из оппонентов. «Первый» платил, и платил

много – окажись кто угодно из противников на центральной, расправа не задержалась бы ни на минуту по сравнению с делами на воле.

...В это же время специально обученный человек работал с базами и социальными сетями. По каждому из жертв был сделан список родственников, друзей, девушек – со всеми адресами, где любой из них мог появиться.

...Тогда же «Третий» вскрыл арсенал. Несколько десятков единиц карабинов «сайга», помповых ружей, травматических пистолетов и обрезов ждали тех, кто готов пустить их в ход.

...Через сутки «Второй» на вокзале встретил первую партию «гастролеров» – оплатили и организовали прибытие вообще не засвеченных в городе двух разборных коллективов из числа дикой криминальной молодежи. Сев на арендованные машины, на вторые сутки они поехали по выявленным адресам – организовывать наружное наблюдение. Без команды никто не работал.

Сорок восемь часов спустя для Веника и остальных не произошло ничего – кроме того, что вокруг их бригады распустилась огромная сеть. Это и было «автономное прямое действие» – синтез работы террористов, бандитов, блатных и правоохранительных органов. Едва ли не идеальное оружие, способное противостоять практически кому угодно – именно по этому алгоритму «Первый» выносил даже этнические криминальные кланы, вырезая целые семьи и забирая активы. Главным секретом успеха была их полная неуязвимость выраженная в полном отсутствии социальных связей – случайные документы, случайные адреса, нет семей и нет никаких привязок. Так воевать можно только тому, кто этим живет.

В классической войне банд обычно побеждают те, кто больше двигаются, могут дольше не спать, и лучше подготовлены. «Первый» рассчитывал на то, что пока идет работа по установлению конкретики по противнику те пытаются или работать на опережение, или, если не выходит, лечь на дно.

Однако не даром сказано мудрыми: «Не ищи в жопе мозг – там говно!»

Ни Веник, ни Фонарик, ни Арсений, не говоря уже об их молодых, не делали ровным счетом ни хрена из того, что могло спасти им жизнь. Веник ограничился тем, что свалил от семьи к другой девке; Фонарик так и продолжал жить дома, а Арсений – на съемной квартире где жил много лет. При этом все они очень много разговаривали про войну: как они всех найдут, покарают и уничтожат. Чем больше вслух об этом говорилось, тем страшнее было каждому из них – Арсению очень запомнился тип с ножом, от которого побежала вся бригада. По скудоумию он еще не научился бо-

яться огнестрельного оружия – в него никогда не стреляли, и не понимал, что прыжок с ножом был не более чем давлением на психику, а реально смерть бы им принес шквал свинца в упор.

...Они собрались на квартире у одной из любовниц Веника, когда у Арсения зазвонил телефон, номер которого он никому не давал.

– Привет, говно. Вы там когда без правил воюете – хоть по месту прописки не появляйтесь и у блядей ваших, а.

– Ты кто?

– Да не важно кто я. Дай–ка лучше сюда Веника своего.

– Алё...

– Хули «алё», бля. На вон послушай лучше... Слышишь ребенок плачет?

– Вы чего с ним сделали?

– Ничего пока не сделали – вот он тут у меня сидит, Степашка твой трехлетний. И девка твоя стремная рядом – мы в гости зайти решили. Я вот думаю – тебе его голову прислать или с пальчиков начнем? Маленькие такие и прикольные... Ты не бойся, он плакать не будет скоро. Совсем не будет.

– Сукаааа!!! – Веник нанес несколько ударов Фонарику. – Изза тебя и твоей папки, пидор все началось...

Между Веником и Фонариком завязалась безобразная драка.

...«Второй» бросил трубку, и набрал «Первого». Он стоял в тонированной «двенашке» возле дома, где собрались противники.

– Во, братан, послушай. Щас цирк будет. Побежали–побежали–побежали!

– Да я знаю. Только что с этим дебиллом перетер.

По двору неслись Веник, Фонарик с разбитым еблом, и Арсений. Опять зазвонил телефон у Арсения:

– Ты чо–то меня расстраиваешь. Вон трубку бросил – а у меня человек не знает, мимо которого вы бежите, стрелять в вас или нет.

Арсений отстал, сделав вид что запнулся.

– Слушай, что я могу для вас сделать?

– Во, базар по сути. Вали оттуда и через полчаса стой на углу у пиццерии.

Тем же вечером за столом сидели наши герои и Арсений. Последний совершенно разочаровался в своих друзьях, и идее войны без правил. Побледневший от ужаса, глядя в лицо «Первому», он был готов на все что угодно ради того, чтобы выжить.

Рассказ Арсения о бригаде немало позабавил троицу. Оказалось, что у Веника это уже вторая бригада под его руководством, поскольку первую посадили где–то в 2007–м. Свою карьеру он начинал с тем самым редкостным гондоном Медведем, которого сходяк приговорил к смерти за беспредельное убийство своего же. С Медве-

дем его роднило еще одно обстоятельство – удивительное дело, но Веник был не только «красным», но и вполне гордился обстоятельствами своей замусоренности, и по разным поводам перетаскал в милицию к своим друзьям едва ли не весь собственный состав. Также на этом поприще весьма отличился и Фонарик, стучавший на своих друзей с Веником наперегонки.

Это и было секретом того, почему в бригаде никто не знал авторитетов, на которых сослался «Первый». И А., и Виктор, и прочие бы попросту завалили этих деятелей – и в принципе не могли иметь с ними ничего общего.

Арсения больше всего бесило то, что коллектив вообще не занимался проффильной деятельностью – то есть не акционировал. Веник распускал страшные слухи о своих деяниях и приписывал себе сотни белых шнурков... но вот его соратники не видели за всю карьеру ни одной приличной драки, а два или три эпизода когда забивали всерьез были совершенно омерзительны, и касались дворников и рабочих со стройки. Единственный достоверный случай «акции» с результатом с участием Веника закончился тем, что соратника, который собственно и бил ножом, в последствие посадили – кто его сдал, все догадались сразу же. Лично Арсений с ними ничего делать не рисковал именно по этой причине – хотя очень хотелось, да и единственный из них он в общем не ссал прямого действия.

А последней каплей в разладе Арсения с Фонариком и Веником стала всплывшая наружу история гомосексуальной связи обоих арийских воинов, произошедшая во время пьянки. Этот факт не выплыл бы, если бы одна из присутствовавших там блядей не рассказала о том лучшей подруге. История дополнила давние слухи о том, что в армии Веник постоянно ебался в жопу в пассивной роли. Лично Арсений предъявлять это Венику опасался – как и все в той компании, где Веник годился за лидера и бригадира. Но и идти на смертный бой за педерастов с группой «Первого» не желал – а чем пахнет эта история он понял очень хорошо.

– Во, дела. Бригада – два пидора, три гада! – проржавшись, прокомментировал ситуацию «Третий».

– Поздравляю, дорогие друзья. Нам объявили войну без правил педерасты! – резюмировал «Второй».

– Брат, я тебя не понимаю – Второй закурил. – Какой был смысл столько ловить вениковскую блядину с детенышем, сутки пасти и попадать в квадрат, для того чтобы потом просто их отпустить? Дальше что – снова ловить их будем? Давай их ебнем! – «Второй» любил убивать детей. Это несколько не радовало технически – но он давно привык делать свои слабости сильными сторонами, и делал все, для того чтобы внушать страх даже самым матерым убийцам. Отчуждению вокруг своей персоны он с

годами начал даже радоваться, и находил в брезгливом ужасе окружающих какое-то особое удовольствие.

– Неее. Не будем. Теперь крысы сами сожрут друг друга... – «Первый» мечтательно улыбнулся.

– Жаль... «Второй» вздохнул. Воображение рисовало притягательные картины Веника с окровавленной головой собственного сына в руках... но не стоило путать работу и удовольствие.

...Арсений на месте развернул бурную деятельность. Воспользовавшись тем, что Веник с Фонариком оборвали со всеми связь и начали бегать, буквально за сутки он перетянул себе всю молодежь их бригады – пользуясь мудрыми советами «Второго». Ему даже дали немножко денег на движение – и очень скоро среди той же публики он стал самопровозглашенным бригадиром. «Первый» был тонким психологом, и очень точно понял мотивацию перебежчика – им руководили не только страх, но и неудовлетворенные амбиции. Арсений хотел видеть себя лидером нормальной правой банды, и если подумать об образцах для подражания, то такими он видел как раз своих оппонентов в лице тройки «автономов», а никак не Веника.

Первой же задачей для обновленного состава молодежи стали поиски двух беглых фюреров – Фонарика и Веника. Арсений из всех сил старался делать это хорошо, ибо ему крайне не хотелось наследовать лавры бригады педерастов. Самих их изловить не вышло, зато на «Первого» обрушился шквал разнообразной информации про их похождение. Единственным реальным достижением Арсения стало то, что в Веника кто-то выстрелил из переделанного под мелкашку пистолета, ранее Венику и принадлежавшего. С дырой в пузе подранок благополучно удрал, а «автономы» долго глумились над незадачливыми киллерами.

Если сначала «Первый» к истории разгрома педерастов с привлечением колоссальных ресурсов относился даже с некоторым стыдом – типа как по комарам из дробовика стрелять, то после изучения их достижений стало ясно что такова была воля Всевышнего.

Так сразу же была найдена информация, что кроме ебли с мужиками Веник отличился изнасилованием малолетней девочки, ко всему ее до смерти запугав. С девочкой была проведена соответствующая работа – на тему «почему не следует бояться педерастов и как правильно писать заявление». История стала достижением гласности, после чего Веника приняли столь любимые им мусора – к которым Веник по старой памяти прибежал самостоятельно. Следом к изнасилованию малолетки ему прикрепили какого-то зарезанного узбека, и он торжественно отбыл в СИЗО. Один из смотрящих, родом с Кавказа, трижды звонил оттуда «Первому» говорить за Веника «спасибо» – во-первых фашист, а во-вторых дырявый, сильно раз-

нообразил половую жизнь тамошних обитателей. Хуем на тюрьме сейчас не наказывают, но в отношении добровольного петуха данное правило, естественно, не сработало. По итогам Веник так и сгинул где-то в петушином углу и от чего-то там умер – после продолжительных мучений и анальных страданий. «Первый» долго ржал по этому поводу, поскольку денег он за это не платил, и так вышло по принципу «оно само».

Фонарик от страха повалился употреблять вещества, и на этом поприще завязал отношения с какими-то блатными. Это оказалось недальновидным поступком, ибо слухи про дырявость Фонарика распространились достаточно далеко. В результате он кому-то остался должен денег, и в добровольно-принудительном порядке был привлечен к оказанию сексуальных услуг старым пересидкам, которые даже сняли про это поучительный видеоролик. Дальнейшие приключения этого героя теряются в голубой дали, и в правой теме он больше не всплывал. Где-то по пути он остался без квартиры, чем компенсировал команде автономов понесенные расходы. "Война кормит войну"©.

...Какова в этих событиях была роль нашей троицы история умалчивает. Но обычно с их врагами выходило как-то так. У них стремительно портилась карма – и частенько с летальным исходом.

Лично у меня эта история вызвала двоякие чувства. Я был знаком в разные годы со многими из идеологов того, что спустя годы выросло в «автономов», и, сказать по правде, весьма далек от оправдания терроризма. Описанные личности совершенно серьезно могут и умеют воевать без правил – вырезая семьи, убивая сотрудников полиции, взрывая и стреляя во всех кто просто попадался под руку.

Вместе с тем, и осуждать их особенно не получается – если задуматься над тем, откуда они взялись. «Автономы» во всем их разнообразии – от этой, еще достаточно цивилизованной, троицы, до яростных фанатиков, воюющих ради Идеи, являются совершенно закономерным итогом. Государство потратило немало усилий для того, чтобы из обычных правых ребят вырастить такое – посредством последовательной борьбы с экстремизмом. Осуждать «автономов» за то, что они такие получились – примерно как ругать антибиотики за то, что они валят всю микрофлору оптом, а не только вредоносные бактерии.

Сколько я не думал по этому поводу, так и не определился в своей оценке этого явления. Одно могу сказать точно: в нормальном социуме места им нет совершенно точно. Тот же Виктор, как и любой бандит, мог со временем отойти от дел – и стать хотя бы внешне похож на нормального человека. А эти персонажи социализировано могут существовать исключительно в «Белом лебеде» – отбывая пожизненное. Во всех других рас-

кладах рядом с такими может существовать только и исключительно война в ее самых мерзких и безжалостных проявлениях.

Другой вопрос, что в нашей истории и эти кадры послужили доброму делу – вскрыв редкостный рассадник вырождения и педерастии. До этой эпичной истории я конечно слышал разное про похождения Веника и его команды, но финал вышел на редкость удачным.

А так... никто не знает, сколько всходов дала доктрина «автономного прямого действия», и сколько по итогу существует команд такого рода. Если в стране не случится революции или какого-то глобального катаклизма, то у них есть всего два пути – или в сторону могилы или «Лебеда», так и совершая теракты; ну или адаптироваться и мутировать в особо опасную форму ОПГ. Вызывает улыбку стремление правой молодежи к такой жизни – мало кто из них понимает цену такого выбора.

Глава 29. Вершители судеб

Что бы не происходило вокруг, Виктору всегда помогали блондинки и кошки. Кошки помогали с раннего детства – когда детские обиды и печали заканчивались под пристальным взглядом желтоглазого мурлычущего кота. Кошки его любили все без исключения – от чужих домашних балованных кисок до хвостатых уличных бродяг. Самый мерзкий и блохастый помойный кот, с отмороженными ушами и хвостом, всегда был готов проникнуться любовью к Виктору и немедленно начинал мурлыкать и тереться об ноги.

Одна история про кошек и вовсе заставляла поверить в мистику. Однажды Виктор попал в достаточно серьезный замес, когда деловая встреча переросла в отвратительную попытку их накрыть – с поножовщиной, стрельбой, и забегом от мусоров по чужому и совершенно незнакомому району.

...Удалось оторваться. Казалось, еще только что за спиной были слышны матюки преследователей – но вот рывок, темный провал между домами и две машины – а между ними наваленные тарные поддоны и строительный мусор. Виктор забился между ними, судорожно сжимая рукоятку ствола – в ожидании неведомо чего, то ли выстрела, то ли окрика ППСника. Невдалеке выли сирены, судьба спутников была совершенно неизвестна. В этот момент он чувствовал едва ли не полное одиночество – и в глаза бросались какие-то мелкие детали. Вот двухэтажный барак; на балконе – чей-то велосипед без колес и древняя стиральная машина; у грузовика у обочины спустило колесо и на нем нет одного болта... еще какая-то херня. Надо было куда-то идти и уходить оттуда – но кошелек с деньгами перед встречей отдал одному из своих, нет денег и вот-вот сядет те-

лефон. В этот момент Виктор почувствовал под рукой что-то пушистое – и обнаружил спинку небольшой изящной кошечки помойной полосатенькой масти. Киска терлась и мурлыкала, всячески выражая свое расположение, от чего становилось спокойнее. Некоторое время под тарными поддонами они провели вместе, а потом она куда-то пошла. Слабо соображая что он делает, Виктор последовал за ней – и она его привела в незакрытый подъезд крохотного флигеля старого дома со скрипучей лестницей. На пустой площадке сидел еще один кот – на сей раз черный, с мудрыми зелеными глазами. С ними Виктор и провел еще примерно час – хлопали двери, милиция прочесывала подъезды, но так и не вошла в ту неприметную деревянную дверку. Спустя какое-то время на остатках аккумуляторной батареи Виктор вызвал туда такси – и в итоге ушел совершенно чисто. Отдельно забавляло то, что окраска мохнатых помощников совершенно совпадала с теми котами, которые жили у Виктора дома. Мозг человека частенько обзаводится суевериями и ограничителями – и единственным живым существом, которое Виктор бы не смог убить по причине моральных ограничений и была кошка. Старые подельники, которые считали Виктора совершенно конченным и отмороженным убийцей, сильно удивились бы, узнав об этом обстоятельстве. Мало кто об этом знал.

С женщинами было немножко по-другому. Среди десятков всевозможных девиц, окружавших нашего героя, изредка встречались особенные – расположение которых однозначно дарило фарт в делах и просто приносило удачу. Очень многие из всевозможного движнякового люда – от бандитов и воров до военных и разных альпинистов с парашютистами, крайне внимательно относятся к удаче и тому, что ее приносит. Постоянный риск смерти или серьезных проблем заставляет уважать удачу и то, что ее приносит – смеяться над этим не принято.

Так Виктор спустя какое-то время с удивлением понял, что удачу ему приносят натуральные блондинки нордического типа – с которыми реально начинает приходить удача. Многие из них и не догадывались бы, что единственная причина особого отношения к ним со стороны Виктора, отличного от нормального цинично-пренебрежительного, была удача, которую они приносили. Это перекликалось в его душе и со множеством любимых произведений искусства и столь любимого еще юным нацистом Вагнером. Когда Виктору было семнадцать, казалось, это северные саги и легенды оживают у стен гук-общаг под прекрасную музыку великого композитора – а если что-то пойдет не так, то не за горами небесный чертог, куда он войдет под руку с белокурой воительницей. Реальная кровь и настоящая смерть, которую он нес, очень убедительно делали мифы реальностью.

Странным образом это работало и в обратную сторону. Совершенно реальные и живые девочки чуяли в нем злое и веселое начало, от которого несло чем-то опасным. Он никогда ничего не рассказывал... но как-то так

выходило, что те, кого он считал валькириями, частенько видели в нем Зигфрида. Так и шла чередой этих быстрых и ярких отношений – которые продолжались до тех пор, пока очередная Валькирия не исчерпывала запас везения, и не превращалась в обычную блондинистую дуру. Но от этого Виктор не переставал думать – что когда-то так было и у древних, когда именно мысль о своей сероглазой Валькирии направляла руку воина и приносила удачу в бою.

Все вместе взятое, а также накопленный жизненный опыт, сделали Виктора изрядным фаталистом – он действительно верил в судьбу. Все знают, насколько причудливо бывают связаны события и линии чужих судеб – но не у всех есть власть сделать так, что норна оборвет чью-то нить жизни. Темная сторона жизни, столь хорошо известная Виктору, изобиловала немислимым количеством всевозможной дряни и накипи рода человеческого. Убил цыганку-наркоторговку – оборвется вся цепочка грабежей, краж, угонов и прочей мерзости, которые бы сотворили те, кто с ее помощью сколотся. Может быть кто-то из них и купит потом у другой – а может быть и нет. Так и будут жить те, кто никогда не пострадал от последствий зла, которое так и не наступило – так об этом и не узнав. Это давало ощущение власти над какой-то частью мироздания, инструментом воздействия на которое становились ножи и арматура.

Смысл правой идеи, таким образом, был не в умозрительном следовании каким-то нормам или политическому мировоззрению, а в конкретных действиях. В этом было существенное отличие наших героев от обычных бандитов – частенько они делали одно и то же, но руководствуясь принципиально разными мотивами. Кто-то считал важным для нации террор и какие-то политические действия, а Виктор – делать так, как он считал нужным. Брать на себя ответственность карать и миловать по своему усмотрению – определяя, кому жить положено, а кому нет. Это начало порой скрывалось в тени обычного стремления к наживе, или издевательствам над людьми ради насилия – но всегда оставалось.

Рядом с этим всегда уживалась тяга к прекрасному – музыка, литература, живопись, природа давали ему огромную моральную разгрузку и стимул что-то делать. Периодически, к своему удивлению, он находил множество совпадений своей картины мира и великих произведений искусства – особенно в эпоху Возрождения, когда те, кто остался в веках, не стеснялись брать в руки ножи и убивать – а потом создавали гениальные полотна. Еще умение ценить прекрасное отлично способствовало восприятию контраста – между идеальными образами искусства и той мерзостью, которая встречалась в окружающем мире. Там, где звучит Вагнер, барыгам и разнопородной нечисти существовать было совершенно точно не положено.

Созидательное и разрушительное начала в его душе примерно соответствовали такому же состоянию психики – когда в одном человеке сочетались интеллигентный парень, способный нравиться людям, и жестокая и циничная тварь, стремящаяся убивать. Несмотря на все свои позывы к прекрасному, все же сам Виктор точно понимал свое место в картине мира – и оно принадлежало к темной стороне жизни. С годами «темный попутчик» в его сознании становился все сильнее, а вот создавать прекрасное как-то не получалось.

Человек, известный читателю как лидер автономов – «Первый», тяги к прекрасному не испытывал никогда. В его картине мира существовало «дорого», «престижно», «богато», и иногда даже «красиво» – но лишь в той мере, в которой это было нужно для удовлетворения собственных потребностей. Однако, о судьбе и тех кто ее вершит он мог бы рассказать гораздо больше чем Виктор – в силу куда более богатого жизненного опыта.

Когда ему было совсем немного лет и он был обычным юным бандитом, старый и много повидавший авторитетный человек в Татарстане сказал, что убивать можно до той поры, до которой это устраивает Всевышнего – и стоит ошибиться в понимании его воли, как или посадят, или убьют, и ты будешь наказан. Страшноватые глаза старого татарина остались в памяти на всю жизнь – он накрепко запомнил это, и не раз имел возможность проверить на наглядных примерах из своей и чужой жизни.

С годами к «Первому» пришло понимание того, что он – меч Всевышнего. Иначе как было объяснить то, что за много лет он сохранил жизнь и свободу, выживая в самых отвратительных раскладах?

Задуматься о судьбе заставляло и исполнение заказов. Когда «Первый» и его группа работали ликвидацию какой-нибудь сволочи, словно сами небеса помогали. Все получалось как по маслу, моменты риска вообще себя не проявляли, милиция смотрела в другую сторону, а терпила наоборот сам деятельно шел к своей участи навстречу вершителям его судьбы. А когда это просто был случайный коммерс, который кому-то помешал... Очень часто даже совершенно выгодные расклады давали сбой – ничего не выходило. Сталкиваясь с таким невезением, несколько раз «Первый» отказывался работать и возвращал деньги, ибо где-то на интуитивном уровне верил в то, что нельзя идти против воли, явно превосходящей собственную.

Со временем он стал считать, что это работает и в обратную сторону: если они кого-то завалили случайно, то наказания без вины не бывает. Значит, так было надо.

Правая идея для него была не целью, а средством – как максимально избавиться от ограничений социума и сделать шаг к свободе. Виктору бы-

ло достаточно власти менять что-то вокруг себя – а «Первому» нужна была власть над жизнями множества людей. Национал-социалистическая революция была нужна не для светлого будущего, а для бесконечной войны ради войны. Путь террора был гораздо более сильным адреналиновым наркотиком, нежели бандитизм – и именно отсутствие понимания этого и есть самый большой барьер в том, чтобы осознать кто такие «автономы». Бесполезно искать в их действиях реализацию каких-то созидательных стремлений – искоренить этническую преступность, или поменять антинародный режим на расово верный. Не нужна им и власть как средство управления людьми, или деньги для этого. Это все может декларироваться как цель и служить для оправдания своих действий – но делать это будет кто-нибудь другой, а не герои террористической войны. Тот же Гитлер прекрасно это понимал, после прихода к власти избавившись от массы такого рода публики в «ночь длинных ножей». Штурмовики SA, с которыми любят себя сравнивать скинхеды, оказались не нужны там, где надо создавать государство, а не разрушать все вокруг себя. Сталин таких же героев революционного террора также рассчитал крайне быстро – и правильно сделал.

Большинству наших героев такие размышления были вообще не свойственны – за полным отсутствием способности к рефлексии при слабо развитом интеллекте. «Пошли чурок пиздить? А пошли!». Самое высоконаучное объяснение поведению огромного числа мальчиков, которые при относительно сытой и хорошей жизни собирались и шли убивать – тяга к гендерному насилию. Правая идея стала лишь катализатором – ускорив процесс развития хулиганов до убийц, и то лишь от того, что оказалась очень востребована обществом. Если бы в обществе не было нужды в диком национализме, абсолютное большинство тех, кто попал в «бригады», дрались бы с себе подобными после дискотеки, или там «район на район».

В этом наблюдалась эволюция в чистом виде: кто был глупее садились или портились, кто поумнее – вырастали, и становились совершенно обычными и нормальными людьми. Кровавые краски «акций» со временем смазывались в сознании, оставив след лишь в формировании жесткого стержня в душе – какой частенько появляется, например, после армии.

Судьба и тут находила свое проявление – стать жертвой дикой «бригады» можно было и совершенно случайно, примерно с той же долей вероятности, как жертвой ДТП. Но – насколько мерзко порой выглядели спонтанные нападения на случайных прохожих, настоль-

ко нормальной оставалась психика их участников, которые могли легко отойти без последствий от всего этого дерьма и зажечь полноценной жизнью. Сотрудники милиции неоднократно поражались – как отойдя от куража нападения, brave «скинхеды» растекались лужицей в отделении и начинали только что не маму звать – поскольку в некотором роде воистину «не ведали что творили». Потом на суде не было никаких скинхедов – а были испуганные подростки с затравленным взглядом «мама, забери меня обратно».

А те, кто нащупали подобно Виктору в себе настоящее темное начало и осознанно стали «вершителями судеб» – порой заплатили за это немалую цену, потому что пути назад из этого состояния не существует. Опасно даже не то, что ты делаешь, потому что убивают по сути все одинаково – а понимание того, что ты делаешь. Потому что после этого там, где у всех остальных четкое «нельзя» – полная свобода, и понимание того, что «можно, и нужно». Когда-то жить с этим очень неплохо, да и в делах помогает – а когда-то не особо, поскольку достаточно расслабиться, и ты начнешь убивать спонтанно и на каждом шагу. Некоторые герои с такой манерой поведения даже не палят длительное время, однако любое везение рано или поздно заканчивается. Итоговая цена, которую за это приходится платить – полная социопатия, и отсутствие пригодности к любой созидательной деятельности, от создания семьи до нормальной работы и даже простого общения с обычными людьми.

Если в человеке при этом сохраняются рудименты моральных норм и принципов, усвоенных с детства и пришедших извне – что там любить надо, детей растить, хорошее что-то делать – то выходит классическое «сидение на заборе», когда очень больно в области ягодиц. От невозможности сочетать нормальную жизнь с мироощущением «ночного охотника» появляется чувство постоянной неудовлетворенности собой – а там где-то рядом и депрессии, и суицид. Эти проблемы знакомы не только выходцам из преступности любого рода – но и многим «служивым», когда бесконечная война, ставшая работой, заставляет полностью убить в себе все остальное, включая семейные привязанности. Отсутствие возможности реализовать себя в семье, бесконечное одиночество, и саморазрушение – от бутылки до выстрела в лоб или петли.

При этом те, кто были последовательны в своем выборе и сделали его осознанно – как правило, живут и чувствуют себя замечательно. Почему так выходит? Я думаю, что потому, что путь Виктора и ему подобных – не девиация, как там педерасты или антифашисты, а вариант эволюционной нормы. Просто в текущей реальности такое поведение не вписывается в социальные рамки – но в исторической ретроспективе так было далеко не всегда.

Ночью озеро казалось черным; с воды дул странный для весны теплый ветер. На берегу было людно, среди отблесков костров, автомобильных фар и фонарей было видно очертания палаток, машин и парусов. Чуть в отдалении от скопления народа горел костер, у которого сидели двое. Подойдя поближе, с некоторым удивлением я узнал знакомое лицо. Виктор пил из горла коньяк из бутылки овальной формы. Положив ему голову на колени, лежала стройная светло-волосая девочка, которая вертела в руках SOG Pentagon и грызла травинку. Со стороны пара выглядела весьма умиротворенно, и даже кинжал с одной серрейторной стороной казался не страшным и каким-то игрушечным.

– Юрист...Ну здорово. Ты какими судьбами тут? Коньяк будешь?

– Доброй ночи. Это чего у тебя?

– Frapin XO. Ну... будем.

– Хороший нож у твоей подружки. Взгляну?

– Если отдаст, бгг. Аккуратнее с ней. – Я встретился с девочкой взглядом, и теплую весеннюю ночь резануло февральским холодом.

– Держи... не порежься тока. – Тонкая ладонь протянула клинок странных, но не лишенных изящества пропорций.

– Этот точно не порежется. – В темноте не было видно выражения лица собеседника, но насколько я знал Виктора – в такие моменты выглядел он весьма глумливо. Протянул "Пентагон" хозяйке – и не будем отказывать себе в удовольствии...

Никогда не переставал поражаться, насколько совершенна эта штука. Руку к поясу – а дальше рефлекс, и буквально со скоростью мысли серповидное лезвие сносит молодую иву. Остановил нож, лоя на плоской стороне лезвия отблеск костра; по бедру хлопнули пластиковые ножны на шнурке и свободно повисли. Пламя костра озарило восхищенное лицо девочки – серые глаза, чуть волнистые светлые волосы, правильные черты еще чуть детского лица.

– Bravo! Знаменитый «Кондрат» – всегда приятно посмотреть. – Виктор шутливо заплодировал. – Хорошо помню другой твой нож, на котором ты начал зарубки ставить.

– Быстро надоело. Да и этот все равно лучше – та финка это просто память. О прошлом.

– А вот кстати да. В последнее время частенько вспоминаю это все. Классные были времена – бедные и дурные, но веселые до крайности. Это так прекрасно, когда есть враги, и есть соратники – а не одни деловые интересы. Хотя тебе не понять, наверное, у тебя всегда были одни интересы.

– Кроме интересов и друзей немало тоже. Как и у тебя, пожалуй. – Коньяк был великолепен, играя десятками совсем тонких вкусов, оттенков и тонов, плохо понимаемых сразу. Мир вокруг менялся вслед игре благородного напитка, и вот уже в сознании появилось приятное ощущение, что в мире ничего больше нет – только озеро, ночь, да пара напротив меня.

– И то правда. Ну что, давай за тех, кто не выжили, и за тех, кто остался. – Виктор пружинисто встал. – Похулиганим?

– Зиг хайль! – пронеслось над озером, и эхом отразилось от скал. Следом ударил по ушам выстрел – выпив и вскинув правую руку, Виктор выстрелил в темноту из угловатого пистолета, в котором внимательный взгляд сразу узнал бы словацкий T-12, и протянул мне бутылку. Я выпил, и отсалютовал ножом.

– Сколько шума... – Девочка грациозно потянулась. – Пошли–ка лучше кого–нибудь вбнем вместо этого, все больше толку.

– Она серьезно?

– Более чем. – Виктор мерзко ухмыльнулся. – Ты когда–нибудь видел, чтобы девочка в одного сработала «шнурки» – от и до? Ты мое солнышко... – Виктор поцеловал белые локоны.

– Чтобы один на один если честно, то нет. Даже та, что с А. работала, только с коллективом что–то делала.

– Вот и я не видел... до недавнего времени. Странно так – она моложе нас на целую жизнь, а порой как в зеркало смотрю. И знаешь что думаю? Что все это было не напрасно, и у нас есть будущее. Нация это мы.

– «Ты молод и силен, за окружающих в ответе, белые крылья венчают твой силуэт на рассвете?». Но посмотри вокруг – горят костры, и у каждого – люди. Практически все из них никогда никого не убивали и не убьют. Им это не надо, там каждый второй даже по морде получить боится.

– Это все равно. Пока будут такие как мы – не они сами, так их дети в нужное время сделают то, что должны. То, что они терпили, тоже неплохо, поскольку такие нужны и тебе, и мне. Важно то, что пока они боятся всемогущих диаспор и сочиняют мифы про любого непобедимого врага для оправдания своей слабости – всегда сохраняется другой путь, и те, кто его придерживаются. Что для одних «беспредел», для других «свобода».

– Чего–то тебя, брат, на философию потянуло.

– А для чего же еще пить? – Виктор патетически поднял остатки коньяка. Я поймал его взгляд, и понял, что собеседник был практически трезв.

– Надоел. Пошли ебаться! – Спутница Виктора прервала философскую беседу и решительно направилась к палатке.

– Вот, так всегда. Ты–то сам как?

– Иди уже! А то смотри – с терпилой перепутают. Я бы на твоём месте так не рисковал.

– И то верно. Доброй ночи. Рад был увидеть. Если что не теряйся.

К тому моменту я был знаком с Виктором уже весьма давно, но все равно не знал, как иной раз к такому относиться. С одной стороны, мир ночной охоты всегда был мне понятен и близок – и частенько глядя на человека, я представлял, как ляжет первый разрез. А с другой... никто не знал, насколько глубока кроличья нора. Об этом мог бы многое рассказать «Первый», да только вряд ли и он бы захотел рассказывать, и кто-либо пожелал это слушать.

Ночь была прекрасна. Когда затихли разговоры, совершенно по-другому стали слышны ночные звуки – плеск воды, хлопки парусов, шелест листвы и множество лесных шорохов. Городские жители привыкли восторгаться гармонией природы и леса, однако именно там идет непрерывная борьба за выживание – когда каждый стремится выжить сам и продолжить род, убив ради пропитания более слабого. Иные убивают и для развлечения – как столь милые сердцу Виктора кошки, для которых это просто игра.

Достойны ли жалости те, кто проиграли войну за выживание? С моей точки зрения нет. Мы не жалеем и не замечаем тысячи и миллионы смертей дичи, добытой хищниками, или животных, не нашедших пищи и умерших от голода и холода – так устроена жизнь.

Зайчики и мышки хотя бы симпатичные, и осознанно не делают ничего плохого. Чего нельзя сказать о разной дряни, которая виновата если не своей мерзостью, так своей слабостью.

Сколько бы не говорили о морали, добре, цивилизации – а мир не меняется, и по-прежнему решают право силы, страх и классическое «горе побежденным». Тех, кто убивает за идею и какое-то благо и концевую мразь, убивающую старушек за пенсию отличает не то, что они делают – потому что делают они по большому счету одно и то же. Отличие лишь в воле, и в том на что она направлена. По этой причине я воздержусь от обобщений – как оценивать личности наших героев скопом. Пусть читатель делает это самостоятельно. Когда я начинал писать эту книгу, я рассчитывал встретиться с абсолютным большинством негативных оценок, однако вышло по-другому. Видимо, причина этого в том, что люди совершенно не боятся убивать – и не боятся самих убийств и историй об этом. Каждый второй художественный фильм на большом экране льет крови гораздо больше, чем найдется в этой книге. Никто этому не ужасается – наоборот, это нравится и востребовано людьми.

Однако, столкнувшись в реальности с подобным, все то же большинство испытывает страх. Со временем я начал искренне считать, что это – не страх причинить смерть и сделать кому-то больно. Боятся люди принять это решение и взять на себя какую-то ответственность – а если так выйдет, что убивать и мучить будет можно, выгодно и безнаказанно – все то же большинство сделает это с радостью и с удовольствием.

А сама по себе сильная воля очень нравится людям. Даже если это воля преступника и убийцы.